

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ФИЛОЛОГИЯ

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOLOGY

Научный журнал

2024

№ 92

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-29496 от 27 сентября 2007 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере
массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия

Индексируется в БД Scopus
и Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index

**Учредитель – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Национальный исследовательский
Томский государственный университет»**

***Редакционная коллегия журнала
«Вестник Томского государственного
университета. Филология»***

Т.А. Демешкина (Томск, Россия) –
главный редактор
И.А. Айзикова (Томск, Россия) –
зам. главного редактора
Ю.М. Ершов (Севастополь, Россия) –
зам. главного редактора
М.М. Угрюмова (Томск, Россия) –
отв. секретарь
П.П. Каминский (Томск, Россия) –
зам. отв. секретаря
К.В. Анисимов (Красноярск, Россия)
Н.В. Жиликова (Томск, Россия)
И.Е. Ким (Новосибирск, Россия)
В.С. Киселев (Томск, Россия)
А.В. Колмогорова
(Санкт-Петербург, Россия)
Н.А. Мишанкина (Томск, Россия)
Н.Е. Никонова (Томск, Россия)
Т.Л. Рыбальченко (Томск, Россия)
В.А. Суханов (Томск, Россия)
И.В. Тубалова (Томск, Россия)

***Редакционный совет журнала
«Вестник Томского государственного
университета. Филология»***

Дж.Ф. Бейлин (Стоуни-Брук, США)
Е.Л. Березович (Екатеринбург, Россия)
Е.Л. Варганова (Москва, Россия)
Н.Д. Голев (Кемерово, Россия)
Е.А. Добренко (Венеция, Италия)
М.Н. Липовецкий (Боулдер, США)
З.И. Резанова (Томск, Россия)
И.В. Силантьев (Новосибирск, Россия)
А.Н. Соболев (Санкт-Петербург, Россия)
С.Л. Фрэнкс (Блумингтон, США)
Т.В. Шмелева (Великий Новгород, Россия)

***Editorial Board
of the Tomsk State University
Journal of Philology***

T.A. Demeshkina (Tomsk, Russia) –
Editor-in-Chief
I.A. Aizikova (Tomsk, Russia) –
Deputy Editor-in-Chief
Yu.M. Yershov (Sevastopol, Russia) –
Deputy Editor-in-Chief
M.M. Ugryumova (Tomsk, Russia) –
Executive Editor
P.P. Kaminskiy (Tomsk, Russia) –
Deputy Executive Editor
K.V. Anisimov (Krasnoyarsk, Russia)
N.V. Zhilyakova (Tomsk, Russia)
I.Ye. Kim (Novosibirsk, Russia)
V.S. Kiselev (Tomsk, Russia)
A.V. Kolmogorova
(Saint Petersburg, Russia)
N.A. Mishankina (Tomsk, Russia)
N.E. Nikonova (Tomsk, Russia)
T.L. Rybalchenko (Tomsk, Russia)
V.A. Sukhanov (Tomsk, Russia)
I.V. Tubalova (Tomsk, Russia)

***Editorial Council
of the Tomsk State University
Journal of Philology***

J.F. Bailyn (Stony Brook, USA)
E.L. Berezovich (Yekaterinburg, Russia)
Ye.L. Vartanova (Moscow, Russia)
N.D. Golev (Kemerovo, Russia)
E.A. Dobrenko (Venice, Italy)
M.N. Lipovetsky (Boulder, USA)
Z.I. Rezanova (Tomsk, Russia)
I.V. Silantev (Novosibirsk, Russia)
A.N. Sobolev (Saint Petersburg, Russia)
S.L. Franks (Bloomington, USA)
T.V. Shmeleva (Veliky Novgorod, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА

Boginskaya O.A. Disciplinary, generic and culture-specific writing conventions: Which matter in English-language academic writing by Russian authors?	5
Герасимова А.А. Асимметрия акцентной схемы в биноминативных предложениях: экспериментальное исследование на материале русского языка	22
Lavrova N.A., Danilović Jeremić J., Kozmin A.O. Bulgarian and Russian congruent idioms as indices of culturally specific conceptualizations	59
Москалюк Л.И., Москалюк О.С. Структурные особенности компаративных фразеологизмов в диалектах российских немцев	80
Резанова З.И., Сыпченкова Ю.Е. Оценочный фон риск-коммуникации в сфере здоровья: новости vs Твиттер (на материале текстов о пандемии COVID-19)	94
Тубалова И.В., Салми А.И. Вербальные коды культуры в пословицах о социальных отношениях	112
Чемодурова З.М. Механизмы выражения транскультурной авторской модальности в транслингвальной литературе XX–XXI веков	133

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Голубцова А.В. Итальянский неоавангард в советской филологии: к постановке проблемы	159
Ковтун Е.Н. Посмертная трансформация личности в интерпретации мастеров фэнтези	174
Le H.B., Dao T.T.H., Le N.P. Pseudo-detective stories: A comparison between Franz Kafka's <i>The Trial</i> and Ryunosuke Akutagawa's "In a Grove"	190
Поплавская И.А. Восемьдесятителетний юбилей Г.Н. Потанина: по материалам его архива в Научной библиотеке Томского университета (Статья вторая)	204
Султанова Ж.О. Поэзия М.Ю. Лермонтова в зеркале киргизской литературы: анализ переводов Омора Султанова	226

ЖУРНАЛИСТИКА

Гиздатов Г.Г. Медиа диаспоральных групп Казахстана: проблемы культурной идентичности	248
Иванов А.Г., Целыковский А.А. «Империя добра»: медиапроработка истории СССР в телеверсиях Дмитрия Киселева	265

РЕЦЕНЗИИ

Рац И.М. Венгерский взгляд на русскую классику	280
---	-----

CONTENTS

LINGUISTICS

Boginskaya O.A. Disciplinary, generic and culture-specific writing conventions: Which matter in English-language academic writing by Russian authors?	5
Gerasimova A.A. The asymmetry of accent schemes in binominative sentences: An experimental case study of Russian	22
Lavrova N.A., Danilović Jeremić J., Kozmin A.O. Bulgarian and Russian congruent idioms as indices of culturally specific conceptualizations	59
Moskalyuk L.I., Moskalyuk O.S. Structural features of comparative phraseological units in the dialects of Russian Germans	80
Rezanova Z.I., Sypchenkova Yu.E. Sentiment analysis on risk communication about health: News VS Twitter (based on texts about the COVID-19 pandemic)	94
Tubalova I.V., Salmy A.I. Verbal codes of culture in proverbs about social relations ...	112
Chemodurova Z.M. The mechanisms of representing transcultural authorial modality in 20th–21st century translanguing fiction	133

LITERATURE STUDIES

Golubtsova A.V. Italian neo-avant-garde in Soviet philology: An approach to the problem	159
Kovtun E.N. The person's postmortem transformation through interpretation of masters of fantasy	174
Le H.B., Dao T.T.H., Le N.P. Pseudo-detective stories: A comparison between Franz Kafka's <i>The Trial</i> and Ryunosuke Akutagawa's "In a Grove"	190
Poplavskaya I.A. Grigory Potanin's eightieth anniversary: Based on materials from his archive in the Research Library of Tomsk State University (Article II)	204
Sultanova Zh.O. Mikhail Lermontov's poetry in the mirror of Kyrgyz literature: Analysis of translations by Omor Sultanov	226

JOURNALISM

Gizdatov G.G. Media of diaspora groups in Kazakhstan: Problems of cultural identity	248
Ivanov A.G., Tselykovsky A.A. "Empire of Goodness": Media processing of the history of the USSR in Dmitry Kiselyov's TV versions	265

REVIEWS

Rác I.M. A Hungarian look at the Russian classics	280
--	-----

ЛИНГВИСТИКА

Original article

UDC 811.161

doi: 10.17223/19986645/92/1

Disciplinary, generic and culture-specific writing conventions: Which matter in English-language academic writing by Russian authors?

Olga A. Boginskaya¹

¹ *Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russian Federation,
olgaa_boginskaya@mail.ru*

Abstract. The article deals with insufficiently studied academic prose by Russian writers who have been actively using English in academic settings only for the last fifteen years. To meet the requirements of international academia, Russian scholars need to have a good command of English for performing academic tasks, including publishing their research findings in international journals in order to get promoted in the field. The study has been inspired by the increasing interest in variations in the use of metadiscourse in English academic texts across disciplinary boundaries. Its main focus is on the repertoire and distribution of interactional metadiscourse markers in research article abstracts by nonnative English writers working in social sciences and engineering. In order to investigate metadiscourse in Russian-authored academic writing from a cross-disciplinary perspective, this study adopted a combination of quantitative and qualitative methods. Data collected from 240 research article abstracts was examined for cross-disciplinary differences in the use of metadiscourse. Hyland's taxonomy of interactional metadiscourse was adopted for the analysis. This study aimed to confirm the findings obtained by other researchers who claim that social science authors interact more with the audience than their counterparts in engineering and that differences in the deployment of metadiscourse are more influenced by the disciplinary or generic norms rather than cultural backgrounds of writers. To achieve this aim, the study analyses disciplinary preferences in shaping knowledge through the employment of metadiscourse seeking to identify (1) cross-disciplinary differences in the frequency of occurrence of metadiscourse markers; (2) cross-disciplinary differences in the frequency of the types of hedging, boosting, attitude, self-mention and engagement; (3) cross-disciplinary differences in the use of lexical units that serve metadiscourse functions. The results revealed that while research article abstracts derived from the social science journals included five categories of interactional metadiscourse (hedging, boosting, attitude, engagement, and self-mention), in engineering research article abstracts only four types (hedging, boosting, attitude, and self-mention) appeared. The frequency of occurrences of metadiscourse categories and types also varied across disciplines. The findings confirmed the assumption that metadiscourse is expressed in accordance with the accepted disciplinary and genre-specific norms rather than influenced by cultural backgrounds of L2 writers. Due to a small number of research article abstracts collected to build the corpus, the research results can be interpreted only as trends in the two disciplines. Through a study of interactional preferences of writers from a larger number of disciplines, we will learn more about rhetorical practices and values.

Keywords: research article abstract, academic discourse, metadiscourse, hedging, boosting, self-mention, engagement

For citation: Boginskaya, O.A. (2024) Disciplinary, generic and culture-specific writing conventions: Which matter in English-language academic writing by Russian authors? *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 92. pp. 5–21. doi: 10.17223/19986645/92/1

Introduction

The article deals with the disciplinary aspect of English-medium academic prose by Russian writers who have been actively using English in academic settings only in the last fifteen years. To meet the requirements of international academia, Russian scholars need to have a good command of English for performing academic tasks, including publishing their research findings in international journals in order to get promoted in the field. For example, *Tomsk State University Journal of Philology* states that authors are to attach three files, including the manuscript with an abstract and key words in English¹.

Previous research into research article (RA) abstracts has attempted to reveal their rhetorical structure [1–3], genre patterns [4], linguistic features [5], cross-cultural [6–8] and interpersonal features [9], subjectivity, evaluation and engagement elements [10]. Ji, for example, made an attempt to find similarities and differences in the structure of abstracts written by native English speakers and English learners from China [1]. Jing and Jing explored how Chinese and English speakers use metadiscourse patterns in their RA abstracts and found that the former used fewer metadiscourse markers than native English speakers who were more concerned with creating an authorial presence and engaging their readers [11]. Kozubíková Šandová investigated RA abstracts from a different perspective. Her study focused on diachronic variations in the use of metadiscourse markers in RA abstracts from the field of applied linguistics published over the last 35 years and revealed that the distribution of these linguistic means underwent diachronic changes [5].

Previous studies have also shed light on RA abstracts in various disciplines: medicine [12], applied linguistics [13–15], engineering [6], law, or in several disciplines. Rashidi and Alihosseini, for instance, investigated the difference in the use of metadiscourse markers in sociology and engineering abstracts [16]. Alonso Almeida compared the categories of evidentiality in English and Spanish abstracts by Spanish writers in the fields of medicine, computing and law [17]. The study revealed significant disciplinary variations in metadiscourse patterns. Belyakova's study aimed to conduct a comparison of RA abstracts written by Russian and native English writers in geoscience. The results allowed for hypotheses on some distinctive features of abstracts written by Russian geoscientists [6].

As much as metadiscourse has been studied, little attention has been paid to how Russian speakers of English employ interactional devices in English discourse and whether their choices of metadiscourse patterns are in line with those

¹ URL: https://journals.tsu.ru/philology/en/&journal_page=text&pageid=658

made by authors with different cultural backgrounds. Using a corpus of RA abstracts by academic writers from Russia, this study aims to confirm the findings obtained by other researchers who claim that social science authors interact more with the audience than their counterparts in engineering [18–19] and that differences in the deployment of metadiscourse are more influenced by the disciplinary norms rather than cultural backgrounds of writers [20–21]. To reach the aim, the study analyzes preferences in shaping knowledge through the employment of metadiscourse seeking to identify

- 1) cross-disciplinary differences in the frequency of occurrence of metadiscourse markers;
- 2) cross-disciplinary differences in the frequency of the types of hedging, boosting, attitude, self-mention and engagement;
- 3) cross-disciplinary differences in the use of lexical units that serve metadiscourse functions.

Materials and methods

The analysis was conducted on a corpus of abstracts taken from ten Scopus-indexed journals in the social sciences and engineering: *Russian Journal of Linguistics* (four issues per year), *Tomsk State University Journal of Philology* (six issues per year), *Ekonomicheskaya Politika* (six issues per year), *Russia in Global Affairs* (four issues per year), *Voprosy Ekonomiki* (12 issues per year), *Computer Optics* (six issues per year), *Sustainable Development of Mountain Territories* (four issues per year), *Renewable Energy* (12 issues per year), *Materials Today Energy* (four issues per year), and *Energies* (four issues per year). Acknowledging the methodological weakness associated with possible proofreading and editing by professional translators, it is nevertheless assumed that RA abstracts were written by the authors themselves. All these journals demand that the authors append an English version of the abstract, which was also considered when selecting journals for the present study.

240 abstracts were randomly selected from the recent issues of these journals and divided into two parts – sub-corpus (SC) 1 and sub-corpus 2 – by the subject area of the journal they have been taken from (120 social science abstracts and 120 engineering abstracts). The number of tokens in each sub-corpus was 28,676 and 24,112, which makes 52,800 tokens altogether.

The following are the steps of the analysis as it appears in the article:

- (1) Deriving RA abstracts from the electronic versions of the selected journals and exporting them to two Microsoft Word files by the field of knowledge.
- (2) Compiling two sub-corpora containing social sciences RA abstracts and engineering RA abstracts.
- (3) Examining each sub-corpus for presence of metadiscourse devices.
- (4) Labeling each instance as a metadiscourse device based on the contextual analysis in order to be certain about its function as metadiscourse.
- (5) Arranging the metadiscourse markers into groups based on the above-mentioned taxonomies of metadiscourse and its types.

(6) Counting the raw numbers of metadiscourse markers for each group in each sub-corpus.

(7) Normalizing the occurrences of the metadiscourse markers found in each sub-corpus to 1000 words.

(8) Counting the raw numbers of lexical units most frequently used as metadiscourse markers and normalizing the occurrences to 1000 words for each group in each sub-corpus.

(9) Summarizing the results obtained in a table format.

Theoretical framework

Metadiscourse markers are lexical items used to organize texts, to express attitudes, to connect the reader to the writer and to ensure text cohesion. As Hyland put it, metadiscourse markers assist in showing how we use language out of consideration for our readers based on our estimation of how best we can help them process and comprehend what we are saying [22]. In contrast to discourse markers, which play a role in managing the flow and structure of discourse, metadiscourse markers are mainly used to signal the writer's communicative intent in presenting propositional content. As Schiffrin defined them, discourse markers are linguistic expressions comprising members of word classes such as conjunctions, interjections, adverbs, and lexicalized phrases which bracket units of talk [23]. Discourse and metadiscourse markers occur together, in the same sentences, each expressing their own "content": the former are concerned with the text and the latter with the text and its reception, helping "relate a text to its context by assisting readers to connect, organize, and interpret material in a way preferred by the writer and with regard to the understandings and values of a particular discourse community" [14. P. 157].

Defining metadiscourse as an explicit set of lexical items, Hyland described metadiscourse elements as facets of the text that signify writer–reader interactions. Hyland's model includes two categories of metadiscourse: interactive and interactional [22]. While interactive markers serve to organize information in convincing ways, interactional devices help build a relationship with the reader by expressing doubt or certainty or various other attitudes towards the proposition. Since the current study focuses only on interactional metadiscourse, Table 1 presents its main types in Hyland's model.

Hedging and boosting devices found in the corpus were analyzed using the terminology employed by Hyland and Jiang [24]. The authors identified three ways of conveying respect for colleagues' views, including plausibility hedges, downtoners, and rounders, and three ways of shutting down alternative voices, including certainty, extremity and intensity boosters. In an attempt to analyze attitudinal stance in the two sub-corpora, the terminology introduced by Dueñas was used [25]. The model includes three types of attitude: assessment markers, emotion markers, and significance markers. The types of engagement were analyzed based on Hyland's taxonomy that includes five ways of involving the reader

in a dialogue: reader mentions, directives, knowledge appeals, questions, and personal asides [26].

Table 1

Hyland's model of interactional metadiscourse

Type	Function
Hedges	Acknowledge alternative viewpoints, withhold commitment
Boosters	Suppress alternatives, emphasize certainty
Attitude markers	Express attitudes, provide assessment
Self-mention markers	Manifest the explicitness of authorial presence
Engagement markers	Involve readers in a dialogue

Results and discussion

The metadiscourse markers found in the corpus are presented in Table 2. The table summarizes the raw and normalized frequencies of metadiscourse in the two sub-corpora.

Table 2

Raw and normalized frequencies of interactional metadiscourse

Interactional metadiscourse markers	SC1		SC2	
	Raw frequency	Per 1000 words	Raw frequency	Per 1000 words
Hedges	383	20.2	27	1.6
Boosters	135	7.1	88	6.6
Attitude markers	201	10.6	51	3.6
Self-mentions	151	7.9	18	1.3
Engagement markers	34	1.8	0	0
Total	794	47.6	184	13.1

Table 2 shows that the raw and normalized frequencies of metadiscourse differ across disciplines. A total of 794 metadiscourse devices were found in SC1, and 184 in SC2. The raw and normalized frequencies show that in the social sciences the number of metadiscourse markers was four times as large as that in the hard sciences. In the social sciences, the most frequent metadiscourse markers were hedges, accounting for 20.2 per 1000 words. In engineering, boosters appeared more frequently. In the social sciences, attitude markers were four times more frequent and used to emphasize debatable or interesting findings, since in the social sciences the novelty and usefulness of the study are less evident than in engineering. The analysis found a larger number of self-mentions in the social sciences. Engagement markers appeared only in the social sciences, where they were the least frequently used metadiscourse devices.

Hedges. Hedges downplay "a writer's commitment to a proposition, modifying its scope, relevance or certainty" [22. P. 176]. They are used to "withhold complete commitment to imply that a claim is based on the author's plausible reasoning rather than certain knowledge" [24. P. 9].

The sub-corpora exhibited differences in the employment of hedges. Regarding the normalized frequencies, they were significantly different: 20.2 in the social sciences and 1.6 in engineering. Even though engineering authors tended to deploy modal verbs for hedging effectively, they seemed to underuse other lexical units in comparison with their counterparts from the social sciences. This might be due to the fact that hedging might weaken the knowledge claim and reduce the degree of reliability for the authorial statement, which is typical of the soft sciences, where authors need more space for their interpretation [5], and their studies are less rooted in empirical research. As Takimoto put it, the social sciences are more interpretative and less abstract in producing knowledge, which requires more hedges and favors subjectivity [21]. In the social sciences, results are provisional, they are not usually reliant on facts or measures. Consequently, authors tend to make their claims tentatively in order to convince readers who can approve or refuse them based on their judgments of the credibility of the research results presented by the author. In contrast, the hard sciences are usually more fact-oriented and impersonal, which makes authors avoid hedging and produce objective statements. Consider some examples of the hedging devices found in the corpus.

*Professional stupidity is **usually** realized through ignorance of profession, i.e. ignorance of things which are obvious for this profession. (SC1)*

In the example, the downtoner "usually" as a type of hedging is used to protect the writer against inaccuracy of research results by mitigating the intensity of the claim.

In the following example, the plausibility hedge helps create a distance from the authorial statement and signal that the claim is based on an assumption rather than a fact.

*The approach **can** reduce the number of image elements, which helps to reduce the complexity of processing algorithms, meanwhile the expanded superpixels more accurately correspond to the image objects (SC2)*

Using the plausibility hedge, the writer can distinguish between information as fact and information as opinion. The modal verb *can* emphasizes the uncertainty of the authors' position by allowing information to be presented as open to negotiation. The use of this verb expresses an epistemic judgement, which means that the authors are not certain whether the approach does in fact significantly reduce "the number of image elements".

The frequent use of plausibility hedges in social sciences seems to meet the established discipline requirements of being tentative in one's claims. Hedging serves to express subjectivity in argument since divergent views are common in the soft sciences. In contrast, in the hard sciences, precision, accuracy and objectivity rather than tentativeness and subjectivity are favored.

Rounders found in the corpus contributed to a compromise between the need for accuracy with numerical data and careful argumentation. The more frequent use of this type of hedging in the engineering sub-corpus seems to meet the discipline-specific nature of information with a large number of numerical data, as illustrated in the example.

*A promising capsule design was identified which has a more than 20% higher storage capacity than the other shapes and provides a reasonable thermal power output of **ap-proximately** 4 kW during the phase change of the storage material. (SC2)*

The frequency distribution between the three types of hedging is presented in Table 3.

Table 3

The raw and normalized frequency distributions between the types of hedging

Types	SC1		SC2	
	Raw frequency	Per 1000 words	Raw frequency	Per 1000 words
Downtoners	158	8.3	5	0.3
Rounders	15	0.8	9	0.6
Plausibility hedges	211	11.1	13	0.8

As can be seen, the rankings and frequencies of the types of hedging differ in the two sub-corpora. The analysis also revealed that hedging markers in the corpus of RA abstracts were mainly expressed by the modal verbs *may* and *can*, the adjective *possible*, the adverbs *possibly*, *approximately*, and *rather*. The most frequent lexical units used for hedging in SC1 was *can* (7.2 instances in 1000 words). In SC2, *can* and *approximately* were used most frequently (0.5 and 0.35 instances in 1000 words, respectively) (Table 4).

Table 4

Occurrences of the most frequent lexical items used for hedging

Hedging device	SC1		SC2	
	Raw frequency	Per 1000 words	Raw frequency	Per 1000 words
may	137	7.2	4	0.3
possible	61	3.2	3	0.2
can	47	2.5	7	0.5
rather	30	1.6	1	0.05
probably	15	0.8	2	0.1
approximately	0	0	5	0.35

Boosters. The corpus-based analysis revealed that boosting devices were almost equally used in both sub-corpora: 7.1 in SC1 and 6.6 in SC2 per 1000 words. The relatively high frequency of boosters in engineering might be attributed to the disciplinary belief that truth is self-evident without the need for argument [27]. Experiential knowledge and empirical evidence are crucial in reasoning, while possible counterarguments are given less attention. The frequent use of boosters by engineering authors indicates that they tend to occupy a stronger stance and were keener to express their convictions and highlight the significance of their studies. As Hyland claimed, writers use boosters to emphasize the strength and suggest the efficacy of the relationship between data and claims, which is more relevant to hard science than to soft science writing [28].

Here are examples which illustrate the employment of certainty boosters to remove any doubts about the claims closing down potential opposition and invest them with the confidence of factual reliability.

*Results of the Granger causality Wald test, fixed-effects and random-effects regressions **clearly demonstrated** that growth in population and GDP directly correlates with CO2 emissions in high- and low-income economies, while renewable energy consumption has an indirect correlation (SC1)*

The compound boosting device consisting of the adverb *clearly* and the cognitive verb *demonstrate* assists the writers in leading the readers to the same reasonable inferences. The authors choose to prevent possible responses from the reader.

*The results **show** that despite reviewers' individual styles there are some culture-specific traits in the styles of reviews. (SC2)*

The certainty booster *show* is used here to express conviction with which the authors communicate their research results.

The less commonly observed types of boosting were intensity and extremity markers. Consider examples of each, with the first one illustrating an intensity booster, and the second one featuring an extremity booster.

*Electric vehicles have a limited travel range and are **extremely** heavy (SC2)*

*One of the questions that cause **the greatest** discrepancy in the views of the Russian economists is the attitude to the creation of "nationally oriented" economic theory. (SC1)*

In these examples, the adverb *extremely* intensifies the emotive strength of the statement, and the superlative form *the greatest* marks the high end of a continuum thus helping remove any doubts.

The frequency distribution between the three types of boosting is presented in Table 5.

The table shows that boosters not only differed in frequency across disciplines, but were also used differently in terms of the types with intensity boosters ranking second in SC1 and third in SC2 and extremity boosters ranking second in SC2 and third in SC1.

The study also revealed similarities and differences in the boosters most frequently used in the two sub-corpora. The verb to *show* ranked first in both sub-corpora (1.9 and 1.3 instances in 1000 words, respectively), while the frequency distribution between other lexical units was different (Table 6).

Table 5

The raw and normalized frequency distribution between the types of boosting

Types	SC1		SC2	
	Raw frequency	Per 1000 words	Raw frequency	Per 1000 words
Certainty boosters	78	4.1	68	4.9
Intensity boosters	30	1.6	9	0.6
Extremity boosters	27	1.4	11	0.8

Table 6

Occurrences of the most frequent boosters (per 1000 words)

Boosting device	SC1		SC2	
	Raw frequency	Per 1000 words	Raw frequency	Per 1000 words
to show	36	1.9	18	1.3
in general	23	1.2	14	1
in particular	17	0.9	17	1.2
mainly	9	0.5	8	0.6
must	8	0.4	4	0.3
definitely	4	0.2	13	0.9

Attitude markers. The attitude markers ranked second in both SC1 and SC2. They were used to express opinions, evaluate findings and research objects and emphasize problems. The following instance shows one occurrence of the assessment marker the function of which is to reveal the author's evaluation of the research results as ideational information.

*This method, combined with methods of spectral-phase Fourier transforms and statistical tests, is the most effective way to obtain **reliable** quantitative results for solving engineering problems of atmospheric wave optics (SC2)*

Here attitude is signaled by the adjective *reliable* conveying positive evaluation of the results which can be obtained by the authors.

*Of course, such a large-scale pamphlet cannot avoid **discussable** as well as **controversial** statements (SC1)*

In this example, the assessment marker creates a rhetorical effect which constructs problematic issues worthy of studies.

The analysis revealed that attitudinal markers appeared more frequently in the social sciences than in the hard sciences (10.6 in SC1 vs 3.6 in SC2 in 1000 words, respectively). The authors in the soft fields might be less willing to rely on the quantitative methods to establish their claims, and this enhances the need for more explicit assessment through the employment of attitude markers. Assessing the results obtained or urgency of the research problem are key features of social science articles whose authors usually take a more involved position on issues.

The significance markers were slightly more frequent in engineering RA abstracts, in which they emphasized relevance and importance of research, as illustrated in the example.

*This problem is **especially relevant** for the long-term operation of wells. (SC2)*

Here we can see two metadiscourse markers – the intensity booster *especially* and the significance type of attitude *relevant* that help the reader who might lack the theoretical background to see the significance of the research problem.

The lack of the emotion type of attitude in both sub-corpora might be due to the genre-specific features of RA abstracts which should be an accurate representation of the content, state briefly the research purpose and results rather than make the author's affective position explicit.

The frequency distribution between the two types of attitude is presented in Table 7.

Table 7

The raw and normalized frequency distribution of the types of attitude marker

Types	SC1		SC2	
	Raw frequency	Per 1000 words	Raw frequency	Per 1000 words
Significance markers	66	3.5	24	1.7
Assessment markers	135	7.1	27	1.9

As can be seen, assessment markers dominated in SC1, while in SC2 only a slight difference is observed between these two types of attitude.

In the corpus, the two types of attitude markers were expressed by adjectives or adverbs showing authorial attitudes and encoding positive or negative values. The adjective *important* functioning as a significance marker appeared most frequently in SC1, while the adjective *efficient* as an assessment marker was most frequent in SC2 (Table 8).

Table 8

Occurrences of the most frequent attitude markers (per 1000 words)

Attitude marker	SC1		SC2	
	Raw frequency	Per 1000 words	Raw frequency	Per 1000 words
important	70	3.7	13	0.9
significant	55	2.9	10	0.7
efficient	40	2.1	15	1.1
useful	13	0.7	7	0.5
complex	11	0.6	3	0.2

Self-mentions. Self-mention manifests the explicitness of an authorial presence through the employment of first-person pronouns *I*, *we*, *me* and *our* and possessive adjectives *my* and *our*. The distribution of this category of metadiscourse was also uneven across the two disciplines. The larger number of instances of self-mention was in SC1, with 8.9 in 1000 words, compared to only 1.3 in 1000 words in SC2. This finding reveals that engineering authors tend to downplay their personal role in the research and emphasize the analyzed phenomena. They seem to choose an impersonal style to show that their research findings are unaffected by authors, thereby strengthening the objectivity of results. In SC1, first-person pronouns were used to make a personal standing, signal authorial persona, demarcate authors' research results from those obtained by other scholars, and present authors as original contributors of research.

The low frequency of self-mentions in SC2 might be therefore attributed to the influential role of the disciplinary paradigm advising avoidance of personality in academic prose, a trend towards an objective way of writing established in the hard disciplines in contrast to soft disciplines which are more subjective. Accord-

ing to Berkenkotter and Huckin, academic writers are social actors who are familiar with disciplinary conventions [29]. They need to ratify their claims in order to obtain collective agreement that their data represent facts rather than opinions [30]. The rhetorical choices made by academic writers are typically constrained by the discursive conventions and rhetorical styles of each discipline [21]. The compliance with discipline norms is required for authorial claims to be accepted by the disciplinary community. Below are some examples from the corpus that illustrate the use of self-mentions.

I then discuss how many human limits to full rationality are, in fact, well understood in terms of optimization (SC1).

Our results demonstrate that simple sensory stimuli can be used to reveal how experience functionally (or dysfunctionally) modifies higher-order prefrontal circuits and suggest a divergence in how ACC and V1 encode familiarity (SC2)

In the above examples, the self-mention markers were used to recount the research steps and report findings thus helping reflect authorial identity.

The analysis revealed that engineering authors did not use the first-person pronouns to make claims and were less likely to use them in describing methods and reporting findings, which might be explained by their wish to make their research results more objective and clear. For this purpose, the passive voice was frequently used, which carries objective connotations and allows authors to produce more accurate depictions of the methods and to make more objective claims.

Regarding the lexical items used for self-mention, the study revealed no occurrences of first-person singular pronouns in SC2, which is also typical of the hard sciences, where the passive voice is a more preferable tool to make claims, present findings and describe research methods (Table 9).

Table 9

Occurrences of self-mentions (per 1000 words)

Self-mentions	SC1		SC2	
	Raw frequency	Per 1000 words	Raw frequency	Per 1000 words
I	21	1.2	0	0
we	86	4.7	13	0.9
my	5	0.3	0	0
our	32	1.8	3	0.2
us	5	0.3	2	0.1
me	2	0.1	0	0

Engagement markers. Engagement markers explicitly bring readers in dialogue with the writer, focus readers' attention and guide them to a particular interpretation. Interestingly, while in SC1 29 engagement features were found, in SC2 they did not appear at all. Regarding the type of engagement, only reader mentions, directives and knowledge appeals were found in the corpus.

Reader mention markers "offer the most explicit ways of bringing readers into a discourse by directly referring to them" [30. P. 10]. These devices account for a fifth part of all engagement markers in SC1. Here are some examples from the corpus.

*However, the actual practice shows that **we** cannot pinpoint a certain device as the only manifestation of synaesthesia (SC1)*

*It is concluded that the main task for **our** country is to attract investments for transferring the economy on the energy-efficient path of development using the Kyoto Mechanisms (SC1)*

The possessive adjective *our* is used here as a reader mention marker. In contrast to *we* and *our* used as self-mentions, *our* in these examples is inclusive, the function of which is to enhance the interactional nature of the utterance, to give the reader a sense of membership with similar understandings as the writer.

Directives, another engagement tool, were also used to engage the audience and encourage them to perform certain actions or to see things in a certain way, thus managing the readers' understanding. In the corpus, they were verbalized through the deontic modal verb *should*. Here is an example from the corpus where the author uses this modal to emphasize the need to abandon the model or take a new look at it.

*The dilemma of absurd conclusions: **should we** abandon a model if it produces absurd conclusions or **should we** regard a model as a very limited set of assumptions that will inevitably fail in some contexts? (SC1)*

The author uses two types of engagement in this example – the first-person pronoun *we* and the modal *should*. In the context, both markers might be seen as an instruction to the reader to view things in a way determined by the writer.

Knowledge appeals were used when the writer sought "to position readers within the boundaries of disciplinary understandings" [31. P. 276], as illustrated in the following examples:

*It is **commonly** assumed that a dominant role in the formation of Silicon Valley was played by such factors as the availability of highly skilled workforce, policy in the sphere of public procurement of high-tech products, participation of large companies and financial institutions. (SC1)*

*The special role of the first block, which opens the second part of the Essay, is **obvious**, its compactness and saturation with individual associations that the teacher shares with his student. (SC1)*

The appeals to shared knowledge refer here to an awareness of disciplinary traditions, views and beliefs. In these examples, the writers use the metadiscourse markers to support their claims by emphasizing the facts.

The frequency distribution between the types of engagement is presented in Table 10.

Table 10

The frequency distribution between the types of engagement (per 1000 words)

Types	SC1		SC2	
	Raw frequency	Per 1000 words	Raw frequency	Per 1000 words
Reader mentions	8	0.4	0	0
Directives	4	0.2	0	0
Knowledge appeals	22	1.2	0	0

As can be seen, knowledge appeals were significantly more frequent than other two types of engagement.

The low frequency of engagement in the social sciences and its absence in engineering might be explained by the genre-specific features of RA abstracts rather than by an awareness of a disciplinary community. RA abstracts serve the promotional and informative functions rather than "bring readers into the discourse to relate to them and anticipate their possible objections" [22. P. 151]. It can be assumed that space constraints (not more than 200–250 words) imposed by the genre-specific nature of abstracts impede writers from acknowledging the presence of readers and involving them as participants in a conversation through questions, directives or reader pronouns.

The occurrences of the most frequently used engagement markers found in SC1 and SC2 are presented in Table 11.

Table 11

Occurrences of the most frequent engagement markers (per 1000 words)

Engagement marker	SC1		SC2	
	Raw frequency	Per 1000 words	Raw frequency	Per 1000 words
common	8	0.4	0	0
our	8	0.4	0	0
typical	5	0.3	0	0
should	4	0.2	0	0
obvious	4	0.2	0	0
commonly	4	0.2	0	0
obviously	1	0.1	0	0

Conclusion

The increasing role of English in academic settings has brought some challenges to non-native speakers who are encouraged to publish their research papers or RA abstracts in English, which requires knowledge of core features of academic writing, including metadiscourse markers.

This study compared the use of metadiscourse markers in English RA abstracts by Russian scholars from social sciences and engineering, thus shedding light on how non-native English writers interact with their academic peers worldwide, which previously did not attract much attention of discourse analysts. It was assumed that metadiscourse devices are unevenly distributed across disciplines and

metadiscourse is expressed in accordance with the accepted disciplinary and genre-specific norms, being a reflection of the praxis of knowledge production in a particular discipline and in a particular academic genre. The assumptions were confirmed by the findings. The corpus-based analysis revealed substantial disciplinary variations. Social science authors took far more explicitly involved positions than engineering writers. It was suggested that a forceful and assertive stance is less valued in social sciences than stances that are open to alternative views and criticism.

The quantitative analysis showed that in the social science sub-corpus, the number of metadiscourse markers was four times as large as that in the engineering one, which might be explained by discipline-specific carefulness of social science authors in making claims. The more frequent use of attitude markers in the social science RA abstracts was not surprising as authors in the soft fields are more likely to evaluate both their own and others' findings because they are less able to rely on the quantitative methods to establish their claims. The disciplinary conventions allow them to take a more involved position on issues.

The study also revealed differences in the use of self-mentions. In the soft fields, they are used six times as frequently as in the hard disciplines, which was also explained by an awareness of the disciplinary conventions which instruct hard science authors to choose an impersonal style to show that their findings are unaffected by individuals, thereby strengthening the objectivity of results. The low frequency of engagement markers was explained by the communicative purpose of the RA abstract as a genre-specific feature: the small number of reader-oriented features in both sub-corpora indicates the writers' tendency to focus on their research rather than to enter into a conversation with the reader. Therefore, authors' choices of metadiscourse features are not arbitrary, but reflect expectations of a disciplinary community which the RA is addressed to.

The findings of the current study did not differ from those of previous research. Varttala, for example, also revealed that social science and humanities writers used metadiscourse markers more frequently than those in the field of engineering [32]. However, Varttala's study mainly focused on a limited number of the types of metadiscourse devices (hedges). The use of hedges by Filipino authors from engineering and linguistics were examined by Mojica, who found significant differences in the way the authors show detachment to their claims. These differences were also attributed to the disciplinary writing conventions [33]. Disciplinary differences in the use of metadiscourse were also emphasized by Takimoto who investigated two types of metadiscourse – hedges and boosters – in humanities, social and natural sciences articles by Japanese authors [21]. According to Takimoto, the lexical choices made by academic writers "seem to be constrained by the discourse norms and rhetorical styles of each discipline" [Ibid. P. 103]. However, in contrast to the present study, Takimoto focused his research on metadiscourse markers in the articles by native speakers of English. Jiang and Hyland also found disciplinary differences in the way of expressing a stance by different modes of knowledge production and explained them as follows: while the hard sciences are more likely to rely on empirical evidence, create facts through experimentation and replication, humanities and social sciences, which use more stance

features, prefer an explicitly interpretive style [34]. However, like two previously mentioned studies, this one also dealt with a limited number of metadiscourse resources. Self-mention markers, engagement markers and attitude markers were excluded from the analysis.

Therefore, the analysis confirmed Mauranen et al.'s claim about the insignificant role of cultural backgrounds of non-native writers in choosing rhetorical strategies. The discipline rather than culture plays a crucial role in the academic writing process [35].

It should be admitted that the research results presented here are limited due to the small number of RA abstracts collected to build the corpus. Due to this limitation, the research results can be interpreted only as trends in the two disciplines which may be confirmed or rejected by comparative research based on a larger corpus. Through a study of interactional preferences of writers from a larger number of disciplines, we will learn more about rhetorical practices and values which would help novice writers learn academic style features typically used in a disciplinary community to produce knowledge in an accepted way. This analysis was limited to written academic discourse. It will be of interest to see if disciplinary differences in metadiscourse can also be observed in oral presentations of research results. Diachronic variation in the use of metadiscourse markers in English academic prose could also be of interest.

References

1. Ji, X. (2015) Comparison of abstracts written by native speakers and second language learners. *Open Journal of Modern Linguistics*. 5. pp. 470-474.
2. Rochma, A.F., Ariastuti, A. & Ashadi, A. (2020) Rhetorical styles of introduction in English language teaching (ELT) research articles. *Indonesian Journal of Applied Linguistics*. 10 (2). pp. 304-314.
3. Tocalo, A. (2021) Move structures and their rhetorical verbs of research article abstracts across Englishes. *Indonesian Journal of Applied Linguistics*. 11 (1). pp. 1-10.
4. Darabad, A.M. (2016) Move analysis of research article abstracts: a cross-disciplinary study. *International Journal of Linguistics*. 8 (2). pp. 125-140.
5. Kozubíková Šandová, J. (2021) Interpersonality in research article abstracts: a diachronic case study. *Discourse and Interaction*. 14 (1). pp. 77-99.
6. Belyakova, M. (2017) English-Asian cross-linguistic comparison of research article abstracts in geoscience. *Estudios de Lingüística Universidad de Alicante*. 31. pp. 27-45.
7. Boginskaya, O. (2022) Creating an authorial presence in English-medium research articles abstracts by academic writers from different cultural backgrounds. *International Journal of Language Studies*. 16 (2). pp. 49-70.
8. Perales-Escudero, M. & Swales, J. (2021) Tracing convergence and divergence in pairs of Spanish and English research article abstracts: The case of Ibérica. *Ibérica*. 2 (1). pp. 49-70.
9. Lorés Sanz, R., Dueñas, P. & Lafuente-Millán, E. (2010) *Constructing Interpersonality. Multiple Perspectives on Written Academic Genres*. Cambridge Scholars Publishing.
10. Wang, F. & Pramoolsook, I. (2021) Attitude in abstracts: stance expression in translation practice reports and interpretation practice reports by Chinese students. *Discourse and Interaction*. 14 (1). pp. 100-123.
11. Jing, W. & Jing, D. (2018) A Comparative Study of Metadiscourse in English Research Article Abstracts in Hard Disciplines by L1 Chinese and L1 English Scholars. *Applied Research on English Language*. 7 (3). pp. 399-434.

12. Salager-Meyer, F. (1992) A Text-Type and Move Analysis Study of Verb Tense and Modality Distribution in Medical English Abstracts. *English for Specific Purposes*. 11. pp. 93–113.
13. Hu, G. & Cao, F. (2011) Hedging and boosting in abstracts of applied linguistics articles: A comparative study of English-and Chinese-medium journals. *Journal of Pragmatics*. 43 (11). pp. 2795–2809.
14. Hyland, K. & Tse, P. (2004) Metadiscourse in academic writing: A reappraisal. *Applied Linguistics*. 25. pp. 156–177.
15. Krapivkina, O. (2014) Pronominal choice in academic discourse. *Middle-East Journal of Scientific Research*. 20 (7). pp. 833–843.
16. Rashidi, N. & Alihosseini, F. (2012) A contrastive study of metadiscourse markers in research article abstracts across disciplines. *Bulletin of the Transilvania University of Brasov*. 5 (4). pp. 17–23.
17. Alonso-Almeida, F. (2014) Evidential and epistemic devices in English and Spanish medical, computing and legal scientific abstracts: A contrastive study. In: *Abstracts in Academic Discourse: Variation and Change*. Bern: Peter Lang. pp. 21–42.
18. Hyland, K. & Tse, P. (2014) Metadiscourse in academic writing: A reappraisal. *Applied linguistics*. 25 (2). pp. 156–177.
19. Jiang, F.K. & Hyland, K. (2015) 'The fact that': Stance nouns in disciplinary writing. *Discourse Studies*. 17 (5). pp. 529–550.
20. Shchmeleva, I. (2019) "It seems plausible to maintain that...": clusters of epistemic stance expressions in written academic elf texts. *ESP Today*. 7 (1). pp. 24–43.
21. Takimoto, M. (2015) A Corpus-Based Analysis of Hedges and Boosters in English Academic Articles. *Indonesian Journal of Applied Linguistics*. 5 (1). pp. 95–105.
22. Hyland, K. (2005) *Metadiscourse: Exploring Interaction in Writing*. London: Continuum.
23. Schiffrin, D. (1987) *Discourse Markers*. Cambridge: Cambridge University Press.
24. Hyland, K. & Jiang, F. (2016) 'We must conclude that...': A diachronic study of academic engagement. *Journal of English for Academic Purposes*. 24. pp. 29–42.
25. Duenas, P.M. (2010) Attitude markers in business management research articles: A cross-cultural corpus-driven approach. *International Journal of Applied Linguistics*. 20 (1). pp. 50–72.
26. Hyland, K. (2005) Stance and engagement: A model of interaction in academic discourse. *Discourse Studies*. 7 (2). pp. 173–192.
27. Bodde, D. (1991) *Chinese Thought, Society and Science: The Intellectual and Social Background of Science and Technology in Pre-modern China*. Honolulu: University of Hawaii Press.
28. Hyland, K. (1998) *Hedging in scientific research articles*. Amsterdam: John Benjamins.
29. Berkenkotter, C. & Huckin, T. (1995) *Genre Knowledge in Disciplinary Communication: Cognition/Culture/Power*. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum.
30. Hyland, K. (2008) Persuasion, interaction and the construction of knowledge: Representing self and others in research writing. *International Journal of English Studies*. 8 (2). pp. 1–23.
31. Zou, H. & Hyland, K. (2020) Academic blogging: scholars' views on interacting with readers. *Ibérica*. 39. pp. 267–294.
32. Varttala, T. (2021) *Hedging in Scientifically Oriented Discourse: Exploring Variatio*. University of Tampere.
33. Mojica, L. (2005) Filipino authors' ways of showing detachment/commitment in their English academic papers. In: Dayag, D. & Quakenbush, J.S. (eds) *Linguistics and language education in the Philippines and beyond: A festschrift in honor of Ma. Lourdes S. Bautista*. Manila: Linguistic Society of the Philippine. pp. 511–525.

34. Jiang, F.K. & Hyland, K. (2016) Nouns and Academic Interactions: A Neglected Feature of Metadiscourse. *Applied Linguistics*.37 (6). pp. 1–15.

35. Mauranen, A., Perez-Llantada, C. & Swales, J. (2010) Academic Englishes: A standardized knowledge? In: *The Routledge handbook of world Englishes*. London: Routledge. pp. 634–652.

Information about the author:

O.A. Boginskaya, Dr. Sci (Philology), professor, Irkutsk National Research Technical University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: olgaa_boginskaya@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Информация об авторе:

Богинская О.А. – д-р филол. наук, профессор кафедры иностранных языков Иркутского национального исследовательского технического университета (Иркутск, Россия). E-mail: olgaa_boginskaya@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

*The article was submitted 03.03.2023;
approved after reviewing 17.06.2024; accepted for publication 18.11.2024.*

*Статья поступила в редакцию 03.03.2023;
одобрена после рецензирования 17.06.2024; принята к публикации 18.11.2024.*

Научная статья

УДК 81-114.4

doi: 10.17223/19986645/92/2

Асимметрия акцентной схемы в биноминативных предложениях: экспериментальное исследование на материале русского языка

Анастасия Алексеевна Герасимова¹

¹ *Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия, anastasiagerasimova432@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена исследованию информационной структуры специфицирующих биноминативных предложений в сравнении с предикативными на материале русского языка. С помощью экспериментального исследования показывается, что акцентная схема специфицирующих предложений зависит от ограничений на коммуникативные преобразования в определенном языке. В работе предлагается формальная модель биноминативных предложений, в которой особую роль играет атрибутивный статус нереферентных именных групп.

Ключевые слова: биноминативные предложения, специфицирующее прочтение, акцентная схема, информационная структура, экспериментальный синтаксис, русский язык

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00037, реализуемого в МГУ имени М.В. Ломоносова, <https://rscf.ru/project/22-18-00037/>.

Для цитирования: Герасимова А.А. Асимметрия акцентной схемы в биноминативных предложениях: экспериментальное исследование на материале русского языка // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 92. С. 22–58. doi: 10.17223/19986645/92/2

Original article

doi: 10.17223/19986645/92/2

The asymmetry of accent schemes in binominative sentences: An experimental case study of Russian

Anastasia A. Gerasimova¹

¹ *Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, anastasiagerasimova432@gmail.com*

Abstract. The article addresses the information structure of specificational binominative clauses in comparison with predicational ones with regard to the experimental evidence from Russian. The distinction between specificational and predicational readings is based on the order of a non-referential noun phrase (NP) and a referential NP.

Many investigators suggest that specificational sentences have a fixed information structure with the referential NP in focus. Restrictions on focus position are treated as universal, although the unavailability of focus on a non-referential NP has been examined only for English. This article suggests and further tests an alternative explanation for the observed asymmetry. Specificational clauses are usually modelled as an inverted small clause with a left-dislocated non-referential NP. The unavailability of focus on this NP can follow from the obligatoriness of thematization when fronting. Therefore, languages with different communicative structures might lack such restrictions on specificational clauses. I present experimental data on specificational and predicational binominative clauses in Russian, which has another set of constraints on fronting in comparison with Germanic languages, in which specificational clauses have been studied previously. I conducted two auditory acceptability judgment experiments, which included three variables in their design: the type of binominative clause, the accent scheme and the agreement pattern. The two experiments differed in the pause position either before or after the copula. One hundred Russian native speakers participated in the study and provided their judgments on a Likert scale from 1 to 7. The hypothesis that the focus acceptability in specificational clauses depends on language-specific information structure constraints is borne out. Unlike Germanic languages Russian allows the rhematic accent (which I treat as focus) on the non-referential NP if it is licensed by the previous context. Nevertheless, the rhematic accent on a referential NP turns out to be the most acceptable experimental condition. The article concludes that restrictions on focus placement in binominative clauses are indeed language-specific. I explain the distinctive theme-rheme structure of specificational clauses by a particular contribution of the attributive status of a non-referential NP to the meaning. The corresponding feature in the DP structure is considered to be the motivation for the small clause inversion. Importantly, the referential features are found throughout other formal models of Russian and other languages, which favorably distinguishes the suggested analysis from previous models of binominative clauses.

Keywords: binominative clause, specificational reading, accent scheme, information structure, experimental syntax, Russian

Acknowledgements: This research is supported by the Russian Science Foundation, RSF project 22-18-00037 realized at Lomonosov Moscow State University, <https://rscf.ru/en/project/22-18-00037/>

For citation: Gerasimova, A.A. (2024) The asymmetry of accent schemes in binominative sentences: An experimental case study of Russian. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 92. pp. 22–58. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/92/2

1. Введение

Биноминативное предложение – это предложение, образованное двумя именными группами в именительном падеже, со связкой или без выраженной связки (1) ([1, 2] и др).

Типизация биноминативных предложений сводится к оппозиции двух прочтений: специфицирующего и предикативного. Противопоставление задается различным соотношением денотативных статусов именных компо-

нентов, а именно взаимным расположением более референтной именной составляющей и менее референтной (или предикатной)¹ именной составляющей относительно глагольной связки [3–5, 10–12].

- (1) a. [3. (64a)] итальянский
La causa della rivolta erano i bambini.
 причина восстания есть.PST.3.PL дети
 ‘Причиной восстания были дети.’
 b. [4. (60d)] нидерландский
 ... *dat het echte problem niet de ouders zijn.*
 ... что настоящая проблема не родители есть.PRES.3.PL
 c. [5. (3)] английский
The director of Anatomy of a Murder is Otto Preminger.
 режиссер анатомии убийства есть Отто Премингер
 ‘Режиссер «Анатомии убийства» – Отто Премингер’
 d. [6. §2327] русский
Труд – лучшее средство против старости.

При предикативном прочтении референтная именная группа (ИГ) предшествует предикатной (2а). При специфицирующем прочтении начальную позицию занимает менее референтная ИГ, а более референтная ИГ следует за глаголом-связкой (2б).

- (2) a. [4. (10a)]
Sarah is the winner.
 Сара есть победитель
 ‘Сара – победитель.’
 b. [4. (10d)]
The winner is Sarah.
 победитель есть Сара
 ‘Победитель – Сара.’

Оппозиция двух прочтений проявляется также в различиях в синтаксическом поведении. Специфицирующие предложения демонстрируют ограничения в отношении ряда синтаксических диагностик: в германских языках они не сочетаются с глаголами с исключительным падежным маркированием без выраженной связки [3, 13], не допускают А'-передвижения элементов из состава именных составляющих [1].

В статье мы рассмотрим еще одно возможное свойство специфицирующих биноминативных предложений, которое зачастую представляется движущей силой для деривации соответствующей синтаксической структуры. Многие авторы предполагают, что специфицирующие предложения в отличие от предикативных имеют фиксированную информационную структуру:

¹ Заметим, что ни в одной из известных нам работ, в которых рассматривается противопоставление двух типов биноминативных предложений, не вводится строгое определение шкалы референтности. Фактически же авторы ориентируются на противопоставление референтных употреблений, нереферентных употреблений и предикатных употреблений именных групп (см. классификации денотативных статусов К.С. Доннелана [7, 8] и Е.В. Падучевой [9]).

именная составляющая, занимающая позицию после связки, является информационно выделенной [14]. Закономерность можно продемонстрировать при изменении фокуса вопроса в английском языке (3–4). Как при предикативном, так и при специфицирующем прочтении в фокусе может находиться более референтная именная группа: ИГ перед связкой в предикативном предложении (3В), ИГ после связки в специфицирующем предложении (3В'). Однако фокус на менее референтной именной группе возможен только в случае предикативного типа биноминативной клаузы (фокус на ИГ после связки (4В)), и недопустим в случае специфицирующего прочтения (фокус на ИГ перед связкой (4В')).

- (3) [15. (1)], вопрос к более референтной ИГ
 А: *Who was the culprit? (John or Bill?)*
 В: *JOHN was the culprit.* предикативное прочтение
 В': *The culprit was JOHN.* специфицирующее прочтение
 'А: Кто был преступником? (Джон или Билл?)
 В: Джон √ был преступником.
 В': Преступником был Джон √.'
- (4) [15. (2)], вопрос к менее референтной ИГ
 А: *What was John?*
 (Was John the culprit or the victim?)
 В: *John / he was the CULPRIT.* предикативное прочтение
 В': **The CULPRIT was John / him.* специфицирующее прочтение
 'А: Кем был Джон? (Был Джон преступником или жертвой?)
 В: Джон был преступником √.
 В': Преступником √ был Джон.'

Ограничения на информационную структуру специфицирующих предложений считаются универсальными, хотя недоступность фокуса на более предикативной ИГ демонстрировалась преимущественно на материале английского языка. В статье мы экспериментально проверим альтернативное объяснение асимметрии информационной структуры. Мы предположим, что акцентная схема, наблюдаемая в случае специфицирующих предложений в английском языке, может быть связана с конкретно-языковыми ограничениями на коммуникативные преобразования.

Согласно наиболее распространенному варианту синтаксического анализа специфицирующие биноминативные предложения являются инвертированными предикативными. Предполагается, что исходно все биноминативные предложения имеют структуру малой клаузы, т.е. представляют собой предикативную составляющую, которая состоит из более референтной ИГ и более предикатной ИГ, связанных посредством абстрактной функциональной вершины (например, Pr(ed) или Relator [12]), а тип биноминативного предложения определяется тем, какая из двух именных групп передвигается на левую периферию клаузы. Иными словами, специфицирующие биноминативные предложения моделируются как инвертированная переходная структура. Тогда доступность фокуса на отдельных составляющих в

специфицирующих предложениях может определяться теми же ограничениями на коммуникативную структуру, которые характерны для инверсии переходных клауз без связки в отдельно взятом языке. Чтобы проверить это предположение, обратимся к материалу русского языка, который допускает большую свободу в линеаризации и характеризуется другим набором доступных коммуникативных преобразований. Если для русского языка асимметрия акцентных схем в биноминативных предложениях подтвердится, это будет аргументом в пользу универсальности информационной структуры специфицирующего прочтения. В обратном случае возникает вопрос собственно о природе оппозиции специфицирующих и предикативных предложений и о том, насколько универсально само противопоставление.

Изложение строится следующим образом. В разделе 2 будет представлена модель деривации биноминативных предложений и более подробно обсудим, каким образом моделируется противопоставление специфицирующих и предикативных клауз. Раздел 3 будет посвящен информационной структуре биноминативных предложений. Мы представим эмпирические данные об акцентной схеме специфицирующих клауз и критику имеющихся обобщений. В результате будут сформулированы гипотезы экспериментального исследования. В разделе 4 коротко обсудим, как оппозиция специфицирующих и предикативных предложений транслируется на материал русского языка и какие предложения будут использованы в качестве экспериментального материала. В разделе 5 описан дизайн и результаты экспериментального исследования. Завершает статью раздел 6, в котором подводятся итоги исследования.

2. Синтаксическая структура биноминативных предложений

Как ранее было отмечено, предикативные и специфицирующие предложения отличаются порядком именных групп, имеющих более и менее выраженные референциальные характеристики. Многие авторы также противопоставляют два типа предложений по семантическим основаниям. Предикативные биноминативные предложения содержат две именные группы, одна из которых вводит референта, а вторая – описывает его свойства. Отличие специфицирующих предложений состоит в том, что в них одна именная группа задает некоторое множество или список, элементом которого является референт, выраженный второй именной группой [1].

Приведенные определения впервые были сформулированы в классификации Ф.Р. Хиггинса [10] и с тех пор использовались во всех последующих работах по типизации и моделированию биноминативных предложений. Дополнительным критерием для выделения двух типов становятся также действующие в предложениях синтаксические ограничения. В специфицирующих предложениях в отличие от предикативных невозможно извлечение вопросительных элементов из именных компонентов (ср. специфицирующее предложение в (5) и предикативное в (6)) [3, 14, 16, 17].

- (5) [1. (108)] (разметка составляющих моя. – А.Г.)
 a. *I believe that [the cause of the riot] was*
 я считаю что причина бунта была
[a picture of the wall].
 фотография стены
 ‘Я считаю, что причиной бунта была фотография стены.’
 b. **[Which picture] do you believe that [the cause of the riot was ____]?*
 Ожид. ‘Какая картина ты веришь, что причина бунта была?’
- (6) [1. (110)] (разметка составляющих моя. – А.Г.)
 a. *I believe that [the cause of the riot] was*
 я верю что причина бунта была
[a big surprise to us all].
 большой сюрприз для нас всех
 ‘Я верю, что причина бунта была большим сюрпризом для всех нас.’
 b. *[How big a surprise] do you believe [the cause of the riot was ____]?*
 Букв. ‘Насколько большим сюрпризом ты веришь, что причина бунта была?’

В некоторых языках специфицирующие предложения допускают варьирование контролера согласования (7a) [4]. В предикативных предложениях выбор модели согласования однозначен (7b).

- (7) a. [4. (3d)] исландский
hvort aðalvandamálið %væri / %væruð
 ли главная проблема.DEF быть.SBJ.3.SG быть.SBJ.2.PL
%væru þið.
 быть.SBJ.3.PL 2.PL
 ‘... были ли главной проблемой вы.’
 b. *hvort þið væruð stór happafundur fyrir okkur.*
 ли вы быть.SBJ.2.PL большой счастливая находка для мы.асс
 ‘... были ли вы большой удачей для нас.’

Наконец, для специфицирующих клауз наблюдается ограничение на использование с глаголами с исключительным падежным маркированием (англ. *exceptional case marking*, (ECM)) без выраженной связки: при глаголах типа *consider* ‘считать’ и *seem* ‘казаться’ связка не может быть опущена (ср. (8b-b')) [3, 5]. При том предикативные предложения допускают оба варианта употребления (8a).

- (8) [1. (221)]
 a. *We consider John the best candidate.*
 мы считаем Джон DEF лучший кандидат
 ‘Мы считаем Джона лучшим кандидатом.’
 b. **We consider the best candidate John.*
 мы считаем DEF лучший кандидат Джон
 ‘Мы считаем лучшим кандидатом Джона.’
 b'. *We consider the best candidate to be John.*
 мы считаем DEF лучший кандидат быть.inf Джон
 ‘Мы считаем лучшим кандидатом Джона.’

Существуют две принципиальные возможности моделирования различия между типами биноминативных предложений. С одной стороны, можно рассматривать специфицирующие и предикативные клаузы как две базовые синтаксические структуры. С другой стороны, два типа клауз могут быть связаны деривационными отношениями.

Авторы, придерживающиеся первого подхода к моделированию биноминативных предложений, задают различия между структурами с помощью типизации глагольных связок. Например, в [18] наравне с предикативным типом связки выделяется также связка для предложений, утверждающих тождество, и связка для копульных предложений с локативной семантикой. А. Акмаджан выделяет два семантических оператора: предикативный оператор [is] и специфицирующий оператор [=] [19]. Основной аргумент в пользу подобного подхода – существование языков, в которых дистрибуция разных копульных элементов ограничена конструкциями разного типа (подробнее см. [20]). В [21] глагольные связки двух типов различаются не столько своей дистрибуцией, сколько синтаксическим типом предиката: в предикативных биноминативных предложениях предлагается моделировать глагол-связку как предикат подъема, а в специфицирующих предложениях – как переходный предикат. К. Хейкок и А. Крок предполагают существование малых клауз двух типов: в случае специфицирующих предложений малая клауза не содержит предикацию и имеет симметричную структуру [17].

Альтернативный подход к моделированию биноминативных предложений подразумевает, что оба типа предложений имеют одну базовую структуру, а отличия возникают в результате разных путей деривации [3, 4, 11, 12, 14, 22, 23]. Подход предполагает, что исходно биноминативное предложение имеет вид малой клаузы с субъектно-предикативной структурой (9). Глагол-связка представляет собой функциональный элемент, который не несет никакого значения, а именные составляющие имеют разный синтаксический статус.

(9) *be* [_{SC} [_{Subj} XP] [_{Pred} XP]]

Поверхностная структура биноминативного предложения получается в результате передвижения¹. В случае предикативного прочтения происходит передвижение более референтной именной группы из малой клаузы в позицию субъекта клаузы (10с). В специфицирующих предложениях та состав-

¹ В статье мы будем опираться на терминологию формальной грамматики минималистского типа, поскольку моделирование биноминативных предложений проводилось главным образом в рамках генеративной традиции синтаксиса. Мы будем рассуждать о передвижении отдельных составляющих посредством операции *Move*, которая применяется в результате установления отношения *Agree* между вершиной с неозначенными признаками, которая выступает в качестве зонда, и вершиной с означенными признаками, которая выступает в качестве цели в определенной ограниченной области.

ляющая, которая задает множество или список, интерпретируется как глубинный предикат и передвигается в позицию перед связкой¹ (10b). Представления о том, в какой синтаксической позиции оказывается передвигаемая составляющая, различны: это может быть А'-позиция, например COMP/SpecCP [14, 22], или А-позиция, а именно позиция субъекта клаузы Spec,TP или Spec,IP [3, 4, 24–27].

- (10) a. *was* [SC [Subj *a picture of the wall*] [Pred *the cause of the riot*]]
 была картина стены причина бунта
 b. [Pred *the cause of the riot*]_i *was* [SC [Subj *a picture of the wall*] *t_i*]
 'Причина бунта была картина стены.'
 c. [Subj *a picture of the wall*]_i *was* [SC *t_i* [Pred *the cause of the riot*]]
 'Картина стены была причина бунта.'

Сама идея передвижения обусловлена необходимостью моделировать асимметрии синтаксических ограничений. Невозможность извлечения вопросительных элементов (см. (5b)) в таком случае объясняется тем, что составляющая, следующая за связкой, является глубинным субъектом клаузы (или непосредственно занимает позицию субъекта клаузы Spec,TP как в [1]), а следовательно, накладывается островное ограничение на передвижение [29]. Асимметрия синтаксических ограничений при предикатах подъема типа *consider* 'считать' и *seem* 'казаться' объясняется невозможностью передвинуть предикатную ИГ в соответствующих предложениях без выраженной связки ввиду нарушения принципа относительной минимальности [30]. Неграмматичность предложений типа (8b) М. ден Диккен объясняет тем, что при А-передвижении предикатной ИГ субъектная ИГ, также находящаяся в А-позиции, выступает интервентом передвижения. Передвижение может стать доступным за счет одновременного передвижения функциональных вершин (например, вершины малой клаузы), которое создаст позицию для предикатной ИГ, равноудаленную в сравнении с субъектной ИГ². В [1] результатом передвижения вершины малой клаузы становится обязательность выражения связки. Хотя не все авторы в деталях обсуждают механизм передвижения ИГ в биноминативных предложениях, деривационный подход к моделированию можно считать общепринятым на текущий момент.

Закономерно возникает вопрос о том, чем мотивировано передвижение предикативной составляющей в случае специфицирующего прочтения. А. Моро в своей работе [32] связывает передвижение именных составляющих с необходимостью удовлетворить требования *Аксиомы линейного со-ответствия* [33], которая предполагает, что озвучиваться может только

¹ Некоторые авторы допускают при этом одновременное передвижение субъекта, например, в позицию фокуса [1, 28].

² В классической версии Минимализма множественные проекции единой вершины представляют собой минимальную локальную область, все элементы которой являются равноудаленными (англ. *equidistant*) по отношению к структурно более высокому зонду [31. С. 122].

несимметричная синтаксическая структура. При этом выбор именной составляющей, которая передвигается, ничем не ограничен. М. ден Диккен видит мотивацию для передвижения в системе падежных признаков: в результате передвижения создается конфигурация, в которой субъект малой клаузы может означить падежные признаки [1].

Целая группа моделей связывает передвижение предикативной составляющей в начальную позицию с особенностями информационной структуры специфицирующих биноминативных предложений. В следующем разделе мы обсудим эмпирические основания и детали соответствующих синтаксических моделей.

3. Информационная структура биноминативных предложений

Характерной особенностью специфицирующих биноминативных предложений принято считать фиксированную информационную структуру с фокусом на референтной ИГ, т.е. занимающей позицию после связки. Предметом дискуссии становится объем структуры, который может быть в фокусе в специфицирующих предложениях. Так, работы [15, 34, 35] предполагают, что в специфицирующих предложениях в фокусе находится вся референтная ИГ. Согласно наблюдениям в работах [1, 22, 23], в специфицирующих клаузах в фокусе может быть не непосредственно более референтная составляющая, но элемент, который в нее входит.

Информационная структура предикативных предложений при этом неоднозначна. К. Хейкок и др. допускают варьирование для предикативных клауз: в фокусе может быть любая именная составляющая. Напротив, М. ден Диккен и др. пишут о недоступности фокуса на референтной составляющей или любом элементе, который в нее входит.

Информационная структура специфицирующих предложений рассматривается в качестве движущей силы для инверсии предикативной структуры. Асимметрия информационной структуры биноминативных предложений моделируется за счет отдельных синтаксических признаков, характеризующих информационный статус составляющих. В работе Л. Миккельсен это признак [+Topic] на вершине T и одной из именных групп [11], в [15] – признак *фона* на более предикатной ИГ и признак *фокуса* на более референтной ИГ. При этом данные признаки чисто синтаксические, не выводятся ни из дискурсивного контекста, ни из значений каких-либо грамматических предикторов.

Другой вариант деривации представлен в анализе [36]: в нем передвижению предикатной ИГ предшествует передвижение референтной ИГ. Субъектная ИГ малой клаузы, для которой акцентное выделение допустимо, передвигается в позицию нижнего фокуса на периферии глагольной группы VP. Передвижение сопровождается эффектом *замораживания* (англ. *freezing*), в результате которого дальнейшее передвижение составляющей становится невозможно. Далее происходит передвижение малой клаузы с оставшейся в ней предикатной ИГ в позицию слева от субъектной ИГ. Заметим,

что при этом совершенно неясно, за счет каких механизмов деривации в предикативных предложениях фокус допускается также на предикатной ИГ, если исходя из предложенного анализа в позицию фокуса всегда должна попадать ИГ – субъект малой клаузы.

Как видим, предложенные варианты анализа, опирающиеся на характеристики информационной структуры, представляют собой чисто дескриптивные решения, поскольку не способны предсказать распределение соответствующих признаков в зависимости от предикторов внешнего контекста. Отдельный вопрос также касается собственно эмпирических оснований для постулируемой асимметрии и непосредственного определения фокуса: кроме так называемой информационной выделенности, авторы предложенных моделей никак не уточняют особенности реализации акцентных схем биноминативных предложений. Биноминативным предложениям посвящено два количественных исследования, результаты которых, на наш взгляд, ставят под сомнение господствующую роль информационных характеристик в деривации.

Исследование на материале корпуса устной речи Лондон–Лунд демонстрирует распределение интонационных характеристик специфицирующих и предикативных предложений, не вполне соответствующее ожидаемому (таблица) [37, 38]. Так, из 600 предложений всего лишь в 31% специфицирующих предложений в принципе фиксируется изменение тона, или, как пишет В. Ван Прэт, выделяется акцент¹, в то время как в предикативных предложениях изменение тона представлено в 86% случаев. Положение акцента соответствует ожиданиям: в 99% специфицирующих предложений акцент располагался на референтной ИГ, в 98% предикативных предложений акцент располагался на предикатной ИГ. Заметим, однако, что оценка наличия акцента, а также его расположения проводилась автором исследования, по-видимому, вручную с использованием визуальной характеристики просодии на тонограмме, т.е. была экспертной, а не основанной на просодических характеристиках предложения, измеренных количественным способом. Мы делаем такой вывод, поскольку автор не приводит информации о том, какие абсолютные или относительные значения высоты ЧОТ интерпретировались как наличие/отсутствие акцента. Количественные характеристики записанных предложений из корпуса, а именно высота ЧОТ и интенсивность, в меньшей степени соответствовали ожиданиям. В частности, в большей части специфицирующих предложений более резкое изменение ЧОТ и большая интенсивность фиксируются на предикатной ИГ.

Недостатком исследования В. Ван Прэта можно считать несбалансированность материала. Так, только 16% специфицирующих предложений представляли собой единую ЭДЕ (ср. с 74% предикативных предложений). Приведенные примеры также показывают, что в исследовании происходило

¹ Под акцентом автор подразумевает любое значимое изменение тона в пределах элементарной дискурсивной единицы.

смешение собственно биноминативных предложений и псевдоклефты¹. Наконец, автор не проводит статистического анализа полученных данных, что не позволяет сделать однозначные выводы о сходстве и различии специфицирующих и предикативных клаузов. Тем не менее очевидно, что количественные характеристики, обнаруженные в исследовании, противоречат ожиданиям, связанным с большей выделенностью референтной ИГ в специфицирующих предложениях.

Ключевые результаты корпусного исследования, % [37]

Характеристики	Специфицирующие	Предикативные
Выделяется ядерный акцент (~ фокус)	31	86
Ядерный акцент на референтной ИГ	99	1
Ядерный акцент на предикативной ИГ	1	98
Высота ЧОТ		
На референтной ИГ	35	45
На предикативной ИГ	65	55
Интенсивность		
Референтная ИГ	33	38
Предикативная ИГ	67	62

Другое количественное исследование асимметрии между специфицирующими и предикативными предложениями – экспериментальное исследование Ю. Хартманн на материале английского языка [15]. Целью эксперимента была проверка гипотезы о том, что в специфицирующих предложениях фокус на предикатной, линейно первой ИГ недопустим даже в том случае, когда он лицензируется контекстом, а в предикативных клаузах в условиях лицензирования контекстом фокус допустим на любой именной составляющей. Было проведено два эксперимента с использованием шкалы Ликерта 1–7: в первом эксперименте предложения воспроизводились с фокусом на первой ИГ, с фокусом на второй ИГ или с нейтральной интонацией² без контекста, во втором – те же предложения воспроизводились после вопроса, который лицензировал фокус на той или иной именной группе. Соответственно дизайн экспериментов был идентичный и включал две независимые переменные: ТИП ПРЕДЛОЖЕНИЯ (предикативное / специфицирующее) и РАСПОЛОЖЕНИЕ ФОКУСА (первая ИГ / вторая ИГ / нейтральная интонация). Результаты экспериментов показали, что как при лицензировании просодического оформления, так и без соответствующего контекста акцент на первой ИГ в английских специфицирующих клаузах неприемлем (рис. 1).

¹ В псевдоклефтовых конструкциях связка соединяет относительное придаточное, вводимое *wh*-группой, и номинативную составляющую.

² Под нейтральной интонацией имеется в виду интонация, при которой ИГ перед связкой получает восходящий топикальный акцент, а ИГ после связки – «обычный» акцент, не подразумевающий узкий фокус. К сожалению, автор не описывает просодические характеристики второй ИГ при нейтральной интонации и не уточняет, чем в данном случае «обычный» акцент на этой ИГ отличается от ситуации фокуса на той же ИГ.

В контексте лицензирующего вопроса предикативные предложения допускают оба варианта акцентуации¹.

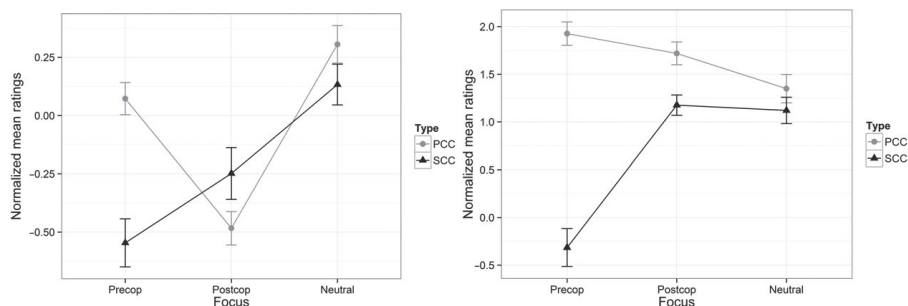

Рис. 1. Средние нормализованные оценки приемлемости для условий в эксперименте 1 без контекста (слева) [15. Fig. 2] и в эксперименте 2 с контекстом (справа) [15. Fig. 3]²

На первый взгляд экспериментальное исследование Ю. Хартманн подтвердило недоступность фокуса на первой именной группе в специфицирующих предложениях даже в лицензирующем контексте: соответствующее условие получает значимо сниженные оценки приемлемости. Однако вызывает вопросы лексическое наполнение предикативных и специфицирующих предложений-стимулов. Насколько можно судить по представленным в статье примерам (11), вершиной предикатной ИГ всегда было существительное, обозначающее роль, с зависимым оценочным прилагательным, а в качестве референтной ИГ использовалось имя собственное. Тип биноминативного предложения определялся только взаимным расположением предикатной и референтной именных составляющих. Однако для предикативного и специфицирующего прочтений фиксируются значимые различия в семантике (см. идею списка/переменной выше), которые в данных экспериментах никак не учитывались.

(11) [15. Table 1, (15), (16)]

a. (предикативное предложение. – А.Г.)

Trevor Bailey is the wittiest host.
 Тревор Бейли AUX DEF самый остроумный ведущий
 'Тревор Бейли – самый остроумный ведущий.'

b. (специфицирующее предложение. – А.Г.)

The wittiest host is Trevor Bailey.
 DEF самый остроумный ведущий AUX Тревор Бейли
 'Самый остроумный ведущий – Тревор Бейли.'

¹ Снижение оценок при расположении фокуса на менее референтной именной группе в предикативных предложениях Ю. Хартманн объясняет тем, что выделение ИГ, не являющихся референтными, вне контекста выглядит маркированно.

² Перевод обозначений на рисунке. По оси Оу «Расположение фокуса» слева направо: «на ИГ перед связкой», «на ИГ после связки», «нейтральный»; легенда справа: серый круг – «предикативные предложения», черный треугольник – «специфицирующие предложения».

Итак, ограничение на позицию фокуса оказывается ключевой характеристикой специфицирующих клауз для целого ряда синтаксических моделей, однако в основном обобщения об акцентных схемах биноминативных предложений основываются на интроспективных суждениях самих исследователей. Количественные данные для английского языка подтверждают предполагаемые особенности информационной структуры только частично: в корпусном исследовании просодические характеристики во многом не совпадают с предсказываемыми, а экспериментальное исследование ограничено с точки зрения использованного стимульного материала. В связи с этим мы предлагаем альтернативное объяснение асимметрии информационной структуры. Мы полагаем, что в специфицирующих предложениях изменение линейной позиции именной группы вызвано не грамматическими факторами, а коммуникативными или прагматическими соображениями.

Поскольку биноминативные предложения моделируются как переходная структура, на них могут накладываться те же ограничения, которые характерны для переходных структур без связки. При инвертировании субъектно-предикатной структуры малой клаузы происходит дислокация предикатной составляющей на левую периферию. В английском языке дислокация влево ведет к тематизации (12) [39, 40]. Так, в примере (13) дислоцированная влево именная группа может интерпретироваться только в качестве темы. Соответственно запрет на фокус на предикатной ИГ в специфицирующих предложениях может быть связан с тем, что английский язык не допускает экспрессивной препозиции прямого дополнения с инверсией подлежащего.

(12) [41. (3–4)]:

- a. A DULL COOL SUMMER *it* *had been ...*
 INDF пасмурный прохладный лето это be.PP
 'Пасмурное прохладное лето это было ...'
- b. Now, THOSE THINGS I *would have to give away, ...*
 теперь те вещи я должен был бы отдать
 'И вот, те вещи я должен был бы отдать, ...'

(13) a. *What did the boy buy yesterday?*

'Что мальчик купил вчера?'

The boy bought THE CHOCOLATES.
 DEF мальчик купил DEF шоколадки
 тема рема

b. *Where do the chocolates come from?*

'Откуда взялись шоколадки?'

THE CHOCOLATES *the boy bought.*
 DEF шоколадки DEF мальчик купил
 тема рема

Определить, является ли ограничение на акцентную схему специфицирующих предложений универсальным или конкретно-языковым, может помочь материал русского языка, в котором подобная эмфатическая линейно-

интонационная структура доступна (14)¹. В русском языке дислокация влево не ограничивает коммуникативную интерпретацию: дислоцированная влево именная группа может быть интерпретирована и как рема (14b), и как тема (14c).

- (14) а. *Что вчера купил мальчик?*
 Мальчик ↗ купил шоколадки ↘.
 тема рема
- б. *Что вчера купил мальчик?*
 Шоколадки ↘ мальчик купил.
 рема тема
- с. *Кто купил вчера шоколадки?*
 Шоколадки ↗ мальчик ↘ купил.
 тема рема

Факт обнаружения ограничений на акцентную схему специфицирующих биноминативных предложений в русском языке может служить аргументом в пользу универсального характера информационной структуры специфицирующих клауз. Если же асимметрия акцентных схем специфицирующих и предикативных предложений в русском языке отсутствует, своеобразную акцентную схему при специфицирующем прочтении стоит связать с конкретно-языковыми ограничениями на коммуникативные преобразования.

Если наше предположение о природе ограничений верно, это будет означать, что в специфицирующих предложениях изменение линейной позиции именной группы вызвано не грамматическими факторами, а коммуникативными или прагматическими. В пользу предложенной гипотезы говорит наблюдение о том, что в биноминативных предложениях возможна неоднозначность специфицирующего или предикативного прочтения, которая может разрешаться с помощью коммуникативного контекста. С одной стороны, возможна собственно омонимия предикативного и специфицирующего прочтений, ср. пример (15а), в котором допустимы обе интерпретации. При этом контекст может способствовать той или иной интерпретации: например, одно из двух прочтений можно вызывать, если добавить к той именной группе, которая должна восприниматься как более референтная, имя собственное [4]. С другой стороны, отмечается так называемая обратимость специфицирующих предложений: в некоторых случаях можно изменить порядок именных составляющих с сохранением специфицирующего прочтения, ср. (15а, б).

- (15) [1. (56)]
- а. *John's contribution to the conference was*
 Джона вклад в конференцию был
his best speech ever.
 его лучшая речь когда-либо
 'Вклад Джона в конференцию был(а) его лучшая речь за все времена.'

¹ Разметка коммуникативной структуры в соответствии с [42] и [43]: тематический акцент на составляющей X (X↗), рематический акцент на составляющей X (X↘).

b. <i>His</i>	<i>best</i>	<i>speech</i>	<i>ever</i>	<i>was</i>
его	лучшая	речь	когда-либо	была
<i>John's</i>	<i>contribution</i>	<i>to the conference.</i>		
Джона	вклад	в конференцию		
‘Лучшая речь Джона за все времена был(а) его вклад в конференцию.’				

Для проверки гипотезы мы проведем экспериментальное исследование, в котором будет варьировать тип биноминативного предложения и место расположения акцента (на одной из двух именных групп). Прежде, чем будут представлены дизайн и материалы эксперимента, обсудим, как дихотомия предикативного и специфицирующего прочтений переносится на русский язык.

4. Биноминативные предложения в русском языке

В русском языке биноминативные предложения определяются через структурную схему $N_1 - N_1$, которая устанавливает отношение между субъектом и его предметно представленным предикативным признаком [6. § 2322–2340]. Примечательно, что в русском языке основой для классификации биноминативных предложений стал вопрос о том, как между двумя именными составляющими распределяются синтаксические роли подлежащего и сказуемого.

В качестве критериев для определения главных членов предложения в наиболее последовательной классификации [2, 42] используются контролер согласования и распределение денотативных статусов. Критерии позволяют выделить два основных класса биноминативных предложений: (i) предложения с подлежащим-темой, с которым согласуется связка, в позиции перед связкой (16), (ii) предложения с подлежащим-ремой, с которым согласуется связка, в позиции после связки (18). Для предложений типа (i) также возможна эмфатическая инверсия, в результате которой сказуемое-рема передвигается в начало предложения (17).

- (16) [42. (3)]
 а. Пугачев в ту минуту был власть.
 б. Жени́тба на Элен была бы несча́стье.
- (17) [42. (4)]
 а. Ди́кое су́щество была́ эта Бэ́ла.
 б. Су́щий де́мон была́ его же́на.
- (18) [42. (11)]
 а. На́стоящий хо́зяин в до́ме была́ его же́на.
 б. Са́мое стра́шное была́ физи́ка.

Помимо двух основных классов Е.В. Падучева и В.А. Успенский также выделяют отношение идентификации, при котором ремой является сказуемое, с которым происходит согласование связка (19). В подобных предложениях сказуемое является компонентом, устраняющим информационную

недостаточность, и согласование подчиняется особому правилу о согласовании с идентифицирующим компонентом. Наконец, авторы описывают целый ряд проблемных случаев – предложений, в которых сказуемое является темой, но с ним происходит согласование связки, т.е. вышеуказанное правило нарушается (20).

(19) [42. (15–16)]

- а. *Один из участников концерта был Георг Отс / была Валерия Барсова.*
- б. *Каждый третий заговорщик была женщина.*

(20) [42. (18)]

- а. *Их удел был (*была) бедность*
- б. *Его цель всегда была (*было) служение людям*

Понятно, что выделение отдельного класса предложений идентификации, а также группы проблемных случаев вызвано тем, что в рассматриваемых предложениях грамматична модель согласования, которая является нетипичной для центральных классов. Непоследовательность классификации проявляется в том, что при анализе предложений по формальному критерию согласования никак не учитывается второй заявленный критерий, семантический, учитывающий денотативные статусы именных компонентов.

В недавней работе [44] приводятся аргументы против использования согласовательных характеристик в качестве критерия для классификации биноминативных предложений. Утверждается, что вариативность согласования в биноминативных предложениях распространена типологически, а также обусловлена самой синтаксической конфигурацией, в которой представлено несколько потенциальных контролеров согласования. Подобные конфигурации известны тем, что выбору варианта согласования могут способствовать различные характеристики контекста, например фактор удаленности предиката и контролера согласования, конкретные значения грамматических категорий именных компонентов. Контролер согласования может выбираться исходя и из коммуникативных задач говорящего (ср. особое интонационное правило в [42] или «усиление значения» при согласовании с предикатной ИГ в [45. С. 380; 46. С. 258]).

Автором статьи предложена классификация русских биноминативных клауз, в которой на материал русского языка проецируется оппозиция предикативных и специфицирующих предложений. Основным критерием предложенной классификации становится соотношение денотативных статусов именных групп, но если для германских языков основанием для противопоставления прочтений становится главным образом порядок именных групп, для русского языка предлагается характеризовать денотативный статус более подробно по [7–9] (в духе семантического критерия в [42]). Так, в предикативных предложениях первая ИГ является референтной и индивидуализирует объект или множество объектов, вторая ИГ является предикатной и обозначает свойство объекта или множества объектов (21). В специфицирующих предложениях первая ИГ имеет атрибутивный статус: обозначает

объект, исходя из презумпции его существования и единственности, но не называет конкретного референта. Вторая ИГ при этом является референтной. Иными словами, для специфицирующих предложений характерно такое соотношение двух именных групп, при котором первая ИГ обозначает некоторую переменную, значение которой заполняется второй ИГ (ср. *такой ИГ₂, что ИГ₂ – ИГ₁*) (22).

- (21) <тема, рема>, ПРЕДИКАТИВНЫЕ
(ДЕНОТ. СТАТУСЫ: *референтная ИГ – предикатная ИГ*)
а. *Шахматы* ↗ *всегда были его любимое занятие* ↘
б. *Тот цветок* ↗ *был ночная фиалка* ↘
- (22) <тема, рема>, СПЕЦИФИЦИРУЮЩИЕ
(ДЕНОТ. СТАТУСЫ: *атрибутивная ИГ – референтная ИГ*)
а. *Настоящий хозяин в доме* ↗ *была его жена* ↘
б. *Третья стадия* ↗ *была страх* ↘

Однако в отличие от классификаций для германских языков или адаптации классификации Ф.Р. Хиггинса для русского языка в [47] (см. подробнее критику также в [44]), в предложенной классификации расположение компонентов биноминативных предложений не является строго фиксированным (23–24). Такое решение объясняется необходимостью учитывать многообразие линейно-акцентных схем, доступных для русских биноминативных структур. Против того, что порядок именных групп с определенным денотативным статусом закреплен за специфицирующим или предикативным типом, говорит возможность инверсии компонентов обоих типов биноминативных клауз. Как показывается и в работе Е.В. Падучевой и В.А. Успенского, и в статье А.А. Герасимовой, в русском языке контекст может лицензировать различные коммуникативные преобразования биноминативной структуры вне зависимости от расположения более и менее референтных именных групп.

- (23) <рема, тема>, ПРЕДИКАТИВНЫЕ
(ДЕНОТ. СТАТУСЫ: *референтная ИГ – предикатная ИГ*)
а. *Суций демон* ↘ *была его жена*
б. *Любопытное зрелище* ↘ *был их отъезд*
- (24) <тема, рема>, СПЕЦИФИЦИРУЮЩИЕ
(ДЕНОТ. СТАТУСЫ: *атрибутивная ИГ – референтная ИГ*)
а. *Служение людям* ↘ *всегда была его цель*
б. *Шахматы* ↘ *всегда были его любимое занятие*

В текущей работе мы примем данную классификацию с разделением предложений на предикативные и специфицирующие в качестве отправной точки для составления материалов эксперимента. Поскольку задача эксперимента состоит в том, чтобы проверить, соблюдается ли в русском языке ограничение на информационную структуру канонических специфицирующих предложений, в эксперимент будут включаться предложения без коммуникативных преобразований.

Денотативный статус именных групп в биноминативных предложениях будет задаваться с помощью лексики. В частности, мы будем ориентироваться на рекомендации из ранее упомянутой литературы по германским языкам и характеристики «прототипических» предикативных и специфицирующих клауз из [4]. В специфицирующих предложениях в качестве первой ИГ, имеющей атрибутивный статус, будут фигурировать абстрактные именные группы или именные группы, обозначающие роль. В качестве второй (референтной) ИГ будет использоваться определенная дескрипция с конкретной или абстрактной семантикой или определенная дескрипция, обозначающая совокупность лиц (25).

- (25) а. *Причина спора была претенденты на премию.*
б. *Специальность приятеля была дела о банкротстве.*
в. *Последние докладчики были чета Григорьевых.*
г. *Безусловные фавориты были коллектив трубачей.*

В предикативных предложениях в качестве первой ИГ мы используем определенную дескрипцию, обозначающую отдельные лица, предметы, события. В качестве второй (предикатной) именной группы используются абстрактные существительные с оценочным значением или родовые названия с качественным прилагательным с семантикой оценки, существительные, обозначающие лиц с семантикой оценки¹. Примеры приведены в (26).

- (26) а. *Потребности супруги были настоящий закон.*
б. *Заметки в газете были полная неразбериха.*
в. *Рассказ о прибыли был сплошные выдумки.*
г. *Экспедиция на Камчатку была тяжелые испытания.*

Ранее в статье уже было отмечено, что различия между предикативными и специфицирующими предложениями касаются выбора контролера предикативного согласования: для специфицирующих предложений наблюдается большая вариативность. Поскольку данные о русском языке не подтверждают единственность модели согласования для какого-либо из типов биноминативных предложений, было решено включить в экспериментальное исследование обе доступные стратегии. В стимульном материале мы вариировали согласование с первой и второй ИГ по категории числа, значения которой были сбалансированы в материале (27, 28).

- (27) а. *Причина спора **была** претенденты на премию.*
б. *Причина спора **были** претенденты на премию.*
в. *Безусловные фавориты **были** коллектив трубачей.*
г. *Безусловные фавориты **был** коллектив трубачей.*

¹ При составлении стимульного материала мы стремились избежать метафорического прочтения. Кроме того, контролировалось, чтобы предикат не мог интерпретироваться как роль, которую выполняет референт, не задавал список, в который может попасть референт, другими словами, не имел атрибутивного прочтения. Именные группы были также сбалансированы с точки зрения трех типов структуры: сочетание существительного с прилагательным, с генитивным зависимым, с предложным зависимым.

Итак, в результате анализа вариантов классификации русских бинаминативных предложений было решено проводить разделение типов клауз в экспериментальном исследовании по соотношению денотативных статусов именных составляющих. Ограничения в интерпретации материала задаются с помощью лексики, наиболее вероятной для того или иного денотативного статуса, и контролируются с помощью набора эвристик. Теперь перейдем к обсуждению других аспектов дизайна эксперимента и его результатам.

Для того чтобы проверить различия в информационной структуре двух типов биноминативных предложений, в эксперименте должна варьировать акцентная схема. Анализ информационной структуры биноминативных предложений вслед за [42] будем проводить в терминах тема-рематического членения. В качестве фокусного акцента будем иметь в виду рематический акцент, т.е. акцент на конституирующем коммуникативном компоненте сообщения, который физически проявляется как нисходящий акцент или падение тона [43. С. 24]. Если информационная структура специфицирующих клауз фиксирована, фокусный акцент должен быть доступен исключительно на референтной ИГ. В предикативных предложениях ожидается доступность фокусного акцента на любой из именных составляющих.

Поскольку речь идет о коммуникативной структуре сообщения, акцент не может появиться на предложении без удовлетворения определенной коммуникативной задачи. Следовательно, в эксперименте рематический акцент будет лицензироваться с помощью предваряющего предложение вопроса к одной из двух именных групп. Если вопрос задается к первой ИГ, в предложении она представляет собой рему и характеризуется падением тона. Вторая ИГ при этом характеризуется ровным движением тона (30а, 31а). Если вопрос задается ко второй ИГ, тогда первая ИГ имеет тематический акцент, выражающийся в подъеме тона, а вторая ИГ – рематический акцент с нисходящим движением тона (30b, 31b). Вопросы не унифицировались по строгой схеме, но соответствовали следующим требованиям: в них исключалось согласование с бытийной связкой и творительный предикативный, чтобы нивелировать возможный эффект прайминга.

- (30) Вопрос к ИГ1: Что показалось тебе неудачным в нашей рекламной кампании?
а. Заметки в газете ↘ были / была полная неразбериха
 рема | тема
- Вопрос к ИГ2: Какое у тебя сложилось мнение о заметках в газете?
б. Заметки в газете ↗ были / была полная неразбериха ↘
 тема | рема

- (31) Вопрос к ИГ1: *Что аспиранты делали на этой лекции?*

а. *Помощники лектора* ∖ были / была пара аспирантов

рема | тема

Вопрос к ИГ2: *Кто помогал лектору во время занятия?*

б. *Помощники лектора* ↗ были / была пара аспирантов ∖

тема | рема

Расположение паузы, задающей границы восходящего или нисходящего тона, может влиять на выбор контролера согласования, а следовательно на приемлемость биноминативного предложения (ср.: *Друг этот был – Лиса* [42. (13)] vs *Друг этот | была Лиса*). Поэтому было решено включить паузу в качестве межгрупповой переменной и провести два параллельных эксперимента с различным расположением паузы в стимульных предложениях: до связки и после связки. Чтобы сохранить возможность сравнивать результаты двух экспериментов были использованы филлеры двух типов, грамматичные (32а, б) и неграмматичные (32с, д). В филлерах до паузы всегда был восходящий тематический акцент, после – нисходящий рематический, а положение паузы было сбалансировано.

- (32) а. Вопрос: *О чем вы беседовали с корреспондентом газеты?*

Корреспондент газеты ↗ | интересовался результатами исследований ∖

б. Вопрос: *Зачем к вам приходил помощник машиниста?*

Помощник машиниста написал ↗ | заявление об увольнении ∖

с. Вопрос: *Почему дежурный оператор хотел с тобой поговорить?*

Дежурный оператор ↗ | догадался за причины неисправности ∖

д. Вопрос: *Что спрашивал ассистент режиссера?*

Ассистент режиссера спрашивал ↗ | от последних новостей ∖

Таким образом, дизайн каждого эксперимента включал три независимые переменные (см. (33) и (34)): ТИП ПРЕДЛОЖЕНИЯ (предикативное / специфицирующее), АКЦЕНТНУЮ СХЕМУ (акцент на первой ИГ / на второй ИГ), СТРАТЕГИЮ СОГЛАСОВАНИЯ (с первой ИГ / со второй ИГ). На каждое из восьми условий составлялось по четыре стимула, по 32 лексикализации на каждый тип предложения. Лексикализации распределялись по четырем листам по методу латинского квадрата и шли в случайном порядке.

- (33) Вопрос к ИГ1: *Что показалось тебе неудачным в нашей рекламной кампании?*

а. *Заметки в газете* ∖ | были / была полная неразбериха

б. *Заметки в газете* ∖ были / была | полная неразбериха

рема | тема

Вопрос к ИГ2: *Какое у тебя сложилось мнение о заметках в газете?*

с. *Заметки в газете* ↗ | были / была полная неразбериха ∖

д. *Заметки в газете* ↗ были / была | полная неразбериха ∖

тема | рема

- (34) Вопрос к ИГ1: *Что аспиранты делали на этой лекции?*

а. *помощники лектора* ∖ | были / была пара аспирантов

б. *помощники лектора* ∖ были / была | пара аспирантов

рема | тема

Вопрос к ИГ2: Кто помогал лектору во время занятия?

с. помощники лектора ↗ | были / была пара аспирантов ↘

d. помощники лектора ↗ были / была | пара аспирантов ↘

тема

рема

Поскольку в фокусе рассмотрения корреляционная связь между двумя параметрами предложений, типом и акцентной схемой, экспериментальное исследование проводилось с применением метода оценки приемлемости по шкале Ликерта 1–7. Стимулы предлагались респондентам в звуковой модальности. Вопрос и ответ озвучивались двумя женскими голосами непрофессиональных дикторов – носителей русского языка. Все паузы в предложениях были выравнены: пауза между двумя просодическими составляющими составляла 400 мсек, между вопросом и ответом – 800 мсек¹. Интонирование контролировалось на слух, а также через анализатор Praat [52]. На рис. 2 изображено движение основного тона для предложений из примера (33).

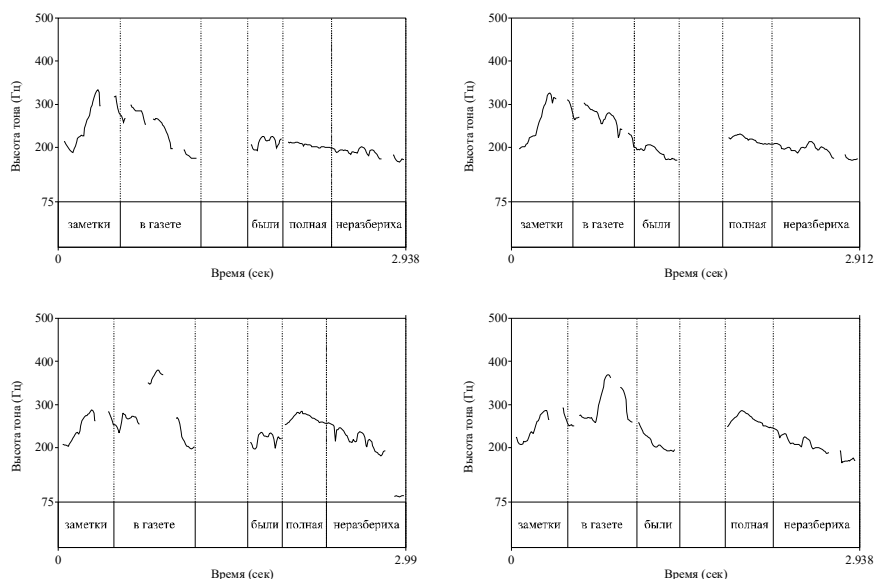

Рис. 2. Движение основного тона для предикативных биноминативных предложений (33а, b) (сверху) и (33с, d) (снизу) при согласовании связки с первой ИГ

Эксперименты были разработаны на платформе lab.js [53] и проводились с помощью сервиса JATOS3 [54]. Между вопросно-ответными парами был перерыв в 1 с, время на оценку было ограничено 10 с. Для повышения внимания респондентов к 4 филлерам был поставлен дополнительный вопрос

¹ Длительности пауз соответствуют длительности межсинтагменных пауз в исследованиях, посвященных перцептивной категоризации пауз [48–51].

по содержанию предложения с тремя вариантами ответа. Привлечение участников проводилось с использованием сервиса Яндекс.Толока¹.

В эксперименте участвовало 120 человек, 20 из которых (17%) не справились с ответами на контрольные вопросы или с оценкой тренировочных предложений и были исключены при анализе результатов². На два эксперимента приходилось по 50 респондентов (43 жен., 57 муж.), что дает 200 наблюдений на условие. Средний возраст составил 43 года (мин. 18, макс. 72, SD = 12).

В эксперименте с паузой до связки значимыми оказались факторы ТИП БП ($\beta = -0.32$, SE = 0.07, $t = -4.55$, $p\text{-value} < 0.0001$), АКЦЕНТНАЯ СХЕМА ($\beta = -0.21$, SE = 0.08, $t = -2.64$, $p\text{-value} = 0.009$), а также взаимодействие факторов ТИП БП : АКЦЕНТНАЯ СХЕМА ($\beta = 0.75$, SE = 0.1, $t = 7.53$, $p\text{-value} < 0.0001$)³. Фактор СОГЛАСОВАНИЕ оказался незначимым ($\beta = -0.05$, SE = 0.06, $t = -0.85$, $p\text{-value} = 0.399$). В эксперименте с паузой после связки значимыми оказались фактор СОГЛАСОВАНИЕ ($\beta = -0.53$, SE = 0.07, $t = -7.74$, $p\text{-value} < 0.0001$), взаимодействия факторов СОГЛАСОВАНИЕ : АКЦЕНТНАЯ СХЕМА ($\beta = -0.18$, SE = 0.09, $t = -2.07$, $p\text{-value} = 0.04$) и ТИП БП : АКЦЕНТНАЯ СХЕМА ($\beta = 0.43$, SE = 0.1, $t = 4.47$, $p\text{-value} < 0.0001$)⁴. Факторы ТИП БП ($\beta = -0.03$, SE = 0.06, $t = -0.46$, $p\text{-value} = 0.65$) и АКЦЕНТНАЯ СХЕМА ($\beta = 0.12$, SE = 0.08, $t = 1.51$, $p\text{-value} = 0.13$) сами по себе оказались незначимы⁵.

Обобщим результаты экспериментов. Асимметрия акцентных схем частично подтверждается результатами эксперимента с расположением паузы перед связкой: фактор АКЦЕНТНАЯ СХЕМА оказался значимым, также значимо взаимодействие факторов ТИП БП : АКЦЕНТНАЯ СХЕМА (рис. 3). Для специфицирующих клауз акцент на второй ИГ (34с) оказывается более приемлемым, чем акцент на первой ИГ (34а)⁶. Тем не менее акцент на ИГ1 значимо более приемлем, чем неграмматичные филлеры (*t*-критерий Уэлча,

¹ К участию приглашались пользователи, владеющие русским языком как родным, указавшие Россию в качестве страны пребывания и гражданства. Оплата за участие была равна \$ 0.25, средняя скорость выполнения задания – 18 мин. Оплата проводилась по факту принятия задания, после проверки записи оценок на сервере.

² Для отбора отклоняющихся ответов были использованы критерии, представленные в [55].

³ Линейная смешанная модель z-оценка ~ ТИП БП + АКЦЕНТНАЯ СХЕМА + СОГЛАСОВАНИЕ + ТИП БП : АКЦЕНТНАЯ СХЕМА + АКЦЕНТНАЯ СХЕМА : СОГЛАСОВАНИЕ + (1 + ТИП БП + АКЦЕНТНАЯ СХЕМА + СОГЛАСОВАНИЕ + ТИП БП : АКЦЕНТНАЯ СХЕМА + ТИП БП : СОГЛАСОВАНИЕ | респондент) + (1 | предложение) значима (LR-test = 61.435, df = 5, $p < 0.0001$).

⁴ Линейная смешанная модель z-оценка ~ ТИП БП + АКЦЕНТНАЯ СХЕМА + СОГЛАСОВАНИЕ + ТИП БП : АКЦЕНТНАЯ СХЕМА + АКЦЕНТНАЯ СХЕМА : СОГЛАСОВАНИЕ + (1 + ТИП БП + АКЦЕНТНАЯ СХЕМА + СОГЛАСОВАНИЕ + ТИП БП : АКЦЕНТНАЯ СХЕМА + ТИП БП : СОГЛАСОВАНИЕ | респондент) + (1 | предложение) значима (LR-test = 107.29, df = 5, $p < 0.0001$).

⁵ Степени свободы оценивались с помощью метода аппроксимации Саттервайта (библиотека *lmerTest*). Все другие данные о моделях регрессии доступны по запросу автору.

⁶ Здесь и далее обобщения основываются на попарных сравнениях Тьюки, $p\text{-value} < 0.05$, если не указано иное.

p-value $\ll 0.0001$ при любой стратегии согласования). Оценки для специфицирующих предложений с акцентом на первой ИГ также значимо не отличаются от оценок для предикативных предложений с акцентом на второй ИГ.

Для предикативных клауз мы не ожидали существенных отличий в приемлемости разных акцентных схем, однако такие отличия присутствуют: акцент на второй ИГ при согласовании с ней (33с) значимо менее приемлем, чем все остальные условия. При этом специфицирующие предложения с акцентом на второй ИГ и согласованием со второй ИГ (34с) являются более приемлемыми, чем предикативные с акцентом на первой ИГ и согласованием со второй ИГ (33а) и предикативные с акцентом на второй ИГ и любой стратегией согласования (33с).

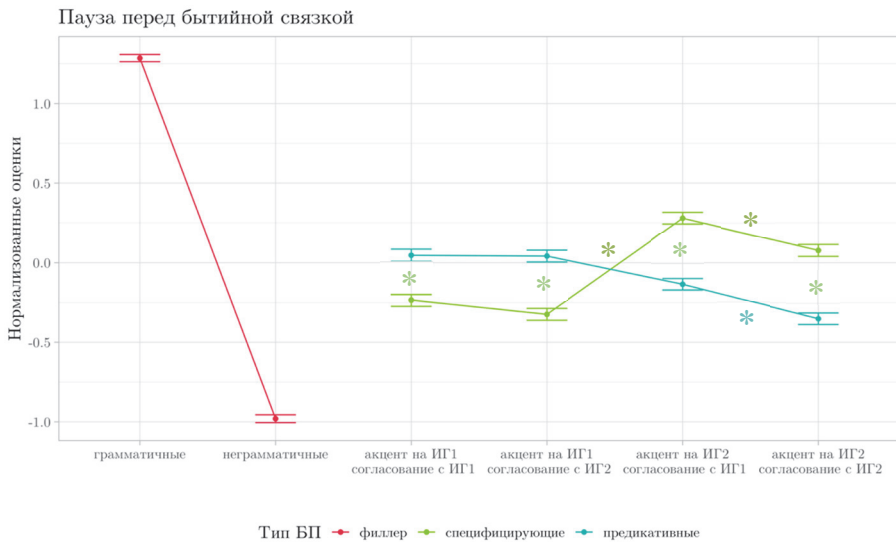

Рис. 3. Нормализованные оценки приемлемости на графике взаимодействия факторов ТИП БИНОМИНАТИВНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ, РАСПОЛОЖЕНИЕ АКЦЕНТА и СТРАТЕГИЯ СОГЛАСОВАНИЯ в сравнении с филлерами (эксперимент с расположением паузы перед бытийной связкой)

При расположении паузы после связки наблюдается значимость взаимодействия факторов СОГЛАСОВАНИЕ : АКЦЕНТНАЯ СХЕМА, которое предполагает, что место расположения акцента модулирует изменения в приемлемости стратегии согласования (рис. 4). Для специфицирующих предложений ожидания о различиях в приемлемости акцентных схем подтверждаются: акцент на второй ИГ более приемлем (34d), чем акцент на первой ИГ (34b). Для предикативных предложений также ситуация соответствует наблюдаемой в других языках мира: акцент на первой ИГ (33b) и акцент на второй ИГ (33d) демонстрируют сходные значения приемлемости. При этом акцент на

первой ИГ для специфицирующих предложений вполне допустим: при расположении паузы после связки оценки для специфицирующих и предикативных клауз с акцентом на первой ИГ совпадают.

Обсудим другие экспериментальные факторы. В эксперименте с паузой до связки большая или меньшая приемлемость предикативных предложений в сравнении со специфицирующими определяется расположением акцента. При расположении паузы после связки оценки для специфицирующих и предикативных клауз отличаются только при расположении акцента на второй ИГ. Отметим также, что в эксперименте с паузой до связки ни положение акцента, ни особенности синтаксической структуры или коммуникативного членения биноминативного предложения не модулируют распределение стратегий согласования. Когда же первая ИГ и глагол-связка образуют просодическое единство, приемлемость согласования со второй ИГ снижается, хотя все равно превышает уровень оценок неграмматичных филлеров.

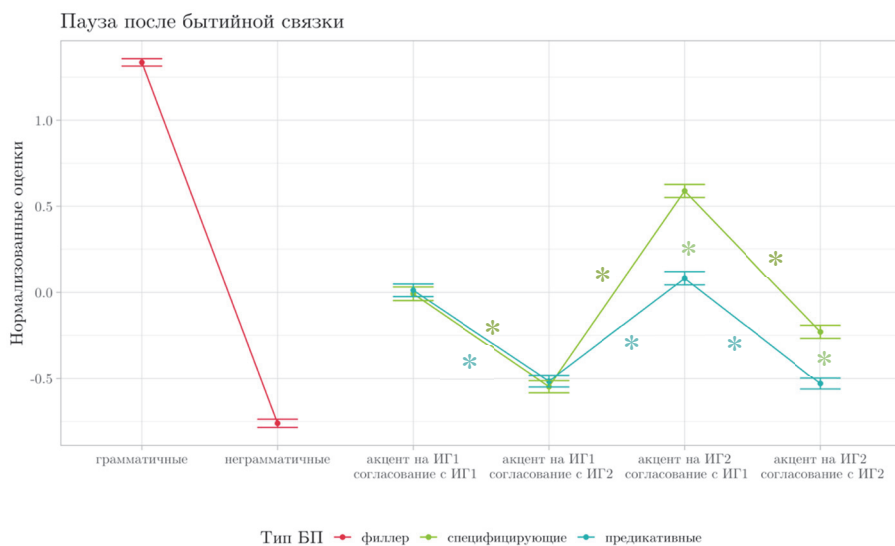

Рис. 4. Нормализованные оценки приемлемости на графике взаимодействия факторов ТИП БИНОМИНАТИВНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ, РАСПОЛОЖЕНИЕ АКЦЕНТА и СТРАТЕГИЯ СОГЛАСОВАНИЯ в сравнении с филлерами (эксперимент с расположением паузы после бытийной связки)

Перед тем как перейти к обсуждению теоретической значимости экспериментальных результатов, обратим внимание на одну особенность стимульных материалов. Для того чтобы лицензировать рематический акцент, мы использовали предваряющий предложение вопрос. Вопросы составлялись таким образом, чтобы лексическое наполнение насколько возможно не повторяло лексику из ИГ в фокусе. В предикативных предложениях зачастую приходилось использовать несовпадающую лексику и для другой ИГ

В тестовом исследовании без контекста участвовало 16 человек (по 8 на эксперимент). В эксперименте с паузой перед связкой ни один из факторов не оказался значимым: отсутствие контекста приводит к неразличению противопоставлений по акцентным схемам (рис. 5, 6).

В эксперименте с паузой после связки сохранилась асимметрия стратегий согласования, но фактор акцентной схемы оказался незначим. Если считать, что в тестовом эксперименте предложения действительно интерпретировались как тетические, тогда различие результатов тестового и полноценного экспериментов говорит в пользу отсутствия подобной интерпретации в экспериментах с контекстом. Следовательно, в основных экспериментах контекст лицензировал рематический акцент и сводил к минимуму возможность тетической интерпретации.

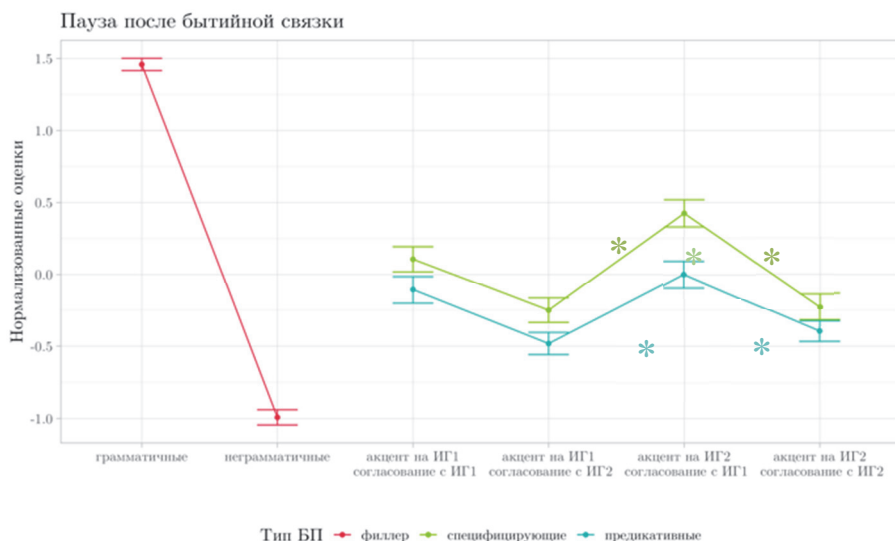

Рис. 6. Результаты подтверждающего эксперимента без контекста (расположение паузы после связки)

6. Обсуждение

Итак, экспериментальное исследование только частично подтвердило особую информационную структуру специфицирующих биноминативных предложений. Асимметрия типов биноминативных предложений в русском языке имеет иную природу, нежели предсказывалось на основании исследований германских языков. Акцент на второй ИГ действительно оказывается наиболее приемлемым при любом расположении паузы. Однако акцент на первой ИГ в специфицирующих предложениях не является неграмматичным: он получает значительно более высокие оценки, чем неграмматичные филлеры, и не отличается по приемлемости от акцента на второй ИГ в предикативных предложениях.

Ввиду того, что акцент на второй ИГ вполне доступен в русском языке, мы делаем вывод, что приемлемость акцентных схем определяется конкретно-языковым инструментарием коммуникативных преобразований. Тем не менее остается необходимость объяснить повышенную приемлемость акцента на второй ИГ в специфицирующих предложениях, которая наблюдается в данных как русского языка, так и германских языков. Мы связываем наблюдаемые закономерности с особой ролью атрибутивного статуса первой ИГ при специфицирующем прочтении. Контекст специфицирующих предложений предполагает, что вторая ИГ является идентифицирующим компонентом по отношению к первой ИГ. Соответственно, вторая ИГ восполняет недостающую информацию и является ремой высказывания. Хотя обратное тема-рематическое членение в русском языке допустимо, соответствующие коммуникативные контексты намного менее частотны, чем прототипические для атрибутивных ИГ.

Подобный анализ сводит противопоставление предикативного и специфицирующего прочтений к различию денотативных статусов менее референтных ИГ: в предикативных предложениях ИГ предикатная, в специфицирующих – атрибутивная (см. выше обсуждение семантического критерия в [42] и классификацию биноминативных клауз [44]). Такое решение не соответствует критерию, принятому в литературе: оппозиция обычно сводится к идее порядка следования ИГ в зависимости от их референтности. Мы полагаем, что критерий порядка уступает критерию денотативных статусов именных составляющих. Обсудим подробнее, почему это так.

Начнем с того, что многие авторы при определении специфицирующих предложений отмечают атрибутивное употребление первой ИГ. Эксплицитно об этом пишет Ф.Р. Хиггинс [10]. Другие исследователи характеризуют соотношение двух ИГ как переменной и значения переменной или множества и элемента множества [3, 14, 22, 23]. Такая интерпретация подразумевает, что ИГ, задающая переменную или множество, несет презумпцию существования и единственности некоторого значения или переменной, не называя его. Иными словами, интуиция исследователей соответствует пониманию атрибутивного статуса по К.С. Доннелану и Е.В. Падучевой [7, 8, 9]. Наконец, в рамках прагматического подхода специфицирующие предложения представляются как вопросно-ответные пары, в которых элемент, означающий вопрос, предшествует связке, а ответ следует за ней, что также совпадает с идеей отличия денотативного статуса первой ИГ от чисто предикатного [57, 58].

По результатам исследований на материале четырех германских языков Ю. Хартманн и К. Хейкок выделяют характерный для специфицирующего прочтения лексический материал [4]. К прототипическим специфицирующим относятся те клаузы, в которых первая ИГ представляет собой определенную дескрипцию, обозначающую роль (напр., англ. *winner* ‘победитель’, *candidate* ‘кандидат’), или абстрактное существительное (напр., англ. *reason / cause* ‘причина’, *problem* ‘проблема’, *inspiration* ‘вдохновение’). Такие определенные дескрипции как раз могут выполнять атрибутивную функцию

и отсылать к соответствующим лицам или предметам, которые удовлетворяют дескрипции, но не называются напрямую.

Далее, критерий разделения типов биноминативных предложений, основанный на порядке ИГ, ставят под сомнение результаты недавних количественных исследований. Так в экспериментальном исследовании для русского языка [59] респонденты оценивали представленные в текстовом формате канонические и инвертированные специфицирующие и предикативные предложения. Примечательно, что приемлемость инверсии предикативного предложения не совпадает с приемлемостью канонических предложений со специфицирующим прочтением. Иными словами, инверсии предикативной структуры недостаточно для того, чтобы получить специфицирующее прочтение, а ключевым для определения уровня приемлемости становится лексическое наполнение каждого из типов предложений, а следовательно, тип референции именной группы.

Для германских языков фактор порядка именных групп учитывался в корпусном исследовании В. Ван Прэта, которое проводилось с позиций анализа дискурсивного статуса именных групп [38]. В количественном анализе В. Ван Прэт опирается на понятие идентифицируемости в дискурсе (англ. *discourse-familiarity*), которое отражает статус активации референта, и классифицирует все ИГ в составе биноминативных предложений в соответствии со статусами данного и нового (см. подробнее использованную таксономию в [60] и [61]). Примечательно, что при разметке также учитывались инвертированные специфицирующие предложения, которые обычно игнорируются исследователями биноминативных клауз¹. В результате исследований выявлены следующие закономерности. В предикативных клаузах более референтная ИГ обычно (в 84% случаев) является данным; менее референтная ИГ, напротив, обычно представляет новую информацию (81%). В то же время обе ИГ в специфицирующих предложениях скорее представляют новое: менее референтные ИГ являются новым в 72% случаев, когда ИГ неопределенная, и в 47% случаев, когда ИГ определенная; более референтные ИГ имеют статус нового в 93 и 82% случаев соответственно в зависимости от определенности/неопределенности менее референтной ИГ. Наконец, при инверсии более референтная ИГ также скорее имеет статус нового (61%); статус менее референтной ИГ однозначно не определен, возможно как новое (46%), так и данное (54%). Подобные результаты позволяют снова заключить, что для оппозиции предикативных и специфицирующих предложений недостаточно одного изменения порядка слов. Если бы лексическое наполнение не играло роли в типизации биноминативных клауз, мы могли бы ожидать распределения статусов данного/нового для инвертированных специфицирующих предложений, сходного с распределением для предикативных.

¹ Разметка предложений в корпусе с точки зрения специфицирующего или предикативного прочтения проводилась с опорой на семантический критерий в духе [4].

Хотя некоторые авторы определяли оппозицию специфицирующих и предикативных предложений через различия в соотношении денотативных статусов именных составляющих, эти различия ни в каком виде не фигурировали в формальных моделях биноминативных предложений. Мы находим только одну линию рассуждения, в которой была предпринята попытка уловить особую семантику специфицирующего прочтения. М. Ромеро и К. Хейкок в своих моделях семантически моделируют первую ИГ в специфицирующих предложениях как интенциональный объект – элемент того же семантического типа, как объект в так называемых скрытых вопросах (37b) [62, 63]. Специфика скрытых вопросов состоит в интерпретации, повторяющей значение косвенного вопроса к тому же объекту: ср. идентичную интерпретацию (37b) и (37c). К. Хейкок в связи с этим предполагает, что в специфицирующих предложениях вершиной малой клаузы является особая функциональная вершина F, которая задает особую семантику своего компонента.

- (37) a. *They knew/guessed/announced [the winner].* [63. (66)]
 b. *Mary knows [Joan's phone number].* [64. (1a)]
 c. *Mary knows [what Joan's phone number is].*

К сожалению, предложенная К. Хейкок модель представляет собой дескриптивное решение *ad hoc*, поскольку ее нельзя фальсифицировать и она не встречается ни в каком другом фрагменте языка. Мы предполагаем, что правильнее будет инкорпорировать в синтаксическую модель собственно денотативный статус именной группы. Анализ с инверсией малой клаузы оказывается успешным для объяснения целого ряда синтаксических закономерностей, поэтому ключевым становится вопрос о том, какой набор признаков приводит к инверсии в случае специфицирующего прочтения. Мы предлагаем считать таким признаком атрибутивный статус ИГ. В таком случае необходимо определить, каким образом тип референции может кодироваться в синтаксической модели.

В ряде моделей именных групп предлагается кодировать референциальную информацию в оболочке группы определителя DP. В частности, А.М. Перельцайг разделяет два возможных воплощения ИГ: малые именные группы, в которых отсутствует проекция DP, и собственно именные группы DP, которые кодируют референциальные характеристики [65, 66]. В свою очередь, гипотеза о трехслойности DP предполагает три проекции определителя, каждая из которых выполняет свою семантическую функцию: сильная SDP, предикативная PDP и родовая KDP [67, 68]. За референциальную интерпретацию отвечает верхняя категория сильного DP, в частности, при моделировании гибридных существительных предполагается, что именно в этой проекции появляется референциальный признак женского рода [69].

Таким образом, мы приходим к следующему анализу специфицирующих предложений. В условиях коммуникативной задачи, предполагающей специфицирующую интерпретацию, референциальные признаки атрибутивной

DP вызывают инверсию малой клаузы. Дальнейшие коммуникативные преобразования оказываются специфичными для конкретного языка.

7. Заключение

В статье мы рассмотрели вопрос о том, определяется ли акцентная схема специфицирующих биноминативных предложений особым соотношением денотативных статусов в предложении или она задается ограничениями на коммуникативную парадигму переходных предложений в определенном языке. Результаты экспериментального исследования показали, что ограничения на акцентную схему специфицирующих предложений не являются универсальными. Тем не менее асимметрия в информационной структуре специфицирующих и предикативных предложений в русском языке сохраняется, хотя имеет иную природу. Асимметрия проявляется не в запрете одной из схем, но в повышенной приемлемости акцента на вторую ИГ в специфицирующих предложениях.

Мы делаем вывод о том, что строгость ограничений на акцентную схему биноминативного предложения лингвоспецифична, а синтаксическая инверсия не связана с особенностями информационной структуры. При этом значимый вклад в формирование оппозиции предикативного и специфицирующего прочтений вносит не порядок именных групп, противопоставленных по степени референциальности, а различия в денотативном статусе. В синтаксисе инверсия связывается с признаком атрибутивного статуса ИГ, который кодируется в оболочке группы определителя DP. Асимметрию акцентных схем в русском языке мы объясняем тем, что статус темы для ИГ с атрибутивным денотативным статусом является более частотным: это ведет к повышению приемлемости соответствующей акцентной схемы.

Список источников

1. *Dikken M. den.* Specificational copular sentences and pseudoclefts. The Blackwell Companion to Syntax, 2006.
2. *Падучева Е.В., Успенский В.А.* Подлежащее или сказуемое: (Семантический критерий различения подлежащего и сказуемого в биноминативных предложениях) // Известия Академии наук СССР: Серия литературы и языка. 1979. Т. 38, № 4. С. 349–360.
3. *Moro A.* The raising of predicates: Predicative noun phrases and the theory of clause structure. Cambridge : Cambridge University Press, 1997. 318 p.
4. *Hartmann J.M., Heycock C.* (Morpho) syntactic variation in agreement: specificational copular clauses across Germanic // *Frontiers in Psychology*. 2020. Vol. 10. Art. 2994. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2019.02994/full> (retrieved: 01.11.2020). Digital text.
5. *Mikkelsen L.* Copular clauses // *Semantics: An international handbook of natural language meaning* / editors: K. von Stechow, C. Maienborn, P. Portner. Berlin : De Gruyter, 2011. Vol. 2. P. 1805–1829.
6. *Русская грамматика* : в 2 т. / гл. ред. Н.Ю. Шведова. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология; Т. 2: Синтаксис. М. : Наука, 1980. 717 с.

7. *Donnellan K.S.* Reference and definite descriptions // *The Philosophical Review*. 1966. Vol. 75, № 3. P. 281–304.
8. *Donnellan K.S.* Putting humpty dumpty together again // *The Philosophical Review*. 1968. Vol. 77, № 2. P. 203–215.
9. *Падучева Е.В.* Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М. : Наука, 1985. 271 с.
10. *Higgins F.R.* The pseudo-cleft construction in English. New York, NY : Garland, 1979. 393 p.
11. *Mikkelsen L.* Copular clauses. Specification, predication and equation. Amsterdam : Benjamins, 2005. 210 p.
12. *Dikken M. den* Relators and Linkers: The Syntax of predication, predicate inversion, and copulas. Cambridge, MA : MIT, 2006. 351 p.
13. *Moro A.* The raising of predicates. MIT Working Papers in Linguistics. Cambridge, MA : MIT Press, 1991. Vol. 15. P. 193–218.
14. *Heggie L.A.* The syntax of copular structures : Doctoral dissertation. Los Angeles : University of Southern California, 1988. 389 p.
15. *Hartmann J.M.* Focus and prosody in nominal copular clauses // *Information structure and semantic processing* / editors: S. Featherston, R. Hörmig, S. von Wietersheim, S. Winkler. De Gruyter, 2019. P. 71–104.
16. *Grosu A.* The strategic content of island constraints: Doctoral dissertation. The Ohio State University Working Papers in Linguistics. The Ohio State University, 1972. Vol. 13.
17. *Heycock C., Kroch A.* Pseudocleft connectedness: Implications for the LF interface level // *Linguistic Inquiry*. 1999. Vol. 30. P. 365–398.
18. *Bolinger D.* Degree words. Berlin ; New York : de Gruyter, 1972. 324 p.
19. *Akmajian A.* Aspects of the grammar of focus in English. New York : Garland, 1979. 334 p.
20. *Arche M.J., Fábregas A., Marín R.* Main questions in the study of copulas // *The Grammar of Copulas Across Languages* / editors: M.J. Arche, A. Fábregas, R. Marín. Oxford : Oxford University Press, 2019. P. 1–30.
21. *Bowers J.* The syntax of predication // *Linguistic Inquiry*. 1993. Vol. 24, № 4. P. 591–656.
22. *Blom A., Daalder S.* Syntaktische theorie en taalbeschrijving. Muiderberg : Coutinho, 1977. 152 p.
23. *Declerck R.* Studies on copular sentences, clefts and pseudo-clefts. Leuven : Leuven University Press: Foris Publications, 1988. 263 p.
24. *Hartmann J.M., Heycock C.* Evading agreement: a new perspective on low nominative agreement in Icelandic // *Proceedings of the 46th Annual Meeting of the North East Linguistic Society (NELS)*. Vol. 2 / editors: C. Hammerly, B. Prickett. Amherst, MA : GLSA Publications, 2016. P. 67–80.
25. *Hartmann J.M., Heycock C.* Variation in copular agreement in Insular Scandinavian // *Syntactic variation in insular Scandinavian* / editors: H. Thráinsson, C. Heycock, H.P. Petersen, Z.S. Hansen. John Benjamins, 2017. Vol. 1. P. 233–275.
26. *Béjar S., Kahnemuyipour A.* Non-canonical agreement in copular sentences // *Journal of Linguistics*. 2017. Vol. 53, № 3. P. 463–499.
27. *Béjar S., Kahnemuyipour A.* Not all phi-features are created equal: a reply to Hartmann and Heycock // *Journal of Linguistics*. 2018. Vol. 54, № 3. P. 629–635.
28. *Guéron J.* Beyond predication: The inverse copula construction in English // *Paths towards Universal Grammar: Studies in honor of Richard Kayne* / editors: G. Cinque, J. Koster, J.-Y. Pollock, L. Rizzi, R. Zanuttini. Washington : Georgetown University, 1994. P. 173–189.
29. *Ross J.* Constraints on variables in syntax : Doctoral dissertation. Cambridge, Mass., 1967. 523 p.
30. *Rizzi L.* Relativized minimality. Cambridge : MIT Press, 1990. 202 p.

31. *Chomsky N.* Minimalist inquiries: The framework // *Step by step: Essays on minimalist syntax in honor of Howard Lasnik* / editors: R. Martin, D. Michaels, J. Uriagereka. Cambridge, MA : MIT Press, 2000. P. 89–155.
32. *Moro A.* Dynamic antisymmetry. Cambridge, MA : MIT Press, 2000. 142 p.
33. *Kayne R.* The antisymmetry of syntax. Cambridge, MA : MIT Press, 1994. 195 p.
34. *Heycock C.* The internal structure of small clauses // *Proceedings of the 25th North East Linguistics Society (NELS)*. 1995. Vol. 25, № 5. P. 223–238.
35. *Heycock C., Kroch A.* Topic, focus, and syntactic representation // *Proceedings of WCCFL 21* / editors: L. Mikkelsen, C. Potts. Somerville, MA : Cascadilla Press, 2002. P. 141–165.
36. *Shlonsky U., Rizzi L.* Criterial freezing in small clauses and the cartography of copular constructions // *Freezing. Theoretical approaches and empirical domains* / editors: J.M. Hartmann, M. Jäger, A. Kehl, A. Konietzko, S. Winkler. Berlin ; Boston, MA : De Gruyter Mouton, 2018. P. 29–65.
37. *Van Praet W.* Focus assignment in English specificational and predicative clauses: Intonation as a cue to information structure? // *Acta Linguistica Hafniensia*. 2019. Vol. 51, № 2. P. 222–241.
38. *Van Praet W.* Specificational and Predicative Clauses: A Functional-Cognitive Account. De Gruyter Mouton, 2022. Vol. 112. 334 p.
39. *Bache C., Davidsen-Nielsen N.* Mastering English: An advanced grammar for non-native and native speakers. Berlin : Mouton de Gruyter, 1997. 538 p.
40. *Biber D., Conrad S., Finegan E., Johansson S., Leech G.* Longman grammar of spoken and written English. London : Longman, 1999. 1203 p.
41. *Benito L.* Object and complement fronting in the English clause : masters dissertation; Madrid : Universidad Complutense de Madrid, 2009. 80 p.
42. *Падучева Е.В., Успенский В.А.* Биноминативное предложение: проблема согласования связки // *Облик слова: сборник статей памяти Д.Н. Шмелева* / под ред. Л.П. Крысина. М., 1997. С. 170–182.
43. *Янко Т.Е.* Коммуникативные стратегии русской речи. М. : Языки славянской культуры, 2001. 384 p.
44. *Герасимова А.А.* К вопросу о типах биноминативных предложений в русском языке // *Рема. Rhema*. 2022. № 2. С. 32–66.
45. *Голуб И.Б.* Стилистика русского языка. 11-е изд. М. : Айрис-пресс, 2010.
46. *Былинский К.И., Розенталь Д.Э.* Литературное редактирование : учеб. пособие. 3-е изд., испр. и доп. М. : ФЛИНТА, 2011. 400 с.
47. *Geist L.* Predication and equation in copular sentences: Russian vs. English // *Studies in Linguistics and Philosophy: Existence: Semantics and syntax* / editors: I. Comorovski, K. von Heusinger. Dordrecht : Springer, 2008. Vol. 84. P. 79–105.
48. *Каспарова М.Г.* О речевой паузе: Исследование языка и речи // *Ученые записки Московского педагогического института иностранных языков имени М. Тореза*. М., 1971. С. 146–149.
49. *Потапова Р.К., Блохина Л.П.* Средства фонетического членения речевого потока в немецком и русском языках : учеб. пособие. М. : МГИИЯ имени М. Тореза, 1986. 115 с.
50. *Кривнова О.Ф.* Перцептивная и смысловая значимость просодических швов в связном тексте // *Проблемы фонетики (II) : сборник статей* / под ред. Л.Л. Касаткина. М., 1995. С. 228–238.
51. *Кривнова О.Ф., Чардин И.С.* Паузирование при автоматическом синтезе речи // *Теория и практика речевых исследований (АРСО-99) : материалы конференции*. М., 1999. С. 87–103.
52. *Boersma P.* Praat, a system for doing phonetics by computer // *Glott International*. 2001. Vol. 5, № 9/10. P. 341–345.

53. Henninger F., Shevchenko Y., Mertens U.K., Kieslich P.J., Hilbig B.E. lab.js: A free, open, online study builder. 2020. doi: 10.5281/zenodo.597045 (retrieved: 01.10.2021).
54. Lange K., Kühn S., Filevich E. «Just Another Tool for Online Studies» (JATOS): An easy solution for setup and management of web servers supporting online studies // PLOS ONE. 2015. Vol. 10, № 7. Art. e0134073. URL: <https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0130834> (retrieved: 01.09.2019). Digital text.
55. Герасимова А.А. Учебные материалы практикума по экспериментальному синтаксису: Отбор респондентов. 2021. URL: https://agerasimova.com/wp-content/uploads/Gerasimova_Practice_Outliers.pdf (дата обращения: 08.07.2022).
56. Тестелец Я.Г. Введение в общий синтаксис. М. : РГГУ, 2001. 796 с.
57. Dikken M. den, Meinunger A., Wilder C. Pseudoclefts and ellipsis // *Studia Linguistica*. 2000. Vol. 54. P. 41–89.
58. Schlenker P. Clausal equations: A note on the connectivity problem // *Natural Language and Linguistic Theory*. 2003. Vol. 21, № 1. P. 157–214.
59. Герасимова А.А. Значимость порядка именных групп для классификации биноминативных предложений // *Русский язык в научном освещении*. 2023. № 2. P. 180–199.
60. Prince E.F. Toward a taxonomy of given-new information // *Radical Pragmatics* / ed. by P. Cole. New York : Academic Press, 1981. P. 223–255.
61. Kaltenböck G. It-extraposition in English: a functional view // *International Journal of Corpus Linguistics*. 2005. Vol. 10, № 2. P. 119–159.
62. Romero M. Concealed questions and specificational subjects // *Linguistics and Philosophy*. 2005. Vol. 28. P. 687–737.
63. Heycock C. Specification, equation, and agreement in copular sentences // *Canadian Journal of Linguistics* // *Revue Canadienne de Linguistique*. 2012. Vol. 57, № 2. P. 209–240.
64. Frana I. Concealed Questions. In: *Companion to Semantics* / eds. by L. Matthewson, C. Meier, H. Rullmann, T.E. Zimmermann. Wiley's Linguistics Companion Series, 2020. P. 1–23.
65. Pereltsvaig A. On the nature of intra-clausal relations: A study of copular sentences in Russian and Italian : Doctoral dissertation. Quebec : McGill University, 2001. 298 p.
66. Pereltsvaig A. Small Nominals // *Natural Language and Linguistic Theory*. 2006. Vol. 24, № 2. P. 433–500.
67. Zamparelli R. Layers in the determiner phrase : doctoral dissertation. Rochester, NY : University of Rochester, 1995. 314 p.
68. Cheng L.L.-S., Heycock C., Zamparelli R. Two levels for definiteness // *Proceedings of GLOW in Asia XI*. Vol. 1 / ed. by M. Erlewine. Cambridge, MA : MIT, 2017. P. 79–93.
69. Steriopolo O. Mixed gender agreement in the case of Russian hybrid nouns // *Questions and Answers in Linguistics*. 2018. Vol. 5, № 1. P. 91–105.

References

1. den Dikken, M. (2006) Specificational copular sentences and pseudoclefts. In: *The Blackwell Companion to Syntax*. Blackwell.
2. Paducheva, E.V. & Uspenskiy, V.A. (1979) Subject or predicate (Semantic criterion for distinguishing between subject and predicate in binominative sentences). *Izvestiya Akademii nauk SSSR, Seriya literatury i yazyka*. 38 (4). pp. 349–360.
3. Moro, A. (1997) *The raising of predicates: Predicative noun phrases and the theory of clause structure*. Cambridge: Cambridge University Press.
4. Hartmann, J.M. & Heycock, C. (2020) (Morpho) syntactic variation in agreement: specificational copular clauses across Germanic. *Frontiers in Psychology*. 10. Art. 2994. [Online] Available from: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2019.02994/full> (Accessed: 01.11.2020).

5. Mikkelsen, L. (2011) Copular clauses. In: von Heusinger, K., Maienborn, C. & Portner, P. (eds) *Semantics: An international handbook of natural language meaning*. Vol. 2. Berlin: De Gruyter. pp. 1805–1829.
6. Shvedova, N.Yu. (ed.) *Russkaya grammatika: v 2 t.* [Russian grammar: in 2 volumes]. Moscow: Nauka.
7. Donnellan, K.S. (1966) Reference and definite descriptions. *The Philosophical Review*. 75 (3). pp. 281–304.
8. Donnellan, K.S. (1968) Putting humpty dumpty together again. *The Philosophical Review*. 77 (2). pp. 203–215.
9. Paducheva, E.V. (1985) *Vyskazyvanie i ego sootnesennost's deystvitel'nost'yu* [Utterance and its correlation with reality]. Moscow: Nauka.
10. Higgins, F.R. (1979) *The pseudo-cleft construction in English*. New York, NY: Garland.
11. Mikkelsen, L. (2005) *Copular clauses. Specification, predication and equation*. Amsterdam: Benjamins.
12. den Dikken, M. (2006) *Relators and Linkers: The Syntax of predication, predicate inversion, and copulas*. Cambridge, MA: MIT.
13. Moro, A. (1991) *The raising of predicates*. MIT Working Papers in Linguistics. Vol. 15. Cambridge, MA: MIT Press. pp. 193–218.
14. Heggie, L.A. (1988) *The syntax of copular structures*. Doctoral dissertation. Los Angeles: University of Southern California.
15. Hartmann, J.M. (2019) Focus and prosody in nominal copular clauses. In: Featherston, S., Hörnig, R. & von Wietersheim, S. (eds) *Information structure and semantic processing*. De Gruyter. pp. 71–104.
16. Grosu, A. (1972) The strategic content of island constraints. Doctoral dissertation. *The Ohio State University Working Papers in Linguistics*. Vol. 13.
17. Heycock, C. & Kroch, A. (1999) Pseudocleft connectedness: Implications for the LF interface level. *Linguistic Inquiry*. 30. pp. 365–398.
18. Bolinger, D. (1972) *Degree words*. Berlin; New York: de Gruyter.
19. Akmajian, A. (1979) *Aspects of the grammar of focus in English*. New York: Garland.
20. Bowers, J. (1993) The syntax of predication. *Linguistic Inquiry*. 24 (4). pp. 591–656.
21. Arche, M.J., Fábregas, A. & Marín, R. (2019) Main questions in the study of copulas. In: Arche, M.J., Fábregas, A. & Marín, R. (eds) *The Grammar of Copulas Across Languages*. Oxford: Oxford University Press. pp. 1–30.
22. Blom, A. & Daalder, S. (1977) *Syntaktische theorie en taalbeschrijving*. Muiderberg: Coutinho.
23. Declerck, R. (1988) *Studies on copular sentences, clefts and pseudo-clefts*. Leuven: Leuven University Press: Foris Publications.
24. Hartmann, J.M. & Heycock, C. (2016) Evading agreement: a new perspective on low nominative agreement in Icelandic. *Proceedings of the 46th Annual Meeting of the North East Linguistic Society (NELS)*. Vol. 2. Amherst, MA: GLSA Publications. pp. 67–80.
25. Hartmann, J.M. & Heycock, C. (2017) Variation in copular agreement in Insular Scandinavian. In: Thráinsson, H., Heycock, C., Petersen, H.P. & Hansen, Z.S. (eds) *Syntactic variation in insular Scandinavian*. Vol. 1. John Benjamins. pp. 233–275.
26. Béjar, S. & Kahnemuyipour, A. (2017) Non-canonical agreement in copular sentences. *Journal of Linguistics*. 53 (3). pp. 463–499.
27. Béjar, S. & Kahnemuyipour, A. (2018) Not all phi-features are created equal: a reply to Hartmann and Heycock. *Journal of Linguistics*. 54 (3). pp. 629–635.
28. Guéron, J. (1994) Beyond predication: The inverse copula construction in English. In: Cinque, G. et al. (eds) *Paths towards Universal Grammar: Studies in honor of Richard Kayne*. Washington: Georgetown University. pp. 173–189.
29. Ross, J. (1967) *Constraints on variables in syntax*. Doctoral dissertation. Cambridge, Mass.
30. Rizzi, L. (1990) *Relativized minimality*. Cambridge: MIT Press.

31. Chomsky, N. (2000) Minimalist inquiries: The framework. In: Martin, R., Michaels, D. & Uriagereka, J. (eds) *Step by step: Essays on minimalist syntax in honor of Howard Lasnik*. Cambridge, MA: MIT Press. pp. 89–155.
32. Moro, A. (2000) *Dynamic antisymmetry*. Cambridge, MA: MIT Press.
33. Kayne, R. (1994) *The antisymmetry of syntax*. Cambridge, MA: MIT Press.
34. Heycock, C. (1995) The internal structure of small clauses. *Proceedings of the 25th North East Linguistics Society (NELS)*. 25 (5). pp. 223–238.
35. Heycock, C. & Kroch, A. (2002) Topic, focus, and syntactic representation. In: Mikkelsen, J. & Potts, C. (eds) *Proceedings of WCCFL 21*. Somerville, MA: Cascadia Press. pp. 141–165.
36. Shlonsky, U. & Rizzi, L. (2018) Criterial freezing in small clauses and the cartography of copular constructions. In: Hartmann, J.M. et al. (eds) *Freezing. Theoretical approaches and empirical domains*. Berlin; Boston, MA: De Gruyter Mouton. pp. 29–65.
37. Van Praet, W. (2019) Focus assignment in English specificational and predicative clauses: Intonation as a cue to information structure? *Acta Linguistica Hafniensia*. 51 (2). pp. 222–241.
38. Van Praet, W. (2022) *Specificational and Predicative Clauses: A Functional-Cognitive Account*. Vol. 112. De Gruyter Mouton.
39. Bache, C. & Davidsen-Nielsen, N. (1997) *Mastering English: An advanced grammar for non-native and native speakers*. Berlin: Mouton de Gruyter.
40. Biber, D. et al. (1999) *Longman grammar of spoken and written English*. London: Longman.
41. Benito, L. (2009) *Object and complement fronting in the English clause*. Masters dissertation. Madrid: Universidad Complutense de Madrid.
42. Paducheva, E.V. & Uspenskiy, V.A. (1997) Binominativnoe predlozhenie: problema soglasovaniya svyazki [Binominative sentence: the problem of copula agreement]. In: Krysin, L.P. (ed.) *Oblik slova: sbornik statey pamyati D.N. Shmeleva* [The Form of the Word: a collection of articles in memory of D.N. Shmelev]. Moscow: Indrik. pp. 170–182.
43. Yanko, T.E. (2001) *Kommunikativnye strategii russkoy rechi* [Communicative strategies of Russian speech]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury.
44. Gerasimova, A.A. (2022) Towards the Classification of Russian Binominative Clauses. *Rema. Rhema*. 2. pp. 32–66. (In Russian).
45. Golub, I.B. (2010) *Stilistika russkogo yazyka* [Stylistics of the Russian language]. 11th ed. Moscow: Ayriss-press.
46. Bylinskiy, K.I. & Rozental', D.E. (2011) *Literaturnoe redaktirovanie: ucheb. posobie* [Literary editing: textbook]. 3rd ed. Moscow: FLINTA.
47. Geist, L. (2008) Predication and equation in copular sentences: Russian vs. English. In: Comorovski, I. & von Heusinger, K. (eds) *Studies in Linguistics and Philosophy: Existence: Semantics and syntax*. Vol. 84. Dordrecht: Springer. pp. 79–105.
48. Kasparova, M.G. (1971) O rechevoy pauze. Issledovanie yazyka i rechi [On the speech pause. Study of language and speech]. In: *Uchenye zapiski moskovskogo pedagogicheskogo instituta inostrannykh yazykov imeni M. Toreza* [Scientific notes of the Moscow Pedagogical Institute of Foreign Languages named after M. Thorez]. Moscow. pp. 146–149.
49. Potapova, R.K. & Blokhina, L.P. (1986) *Sredstva foneticheskogo chleneniya rechevogo potoka v nemetskom i russkom yazykakh: Ucheb. posobie* [Means of phonetic division of the speech flow in German and Russian: textbook]. Moscow: Mgiya imeni M. Toreza.
50. Krivnova, O.F. (1995) Pertseptivnaya i smyslovaya znachimost' prosodicheskikh shvov v svyaznom tekste [Perceptual and semantic significance of prosodic seams in a coherent text]. In: *Problemy fonetiki (II): Sbornik statey* [Problems of phonetics (II): collection of articles]. Moscow: Institute of the Russian Language, RAS. pp. 228–238.

51. Krivnova, O.F. & Chardin, I.S. (1999) [Pausing in automatic speech synthesis]. *Teoriya i praktika rechevykh issledovaniy (ARSO99)* [Theory and practice of speech research (ARSO99)]. Conference Proceedings. Moscow: MSU. pp. 87–103. (In Russian).
52. Boersma, P. (2001) Praat, a system for doing phonetics by computer. *Glot International*. 5 (9/10). pp. 341–345.
53. Henninger, F. et al. (2020) *lab.js: A free, open, online study builder*. doi: 10.5281/zenodo.597045 (Accessed: 01.10.2021).
54. Lange, K., Kühn, S. & Filevich, E. (2015) "Just Another Tool for Online Studies" (JATOS): An easy solution for setup and management of web servers supporting online studies. *PLOS ONE*. 10 (7). Art. e0134073. [Online] Available from: <https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0130834> (Accessed: 01.09.2019).
55. Gerasimova, A.A. (2021) *Uchebnyye materialy praktikuma po eksperimental'nomu sintaksisu. Otbor respondentov [Study materials for the experimental syntax workshop. Selection of respondents]*. [Online] Available from: https://agerasimova.com/wp-content/uploads/Gerasimova_Practice_Outliers.pdf (Accessed: 08.07.2022).
56. Testeleys, Ya.G. (2001) *Vvedenie v obshchiy sintaksis* [Introduction to General Syntax]. Moscow: RSUH.
57. den Dikken, M., Meinunger, A. & Wilder, C. (2000) Pseudoclefts and ellipsis. *Studia Linguistica*. 54. pp. 41–89.
58. Schlenker, P. (2003) Clausal equations: A note on the connectivity problem. *Natural Language and Linguistic Theory*. 21 (1). pp. 157–214.
59. Gerasimova, A.A. (2023) The relevancy of word order for classifying binominative clause. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2. pp. 180–199. (In Russian).
60. Prince, E.F. (1981) Toward a taxonomy of given-new information. In: Cole, P. (ed.) *Radical Pragmatics*. New York: Academic Press. pp. 223–255.
61. Kaltenböck, G. (2005) It-extraposition in English: a functional view. *International Journal of Corpus Linguistics*. 10 (2). pp. 119–159.
62. Romero, M. (2005) Concealed questions and specificational subjects. *Linguistics and Philosophy*. 28. pp. 687–737.
63. Heycock, C. (2012) Specification, equation, and agreement in copular sentences. *Canadian Journal of Linguistics. Revue Canadienne de Linguistique*. 57 (2). pp. 209–240.
64. Frana, I. (2020) Concealed Questions. In: Matthewson, L., Meier, C., Rullmann, H. & Zimmermann, T.E. (eds) *Companion to Semantics*. Wiley's Linguistics Companion Series.
65. Pereltsvaig, A. (2001) *On the nature of intra-clausal relations: A study of copular sentences in Russian and Italian*. Doctoral dissertation. Quebec: McGill University.
66. Pereltsvaig, A. (2006) Small Nominals. *Natural Language and Linguistic Theory*. 24 (2). pp. 433–500.
67. Zamparelli, R. (1995) *Layers in the determiner phrase*. Doctoral dissertation. Rochester, NY: University of Rochester.
68. Cheng L.L.-S., Heycock C., Zamparelli R. Two levels for definiteness // Proceedings of GLOW in Asia XI. Vol. 1 / ed. by M. Erlewine. Cambridge, MA: MIT, 2017. P. 79–93.
69. Steriopo, O. (2018) Mixed gender agreement in the case of Russian hybrid nouns. *Questions and Answers in Linguistics*. 5 (1). pp. 91–105.

Информация об авторе:

Герасимова А.А. – канд. филол. наук, научный сотрудник лаборатории автоматизированных лексикографических систем Научно-исследовательского вычислительного центра Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия). E-mail: anastasiagerasimova432@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.A. Gerasimova, Cand. Sci (Philology), research fellow at the Laboratory for Computational Lexicography, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: anastasiagerasimova432@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 09.02.2024;
одобрена после рецензирования 13.05.2024; принята к публикации 18.11.2024.*

*The article was submitted 09.02.2024;
approved after reviewing 13.05.2024; accepted for publication 18.11.2024.*

Original article

UDC 81'44

doi: 10.17223/19986645/92/3

Bulgarian and Russian congruent idioms as indices of culturally specific conceptualizations

Nataliya A. Lavrova¹, Jelena Danilović Jeremić²,
Alexander O. Kozmin³

^{1, 3} *Moscow State Institute of International Relations MGIMO University,
Moscow, Russian Federation*

² *University of Kragujevac, Kragujevac, Serbia*

¹ *n.lavrova@inno.mgimo.ru*

² *jelena.jeremic@filum.kg.ac.rs*

³ *a.kozmin@inno.mgimo.ru*

Abstract. By virtue of common ancestry, Russian and Bulgarian have a lot of shared linguistic and cultural grounding. However, unique cultural conditions have given rise to set expressions that embed unique, culturally specific conceptualizations and cognition. This implies that although many Russian-Bulgarian idioms are structurally and semantically isomorphic, most of them embed conceptual elements that are unique to Bulgarian and Russian linguacultures. Taking this tenet as the premise for our research, we see its main aim in demonstrating that despite structural and semantic parallels between Russian and Bulgarian set expressions, the majority are repositories of unique, culturally specific conceptualizations and thus reflect cultural cognition which is not the same across Russian and Bulgarian native speakers. The hypothesis of the research is that despite the semantic and structural congruence between Bulgarian-Russian idioms, the emergent cultural cognition has a bearing on the conceptual content conveyed by structurally and semantically isomorphic idioms. This difference reflects underlying conceptual differences in cultural cognition. The main methods of the research are (1) the conceptual-associative experiment, (2) random sampling, (3) linguistic experimentation, (3) the one-tailed T-test statistical analysis. From the Russian-Bulgarian Dictionary of Idioms (*Russko-Bolgarskiy Frazeologicheskiy Slovar'*) by K. Andrejchina (edited by S. Vlahov), 100 idioms were selected through random sampling. These idioms were interpreted by 50 native speakers, who were matched on such parameters as age and socio-economic background: all are university graduates, with the mean age of 32 years. The statistical tool one-tailed T-test substantiated the working hypothesis and revealed that there is a statistically significant difference in culturally specific conceptualizations embedded in congruent Bulgarian-Russian idioms. Avenues for further research include the following aspects of investigating culturally specific conceptualizations connected with idiomatic language. Associations with idioms from two distantly related or unrelated languages could be compared in order to find out to what degree linguistic proximity has a bearing on the amount of comparable or divergent associations. Research could also be carried out in such a way that cross-generational differences between associations elicited from older and younger generation of speakers of two or more languages are compared and intergenerational inconsistencies are plotted on a diagram so that a picture of the relevant differences emerges.

Keywords: culturally specific conceptualization, isomorphism, associations, cultural connotation, Bulgarian, Russian

For citation: Lavrova, N.A., Danilović Jeremić, J. & Kozmin, A.O. (2024) Bulgarian and Russian congruent idioms as indices of culturally specific conceptualizations. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 92. pp. 59–79. doi: 10.17223/19986645/92/3

1. Introduction

In December 2020, the first QS Summit on Linguistics and Modern Languages was held jointly with the RUDN University, which provided rationale for the comparative studies of languages and cultures. During the Summit, it was emphasized that "the problems of intercultural communication have become particularly important and relevant in the context of globalization, which encourages intensification of intercultural contacts" [1. P. 304].

In "Comparing languages and cultures: Parametrization of analytic criteria", a paper published as a result of the Summit, Lewandowska-Tomaszczyk argues in favour of "a complex set of areas of reference in cross-linguistic analyses of meanings" and considers it essential to explore words' and phrases' "culture-specific and connotational properties, defined in terms of a parametrized set of semasiological as well as onomasiological properties" [2. P. 343]. The study encourages a "multifocused analysis of linguistic forms and considers linguistic, psychological, cultural and social domains to identify the cultural conceptualizations of the analysed forms" [2. P. 343].

Research on the inherent link between language, culture and cognition has a long history (see [3–7]). Most authors agree on the idea that language, culture and cognition are connected in such a way that language can be viewed as a primary mechanism for storing and communicating cultural cognition. Cultural Linguistics is thus an epistemology and an open-ended set of procedures for "data collection and analysis aimed at a better understanding of the cultural conceptualizations embedded in language" [8. P. 60].

Due to the shared linguistic past, Bulgarian and Russian exhibit a significant number of overlapping features in phraseology: В. *който не работи, не трябва да яде*, R. *кто не работает, тот не ест* (lit. *Who does not work, should not eat*), В. *кротко агне от две майки суче*, R. *ласковый телёнок двух маток сосет* (lit. *A kind calf sucks two mothers*), В. *който рано става, на него и Бог дава*, R. *кто рано встает, тому Бог дает* (lit. *Who wakes up early, God will give them (what they need)*), В. *изляза от играта*, R. *выйти из игры* (lit. *to back out of the game*), В. *като две капки вода приличам на някого*, R. *быть похожими как две капли воды* (lit. *to be as like as two drops of water*), В. *забивам клин*, R. *забивать клин* (lit. *to put a wedge (between smb.)*). These and suchlike idiomatic expressions are called 'congruent' in relevant literature [9]. The term implies that two linguistic units from two languages share both form (structure) and meaning (sense), which is reflected in phraseological dictionaries, where such units are registered as crosslinguistic equivalents. On closer inspection, however, comparable or nearly identical set expressions may embed culturally specific conceptualizations and reflect divergent cultural cognitions. Taking this tenet as the

premise for our research, we see its **main aim** in demonstrating that despite structural and semantic parallels between some, if not most, Russian and Bulgarian set expressions, many of them embed unique, culturally specific conceptualizations and thus reflect cultural cognition which is not the same across Russian and Bulgarian native speakers. Putting it differently, although many of the Russian-Bulgarian idiomatic glosses are regarded by dictionaries as translational equivalents, on a deeper level, that is, on the level of cultural cognition, they reveal statistically significant differences in conceptualization.

2. Literature review

Research by Cherneva [10] is a comparative analysis of Russian and Bulgarian idioms with numerals as their most salient components. Some of the conclusions the author comes to are that the sheer number of Bulgarian idioms with a quantifying element is approximately twice as large as in Russian. Apart from that, Bulgarian develops a much more ramified system of synonymous idioms with numerals: cf. R. *одного поля ягоды, с одного куста ягоды, одного дуба желуды; одним лыком шить, одним миром мазаны* vs B. *говорим на един (и същ) език, едно хоро играем, на един огън се горим, на един ръжен се печем, в едно гърне плюем, в един дол ходим/да берем дренки/ за раци/*. Most of the numerical idioms in Russian and Bulgarian express blended concepts of both degree and quality of such abstract categories as beauty, wealth and mental acuity. Another important finding of the research by Cherneva is that most Bulgarian and Russian idioms are semantically and structurally isomorphic, which is explained by the shared historical and cultural past of the two nations: cf. R. *сидеть в четырёх стенах* – B. *между четири страни*; R. *как дважды два четыре* – B. *като две и две четири*; R. *на один зуб (зубок)* – B. *колкото за единия ми зъб*; R. *одним глазом* – B. *с едно око*; R. *один шаг от чего* – B. *(на) една крачка*; R. *в двух словах* – B. *с две думи*; R. *ноль внимания* – B. *нула внимание*; R. *вторая натура* – B. *втора природа*.

Numbers 5 and 9 are more prominent in Bulgarian idioms, while numbers 4 and 7 are more conceptually salient in Russian idioms (R. *за семью замками* – B. *заклучен с девет ключа*). Number 1 seems to be the most productive in both languages. Idioms with numerals from several semantic-phraseological fields predominate, the most productive of which are space (R. *один шаг* – B. *една крачка*), time (R. *в два счета* – B. *докато (да) преброя до три*), measure (R. *семь потов сошло/сойдет* – B. *излизат/излязат три пота от някого*), behaviour (R. *сгибаться/согнуться в три погибели* – B. *свивам се/свия се на два ката*), feelings (R. *на седьмом небе* – B. *на седмото/деветото небе*) and qualities (R. *от горшка два вершка* – B. *две педи от земята*; R. *два сапога пара* – B. *вземи /хвани/ единия, че удари /цапни/ другия*). One of the important findings of Cherneva's research is that Bulgarian and Russian idioms may be to a greater or lesser extent at odds with their dictionary definitions, which demonstrates that idioms are emergent entities subject to conceptual reinterpretation depending on interlocutors' pragmatic needs. As a result of her analysis, the author

argues that a comparative and cultural analysis of set expressions from two or more languages facilitates code-switching and is conducive to efficient intercultural communication, which should potentially lead to a more tolerant attitude to representatives of different cultures as well as to a geocentric rather than an ethnocentric attitude.

Bagasheva [11] examines cultural conceptualizations embedded in English idioms with the keywords *mouth*, *lips*, *tongue* and *teeth* and their counterparts in Bulgarian. By drawing on several corpora, Bagasheva presents sets of comparable data from the two languages and discusses some similarities and a significant number of differences in conceptualizations based on these body part terms. According to the author's research, in both languages the opening of the mouth is conceptualized as communication, surprise and foolishness, while the closing of the mouth is associated with reticence and refusal to engage in social interactions. The conceptual differences include social awareness in English and broken dreams and expectations in Bulgarian. In English, communication is seen as a socially regulated activity that involves self-reflection and premeditation. By contrast, in Bulgarian, communication is described as a leisurely and unselfconscious interaction. Bagasheva's study illustrates differences in cultural conceptualizations of what is supposedly a universal construct – the human body.

According to Kövecses [12], differences in intercultural metaphorical conceptualizations may be explained by the broad and diversified notion of context. It ultimately gives rise to a unique intra-cultural conceptualization, which (at least in some way) will differ from conceptualizations prompted by a comparable linguistic item in another language. The types of context singled out by Kövecses include situational, discursive, conceptual-cognitive and bodily. From this follows that if two or more isomorphic idioms are regularly reproduced in two different cultures in more or less different contexts, it is only to be expected that over time different cultural conceptualizations will emerge that are reflexes of different cultural cognition.

The research by Bila & Ivanova focuses on the inherent link between language, culture and ideology, and emphasizes that "in the network of the relationships between humans, language and culture, humans are defined as biological, social and cultural beings with all these aspects closely bound together and constituting a single integral, inseparable package" [13. P. 221]. That means that social and cultural practice is *volens nolens* reflected in language.

The research by Nelyubova, Hiltbrunner & Ershov investigates the reflection of Russian and French basic values in proverbs. Based on the fact that each nation has a certain hierarchically organized set of values, which only partly coincides with other cultures, the authors believe that it is important to identify both their universal and culture-specific features. According to the researchers' hypothesis, the thematic classification of proverbs may directly or indirectly reveal the values of a particular nation, and the quantitative correlation of proverbs related thematically illustrates this hierarchy of values: "a bigger or smaller number of proverbs on a certain topic indicates the degree of their importance in the consciousness of native speakers of a corresponding linguistic community" [14. P. 224].

The method of linguistic and axiological analysis used by the researchers and the findings of the research suggest that language reflects the most salient cultural concepts, which may be rather dissimilar across cultures: while *advice*, *trouble*, *love* and *expectation* are linguistically, culturally and conceptually salient for Russian speakers, *animals*, *exchange*, *daily routine* and *religion* are, apparently, some of the key cultural concepts for the French.

Diedrichsen in her research "Linguistic expressions as cultural units. How a cultural approach to language can facilitate the description of modern means of communication and expression" [15] argues in favour of including cultural aspects in the description of communicative interaction. Since a linguistic sign is a cultural unit, in order to use it properly, a speaker relies on communicative experience with this unit within a culture. For efficient intercultural understanding and communication, it is crucial to have access to three knowledge sources. The first is semiotic knowledge, the second is common-ground knowledge, and the third knowledge source involves culturally shared cognitive conceptualizations on which word meanings and other linguistic conventions are founded. These three knowledge sources are established through daily interactions and learning processes within a culture. The findings of Diedrichsen's research suggest that, among other things, interpretation of set expressions invoke these three knowledge sources, to which native speakers of a language have mental access, either consciously or only sub- or preconsciously. Apparently, associations prompted by idioms are to a large extent influenced by these knowledge types, of which dictionary meanings (i.e. semiotic type of knowledge) are only one part of the equation. Arguably, the other types of knowledge may cause a certain divergence or inconsistency in idioms' interpretation, which may well turn out to be at odds with dictionary definitions of idioms. An associative-interpretative experiment is thus a useful analytical tool to explicate conceptual elements that are part of cultural conceptualization and cognition.

Kabakchi & Proshina use the term "culturonym" with reference to culture-bound words and phrases that on the surface seem to be cross-linguistic equivalents. The authors explore binary words in two or more languages that are often associated with each other in translation. However, they guard against their consideration as conceptual and cultural equivalents. The paper discusses examples of "binary polyonyms ('universal' culturonyms) whose meaning depends on the context of the situation and, therefore, is differently received in diverse cultures; binary analogues, whose equivalent selection is based on scrutinizing the dictionary entry and on the knowledge of the cultural background, and binary interonyms that partly help translators and partly interfere with their work, being deceptive cognates differing in their referential or connotational meanings" [16. P. 166].

In his research "A cognitive and pragmatic perspective" Senkbeil [17] combines central ideas from Intercultural Pragmatics and Cultural Linguistics to re-think an issue that has been amply discussed in various branches of linguistics: idioms, "phrasemes", and other forms of fixed-form figurative language when used in intercultural communication. He argues that an interaction-oriented approach needs to think beyond the description and mapping of idioms in different

languages and cultures, and apply both pragmatic and cognitive linguistic approaches to explain if and how idiomatic language works or fails to work in intercultural communication. The research is a deductive-experimental study that uses questionnaires for speakers of various native languages and tests the cross-linguistic understanding of English idioms by speakers of other languages for whom English is a *lingua franca*. These experiments show that an appreciation of both the embodied and pragmatic-interactional dimensions of idioms promises insights into how figurative language and fixed-form expressions are understood and used successfully or unsuccessfully in intercultural communication and why.

Schröder [18] sets out to investigate how exchange students cope with their cross-cultural experience and intercultural communication. Among other things, the author focuses on the blends that may inadvertently arise in students' set expressions, which is a result of intercultural and cross-linguistic interference. For example, the Bulgarian idiom *дишам във врата на някого* is frequently misinterpreted by Russian students as conceptually coinciding with a structurally comparable Russian idiom *дышать в спину*. However, the equivalence is spurious: the Bulgarian idiom corresponds to the English expression *to breathe down smn.'s neck*, while its closest Russian counterpart is *стоять над душой*. This shows that non-native speakers of closely related languages may follow the lane of least resistance and primarily rely on the idioms' underlying image, searching in their mental lexicon for a close match. This strategy, however, is not an efficient way of interpreting idioms from another language.

Stoyanova [19] sets out to compare Russian and Bulgarian idioms with moribund or obsolescent elements. She argues that these idioms may not be regarded as conceptually congruent, despite a similar or even identical structure. According to the author, many of the idioms that are marked in phraseological dictionaries as cross-linguistic equivalents at best can be considered as analogs, since many of the constituent elements of Bulgarian idioms are archaic in modern Russian. This means that what is perceived to be a neutral idiom in Bulgarian by *Bulgarian* speakers, may seem to be lofty and high-flown to *Russian* speakers. The reverse situation is much rarer, since the stylistic relation between Russian and Bulgarian lexis is such that many of the old-fashioned Russian words belong to the neutral register in Bulgarian. True or complete idiomatic equivalence between closely related languages, according to Stoyanova, exists not as frequently and is not as regular as bilingual phraseological dictionaries seem to suggest. The author sets the agenda for reconsideration of the dictionary practice of treating idioms as truly equivalent. New criteria, based on informants' associations are needed to verify idioms' additional, conceptual elements and intercultural equivalence. The Russian idiom *точить лясы*, for example, is thus not truly equivalent to the Bulgarian idiom *чеша си езика*, at least because in Russian there is its closer counterpart *чесать языком*. The Russian word *лясы* is both a historic and an archaic word, not used outside this idiom. Moreover, most Russian speakers are not aware of its meaning.

The research by Maltseva [20] compares emotive Bulgarian and Russian idioms with the words *сердце (сърце)* and *душа (душа)* as their primary compo-

nents. The author's findings suggest that although these words are the basic images that denote and give access to feelings and emotions in Russian and Bulgarian, the component *душа* is more frequent and therefore conceptually more salient in Russian newspapers, while the word *сърце* features more prominently in Bulgarian periodicals. This finding poses a two-sided problem when collecting associations with relevant idioms. First, despite being structural and through metaphorical extension semantic equivalents and treated as such in bilingual phraseological dictionaries, such idioms are unlikely to elicit comparable associations, at least in some speakers. This is due to a multiplicity of factors, whose analysis needs to be done on a more sound empirical basis. Second, although the words *душа* and *сърце* (as well as Bulgarian *сърце* and *душа*) can be viewed as synonyms in their transferred, metaphorical meaning, the word *душа* denotes a more intangible, immaterial entity, while *сърце* is associated with a concrete body part and is thus more material than the elusive *душа*. The conceptual salience as well as relative frequency of the word *душа* in Bulgarian and the infrequency as well as the obsolescent nature of the word *душа* in Russian may also partly influence Bulgarian speakers' associations with idioms whose central image is created due to the presence of the word *душа*.

Despite the numerous cross-linguistic Bulgarian-Russian idiomatic equivalents, such as R. *душа болит* – B. *душата ми боли*, R. *сърце болит* – B. *сърцето ми боли*, R. *до глубины души волновать* – B. *вълнувам се/поразявам до дъното на душата*, R. *душа/сърце переворачивается* – B. *сърцето/душата ми се преобръна*, R. *кошки на сердце скребут* – B. *сърцето ми се свива*, R. *вымотать душу* – B. *вадя душата*, R. *сърце кровью обливается* – B. *кръв капни от сърцето*, R. *сърце не на месте* – B. *сърцето ми се свива*, translational idiomatic equivalence cannot be equated with conceptual and intercultural equivalence.

In their previous research, Lavrova and Nikulina [21] established that Russian speakers frequently misunderstand Bulgarian idioms, relying on the underlying image in a comparable Russian idiom. Thus, the Bulgarian idiom *излизам (вън) из кожата си* corresponds to the English expression *to be beside oneself with anger*. The Russian counterpart with a comparable underlying image *лезть из кожи вон* is a false friend with the meaning 'to make an utmost effort to achieve smth'. The concept of despair is conveyed by somatic idioms in both languages: cf. B. *клювам нос*, R. *повесить голову*. However, the Russian idiom *клевать носом* has the primary meaning of feeling sleepy. All the three idioms have the underlying metonymical basis from which different implications were drawn by different linguistic communities. This can be explained by the universal character of some conceptual metaphors and by the local interpretation of specific-level metaphors.

The overview of literature on intra- and intercultural understanding and interpretation of idiomatic language has revealed that crosslinguistic equivalence of many idioms is spurious, and that a host of linguistic and extralinguistic factors has a bearing on both the form and meaning of idiomatic language. These are such factors as local interpretation of apparently universal cognitive metaphors

(B. *клювам нос*, R. *клевать носом*), the development of material culture and artifacts (R. *зол как сокол*, B. *зол като пушка*), different symbolic and metaphorical meanings of words naming body parts and numerals (R. *сепдце*, B. *сърце*), and a very broad notion of context, which could be regarded as an umbrella term that encompasses all the other factors. These factors, apparently, give rise to a certain divergence in intercultural conceptualizations and cognition.

3. Hypothesis and research questions

The **hypothesis** of the research is thus that despite the semantic and structural congruence that exists between glosses of Bulgarian-Russian idioms, the emergent cultural cognition has a bearing on the conceptual content conveyed by structurally and semantically isomorphic idioms, so much so that a statistically significant difference in conceptual content of Bulgarian and Russian idioms can be postulated, which reflects underlying conceptual differences in culturally specific conceptualizations and cognition.

The main **research questions** are as follows:

1. What are some of the unique, culturally specific conceptualizations that reflect cultural cognition which is not the same across Russian and Bulgarian native speakers?
2. Can these culturally specific conceptualizations be organized into thematic groups?
3. What is the degree of semantic transparency of Russian and Bulgarian idioms?
4. What are some of the reasons for culturally specific conceptualizations?
5. In what way can dictionary entries in phraseological dictionaries be enhanced, given the findings of the research?

4. Methodology: data collection and procedure

As the main method of the research the **conceptual-associative** experiment developed by F. Sharifian is adopted. As recommended by Sharifian [8], the study includes two stages: the association stage, in which idioms are used as prompts to elicit conceptualizations in participants; and the interpretative stage, in which responses given by the participants are analyzed in an attempt to define the cultural conceptualizations that these responses appear to instantiate. Sharifian argues that stimulus words and phrases elicit responses that reflect associative links in the conceptual system. Associative responses to a stimulus reflect elements and aspects of conceptualization in an individual's conceptual system. When the task is administered to a number of subjects from a certain speech community, similarities and clusters in associative responses are likely to reveal cultural conceptualizations. The participation of native speakers is crucial because their associative responses are informed by an emic, i.e. culture-specific source.

In accordance with the main aim of the research, 50 Russian-Bulgarian pairs of idioms were selected through the method of random sampling from the Russian-Bulgarian Idiomatic Dictionary by K. Andrejchina (edited by S. Vlahov) (*Russko-Bolgarskiy Frazeologicheskiy Slovar'*) [22]. Given that the relations between linguistic items from two languages are two-way, to ensure the validity of the experiment, we compared the definitions of the selected idioms in the *Bulgarian-Russian Dictionary* by Sumsкая & Havanskaya [23], the *Phraseological Dictionary of the Bulgarian Language* by Banova & Dimova [24] and the *Comprehensive Phraseological Dictionary of Russian* [25]. Since all the definitions seemed to match, the selected 50 idiomatic pairs (100 idioms in total) were considered to be legible candidates for the experimental research. In order to elicit associations, 25 Russian and 25 Bulgarian native speakers were asked to participate in the experiment. All the participants are of comparable age and socio-economic background: all are graduates of Moscow and Bulgarian Universities with the mean age of 32 years. This age bracket and pool of participants ensure that relatively modern conceptualizations are tested in the experiment.

The participants were given approximately an hour in order to supply associations with each of the 50 idioms. This means that answers to the stimulus words were nearly spontaneous, which is in keeping with the parameters developed for associative experimentation [26]. Since all the participants knew English (were advanced or proficient speakers of English), the task was formulated in English as follows: *Please give 7 to 10 associations with the following Bulgarian/Russian idioms. You have 60 minutes to complete the task. If you are unsure about the meaning of an idiom, put the mark UN (=unsure) next to this idiom. Please, do not consult any dictionary if you do not know the meaning of an idiom. Note: you are to give your associations with each idiom, not its meaning (!).*

It was crucial that participants do not consult any dictionary if they were unsure about the meaning of a particular idiom. In this case, they were to put the abbreviation UN next to the relevant idiom. This was important so that we could factor this in into our statistical analysis. The number of associations that we asked to come up with (7–10) is explained by the fact that, on the one hand, we did not want to limit the participants in the number of associations that could potentially be triggered by idiomatic expressions. On the other hand, a very small number of associations, for example 2 or 3, were thought to be not enough to draw conclusions about cultural conceptualizations. Therefore, this number (neither too small, nor too big), which is the approximate number of items stored in the short-term memory, seemed to be optimal, given that we did not want to prolong the experimental procedure or to drain the participants' mental and physical resources.

The second part of the experimental procedure was the interpretative one, in which we analyzed the conceptual elements embedded in the associations. A rider is in order as regards the terms "concept", "conceptual element" and "cultural conceptualization". Following Sharifian, this research is done within the framework of Cultural Linguistics, which uses the term "culturally specific conceptualization" as a culturally sensitive synonym of the term "cultural concept" – a unique combination of semantic components singled out on the basis of an associative

experiment and reflecting a difference in cultural practices embedded in culturally specific values and beliefs. The detailed distinction of the terminological difference between all these notions is beyond the scope of the present research. Suffice it to say that, following Sharifian, we believe that concepts are end products of conceptualization, the latter being more processual and fluid in nature. However, we do use the term "conceptual elements" when interpreting associations triggered by the Russian and Bulgarian idioms, which we believe populate both concepts and conceptualizations.

To match Russian and Bulgarian idioms on as many parameters as possible, the same aspectual verbal pairs were chosen as the main words of an idiom: mostly perfective aspect, as it seems to be more common and less marked in both Bulgarian and Russian idioms. We obtained 2483 unique associations for Russian idioms and 2005 unique associations for Bulgarian ones. Subsequently we organized them into two groups: those corresponding to dictionary treatment and therefore (relatively) transparent and those representing respondents' idiosyncratic associations. Having done that, we established that respondents' associations fall into several distinct thematic groups, different for speakers of Russian and Bulgarian. Next the one-tailed T-test was applied to figure out whether the inter-group variation exceeds intra-group variation and whether the discrepancy is statistically significant. The test compares two sets of comparable, yet hypothetically divergent data, and is meant to establish whether the number of additional, culturally specific associations is random (i.e. explained by respondents' individual and idiosyncratic associations) or non-random (i.e. systematic, statistically significant and explained by culturally specific conceptualizations). Interrater reliability was ensured by analyzing all the associations separately, then together, paying closer attention to cases on which we seemed to disagree, although these were conspicuous by their absence.

5. Results

The associations and connotations that became conspicuous after the analysis of data and that are absent from dictionary definitions of *Russian* idioms belong to 4 groups: love and attachment, criminal context, material comforts, school and university life.

Idioms that have engendered least divergent associations among Russian subjects are those traced back to a specific source or precedent, such as the Bible, mythology or history of Russia. These idioms are conceptually congruent across Russian speakers, probably, because they are not exposed to their divergent usage and seem to mutely agree on their meaning and usage (*ахиллесова пята, заколдованный круг, стоять/смотреть как истукан, строить козни, пуп земли, как Мамай прошел*). The idiom that was marked "unknown" by most of the subjects is the jocular expression *кусочек с коровий носочек*. However, since only this idiom was marked throughout as "unknown", we may assume that in general contemporary native speakers of Russian are aware of idioms and their meanings. Interpreting the idiom *кусочек с коровий носочек*, most participants came up

with associations that are directly opposed to the idiom's actual meaning, mentioning among their associations a small rather than big size. Two idioms (*как Мамай прошел* and *падать в ноги*) have engendered explicit associations with Russia and its history: the first was marked as "part of the history of Russia during the Mongol-Tartar yoke"; the second refers to a more general context of the past, when Russia was a monarchy and when humble peasants and commoners were supposed to kneel before the tzar or higher nobility when they asked them for a favour or apologized for gross misdemeanour. Two idioms (*во всей нагоде* and *шитый белыми нитками*) seem to have developed unstable or positive connotations, in contrast to their fixed dictionary meanings, which mark them as explicitly negative. Apparently, here we witness the activation of a cognitive (and in all probability cultural) metaphor in which whiteness and absence of clothes are equated with the truth. The idioms that are associated with financial security are *иметь твердую почву*, *вольная птица* and *выбить почву из-под ног*. Here two more cognitive metaphors seem to be at work: "freedom is financial security" and "financial security is firm ground".

Idioms systematically associated with criminal context or illicit behaviour are *краем уха* and *краем глаза*. This information is absent from dictionary definitions of these idioms.

Idioms that are associated with love and attachment are *мизинца не стоит* and *растопить лед*. Although these connotations are not mentioned by dictionary definitions, subjects interpret them as having a narrower scope of notion, primarily connected with close interpersonal relationships. Idioms that were explicitly associated with school and student life are *каша в голове* and *детский лепет*. Both engender such associations as absence of knowledge and poor marks. The idiom *теплое местечко* reveals a broader scope in subjects' associations than its dictionary meaning. Most subjects produced associations with a family circle, hearth, sleep, rest and love.

Unlike Russian subjects, Bulgarian participants interpreted some of the idioms literally, with the comment *Аз го разбирам буквално*, although such interpretations were in the absolute minority and therefore statistically dismissible (less than 2 %). Yet other associations by Bulgarian native speakers included idiomatic expressions and showed native speakers' deep awareness of the idiomatic meaning. Such idiomatic synonyms testify to entrenched paradigmatic links in Bulgarian speakers' mental lexicon: cf. *намирам се между два огъня – между чука и наковалнята съм*; *омагьосан кръг – пари при пари отиват, едно зло никога не идва само*. However, these associations were also in the minority. Unlike Russian speakers, Bulgarian subjects were more ready to admit their hesitation as to the possible 'correct' associations they should provide: some subjects indicated the percentage of their lack of certainty, ranging from 10 to 30 percent. This can be explained by the fact that in order to give associations with a set expression, one should be aware of its meaning in the first place. Another important finding is that Bulgarian speakers considered about 10 % of the idioms to be old-fashioned and explicitly stated so in their comments. This did not occur with the Russian idioms.

Additional conceptual elements absent from dictionary treatment of Bulgarian idioms fall into the following 3 groups: temptation (*съблазн, изкушение*), error, mistake (*грешки*), protection (of oneself or another person) (*опазване*).

The statistical tool one-tailed T-test substantiated the working hypothesis and revealed that there is a statistically significant difference in cultural conceptualizations embedded in congruent Bulgarian-Russian idioms.

Table 1 illustrates additional Russian associations sorted out by groups and compared to associations that are not in contrast with dictionary meaning. The first graph of the table correlates with the degree of idiomatic transparency and is organized in ascending order.

Table 2 contains additional Bulgarian associations sorted out by groups and compared to associations that are not in contrast with dictionary meaning. The first graph of the table correlates with the degree of idiomatic transparency and is organized in ascending order.

Table 3 illustrates the degree of inter-group variation in the participants' responses, separately for Russian and Bulgarian idioms.

Table 1

Additional associations sorted out by groups and compared to associations that are not in contrast with dictionary meaning (absolute numbers for Russian associations)

Idiom	Associations compatible with dictionary meaning (degree of idiomatic transparency, in ascending order)	Group 1 "love"	Group 2 "crime"	Group 3 "material comforts and finances"	Group 4 "school and university life (education)"
Кусочек с коровий носочек	101	-	14	112	-
Иметь твёрдую почву под ногами	102	23	-	34	-
Быть на распутье	106	-	48	-	29
Сбиться с пути	108	45	21	20	45
Горькая пилюля	109	102	98	21	76
Вольная птица	109	21	97	134	-
Тёплое местечко	111	-	68	145	-
Ахиллесова пята	112	123	89	21	-
Растопить лёд	112	385	-	7	14
Белыми нитками шитый	112	123	125	101	98
Пустить козла в огород	117	-	98	87	111
Со всеми потрохами	117	145	-	-	-
Не находить себе места	118	127	24	34	-
Краем глаза	119	78	211	45	117

Idiom	Associations compatible with dictionary meaning (degree of idiomatic transparency, in ascending order)	Group 1 "love"	Group 2 "crime"	Group 3 "material comforts and finances"	Group 4 "school and university life (education)"
Пуп земли	123	24	43	107	-
Не первой молодости	124	119	-	34	21
Во всей наготе	126	26	28	29	2
Вставлять палки в колеса	127	38	109	23	98
Запретный плод	128	107	-	26	27
Задирать нос	134	25	32	12	76
Как истукан (стоять, сидеть)	134	-	28	30	216
До мозга костей	136	118	73	-	12
Мизинца не стоит	145	167	15	12	34
Камень преткновения	156	211	197	114	116
Подруга жизни	167	39	4	-	36
Падать в ноги	167	121	34	109	27
Искры из глаз посыпались	176	16	318	18	34
Вогнать в пот	178	120	-	56	-
Получить по заслугам	182	45	324	211	196
Выйти из игры	189	18	412	148	-
Легко отделаться	193	72	108	98	79
Детский лепет	198	-	27	-	397
Обивать пороги	200	98	18	87	-
Драная кошка	201	117	14	98	34
Выбить почву из-под ног	201	108	19	-	-
Каша в голове	214	18	-	13	394
Вогнать в краску	216	97	-	98	86
Между двух огней	218	114	29	104	54
Строить козни	218	114	211	18	56
Иметь зуб	225	-	394	180	194
Краем уха	234	86	123	16	112
Из любви к искусству	234	45	-	-	45
Бередить рану	234	-	23	-	47
Как Мамай прошел	234	-	136	124	111
От мала до велика	254	-	18	-	-

Idiom	Associations compatible with dictionary meaning (degree of idiomatic transparency, in ascending order)	Group 1 "love"	Group 2 "crime"	Group 3 "material comforts and finances"	Group 4 "school and university life (education)"
Подливаче масло в огън	265	118	28	67	65
Восходяща звезда	273	-	-	-	6
Расправяне криля	284	96	-	97	56
Сровняне с землей	297	-	403	29	211
Заколдованен кръг	345	-	67	94	93

Table 2

Additional associations sorted out by groups and compared to associations that are not in contrast with dictionary meaning (absolute numbers for Bulgarian associations)

Idiom	Associations compatible with dictionary meaning (degree of idiomatic transparency, in ascending order)	Group 1 "temptation" (<i>съблазн, изкушение</i>)	Group 2 "error, mistake, faux pas" (<i>грешки</i>)	Group 3 "protection" (<i>опазване</i>)
Изгряваща звезда	24	18	22	38
Не струва колкото малкия ми пръст	32	11	64	12
Омагьосан кръг	45	32	85	21
Разперя криле	56	12	-	64
Кроя козни	61	95	-	34
С крайчеца на ухото	65	64	65	-
Другарка в живота	65	31	-	73
Избяга почвата изпод краката	70	-	51	22
Наливам масло в огъня	70	21	43	14
Горчив хап	71	33	54	-
Сякаш Мамай е минал	76	-	103	89
Топло местенце	76	57	-	114
Сбъркам с пътя	76	87	91	3
Не мога място да си намеря	77	13	-	97

Idiom	Associations compatible with dictionary meaning (degree of idiomatic transparency, in ascending order)	Group 1 "temptation" (съблазн, изкушение)	Group 2 "error, mistake, faux pas" (грешки)	Group 3 "protection" (опазване)
Парченце колкото на крава носленце	77	35	50	-
Намирам се на кръстопът	78	92	51	22
Не в първа младост	78	108	13	-
Слагам пръти в спиците	81	43	32	21
Съшит е с бели конци	91	32	112	12
Като истукан (стоя, седя)	92	87	99	-
Намирам се между два огъня	93	54	-	97
С всички партакешии	97	2	50	51
Пъп на земята	100	78	32	55
Падам в краката	102	-	54	112
В цялата си голота	103	65	75	-
Волна птица	103	9	-	6
Ахилесова пета	103	95	74	91
Детинско ломотене	104	-	124	112
Излиза от играта	106	-	78	123
Одрана котка	106	-	17	-
Искри изскочиха от очите	108	10	101	12
Главя козел за градинар	109	76	106	43
Дигам нос	111	55	69	-
До мозъка на костите	112	-	-	-
Имам зъб на някого	118	69	40	20
Лесно се отърва	119	12	63	96
С крайчеца окоето	121	64	42	89
Протривам прага	122	-	11	41
Получа (си) заслуженото	125	87	214	-
Разтопя леда	134	214	118	13

Idiom	Associations compatible with dictionary meaning (degree of idiomatic transparency, in ascending order)	Group 1 "temptation" (съблазн, изкушение)	Group 2 "error, mistake, faux pas" (грешки)	Group 3 "protection" (опазване)
Карам някого за се изпоти	140	-	-	-
Имам твърда почва под краката си	147	-	-	61
Накарам някого да си пусне боята	158	112	76	-
Забранен плод	166	171	32	11
От малко до голямо	187	-	10	-
Изравня със земята	204	-	-	46
Каша (ми) е в главата	205	-	214	-
От любов към изкуството	205	18	-	95
Развреждам рана на някого	209	-	-	-
Камък на преткновениято	235	176	114	23

Table 3

Results of the one-tailed paired T-test analysis of inter-group variation in associations with idioms produced by 25 native speakers of Russian and 25 native speakers of Bulgarian

Difference Scores Calculations for Russian		
Treatment 1 N1: 50 $df1 = N - 1 = 50 - 1 = 49$ M1: 173.66 SS1: 182303.22 $s21 = SS1/(N - 1) = 182303.22/(50-1) = 3720.47$	Treatment 2 N2: 50 $df2 = N - 1 = 50 - 1 = 49$ M2: 276.5 SS2: 1623614.5 $s22 = SS2/(N - 1) = 1623614.5/(50-1) = 33134.99$	T-value Calculation $s2p = ((df1/(df1 + df2)) * s21) + ((df2/(df2 + df2)) * s22) = ((49/98) * 3720.47) + ((49/98) * 33134.99) = 18427.73$ $s2M1 = s2p/N1 = 18427.73/50 = 368.55$ $s2M2 = s2p/N2 = 18427.73/50 = 368.55$ $t = (M1 - M2)/\sqrt{(s2M1 + s2M2)} = -102.84/\sqrt{737.11} = -3.79$ The <i>t</i> -value is -3.78788. The <i>p</i> -value is .000131. The result is significant at $p < .05$.

Difference Scores Calculations for Bulgarian		
Treatment 1 N1: 50 $df1 = N - 1 = 50 - 1 = 49$ M1: 108.46 SS1: 108022.42 $s21 = SS1/(N - 1) =$ $108022.42/(50-1) = 2204.54$	Treatment 2 N2: 50 $df2 = N - 1 = 50 - 1 = 49$ M2: 133.08 SS2: 300043.68 $s22 = SS2/(N - 1) =$ $300043.68/(50-1) = 6123.34$	T-value Calculation $s2p = ((df1/(df1 + df2)) * s21) + ((df2/(df2 + df2)) * s22) = ((49/98) * 2204.54) + ((49/98) * 6123.34) = 4163.94$ $s2M1 = s2p/N1 = 4163.94/50 = 83.28$ $s2M2 = s2p/N2 = 4163.94/50 = 83.28$ $t = (M1 - M2)/\sqrt{(s2M1 + s2M2)} = -24.62/\sqrt{166.56} = -1.91$ The <i>t</i> -value is -1.90768. The <i>p</i> -value is .02968. The result is significant at $p < .05$.

6. Discussion

The least culturally divergent turned out to be those idioms which are traced back to a well-known, common source, such as mythology or the Bible. Apparently, cross-culturally shared (universal) knowledge of a source on the basis of which a specific idiom emerged is a factor that is conducive to conceptual congruence: such idioms are not prone to develop unique, culturally specific conceptualizations. Conceptual divergence is more apparent when idioms containing names of body parts (somatic idioms), parts of nature or names of animals are offered for interpretation. This seems to suggest that both natural and artificial cultures influence cultural cognition. However, idioms associated with *natural* culture (names of nature parts) triggered fewer differences in associations than idioms associated with *artificial* culture: names of tools and every-day objects. This can arguably be explained by a more universal character of natural objects and phenomena, which cannot be manipulated by humans and cannot be easily put to different uses, unlike artifacts, which, although were created for comparable reasons in both cultures, with time might have been put to various uses and have thus given rise to different conceptual metaphors, which engendered unique, culturally specific conceptualizations. This finding is in keeping with the main tenet of Cultural Linguistics, according to which meaning is largely a matter of conceptualization and is culturally constructed.

Different conceptual elements associated with at least one idiom – *подпыза жизни* – must have been caused by its allusive, intertextual nature: there is a well-known eponymous Russian play, which means that Russian speakers who are aware of its existence might have additional associations, absent from associations provided by Bulgarian speakers. Potentially, these additional associations brought about by the possible allusive, intertextual nature of Bulgarian and Russian idioms

are also a factor that may have a bearing on cultural conceptualization and cognition. Another factor partly responsible for differences in cultural conceptualizations is that although all the idioms are structurally and semantically isomorphic, due to close etymological links between Russian and Bulgarian some of the structural elements of idioms are old-fashioned or moribund in one language and are neutral in the other: cf. R. *горькая пилюля, во всей наготе, камък на преткновението, кроя козни*. This finding is in keeping with research by Stoyanova [19]. The divergence in some conceptual elements singled out from the associations provided by Bulgarian and Russian participants might also have been caused by the fact that some idioms, although they are in the minority, have two meanings (R. *заколдованный круг, подливать масло в огонь, вогнать в пот*). For some speakers, associations with one but not the other meaning might have been more prominent and conceptually salient. Yet another possibility is that a blended host of associations might have arisen, caused by amalgamation of two or more meanings of an idiom.

Some of the **limitations** of the research, which do not compromise its findings, are as follows. First, as is frequently the case with associative-interpretative tasks, some of the idioms offered for interpretation may not have been part of the participants' mental lexicon, i.e. they may have been unfamiliar or only vaguely familiar with the idioms. In all likelihood, these idioms were marked by the participants as unfamiliar (=UN). Second, the primary image at the basis of direct, non-figurative meaning of an idiom may have led the participants up the garden path, triggering associations with this primary image, which has little or nothing to do with the idioms' current figurative meaning. Apparently, this explains, why some subjects interpreted some idioms literally rather than metaphorically. Another limitation is that most Bulgarian speakers to some extent know Russian, whereas the majority of Russian speakers do not know Bulgarian. This bilingual asymmetry may have partly influenced the interpretation by Bulgarian speakers of the idioms, although this is only a speculation that needs to be checked against robust empirical data.

7. Conclusion

Additional conceptual elements singled out as a result of our research open a window onto cultural cognition of the two lingacultures. For the modern generation of Russians, these turn out to be *interpersonal relations, finances, criminality* and *education*. Three out of the four are current cultural values that rank high on the desirability scale. Criminality stands apart in that it is not a value per se, but rather a potential or actual threat that ranks high on the conceptual salience scale and is something to be feared and avoided. For Bulgarians, the idea of taking a misstep (*a faux pas*) seems to be a rather daunting perspective. As *temptation* is closely connected with wrongdoing, Bulgarian speakers seem to be very concerned about protecting their own or other people's integrity.

Research findings are relevant for contemporary translation studies (TS), which should be "organized along cognitive, sociological, anthropological, technological and economic lines" focusing on "a range of social, cultural, ideological and political aspects which have an influence on translators' choices" [27, P. 466].

Research findings call for a compilation of an updated version of a new bilingual (Russian-Bulgarian or Bulgarian-Russian) idiomatic dictionary. This could be done in two ways. First, the conceptual elements singled out in the experimental research could be taken into account when modern definitions of idioms are given. Second, alongside a definition of each idiomatic phrase, dictionary-writers could also supply some conceptual elements associated with each and every idiom in order to raise dictionary users' awareness of the newly emerging cultural conceptualizations which are part of collective cultural cognition.

Avenues for further research include the following aspects of investigating culturally specific conceptualizations connected with idiomatic language. Associations with idioms from two distantly related or unrelated languages could be compared in order to find out to what degree linguistic proximity has a bearing on the amount of comparable or divergent associations. Research could also be carried out in such a way that cross-generational differences between associations elicited from older and younger generation of speakers of two or more languages are compared and intergenerational inconsistencies are plotted on a diagram so that a picture of the relevant differences emerges.

It is genuinely hoped that the findings of the present research will be of benefit to the highly prolific field of Cultural Linguistics and could stimulate further interest in comparative-typological research.

References

1. Ebzeeva, Yu.N. (2021) QS Subject Focus Summit 2020 on Modern Languages and Linguistics: Languages and migration in a globalized world. *Russian Journal of Linguistics*. 25 (2). pp. 299–316. doi: 10.22363/2687-0088-2021-25-2-299-316
2. Lewandowska-Tomaszczyk, B. (2021) Comparing languages and cultures: Parametrization of analytic criteria. *Russian Journal of Linguistics*. 25 (2). pp. 343–368. doi: 10.22363/2687-0088-2021-25-2-343-368
3. Robinson, C.J. & Altarriba, J. (2015). Culture and language processing. In: Sharifian, F. (ed.) *Advances in Cultural Linguistics*. Springer. pp. 240–252.
4. Torop, P. (2015) Cultural semiotics. In: Sharifian, F. (ed.) *Advances in Cultural Linguistics*. Springer. pp. 170–180.
5. Wolf, H.-G. (2015) Language and culture in intercultural communication. In: Sharifian, F. (ed.) *Advances in Cultural Linguistics*. Springer. pp. 445–459.
6. Peeters, B. (2016) Applied ETHNOLINGUISTICS is cultural linguistics, but is its CULTURAL LINGUISTICS? *International Journal of Language and Culture*. 3 (2). pp. 137–160.
7. Mussolff, A. (2017) Metaphor and cultural cognition. In: Sharifian, F. (ed.) *Advances in Cultural Linguistics*. Springer. pp. 325–244. doi: 10.1007/978-981-10-4056-6_15
8. Sharifian, F. (2017) *Cultural linguistics: Cultural conceptualisations and language*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.
9. Conklin, K. & Carrol, G. (2019) First language influence on the processing of formulaic language in a second language. In: Siyanova-Chanturia, A. & Pellicer-Sanches, A. (eds) *Understanding formulaic language. A second-language acquisition perspective*. Routledge, pp. 62–77.
10. Cherneva, N.P. (2003) *Semantika i simbolika chisla v natsional'noy kartine mira (na materiale russkoy i bolgarskoy idiomatiki)* [Semantics and symbolism of numbers in the national worldview (on the basis of Russian and Bulgarian phraseology)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.

11. Bagasheva, A. (2017) Cultural conceptualisations of MOUTH, LIPS, TONGUE and TEETH in Bulgarian and English. In: Sharifian, F. (ed.) *Advances in Cultural Linguistics*. Springer. pp. 189–221. doi: 10.1007/978-981-10-4056-6_10
12. Kövecses, Z. (2017) Context in Cultural Linguistics: The case of metaphor. In: Sharifian, F. (ed.) *Advances in Cultural Linguistics*. Springer. pp. 307–323. doi: 10.1007/978-981-10-4056-6_14
13. Bilá, M. & Ivanova, S. (2020) Language, culture and ideology in discursive practices. *Russian Journal of Linguistics*. 24 (2). pp. 219–252. doi: 10.22363/2687-0088-2020-24-2-219-252
14. Nelyubova, N, Hiltbrunner, V. & Ershov, V. (2019) The reflection of the hierarchy of values in the paremiological stock of the Russian and French languages. *Russian Journal of Linguistics*. 23 (1). pp. 223–243. doi: 10.22363/2312-9182-2019-1-223-243
15. Diedrichsen, E. (2020) Linguistic expressions as cultural units. How a cultural approach to language can facilitate the description of modern means of communication and expression. *International Journal of Language and Culture*. 7 (1). pp. 121–145. doi: 10.1075/ijolc.00030.die
16. Kabakchi, V.V. & Proshina, Z.G. (2021) 166 Lexico-semantic relativity and versatility in translation and intercultural communication. *Russian Journal of Linguistics*. 25 (1). pp. 165–193. doi: 10.22363/2687-0088-2021-25-1-165-193
17. Senkbeil, K. (2020) Idioms in intercultural communication. A cognitive and pragmatic perspective. *International Journal of Language and Culture*. 7 (1). pp. 38–62. doi: 10.1075/ijolc.00026.sen
18. Schröder, U. (2020) Talking about intercultural experiences. The cognitive 'leap' into another universe. *International Journal of Language and Culture*. 7 (1). pp. 15–37. doi: 10.1075/ijolc.00025.sch
19. Stoyanova, E.V. (2002) *Ustarevshiye fraseologicheskie edinitsy russkogo yazyka i ikh bolgarskie ekvivalenty* [Russian obsolescent phraseological units and their Bulgarian equivalents]. Philology Cand. Diss. S.I.
20. Maltseva, D.A. (2017) Analiz emotivnoy fraseologii russkogo i bolgarskogo yazykov s komponentami 'serdtse' i 'dusha' (na materiale gazetnyh SMI) [Analysis of emotive phraseology of Russian and Bulgarian with the 'heart' and 'soul' components (on the material of newspapers)]. *Filologicheskiye nauki. Voprosi teorii i praktiki*. 12 (78). pp. 106–109.
21. Lavrova, N. & Nikulina, E. (2019) Predictors of correct interpretation of English and Bulgarian idioms by Russian speakers. *Russian Journal of Linguistics*. 24 (4). pp. 831–857. doi: 10.22363/2687-0088-2020-24-4-831-857
22. Andrejchina, K., Vlahov, S., Dimitrova, S. & Zapr'anova, K. (1980) *Rusko-bylgarski frazeologichen rechnik. Russko-bolgarskij frazeologicheskij slovar'* [A Russian-Bulgarian phraseological dictionary]. Moscow: Russkiy yazik. (In Bulgarian).
23. Sumskeya, E.G. & Havanskaya, E.S. (2013) *Novyy bolgarsko-russkiy i rusko-bolgarskiy slovar'* [New Bulgarian-Russian and Russian-Bulgarian dictionary]. Moscow: Izdatel'stvo "Slavyanskiy dom knigi".
24. Banova, M. & Dimova, S. (2014) *Frazeologichen rechnik na bylgarskiya ezik* [Phraseological dictionary of the Bulgarian language]. Sofia: Ban Mar. (In Bulgarian).
25. Brileva, I.S. & Teliya, V.N. (2006) *Bol'shoy frazeologicheskij slovar' russkogo yazika* [Comprehensive phraseological dictionary of Russian]. Moscow: AST Press.
26. Serkin, V.P. (2009) Reshenie zadachi o sluchaynosti/nesluchaynosti kolichestva gruppovykh assotsiatsiy [The solution to the problem of whether group associations are random or non-random]. *Psychodiagnosis*. 4. pp. 22–31.
27. Bednárová-Gibová, K. (2021) The changing face of contemporary translation studies through polydisciplinary lenses: Possibilities and caveats. *Russian Journal of Linguistics*. 25 (2). pp. 462–477. doi: 10.22363/2687-0088-2021-25-2-462-477

Information about the authors:

N.A. Lavrova, Dr. Sci (Philology), professor, Moscow State Institute of International Relations MGIMO University (Moscow, Russian Federation). E-mail: n.lavrova@inno.mgimo.ru

J. Danilović Jeremić, PhD, assistant professor, University of Kragujevac (Kragujevac, Serbia). E-mail: jelena.jeremic@filum.kg.ac.rs

A.O. Kozmin, Cand. Sci (Philology), associate professor, Moscow State Institute of International Relations MGIMO University (Moscow, Russian Federation). E-mail: a.kozmin@inno.mgimo.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Информация об авторах:

Лаврова Н.А. – д-р филол. наук, профессор кафедры английского языка № 3, МГИМО МИД России (Москва, Россия). E-mail: n.lavrova@inno.mgimo.ru

Данилович Еремич Е. – канд. филол. наук (PhD), доцент кафедры филологии и искусств факультета английского языка, Крагуевацкий университет (Крагуевац, Сербия). E-mail: jelena.jeremic@filum.kg.ac.rs

Козьмин А.О. – канд. филол. наук, доцент кафедры английского языка № 3, МГИМО МИД России (Москва, Россия). E-mail: a.kozmin@inno.mgimo.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

*The article was submitted 22.08.2023;
approved after reviewing 01.03.2024; accepted for publication 18.11.2024.*

*Статья поступила в редакцию 22.08.2023;
одобрена после рецензирования 01.03.2024; принята к публикации 18.11.2024.*

Научная статья
УДК 81'28
doi: 10.17223/19986645/92/4

Структурные особенности компаративных фразеологизмов в диалектах российских немцев

Лариса Ивановна Москалюк¹, Ольга Сергеевна Москалюк²

¹ *Алтайский государственный педагогический университет,
Барнаул, Россия, l.moskalyuk@yandex.ru*

² *Алтайский государственный технический университет,
Барнаул, Россия, omoskalyuk@yandex.ru*

Аннотация. Рассматриваются российско-немецкие фразеологические единицы, в основе построения которых лежит процедура сравнения. Компоненты подобных конструкций находятся в разнообразных синтагматических отношениях, а сами фразеологизмы строятся по определенным моделям. Исследуются компонентный состав сравнительных диалектных конструкций и роль отдельных компонентов в моделировании сравнительных идиом. Раскрываются особенности их функционирования в диалектной речи.

Ключевые слова: диалекты российских немцев, компаративные фразеологизмы, компонентный состав, лексико-грамматическая классификация, синтаксические функции

Для цитирования: Москалюк Л.И., Москалюк О.С. Структурные особенности компаративных фразеологизмов в диалектах российских немцев // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 92. С. 80–93. doi: 10.17223/19986645/92/4

Original article
doi: 10.17223/19986645/92/4

Structural features of comparative phraseological units in the dialects of Russian Germans

Larisa I. Moskalyuk¹, Olga S. Moskalyuk²

¹ *Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russian Federation, lmoskalyuk@yandex.ru*

² *Polsunov Altai State Technical University, Barnaul, Russian Federation,
omoskalyuk@yandex.ru*

Abstract. The conducted comprehensive study aims to characterize dialect comparative constructions from different points of view: component composition, mechanism for implementing the comparison procedure that conveys the artistic features of idioms, and features of functioning in speech. An important task is to consider such phrases against the background of the common German phraseological fund. The text

corpus of German dialects in Altai served as a source of material for the analysis. 205 phraseological units containing comparisons were identified by the continuous sampling method. Phraseological dictionaries of German and Russian were used for comparison. Comparative constructions of Russian-German dialects have not yet been comprehensively studied, which is the scientific novelty and relevance of the work. The structural originality of the comparative phraseological units of the German language lies in the fact that the characteristic of a property or action occurs within the framework of a comparative group or a comparative subordinate clause introduced by comparative conjunctions *wie, als, als wie, als ob, wie wenn, je ... desto*, which in the considered dialects are realized as *wie, als wie wann, je ... je, so ... so*. A total of 14 models were identified, which include 2 two-component and 12 multi-component models. The lexico-grammatical categories of comparative phraseological units correspond to the parts of speech according to the similarity of the grammatical meanings expressed by them. Comparative verbal phraseological units are always represented by a subordinating structure in which the first components retain their direct meaning, while the second components are rethought and perform the function of intensification or semantic differentiation of the first components. If adverbial comparative phraseological units include adjectives, then they are used, as a rule, in a positive degree, and nouns in the singular form, e.g., *wi n nasser Hund* [in a guilty way]. The first component of adjectival comparative phraseological units is used in the main meaning, and the second one performs the function of strengthening the attribute, or indicates the degree of the attribute expressed by the first component. The studied material does not allow singling out a group of substantive phraseological units. Phraseological units can be combined with different parts of speech within statements: with a verb (*der kaut wi e Häsje un schluckt wi n Wolf*); adjective (*dumm wi n Ochs*); noun (*des is n Kerl wi e Pund Worscht, s gebt meh Kette wi rasende Hunde, der hot Knoche wi Gaul*); an adverb, a word of the category of state (*dunkel wi im Sack*). The compatibility features of phraseological units of comparison are influenced not only by the structural features of phraseological units, but also by their correlation with certain lexico-grammatical categories. The nature of syntagmatic connections with other words in a sentence determines the possibilities of compatibility of stable comparisons: to play the role of a predicate expressed by a phraseological combination, to be part of a nominal predicate, less often to act as a circumstance or definition.

Keywords: German dialects, idioms of comparison, structure of phraseological unit, syntactic function of phraseological unit

For citation: Moskalyuk, L.I. & Moskalyuk, O.S. (2024) Structural features of comparative phraseological units in the dialects of Russian Germans. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 92. pp. 80–93. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/92/4

Введение. Предмет и материал исследования

Описывая объекты окружающей действительности, говорящий пытается сравнить их с уже известными характеристиками других объектов, выделяя у них общие признаки. Основными компонентами сравнения при этом являются объект, нуждающийся в объяснении, объект, на котором объяснение основывается, и общие свойства, присущие сравниваемым объектам. Таким образом, сравнение, отраженное в языке, – это выражение, передающее результат уподобления одного предмета или явления другому, одной ситуа-

ции – другой, сопоставления данного признака с качеством другого предмета. Устойчивое традиционное сравнение передает образы восприятия человеком окружающей действительности, которые знакомы всем носителям данного языка, поскольку они переходят по традиции от поколения к поколению. Сравнение передается в речи с помощью разных средств, одним из которых являются компаративные фразеологизмы. Фразеологию считают сокровищницей национально-специфичных элементов языка и культуры [1–3]. Словарный состав и фразеологический фонд российско-немецких диалектов тесно связаны с историческими событиями, явлениями культуры и социальной жизни народа, национальными реалиями, находящими свое отражение в языке. Во фразеологии российских немцев отражаются сохранившиеся в языке элементы материальной и духовной культуры Германии и элементы материальной и духовной культуры России, перенятые российскими немцами за время проживания в отрыве от прародины. Образовав особое языковое сообщество, российские немцы начали формировать собственную картину мира, отражающую немецкую и русскую национальные культуры. Исследуемые фразеологизмы служат носителями культурных ценностей российских немцев. А поскольку для фразеологизмов характерна образная мотивированность, которая напрямую связана с народом-носителем языка, фразеологизмы получают культурно-национальную коннотацию (ср.: [4]).

Признаки, позволяющие выделить устойчивые сравнения среди других фразеологизмов, опираются на структурные и лексико-семантические факторы. В данной работе мы придерживаемся следующего определения компаративных фразеологизмов: сравнительные фразеологизмы – такие словесные комплексы, которые структурно и семантически характеризуются признаками компаративности, т.е. обладают сравнительной семантикой и особой структурной организацией, предполагающей наличие лексико-синтаксических элементов – различных простых и сложносоставных сравнительных союзов (ср.: [5. С. 105; 6. С. 27]), т.е. это синтаксическая конструкция, в состав которой входят сравнительные подчинительные союзы и особенность которой состоит в образном сопоставлении признаков одного предмета или действия с другим, в выражении сравнения, уподобления или отождествления одного предмета или явления с другим. Структурное своеобразие компаративных фразеологических единиц немецкого языка состоит в том, что характеристика свойства или действия происходит в рамках сравнительной группы или сравнительного придаточного предложения, вводимых сравнительными союзами *wie*, *als*, *als wie*, *als ob*, *wie wenn*, *je ... desto*, которые в рассматриваемых говорах реализуются как *wie*, *als wie wann*, *je ... je*, *so ... so*. Таким образом, к фразеологизмам сравнения в островных немецких говорах можно отнести единицы типа: *wi n Tschachon*, *wi dr unglawige Thomas*, *wi e Kughel aus dem Gewehr*, *wi in Traam*, *wi n Feder im Hut*, *wi mit Butter geschmiirt*, *wuchert wi n Tatar*, *dumm wi n Schwob*, *bitter wi dr Tod*, *des passt wi e Faust uf e Aag*, *als wie wann r s Gesäss voll Umense hätt*, *je gelehrte*, *je vrkehrte*.

Источником материала для анализа послужили данные авторского архива [7], включающие транскрипты записей бесед с носителями немецких диалектов, фольклорные произведения российских немцев, в том числе шванки, короткие юмористические рассказы из жизни российских немцев, сказки, детские песни и стихи, собранные во время восьми полевых экспедиций в немецкие села Алтайского края (1990–2018 гг.). Для проверки, уточнения и расширения общего фактического материала исследования были использованы традиционные методы диалектологии, такие как анкетирование и метод устного опроса информантов во время экспедиции в 2021 г. в село Шумановку Немецкого национального района. Было опрошено шесть информантов в возрасте от 60 до 87 лет. Методом сплошной выборки были выделены 205 фразеологизмов, содержащих сравнения. Для сопоставления привлекались фразеологические словари немецкого языка [8–10] и русского языка [11].

В настоящем исследовании рассматриваются фразеологические единицы российско-немецких говоров Алтайского края, литературные фразеологизмы привлекаются лишь в сопоставлении с диалектными фразеологическими оборотами. Сопоставительные конструкции российско-немецких говоров до сих пор комплексно не изучались, не выделены их структурные типы, не определены связи между компонентами компаративных фразеологических единиц, в решении этих задач заключается научная новизна и актуальность работы. Она восполняет пробелы, имеющиеся в островной немецкой диалектологии. Комплексное исследование преследует цель охарактеризовать сравнительные конструкции с разных точек зрения: компонентного состава, механизмов реализации процедуры сравнения, передающей художественные особенности идиом, особенностей функционирования в речи. Немаловажной задачей является рассмотрение подобных оборотов на фоне общенемецкого фразеологического фонда. Анализ компаративных фразеологизмов проводится с использованием дескриптивного метода, метода структурного анализа и элементов сопоставительного метода, он дает возможность познакомиться с богатым культурно-историческим наследием, сохранившимся до настоящего времени.

Фразеология говоров российских немцев не является замкнутой системой. Многие фразеологические единицы широко распространены не только в исследуемых островных говорах, но и за их пределами, в материнских немецких диалектах на территории Германии и других немецкоязычных стран, некоторые находятся на грани диалектного и общенародного употребления. Русско-немецкие говоры Алтайского края – это речь жителей немецких сел, основанных в Кулундинской степи в начале XX в. на территории позднего заселения немцев переселенцами из Поволжья и Причерноморья. Все примеры употребления фразеологизмов зафиксированы в поселениях, расположенных в Немецком национальном районе. Благодаря островному положению и соседству с иноэтническим – русскоязычным – населением сохранились архаичные явления и появились новообразования, а

также заимствования из соседних языков и диалектов. По языковым особенностям это достаточно однородные говоры [12] (более подробное описание говоров и библиографию см. в других работах авторов).

Исследуемые фразеологические единицы не являются одинаковыми по своей структуре, поэтому, рассматривая вопрос о функционировании фразеологизмов в речи российских немцев, прежде всего следует подвергнуть анализу их структурный компонентный состав, отнесенность к лексико-грамматическим разрядам, характер их синтагматических связей в пределах высказываний, а также их синтаксические функции. Такой подход позволяет сделать объективные выводы о функционировании компаративных фразеологизмов в диалектной речи. Выделение структурных особенностей компаративных фразеологических единиц поможет охарактеризовать их содержание, так как форма и содержание всегда взаимосвязаны.

Компонентный состав диалектных немецких компаративных фразеологизмов

Рассмотрим компонентный состав исследуемых фразеологизмов, определяя при этом смысловую нагрузку имеющихся формально-грамматических компонентов, входящих в состав компаративных фразеологизмов.

Наш материал позволил выделить следующие модели фразеологизмов сравнения (традиционно в качестве структурных элементов выступают части речи, входящие в состав фразеологизмов).

Двухкомпонентные компаративные фразеологические единицы:

1. *wi* + (прил.) + сущ. (ном.) (развивает атрибутивное или обстоятельное значение): *wie en Ochs* 'ratlos, handlungsunfähig, in Verlegenheit sein'; 'растерянный, беспомощный, нерешительный; тупой, упрямый', букв. как бык.

При использовании противопоставления компаративный фразеологизм может иметь более сложную структуру, когда два двухкомпонентных сравнительных оборота соединяются союзом *bald ... bald*: *bald wi n Härje, bald wi n Bärje* 'nicht fein spinnen', 'неровно прядет, то толсто, то тонко', букв. То как волосок, то как медведь. Подобные фразеологизмы строятся на сочетании компонентов, находящихся в антонимических парадигматических отношениях. Противопоставление в составе таких фразеологических единиц является не конечной целью, а средством создания целостного представления об объекте номинации [13. С. 184].

Эта модель может включать в качестве расширения прилагательное перед существительным: *wi n eiserne Egg* 'hart', 'грубо', букв. Как железная борона; *wi dr Deeringre Wald* 'sehr alt', 'древний, очень старый', букв. Как Тюрингский лес.

Перед существительным в номинативе может стоять существительное в дативе possessивном [14. S. 49], заменяющем отсутствующий в немецких диалектах генитив, выполняя функцию определения при следующем за ним существительном: *wi* + сущ. (датив possessивный) + сущ. (ном.): *wi n Gläser*

sei Heu 'nicht an diesen Ort gehören', 'неподходящий в данной ситуации, ненужный, лишний', букв. Как сено стекольщика; *wi m tote Lamm dr Schwanz* 'unerwünscht', 'нежелательный, ненужный, лишний', букв. Как хвост мертвого ягненка.

Перед существительным в номинативе может стоять другое существительное в номинативе, выражающее количественное значение и имеющее при себе количественное числительное: *wi* + (числит.) + сущ. (ном.) + сущ. (ном.): *wi e Pund Worscht* 'stark, kräftig', сильный (о человеке, мужчине)', букв. Как фунт колбасы; *wi drei Taghe Dunnerwetter* 'verdrießlich, missvergnügt (dreinschauen)', 'ненастный, недовольный, сердитый, раздосадованный', букв. Как три дня непогоды; ср.: лит. нем. ein Gesicht wie drei (oder sieben) Tage Regenwetter machen. Сравнение передает настроение человека, которое отражается на его лице, выдающем его чувства, склонности и мысли.

Существительное в номинативе может иметь несогласованное определение, выраженное существительным с предлогом, стоящим в постпозиции к определяемому существительному: *wi* + сущ. (ном.) + предлог + сущ. (косв. падеж) (с атрибутивным, предикативным или обстоятельственным значением): *wi n Fisch in Waser* 'gesund und munter (sein), etw. Gut beherrschen; (быть) здоровым, бодрым; (делать что-либо) свободно, без усилий', букв. Как рыба в воде. Ср.: лит. нем.: Wie ein Fisch im Wasser; *wi Salz in dr Schnitzsupp* 'nicht an diesen Ort gehören', 'лишний, нежелательный, неподходящий; ненужное дополнение, которое портит вещь', букв. Как соль в компоте из сухофруктов.

Следующая модель представлена сочетанием сравнительного союза, предлога и существительного в косвенном падеже.

2. *wi* + предлог + сущ. (косв. падеж) (обстоятельственное значение): *wi ausm Ärmel* 'etwas/ jemanden überraschend präsentieren; etwas schnell vorlegen, plötzlich vorbringen; etwas ohne Mühe tun, wissen'; 'неожиданно, без усилий'; букв. Как из рукава. В литературном немецком языке схожее значение имеет фразеологизм etw. aus dem Ärmel schütteln 'выполнить что-то сложное, тяжелое без усилий, играючи; так говорят о вещах, которые обычно требуют длительной подготовки; *wi im Tauwenschlach* 'es war ein ständiges Kommen und Gehen'; 'многолюдно; это не дом, а проходной двор' букв. Как в голубятне.

Следующая модель представлена сравнительным союзом и причастием II.

3. *wi* + причастие II (с обстоятельственным значением): *wi behext* 'verzaubert, in Bann gerissen, erstarrt', 'неподвижно', букв.: как околдованный; *wi (mit Butter) geschmiert* разг. нем. Es geht wie geschmiert 'reibungsslos ablaufen', 'легко, без помех', букв. Как (маслом) намазанный.

Многокомпонентные компаративные фразеологические единицы представлены следующими моделями:

4. глагол + *wi* + сущ. (ном.): *danzt wi n Bär* 'ungeschickt, von einem rauhen, plumpen Menschen'; 'быть неуклюжим, букв. Танцует как медведь; *sitzt wi e*

Braut ‘für alle sichtbar sein’, ‘быть на виду; вести себя тихо, спокойно’, букв. Сидит, как невеста.

Перед существительным в номинативе может стоять согласованное определение, выраженное прилагательным: глагол + *wi* + прил. + сущ. (ном.): *der schwemmt wi n eisene Paal*, ср.: разг. нем. *schwimmt wie eine bleierne Ente* ‘nicht schwimmen können; nur schlecht schwimmen’, ‘плохо плавать, тонуть’, букв. Плавать, как железный топор. Диалектное сравнение является калькой русского фразеологического выражения: рус. яз. плавать как топор, заменившего сравнение со свинцовой уткой.

После существительного в номинативе может стоять несогласованное определение, выраженное существительным с предлогом: глагол + *wi* + сущ. (ном.) + предлог + сущ. (косв. падеж): *klebt am Ruwel wi di Flighe am Latwerjetopp* ‘habgierig sein’, ‘быть жадным’, букв. Прилипать к рублю, как мухи к горшку с вареньем.

5. глагол + *wi* + сущ. (косв. падеж): *geht wi uf Eier* ‘unsicher, sehr behutsam, vorsichtig gehen; vorsichtig sein’, ‘осторожно ходить; в широком смысле: быть осторожным’, букв. Ходить, как по яйцам; *do gehts wi bei Hof* ‘sich höflich benehmen’, ‘быть вежливым, вести себя церемонно’, букв. Происходить как при дворе.

Следующая модель глагольных компаративных фразеологических единиц представлена глаголом в сочетании со сравнительным союзом и причастием 11.

6. глагол + *wi* + причастие 11: *kommt wi gerufe* ‘im rechten Augenblick’, ‘прибыть во-время’, букв. Пришел, как будто позвали; *des is ghuppt wi gsprunge* ‘etwas ist egal, etwas macht keinen großen Unterschied’, ‘все равно, не имеет большой разницы; букв. Прыгать, как скакать.

Если компаративная фразеологическая единица сопоставляет характер одного действия, которое передается словосочетанием глагола с существительным, с другим, то модель получает следующий вид:

7. глагол + сущ. (косв. падеж) (объектное значение) + *wi* + сущ. (ном.) + сущ. (косв. падеж)/придаточное предл.: *der macht den Buckel wi di Katz, wann s dunntert*, ср.: разг. нем. *einen krummen Buckel machen*: ‘unterwürfig, demütig sein’, ‘угодничать’, букв. Гнуть спину, как кошка, когда гремит гром; *di hots im Griff wi dr Bettelmann di Laus* ‘etw. gut beherrschen’, ‘держат что-либо под контролем, надёжно’, букв. Схватить, как нищий вошь.

8. глагол + прил. + *wi* + сущ. (косв. падеж) (объектное значение) + глагол (инфинитив): *des is grad so gut, wi dr Bock melka*; ‘Unmögliches versuchen, etwas Unsinniges tun’, ‘пытаться сделать что-либо невозможное’, букв. Это так же хорошо, как доить козла.

глагол + прил. + *wi* + сущ. (ном.): *di vrsteht so viil drvon, wi di Kuh vom Sonntag* ‘von etwas so viel verstehen, Ahnung haben wie der Hahn vom Eierlegen; keine Ahnung haben von etwas; sich mit etwas nicht auskennen’, ‘не разбираться в чем-либо, понятия не иметь о чем-либо’, букв. Понимать что-либо так хорошо, как корова воскресенье.

9. глагол + *wi* / *als wi* / *als wann* / *wi wann* + придат. предложение сравнения: *di sieht aus, als wi wann si di Hex gritte hätt* 'schlecht aussehen', 'ужасно выглядеть', букв. Выглядеть, как будто на ней ведьма скакала; *du machst als wannste dr Himmel halle täst* 'Hochmutig sein', 'быть воображалой, задаваться', букв. Делаешь вид, как будто ты держишь небо.

10. прил. (полож. степень) + *wi* + (прил.) + сущ. (ном.): *di is so iwrig wi n Gasseknodel* 'unnötig sein'; 'самый обычный, никчёмный', букв. Лишний, как комок уличной грязи; *fei wie Nitke 'er hat einen guten Charakter*', 'иметь хороший покладистый характер' (букв.: тонкий, как нить. Ср.: нем. *fein wie Faden*; *klein, aber fein*).

Вышеописанная конструкция может быть расширена существительным в косвенном падеже, выполняющим роль несогласованного определения при существительном в номинативе сравнительного оборота: прил. (полож. степень) + *wi* + (прил.) + сущ. (ном.) + сущ. (косв. падеж): *des hun ich so netig wi a Loch em Kopp* 'Das brauche ich nicht!', 'совершенно ненужный', букв. Нужный, как дырка в голове; *dort sein di Leit unruhig worre wi di Hinkel vorm Unwetter* 'суетливые, взволнованные, беспокойные (о людях)', букв. Беспокойные, как курицы перед непогодой.

11. прил. (полож. степень) + *wi* + (прил.) + сущ. (косв. падеж): *dunkel wi im Sack* 'sehr dunkel', 'очень темно', букв. Темно, как в мешке.

12. прил. (полож. ст.) + *wi* / *als wi wann* + придаточное предл.: *der is net so helzern wi r rappelt* 'nicht so unbeholfen, linkisch und steif wie ein Stück Holz', 'непростой, не такой уж неуклюжий, беспомощный', выражение *bei ihm rappelt es* имеет значение 'er ist nicht ganz bei Verstand', 'он не в своем уме'. Первоначально глагол обозначал: 'lärmen, klappern, schelten, шуметь, стучать, ругаться'; букв. Не такой деревянный, как он притворяется; *des is so gut wi s Wasser im Sieb trage* 'sich vergeblich abmühen; sich umsonst anstrengen', 'напрасный труд', букв. Так же хорошо, как носить воду ситом.

13. прил. (сравн. ст.) + *wi* + (прил.) + сущ. (ном.):

di Aaghe sin greser wi dr Maghe 'sagt man, wenn es Kindern nicht gelingt, die Größe ihres Appetites mit der Aufnahmefähigkeit ihres Magens in Einklang zu halten'; 'так говорят, когда на тарелку накладывают больше еды, чем человек в состоянии съесть; быть жадным', букв. Глаза, больше, чем желудок. В верхненемецких диалектах в качестве сравнительного союза после прилагательного или наречия в сравнительной степени используется союз *wie*, а не *als*, как в литературном языке и нижненемецких диалектах. Сравнительный оборот неравенства имеет эллиптическое построение с элиминированным сказуемым-связкой ... *greser wi dr Maghe (is)*;

do kommt di Brih deirer wi di Brocke 'die Nebenkosten sind höher als die Sache selbst; der Nutzen ist gering, wenn man die Nachteile berücksichtigt; trotz großem Aufwand ist das Ergebnis unbefriedigend, etwas ist unverhältnismäßig, das Beiwerk, das Drum und Dran ist kostspieliger als die Sache selbst', 'очень дорого, дополнительные расходы дороже, чем стоит сама вещь, несмотря на большие усилия результат неудовлетворителен', букв. Бульон выходит дороже, чем гуща.

Следующая модель представляет диалектное придаточное пропорционального сравнения, которое вводится союзом *je ... je ...*, соответствующим литературному немецкому союзу *je ... desto*. Сложноподчиненное предложение с придаточным пропорционального сравнения имеет эллиптическое построение с элиминированными сказуемыми-связками.

14. *je* придаточное предл. ... *je* главное предл.: *je länger hier, je später dort* ‘тише едешь, дальше будешь, вернее будешь на месте’; букв. Чем дольше (пробудешь) здесь, тем позже (будешь) там.

Структурное своеобразие компаративных фразеологических единиц немецких диалектов состоит в том, что характеристика свойства или действия происходит благодаря сравнительной группе равенства или неравенства с союзом *wie*, которые могут содержать или не содержать отрицание. Компаративные фразеологизмы могут входить в состав сравнительного придаточного предложения равенства, неравенства или пропорционального сравнения, которые вводятся союзами *wie, als wie wann, je ... je*.

Лексико-грамматическая классификация компаративных фразеологизмов

Лексико-грамматические разряды компаративных фразеологизмов соответствуют частям речи по сходству выражаемых ими грамматических значений. Разные по компонентному составу фразеологизмы сравнения выстраиваются в классификацию по лексико-грамматическому признаку следующим образом:

1. Глагольные фразеологические обороты, обозначающие действия, состояния: *des passt wi e Faust uf e Aag* ‘nicht zusammen passen’, ‘совсем не подходить’, букв. Подходит как кулак в глаз; *der furcht sich dvour wi dr Tei-wel vorm Kreiz* ‘erschrecken’, ‘остерегаться’, букв. Бояться, как черт креста.

Компаративные глагольные фразеологические единицы представлены всегда подчинительной структурой, в которой первые компоненты сохраняют прямое (буквальное) значение, а вторые компоненты переосмыслены и выполняют функцию интенсификации или семантической дифференциации первых компонентов. Во всех глагольных компаративных фразеологизмах глагол-сказуемое стоит в высказывании перед собственно сравнительным оборотом со сравнительным союзом, вводя его и являясь формально-грамматическим центром сочетания.

Лексико-грамматическая классификация фразеологизмов сравнения опирается на структурную: так, к глагольным фразеологическим единицам относятся такие фразеологизмы, в состав которых включен глагол (напр.: группы 4, 5, 6, 7, 8, 13, 14 структурной классификации).

2. Наречные фразеологические обороты, обозначающие признак действия или признак признака: *wi Brezelbacke – Das geht wi Brezelbacke bei dere* ‘sehr gut, schnell, einfach’, ‘легко, быстро, просто’, букв. Как приготовление кренделей кем-либо. Приготовление кренделей считалось легким делом, они быстро подрумяниваются в печи; *wi em Handumdrehe – Der machts*

wi em Handumdrehe 'sehr schnell, sofort, unmittelbar darauf', 'мгновенно, мигом, не успеешь обернуться', букв. Как руку повернуть; *wi erstarrt* (vor Schreck) – *di stound wi erstarrt* 'unbeweglich', 'неподвижно', букв. Как застывшая.

В немецком языке если в состав адвербиальных компаративных фразеологических единиц входит прилагательное/ наречие, то они употребляются, как правило, в положительной степени, а существительные – в форме единственного числа. Например: *wi n nasser Hund* 'виновато'. Наречные фразеологические единицы соотносятся с 1, 2, 3-й группами структурной классификации.

3. Адъективные фразеологические обороты, обозначающие качества, свойства признаки предмета: *so unschuldig wi unse Herrgott am Kreiz* 'heilig', 'безгрешный', букв. Невиноватый, как Господь Бог на кресте; *heilig wi dr Papst in Rom* 'unschuldig', 'безгрешный', букв.: святой, как папа римский; *ich sei so vergesse wi e alt Haus* 'vergesslich', 'забывчивый', букв. Забывчивый, как старый дом.

В немецком языке первый компонент адъективных компаративных фразеологических единиц употребляется в основном значении, а второй - выполняет функцию усиления признака, выраженного первым компонентом, обозначает степень признака, выраженного первым компонентом. Адъективные фразеологические единицы включают в свой состав группы фразеологизмов 1, 9, 10, 11-й структурной классификации.

Исследуемый материал не позволяет выделить группу субстантивных фразеологизмов, так как, несмотря на то, что в толкование фразеологических единиц могут быть включены такие имена существительные, как человек, девушка, дети, во всех фразеологизмах речь идет о каких-то свойствах или качествах человека, т.е. в них содержится атрибутивное значение *es is n Kerl wi e Pund Worscht* 'stark, tüchtig', 'сильный, работающий'.

Синтаксическая функция фразеологизмов сравнения

Фразеологический оборот диалектной речи является частью предложения/высказывания, т.е. выполняет определенную синтаксическую функцию. Способность фразеологических единиц быть тем или иным членом предложения зависит от соотношения этой устойчивой единицы с какой-либо частью речи [15. С. 29]. Опираясь на способность компаративных фразеологизмов сочетаться с другими лексемами в пределах высказывания, рассмотрев синтагматический уровень отношений между лексическими единицами, можно определить синтаксические функции исследуемых компаративных фразеологизмов.

Фразеологические единицы способны сочетаться с разными частями речи в пределах высказываний: с глаголом (*der kaut wi e Häsje un schluckt wi n Wolf*); именем прилагательным (*dumm wi n Ochs*); именем существительным (*des is n Kerl wi e Pund Worscht, s gebt meh Kette wi rasende Hunde, der*

hot Knoche wi Gaul); наречием, словом категории состояния (*dunkel wi im Sack*).

На особенности сочетаемости фразеологизмов сравнения влияют не только структурные особенности фразеологизмов, но и их соотносительность с определенными лексико-грамматическими разрядами. В предложении компаративные фразеологические единицы, передающие признак действия, чаще всего выступают в роли обстоятельства: *der lebt wi n Vogel in Hanf* ‘(он живет) беззаботно’; *lest wi Schulmeister* ‘(читает) без запинки’, *des kommt wi di Pingschta nouch dr Oschtra* ‘обязательно (настанет)’.

Особо выделяется группа высказываний, в которых фразеологизмы сравнения способны сочетаться с глаголами, имеющими семантику обозначения положения предмета или лица в пространстве (*сидеть, лежать, стоять*), и глаголами движения, которые по значению и по функции в предложении близки связочным глаголам, хотя в традиционном синтаксисе эти глаголы не принято считать связочными, так как они могут выступать в качестве самостоятельного члена предложения, например: *Di sitzt wi e Gluck wann se brüt*; *der sitzt wi n Kind beim Dreck*; *der steht wi n Ochs am Berg*; *der geht wie wann r e Arschin kschluckt hätt*.

В этом случае сравнительные обороты внутри предложения могут иметь двунаправленную связь (ср.: [16. S. 255]). Двунаправленная связь возможна в случаях с фразеологизмами сравнения в том случае, если глагол является относительно самодостаточным и может быть самостоятельным сказуемым, например: *d steh de Mätje in dr Reih wi de Kopne Hei* ‘сидеть рядом близко друг к другу, как копны сена’ Сравнительный союз формирует при этом двунаправленную связь, оформляя отношения между параллельными членами, один из которых является определяемым, а другой (вводимый союзом) – определяющим (*de Mätje in dr Reih wi de Kopne Hei*), и одновременно относит весь оборот к сказуемому (*steh wi de Kopne Hei*). В этих примерах фразеологизмы приобретают обстоятельственно-определятельное значение.

Фразеологизмы сравнения, соотносимые с именем прилагательным, часто выполняют функцию именной части составного именного сказуемого: *der is alt wi dr Deeringre Wald*; *des is so gut wi s Wasser im Sieb traghe*; *die is so naseweisig wie e Gaas*. Следует отметить, что метафорическая интерпретация сравнения обеспечивает сравнительному обороту определительно-характеризующую функцию (ср.: [17. С. 91]). Эта способность позволяет фразеологическим единицам со значением сравнения быть частью именного сказуемого. Фразеологизмы в функции предикатива используются со связочными глаголами. В следующих предложениях / высказываниях можно наблюдать примеры использования фразеологических единиц в качестве именной части сказуемого: *e Herz is so dick wi Seiamer* ‘твердое, непрошибаемое (о сердце)’, букв. Толстое, как ведро для свиней; *der is so err wi n Schlitte* ‘тупой’, букв. Сумасшедший, как сани.

В качестве определения компаративные фразеологизмы выступают в сочетании с существительным, например, в конструкции глагол + существительное (аккузатив) + компаративный фразеологизм: *der hat Einfäll wi e alt*

Haus ‘unsinnige Ideen haben’, ‘кому-либо приходят в голову самые сумасбродные мысли’ букв. Ему приходят в голову мысли, как старому дому.

Глагольные компаративные фразеологические единицы выступают в качестве сказуемого, выраженного фразеологическим сочетанием, например: *di singt so fei wi Spuljeszwern* ‘она заливается соловьем’ букв. Поет приятно, как нитка в челноке.

Заключение

Сравнения, которые были нами проанализированы, – это образные средства диалектной речи российских немцев, функционирующие в большинстве случаев так же, как сравнительные обороты в литературном немецком языке. Анализ диалектного материала позволил отметить отличительные особенности диалектных сравнительных союзов, а также более широкую представленность фразеологических единиц, основанных на сравнении, в островных немецких говорах по сравнению с литературным языком. Количественное превалирование подобных конструкций может быть объяснено в том числе и широкой варьированностью фразеологических единиц в диалекте, где наряду с общенемецкими выражениями употребляются их региональные варианты.

Таким образом, фразеологизмы сравнения, или устойчивые сравнения, в российско-немецких говорах представляют собой разнообразные по составу компонентов единицы. Структурные особенности оборотов определяют их соотношенность с той или иной частью речи. Определение их синтаксической функции показывает, что одна и та же единица, в нашем случае устойчивое сравнение, может выполнять разные синтаксические функции. Характер синтагматических связей с другими словами в предложении определяет возможности сочетаемости устойчивых сравнений, что позволяет им выполнять роль сказуемого, выраженного фразеологическим сочетанием, быть частью именного сказуемого, выступать в роли предикативного атрибута, имея двунаправленную связь, реже в роли обстоятельства или определения.

Список источников

1. Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. 3-е изд. М. : Кн. Дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 453 с.
2. Мокиенко В.М. Образы русской речи: историко-этимологические очерки фразеологии. М. : Флинта : Наука, 2009. 464 с.
3. Piirainen E. Areale Aspekte der Phraseologie: Zur Bekanntheit von Idiomen in den regionalen Umgangssprachen // Flut von Texten – Vielfalt von Kulturen: Ascona 2001 zur Methodologie und Kulturspezifik der Phraseologie / Hrsg. von Harald Burger, Annelies Häckle Buchofer, Gertrud Gréciano. Baltmannsweiler, 2003. S. 117–128.
4. Телия В.Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.
5. Москалюк Л.И., Москвина Т.Н., Трубакина Н.В. Текстовый корпус островных немецких говоров Алтайского края: основные направления и результаты исследований. Барнаул : АлтГПУ, 2014. 198 с.

6. Прокошева К.Н. Структура устойчивых сравнительных оборотов в говорах Северного Прикамья // Вопросы лексики, фразеологии и синтаксиса. Пермь, 1974. С. 103–111.
7. Бакланова И.И. Фразеологизмы сравнения в Пермских говорах // Российская и зарубежная фразеология. 2011. Вып. 4 (16). С. 27–31.
8. DUDEN. Redewendungen und sprichwörtliche Redensarten. Idiomatisches Wörterbuch der deutschen Idiomatik. Bearb. v. G. Drosdowski und W. Scholze-Stubenrecht. Bd. 11. Mannheim ; Leipzig u.a. : Dudenverlag, 1992. 864 S.
9. Küpper H. Wörterbuch der deutschen Umgangssprache. 1. Aufl. 5. Nachdr. Stuttgart ; Dresden : Ernst Klett Verlag, 1993. 959 S.
10. Röhrich L. Lexikon der sprichwörtlichen Redensarten in 5 Bänden. Freiburg, Basel, Wien : Verlag Herder, 2001. 1257 S.
11. Фёдоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка: около 13000 фразеологических единиц. 3-е изд., испр. М. : Астрель : АСТ, 2008. 287 с.
12. Москалюк Л.И. Современное состояние островных немецких диалектов. Барнаул : БГПУ, 2002. 291 с.
13. Алефиренко Н.Ф., Семенов Н.Н. Фразеология и паремиялогия. М. : Флинта: Наука, 2009. 345 с.
14. Wegener H. Der Dativ im heutigen Deutsch (Studien zur deutschen Grammatik). Tübingen : Narr, 1985. 367 S.
15. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. М. : Высш. шк., 1963. 160 с.
16. Hentschel E. Deutsche Grammatik. Berlin : Walter de Gruyter, 2010. 404 S.
17. Прияткина А.Ф. Русский язык: Синтаксис осложненного предложения. М. : Высш. шк., 1990. 176 с.

References

1. Kovshova, M.L. (2013) *Lingvokul'turologicheskiiy metod vo frazeologii. Kody kul'tury* [Linguistic and cultural method in phraseology. Cultural codes]. 3rd ed. Moscow: Kn. Dom "LIBROKOM".
2. Mokienko, V.M. (2009) *Obrazy russkoy rechi: istoriko-etimologicheskie ocherki frazeologii* [Images of Russian speech: historical and etymological essays of phraseology]. Moscow: Flinta: Nauka.
3. Piirainen, E. (2002) Areale Aspekte der Phraseologie: Zur Bekanntheit von Idiomen in den regionalen Umgangssprachen. In: Burger, H., Buhofer A.H. & Gréciano, G. (Hrsg.) *Flut von Texten – Vielfalt von Kulturen: Ascona 2001 zur Methodologie und Kulturspezifik der Phraseologie*. Baltmannsweiler. pp. 117–128.
4. Teliya, V.N. (1996) *Russkaya frazeologiya: Semanticheskiiy, pragmaticheskiiy i lingvokul'turologicheskiiy aspekty* [Cultural strata in phraseology and discursive practices]. Moscow: Shkola "Yazyki russkoy kul'tury".
5. Moskalyuk, L.I., Moskvina, T.N. & Trubavina, N.V. (2014) *Tekstovyy korpus ostrovnykh nemetskikh govorov Altayskogo kraia: osnovnye napravleniya i rezul'taty issledovaniy* [Text corpus of insular German dialects of the Altai Territory]. Barnaul: AltSPU.
6. Prokosheva, K.N. (1974) *Struktura ustoychivnykh sravnitel'nykh oborotov v govorakh Severnogo Prikam'ya* [The structure of stable comparative phrases in the dialects of the Northern Kama region]. In: *Voprosy leksiki, frazeologii i sintaksisa* [Issues of lexis, phraseology and syntax]. Perm: [s.n.]. pp. 103–111.
7. Baklanova, I.I. (2011) *Frazeologizmy sravneniya v Permskikh govorakh* [Phraseological units of comparison in Perm dialects]. *Rossiyskaya i zarubezhnaya frazeologiya*. 4 (16). pp. 27–31.
8. DUDEN. (1992) *Redewendungen und sprichwörtliche Redensarten. Idiomatisches Wörterbuch der deutschen Idiomatik*. Bearb. v. G. Drosdowski und W. Scholze-Stubenrecht. Bd. 11. Mannheim; Leipzig u.a.: Dudenverlag.

9. Küpper, H. (1993) *Wörterbuch der deutschen Umgangssprache*. 1. Aufl. 5. Nachdr. Stuttgart; Dresden: Ernst Klett Verlag.
10. Röhrich, L. (2001) *Lexikon der sprichwörtlichen Redensarten in 5 Bänden*. Freiburg, Basel, Wien: Verlag Herder.
11. Fedorov, A.I. (2008) *Frazeologicheskiy slovar' russkogo literaturnogo yazyka: okolo 13000 frazeologicheskikh edinits* [Phraseological dictionary of the Russian literary language: approx. 13000 phraseological units]. 3rd ed. Moscow: Astrel': AST.
12. Moskalyuk, L.I. (2002) *Sovremennoe sostoyanie ostrovnykh nemetskikh dialektov* [The current state of the insular German dialects]. Barnaul: BSPU.
13. Alefirenko, N.F. & Semenenko, N.N. (2009) *Frazeologiya i paremiologiya* [Phrasology and paremiology]. Moscow: Flinta: Nauka.
14. Wegener, H. (1985) *Der Dativ im heutigen Deutsch (Studien zur deutschen Grammatik)*. Tübingen: Narr.
15. Shanskiy, N.M. (1963) *Frazeologiya sovremennogo russkogo yazyka* [Phraseology of the modern Russian language]. Moscow: Vyssh. shk.
16. Hentschel, E. (2010) *Deutsche Grammatik*. Berlin: Walter de Gruyter.
17. Priyatkina, A.F. (1990) *Russkiy yazyk: Sintaksis oslozhnennogo predlozheniya* [Russian language: Syntax of a complicated sentence]. Moscow: Vyssh. shk.

Информация об авторах:

Москалюк Л.И. – д-р филол. наук, профессор кафедры романо-германских языков Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул, Россия). E-mail: l.moskalyuk@yandex.ru

Москалюк О.С. – канд. филол. наук, доцент кафедры Иностранные языки Алтайского государственного технического университета (Барнаул, Россия). E-mail: omoskalyuk@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

L.I. Moskalyuk, Dr. Sci (Philology), professor, Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: l.moskalyuk@yandex.ru

O.S. Moskalyuk, Cand. Sci (Philology), associate professor, Polzunov Altai State Technical University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: omoskalyuk@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 11.06.2023;
одобрена после рецензирования 15.10.2023; принята к публикации 18.11.2024.*

*The article was submitted 11.06.2023;
approved after reviewing 15.10.2023; accepted for publication 18.11.2024.*

Научная статья

УДК 81'33

doi: 10.17223/19986645/92/5

Оценочный фон риск-коммуникации в сфере здоровья: новости vs Твиттер (на материале текстов о пандемии COVID-19)

Зоя Ивановна Резанова¹, Юлия Евгеньевна Сыпченкова²

*^{1, 2} Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

¹ rezanovazi@mail.ru

² korovina.juliaa@gmail.com

Аннотация. Представлены результаты проведенного на основе нейронных сетей анализа оценочного фона социально значимого варианта риск-коммуникации – отражения пандемии COVID-19 в российских СМИ и русскоязычном сегменте Твиттера. Охарактеризованы варианты тональности текстов в соотношении с динамикой развития пандемии, фоновым событийным рядом в центре и регионах: новости в целом имели негативную тональность, но новости о коронавирусе были в большей степени нейтральны; твиты характеризовались равным соотношением негативного и нейтрального оценочного фона.

Ключевые слова: пандемия COVID-19, инфодемия, тональность текста, новости, Твиттер, трансформеры

Благодарности: статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект №23-28-01001.

Для цитирования: Резанова З.И., Сыпченкова Ю.Е. Оценочный фон риск-коммуникации в сфере здоровья: новости vs Твиттер (на материале текстов о пандемии COVID-19) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 92. С. 94–111. doi: 10.17223/19986645/92/5

Original article

doi: 10.17223/19986645/92/5

Sentiment analysis on risk communication about health: News VS Twitter (based on texts about the COVID-19 pandemic)

Zoya I. Rezanova¹, Yulia E. Sypchenkova²

^{1, 2} National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

¹ rezanovazi@mail.ru

² korovina.juliaa@gmail.com

Abstract. The article presents the results of a comparative analysis of sentiment presented in Russian-language news discourse and Twitter discourse while reflecting the dynamics of the pandemic and the accompanying event series. The analysis was

performed using NLP methods. The material for the analysis was as follows: texts that in any way reflect the theme of the coronavirus and were published by RIA and TASS agencies in 2020. The volume of materials about Moscow was 3135 texts, and the volume about regions was 1404 texts. To immerse the texts about the coronavirus in the general context of the event radar of this period, the analysis included texts with "incidents", "science", and "culture" topics in the volume of 66,096 texts (31,890 texts reflect events in the regions and 34,206 in Moscow). The sentiment of Twitter texts was analyzed using 178,673 texts. The RuBERT-based blanchefort/rubert-base-cased-sentiment model was used to analyze the sentiment of news texts, and the sismetanin/rubert-rusentitweet model (<https://huggingface.co/sismetanin/rubert-rusentitweet>) was used to analyze Twitter texts. The results of the sentiment analysis were connected with official statistics on the development of the pandemic during this period (<https://yandex.cloud/ru/marketplace/products/yandex/coronavirus-dashboard-and-data>) and information on the chronicle of events (<https://ria.ru/20210305/koronavirus-1599707836.html>). The analysis showed that news about the coronavirus had a mostly neutral tone, while the tone of the general news flow was negative. No changes in the sentiment were found in Twitter texts: tweets of negative and neutral sentiment were equally distributed almost throughout the whole period under study. What unites the two discourses is the tendency to minimize the number of texts carrying positive sentiments. When analyzing news texts about the coronavirus, we identified several dates on which the negative sentiment was out of the general distribution. The increase in the negative sentiment on certain dates in June and November is connected with the peak of disease incidence in the regions – July and the beginning of the second wave of disease growth in 2020 in November and a new wave of restrictive measures. As the analysis showed, the sentiment of the news flow was influenced by the statistics on the spread of the coronavirus and the government's response to the situation by introducing regulatory measures that affected almost all aspects of social and private life in the country. We also documented days when the level of positive sentiment in news content increased in response to a decrease in disease incidence and reports of vaccine development. In general, the findings are consistent with research conducted on English-language news articles from COVID-19-affected countries around the world.

Keywords: COVID-19 pandemic, infodemic, sentiment analysis, news, Twitter, transformers

Acknowledgements: The study is supported by the Russian Science Foundation. Project No. №23-28-01001.

For citation: Rezanova, Z.I. & Syptchenkova, Yu.E. (2024) Sentiment analysis on risk communication about health: News VS Twitter (based on texts about the COVID-19 pandemic). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 92. pp. 94–111. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/92/5

Пандемия новой коронавирусной инфекции COVID-19, как уже было неоднократно отмечено, явилась причиной значимых трансформаций в личной и социальной жизни людей во всех уголках земного шара. Отражением пандемии в сфере коммуникаций стала инфодемия – «массированное распространение (в том числе по каналам СМИ и соцмедиа) во время некоторой эпидемии избыточного объема информации о ней (в том числе искаженной и недостоверной)» [1]. Вместе с тем этот тип формирования и распространения информационных потоков может быть охарактеризован как один из

вариантов риск-коммуникации, предметом которой являются ситуации, связанные со значительными рисками в различных сферах общественной и частной жизни человека. Подобная тематика неизбежно включает в смысловое пространство дискурсов риск-коммуникации широкий спектр эмоциональных оценок происходящего разными субъектами, включенными в данные процессы.

Аналитики инфодемии подчеркивают наличие разных акторов формирования информационных потоков, отражающих кризисные явления в сфере здоровья, и разнонаправленность интересов субъектов коммуникации. В систему информационного сопровождения – информирования и интерпретации – вовлекаются субъекты с неравным уровнем компетенций в различных сферах медицины и общественной жизни, связанных с пандемией. Отметим, что пандемия новой коронавирусной инфекции COVID-19 интерпретируется и как медицинский феномен, и как глобальное социальное явление, в котором неизученный тип вируса обусловил не только сложное протекание заболевания, чрезвычайно быстро распространяющегося, но и как следствие – множественные социальные трансформации. Сложность данного феномена, его многоакторность, разноаспектность отражаются в гетерогенной природе информационных потоков инфодемии.

Привлечение внимания научного сообщества к инфодемии уже на ранних стадиях ее формирования было обусловлено осознанием острой социальной значимости негативных аспектов инфодемии: распространения недостоверных слухов, смещения эмоционального отношения к феномену в целом в сферу негативной оценки, что в конечном итоге как неоднократно отмечалось, способствовало порождению панических настроений. В результате уже в начале 2020 года были проведены исследования тематической фокусировки информационных потоков пандемии и их эмоционально-оценочного фона, представленные в значительном количестве публикаций, отражающих аспекты проявления инфодемии в разных странах мира. При этом в фокусе внимания были социальные сети, прежде всего Твиттер, исследования текстов которого значительно превышают количество обращений к другим социальным сетям, о чем свидетельствуют, например, данные сайта <https://arxiv.org>, на котором оперативно располагаются публикации по актуальным темам, а также результаты метаанализа статей, посвященных медийному отражению COVID-19 и других инфекционных заболеваний [2].

Однако, отмечая отсутствие четких границ между социальными и основными СМИ в современном медийном пространстве, исследователи подчеркивают, что дискурс социальных сетей во многом отражает то, что происходит в новостях [3]. Именно СМИ запускают информационные потоки, которые становятся триггерами внутрисетевого обмена информацией, а также являются объектами оценочных суждений. Высокий уровень значимости СМИ в поддержании глобальных общественных настроений и психического здоровья в условиях продолжающегося кризиса, связанного с COVID-19, подчеркивают К. Yakunin и соавторы [4]. Информирование о пандемии в

новостном контенте в разных странах было предметом анализа в ряде статей, в некоторых из которых приводятся данные о медийном отражении COVID-19 в Российской Федерации в сравнении с другими странами (например, [4, 5]).

При этом исследователями как социальных сетей, так и новостного дискурса получены неоднозначные данные. Так, например, А. Faheem с соавторами [6] на материале англоязычных СМИ нескольких стран утверждают, что около 52% заголовков новостей выражали негативные оценки и только 30% – положительные, тогда как 18% были нейтральными. А. Chakraborty и S. Bose на основе анализа полных текстов новостей в нескольких странах также фиксируют преобладание негативного оценочного фона в новостном контенте [4], выявляя, что наиболее нейтральный тон характерен для новостей в России, преимущественно негативный – во Франции, позитивный – в Италии. Эти наблюдения были подтверждены в работе А.С. Панфиловой и Д.В. Ушакова [7]. А. Chakraborty и S. Bose отмечают влияние смежных социальных факторов (потеря работы, проблемы рабочих мигрантов и под.) на смещение эмоционального фона новостей к негативному полюсу, а также прослеживают наличие корреляций между статистикой заболеваний и оценочным фоном новостей [4]. А. Ashima Yadav выявил тематическую обусловленность варьирования эмоционального фона обсуждения пандемии в англоязычном сегменте Твиттера: положительные эмоции были выражены в твитах, связанных с работниками на переднем крае, развлечениями, мотивацией и качественным проведением времени с семьей. Негативные настроения – с социально-экономическими факторами, такими как расовая несправедливость, уровень безработицы, фейковые новости и смертность [8].

При наличии большого количества статей, в которых представлены результаты исследований тематического, оценочного отражения пандемии новой коронавирусной инфекции COVID-19 в Твиттере и в новостном контенте в разных странах, сравнительные исследования единичны, исследования сегмента социальных сетей и СМИ в РФ в данном аспекте отсутствуют. Отметим в этом случае глубокий анализ соотношения новостного и сетевого контента, построенного на материале 172 основных интернет-источников в 11 странах, отражающих пандемию в работе [9].

На основании изучения данных работ и российских социологических исследований ([1, 10, 11] и др.) нами была выдвинута гипотеза о возможном разрыве в фокусировках событийного ряда и в сопровождающем эмоциональном фоне отражения пандемии в дискурсах социальных сетей и новостей, что, по нашему предположению, могло стать потенциальным источником негативных оценок в социальных сетях, стимулировать распространение страхов, слухов, основанных на недоверии к официально распространяемой информации. Для проверки гипотезы на первом этапе нами было проведено исследование тематического и фреймового моделирования ситуации COVID-19 в русскоязычном сегменте Твиттера и на материалах новостей информационных агентств РИА и ТАСС [12, 13], в том числе в соотношении

с динамикой развития пандемии и сопровождающих ее событий [14] с использованием методов автоматического анализа текстов. Однако проведенный тематический и фреймовый анализ новостей и твитов, связанных с возникновением, распространением, социальными регулирующими мероприятиями со стороны государства и их последствиями, не выявил значительных разрывов в отражении пандемии в двух типах дискурсов. Также анализ показал, что повышение активности в отражении тем в новостях соотносилось с динамикой развития пандемии.

На основе результатов первого этапа исследования, был проведен сентимент-анализ текстов новостей и Твиттера.

Цель данной статьи – представление сравнительного анализа эмоционального фона русскоязычного новостного дискурса и дискурса социальной сети Твиттер в отражении динамики пандемии и сопровождающего ее событийного ряда с использованием методов автоматического анализа текстов.

Актуальность такой фокусировки исследования определяется необходимостью выявления того, есть ли «разрывы» в эмоционально-оценочном представлении одного и того же событийного ряда в разных потоках риск-коммуникации, обусловленных разнонаправленностью интересов ее субъектов. Представляется значимым сравнение транслируемого эмоционально-оценочного отношения к пандемии в новостном дискурсе, институциональном, представляющем интересы государства, и личностном, персональном, дающем некий усредненный срез интерпретаций непосредственно событий и новостного потока участниками сетевого сообщества в соответствии с направленностью личности и индивидуальным опытом. Важно также подчеркнуть, что применяемый метод позволяет выявить не только явно выраженные оценки, но и те, которые обозначаются соотношенными в тексте лексемами, оцениваемыми носителями русского языка как потенциально несущими положительную, нейтральную или отрицательную информацию. В настоящее время, когда цикл развития инфодемии завершен, проведенный анализ с применением методов автоматического анализа к значительному объему текстов позволяет получить объективные данные о роли СМИ в формировании эмоционально-оценочного отношения аудитории к кризисным ситуациям в РФ с учетом локально-административной дифференциации, что может быть использовано при выработке медийных стратегий в отражении кризисных ситуаций в сфере здоровья в будущем.

Материал и методы

Для выявления тональности текста в настоящее время используются методы, основанные на трех подходах (см., например, обзор применяемых методов анализа тональности текстов в работе [4]). Кратко охарактеризуем наиболее часто реализуемые методы. В рамках лингвистико-инженерного подхода сформированы *методы, основанные на применении словарей и правил*. Для анализа русскоязычных текстов созданы словари RuSentiLex [15],

RuSentiFrames [16], КартаСловСент [17], LINIS Crowd [18]. Однако в результате апробации этих методов обнаружилось и проблемные места в их использовании – прежде всего, невозможность описать лексическую и грамматическую структуру естественного языка на основе ограниченного набора словарей и правил. Методы классического машинного обучения (метод опорных векторов, случайный лес, регрессия, наивный байесовский классификатор) преодолевают эти ограничения, автоматически выделяя признаки, которые влияют на тональность. На этапе представления анализируемого текста набором признаков, например «мешком слов», дополнительно может учитываться грамматическая и лексическая характеристика лексем, пунктуация, наличие/отсутствие эмодзи. Однако создание репрезентативного набора таких признаков для обучения и составление датасета является трудоемкой задачей, так же как и создание словаря и алгоритмов. Методы машинного обучения с учителем весьма эффективны, но только при наличии качественных размеченных данных и обширного словаря предметной области. Проблема существующих датасетов заключается в том, что они размечены не единообразно: построенная модель плохо переносится на другую предметную область. Тем не менее для анализа корпуса текстов на русском языке на материале Твиттера существует датасет общего назначения (об этом см.: [19]).

Ограничения в применении методов классического машинного обучения могут быть нивелированы использованием *нейросетевого подхода, предобученных нейронных сетей*. В настоящее время SOTA (state-of-the-art) моделями, показывающими лучший результат при решении задач NLP 9Автоматического анализа языка, являются модели на основе архитектуры трансформер [20].

Для русского языка разработана модель RuBERT [21], для которой с применением трансфера была адаптирована мультиязыковая модель BERT. Для анализа тональности созданы модели на основе RuBERT и RuBERT Conversational (<https://huggingface.co/DeepPavlov/rubert-base-cased-conversational>). Для модели RuBERT использовались статьи Википедии и новостные тексты (какие именно, в источнике не уточняется), для RuBERT Conversational применялись корпуса «OpenSubtitles» [22] и «Тайга» [23], тексты блогов Dirty и Пикабу. Модели и описание к ним можно найти на сайте платформы Hugging-Face (<https://huggingface.co/>).

При анализе тональности новостных текстов нами была использована модель blanchefort/rubert-base-cased-sentiment, которая была построена на основе RuBERT Conversational с применением следующих датасетов: датасет, содержащий отзывы о медучреждениях (https://github.com/blanchefort/datasets/tree/master/medical_comments), RuTweetCorp [24], RuReviews [25], RuSentiment [26].

Анализ тональности новостных текстов проведен на текстах, которые каким-либо образом отражают тему коронавируса и были опубликованы агентствами РИА и ТАСС в 2020 г. Корпус включает метаинформацию из

текста новости – дату и место публикации (МОСКВА, 1 янв – РИА Новости). Объем материалов о Москве составил 3 135 текстов, о регионах – 1 404 текста. Распределение текстов о коронавирусе по датам и по отнесенности к Москве и регионам показано на рис. 1. На рис. 1–3 ось Y – количество текстов, опубликованных за день, ось X – временная шкала.

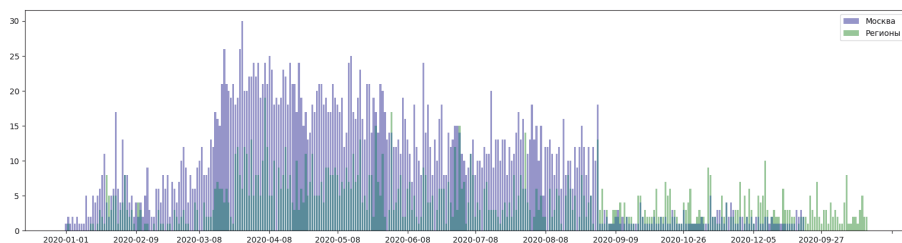

Рис. 1. Распределение новостных текстов о коронавирусе

Как можно видеть на рисунке, датасет не сбалансирован, что связано со спецификой работы программы для скачивания данных. В связи с этим на этапе анализа тональности для выявления дат, в которые количество положительных, негативных или же нейтральных текстов выделялось из общей выборки, нами была применена стандартизированная оценка (z-score).

Для погружения текстов о коронавирусе в общий контекст событийного ряда этого периода и последующего сравнения нами был использован расширенный материал: в анализ были включены тексты агентств РИА и ТАСС из рубрик «происшествия», «наука» и «культура» в объеме 66 096 текстов, из которых 31 890 текстов отражают события в регионах, 34 206 – в Москве. Распределение текстов расширенного датасета по датам и отнесению к Москве и регионам представлено на рис. 2.

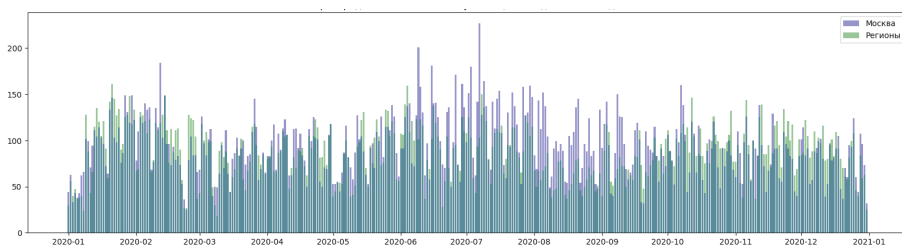

Рис. 2. Распределение новостных текстов расширенной тематики за 2020 г.

Как видно на графике, расширенный датасет более сбалансирован и характеризуется меньшей вариативностью, что позволяет опираться на него с большей уверенностью и продуктивно использовать его в дальнейшем.

При анализе тональности текстов Твиттера мы использовали модель **sismetanin/rubert-rusentitweet** (<https://huggingface.co/sismetanin/rubert->

rusentitweet). Она была получена путем обучения модели RuBERT на датасете RuSentiTweet [27], который содержит тексты, опубликованные с января по декабрь 2020 г.¹

Анализ тональности текстов Твиттера проходил на материале объемом 178 673 текста, который так же, как и датасет RuSentiTweet, охватывает 2020 г., что отражено на рис. 3.

В отличие от новостных текстов тексты Твиттера не содержат привязку к месту, поэтому их дифференциация относительно смысловой связанности с Москвой и регионами не была проведена.

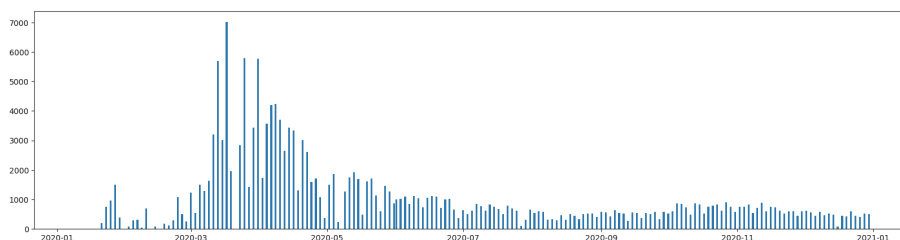

Рис. 3. Распределение текстов Твиттера о коронавирусе

В материале на основе текстов Твиттера также наблюдается несбалансированность: явный пик публикаций с марта по май 2020 г. Некоторые дни остались недоступными для анализа, что опять же связано со спецификой работы программы для скачивания данных в современных условиях. При анализе тональности текстов Твиттера нами также использовалась стандартизированная оценка.

Для решения поставленных задач мы соотнесли полученные с применением обозначенных методов sentiment-анализа данные о преобладающей тональности текстов новостей и Твиттера за каждый день 2020 г. (где это было доступно). Затем сравнили полученные результаты sentiment-анализа с данными официальной статистики развития пандемии за этот период на сервисе Yandex DataLens. Коронавирус. Дашборд (<https://yandex.cloud/ru/marketplace/products/yandex/coronavirus-dashboard-and-data>) и информацией о хронике развития на портале РИА (<https://ria.ru/20210305/koronavirus-1599707836.html>).

Результаты и обсуждение

С применением стандартизированной оценки были выявлены даты, когда количество текстов определенной тональности было выше среднего значения. Результаты анализа визуализированы на рис. 4.

¹ 4 марта 2022 г. Роскомнадзор заблокировал «Твиттер» на территории РФ.

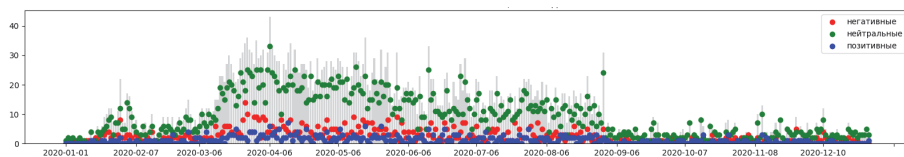

Рис. 4. Тональность новостей о коронавирусе за 2020 г.

Как можно видеть на рис. 4, эмоциональный фон новостей о коронавирусе был в большей степени нейтральным. Количество текстов позитивной тональности оказалось минимальным (отметим, что непосредственное количественное преобладание, отраженное на графике, не является информативным, так как отражает преобладание проанализированных текстов. Значимым является соотношение тональности новостей в каждый фиксируемый день анализируемого периода – взаимное расположение маркированных цветом точек).

При дифференцированном рассмотрении новостей о Москве и регионах нейтральность их эмоционально-оценочного фона новостей сохранялась, что можно видеть на рис. 5, 6, на которых также отчетливо визуализируется минимальность текстов с позитивной направленностью.

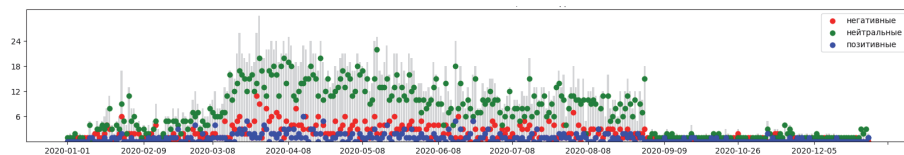

Рис. 5. Тональность новостей о коронавирусе, касающихся Москвы

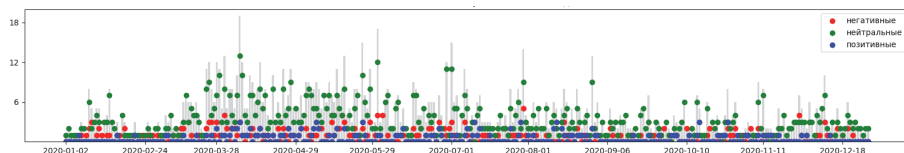

Рис. 6. Тональность новостей о коронавирусе, касающихся регионов

Полученные нами данные о доминирующем sentimentе соотносятся с опубликованными ранее выводами о преимущественном нейтральном фоне новостей о коронавирусе в России (А. Chakraborty и S. Bose [4] и А.С. Панфилова и Д.В. Ушакова [7]). По мнению авторов, это отличает sentiment новостного контента в РФ от эмоционального фона новостей о COVID-19 в других странах, сравнимыми с Россией по уровню заболеваемости.

Далее мы соотнесли полученные результаты sentiment-анализа текстов новостей с данными о развитии пандемии в стране в этот период. Приведем график, отражающий динамику заражений и выздоровлений на территории России за 2020 г. (рис. 7).

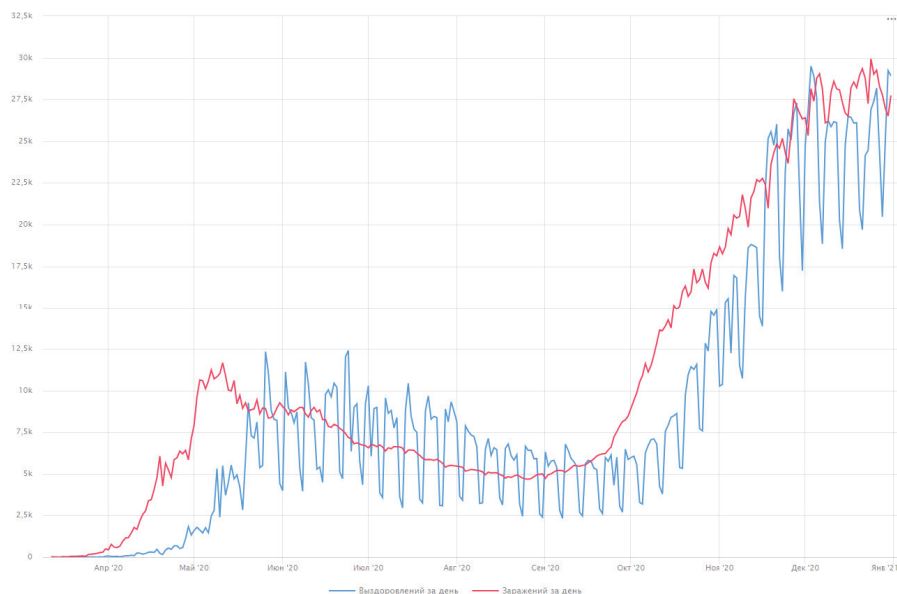

Рис. 7. Динамика заражений и выздоровлений за 2020 г. Yandex DataLens.
Коронавирус. Дашборд и данные (дата обращения: 21.05.2024)

На графике виден пик заболеваемости в мае, постепенное снижение ее уровня в летний период и новая, вторая волна, начинающаяся в сентябре. Сравнение двух графиков свидетельствует об отсутствии прямого соотношения роста заболеваемости и изменения эмоционального тона отражения пандемии в текстах новостей на протяжении всего периода.

Также не находит непосредственного отражения динамика развития пандемии и в смене оценочного фона твитов, о чем свидетельствуют результаты проведенного сентимент-анализа текстов Твитера за 2020 г., в которых также наблюдается равное соотношение твитов с нейтральной и негативной эмоциональной оценкой на протяжении всего рассматриваемого периода (данные визуализированы на рис. 8). Такое соотношение преобладающего сентимента отличает тексты русскоязычного сегмента Твиттера, от, например, англоязычного американского. Авторы исследования (Hung M. и др. [28]) отмечают, что в целом настроения, связанные с пандемией, были в большей степени позитивными, что отражало надежду людей на решение беспрецедентного общественного кризиса в сфере здоровья; позитивный фон формировался прежде всего за счет выражения благодарности врачам и административным органам, обеспечивавшим поддержку уязвимым слоям населения. Такая же тенденция отражена и в статье Yin H. с соавторами [29], которые на основе анализа 13 миллионов англоязычных твитов, связанных с COVID-19, обнаружили, что положительных настроений было выражено больше, чем отрицательных. Авторы также отметили тематическую поляризацию сентимента твитов.

Очевидной причиной расхождения полученных нами результатов и представленных в приведенных исследованиях могут быть, наряду с социально-политическими факторами, различия в методике анализа: авторы использовали бинарную классификацию, мы – тернарную. Второе отличие нашего анализа – соотнесение данных о доминирующем сентименте не с тематическим отражением в контенте двух дискурсов, а с динамикой развития пандемии и значимыми событиями государственного реагирования на пандемию.

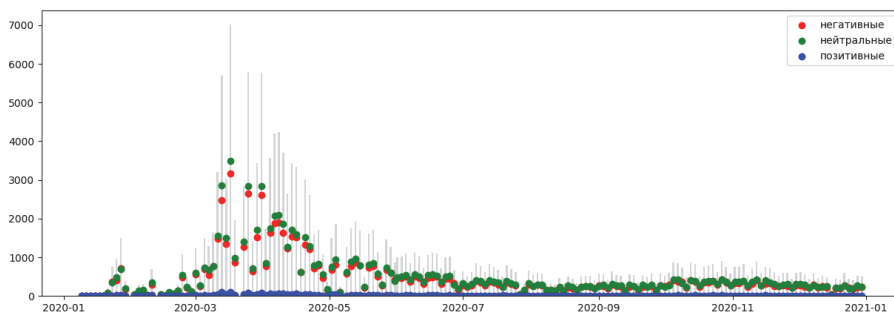

Рис. 8. Тональность текстов о коронавирусе Твиттера за 2020 г.

Отличительной особенностью текстов твитов в исследуемый период является и отсутствие выделенности по «всплескам» какого-либо оценочного фона в отдельные даты, которые наблюдаются в текстах новостей. Наличие такой оценочной дифференциации позволило нам в новостном контенте РИА и ТАСС определить дни, в которых новости выделялись доминирующим оценочным фоном в соотношении с общим новостным потоком.

В общем эмоциональном фоне повышением отрицательных оценок были отмечены следующие даты: в новостном потоке, отражающем события, связанные Москвой, это 26 марта, 27 марта, 30 марта, 11 апреля; в новостях о регионах – 31 марта, 17 мая, 1 июня, 3 июня, 30 июля, 27 ноября.

Мы сравнили эти данные с хроникой событий, связанных с пандемией (данные портала (<https://ria.ru/20210305/koronavirus-1599707836.html>)).

Повышение отрицательного эмоционального фона новостей, отражающих события в марте и апреле в Москве и в марте в регионах, может быть связано с тем, что в этот период усиливаются ограничения на передвижения, прежде всего международные, 19 марта был введен режим самоизоляции, с 23 марта Россия приостановила авиасообщение со всеми странами мира, 30 марта было ограничено пересечение государственной границы. Весь апрель и первая половина мая были объявлены нерабочими на фоне активного роста количества заболеваний.

Если летом в Москве наблюдалось уменьшение количества зараженных, то в регионах оно только росло – вторая волна пандемии в регионах впоследствии оказалась более суровой. Приведем данные о развитии пандемии в регионах на рис. 9.

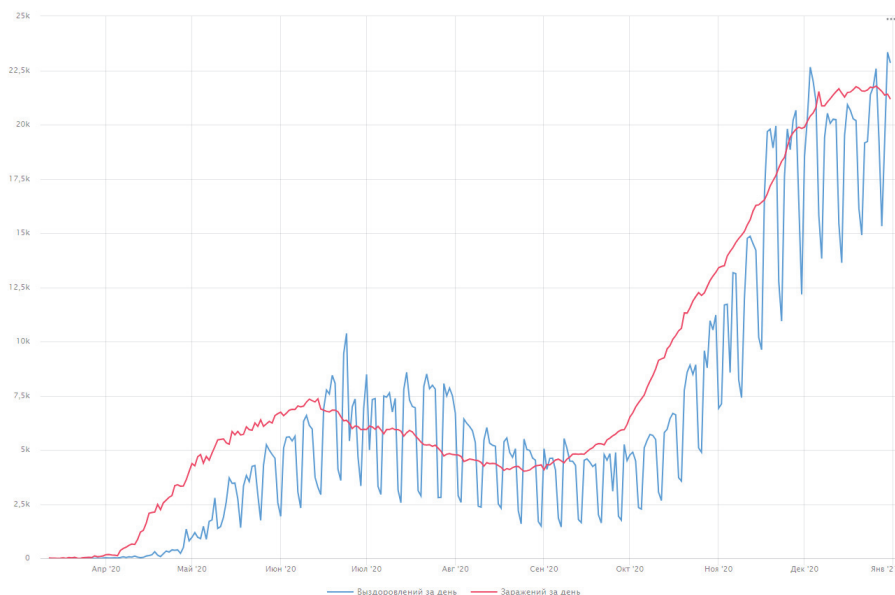

Рис. 9. Динамика заражений и выздоровлений в регионах за 2020 г.
Yandex DataLens. Коронавирус. Дашборд и данные (дата обращения: 21.05.2024)

Повышение негативного фона в отдельные даты в июне и ноябре в новостях соотносится с пиком заболеваемости в регионах – в июле и в начале второй волны роста заболеваний в 2020 г. в ноябре и новой волной ограничительных мер. Как видим, на тональность новостного потока влияли статистика распространения коронавируса и реакция государства на ситуацию введением регулирующих мер, которые касались практически всех аспектов социальной и частной жизни человека в стране.

Если новости, связанные с коронавирусом, в основном имеют нейтральный фон, то, как показано на рис. 10, 11, общий фон новостного потока негативен, что может быть связано с отрицательным воздействием коронавируса на все сферы жизни. Мы предполагаем, что в текстах федеральных российских СМИ отразилась общая тенденция, отмеченная исследователями при анализе англоязычного новостного контента.

Нами также были зафиксированы дни, когда рос уровень положительной тональности: в новостном контенте о Москве – 22 марта, 14 апреля, 22 апреля, 15 июня, 22 июня; в новостях, касающихся регионов, – 6 апреля, 7 мая, 22 мая, 10 июля, 29 июля, 24 августа, 16 октября и 27 октября.

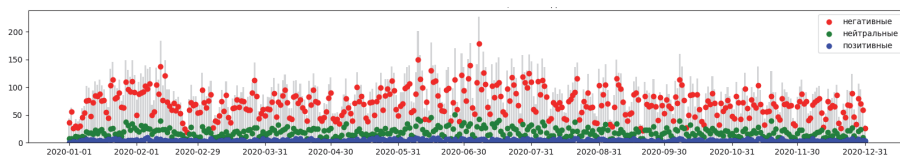

Рис. 10. Тональность новостей за 2020 г., касающихся Москвы

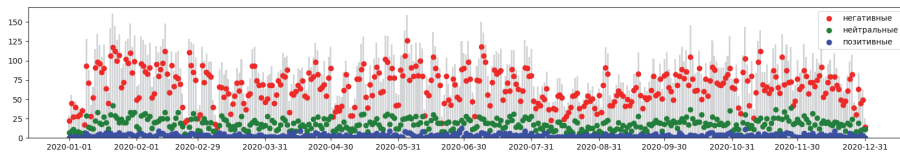

Рис. 11. Тональность новостей за 2020 г., касающихся регионов

С одной стороны, июнь и июль в Москве характеризовались резким спадом числа заболевших, в то время как в регионах росла заболеваемость, что нашло отражение, как было показано, в росте сообщений с отрицательной тональностью. В то же время значимыми для 2020 г. событиями стали регистрация вакцин «Спутник V» в августе и «ЭпиВакКорона» в октябре; к 30 сентября завершилась третья стадия клинических испытаний вакцины «Спутник V».

Выводы и обсуждение

Исходя из признания важной роли новостного потока в формировании информационных и интерпретационных потоков, отражающих кризисные социальные явления, мы поставили в центр обсуждения новости, дифференцированно рассмотрев информационный поток, формируемый федеральными информационными агентствами по двум основаниям: новости о Москве vs новости о регионах; новости о течении пандемии vs новости о пандемии в контексте более широкого тематического ряда и соотнесли полученные результаты sentiment-анализа с объективными данными о динамике заболеваемости и выделенными значимыми социальными событиями; новости vs твиты.

Новости о коронавирусе имели в большей степени нейтральную тональность, в то же время тональность общего новостного потока была негативной. В текстах Твиттера не было обнаружено изменений в оценочном фоне: твитов негативной и нейтральной тональности было поровну практически на протяжении всего исследуемого периода. Объединяет два дискурса и то, что количество текстов, несущих положительную оценку, было минимальным.

При анализе новостных текстов о коронавирусе нами были выделены несколько дат, в которые негативный фон выбивался из общего распределе-

ния. Полагаем, что это было связано с транслируемой статистикой заболеваемости и реакцией властей на текущую ситуацию, как, например, введение и ужесточение ограничительных мер.

В целом полученные данные согласуются с результатами мегаисследования, проведенного на материале новостных статей всех стран, затронутых COVID-19 в мире, авторы которого приходят к выводу, что на глобальном уровне новостные настроения в значительной степени зависят от количества новых случаев или смертей, при этом эффект варьируется для разных стран, а также зависит от региональных социально-политических факторов [3]. В нашем анализе последнее положение подтверждается обнаруженными различиями в интерпретации течения пандемии в федеральном центре и регионах в одни и те же временные периоды.

В представленных англоязычных исследованиях были выявлены темы, которые обеспечивают сдвиг эмоционально-оценочного фона новостного потока и текстов Твиттера в позитивную сторону: наряду с темой снижения заболеваемости это темы разработки вакцины, личный героизм врачей, меры поддержки малоимущих [3, 8], а также темы в общем новостном потоке, которые получают преимущественно негативную оценку: потеря работы, проблемы рабочих-мигрантов и политические факторы (например, в Америке – продолжающаяся борьба между президентами США и Китая [3]). В данном исследовании мы, сосредоточившись на других аспектах сентимента информационных потоков, отметили единичные факты соотношения тем и эмоционального фона текстов. Проведенное нами ранее тематическое моделирование новостей и твитов о пандемии [12–14] позволяет продолжить анализ отражения COVID-19 в текстах двух дискурсов через призму эмоционально-оценочного фона наиболее частотных тем. Этот аспект моделирования информационного поля пандемии новой коронавирусной инфекции COVID-19 мы рассматриваем как перспективу исследования.

Список источников

1. *Инфодемия: существующие подходы к анализу паник, фобий, слухов, фейков во время эпидемий и предложения по борьбе с ними*. URL: <https://www.ranepa.ru/documents/monitoring/120-infodemiya.pdf> (дата обращения: 02.05.2024).
2. Alamoood A., Zaidan B.B., Zaidan A.A., Albahri O.S., Mohammed K.I., Malik R.Q., Almahdi E.M., Chyad M.A., Tareq Z., Albahri A.S., Hameed H., Alaa M. Sentiment analysis and its applications in fighting COVID-19 and infectious diseases: A systematic review // *Expert Systems With Applications*. 2021. № 167. P. 114–155.
3. Chen Lyu J., Le H.E., Luli C. COVID-19 Vaccine-Related Discussion on Twitter: Topic Modeling and Sentiment Analysis // *J. Med Internet Res*. 2021 Jun 29. № 23 (6): e24435. doi: 10.2196/24435
4. Chakraborty A., Bose S. Around the world in 60 days: an exploratory study of impact of COVID-19 on online global news sentiment // *Journal of computational social science*. 2020. Vol. 3, № 2. P. 367–400.
5. Yakunin K., Mukhamediev R.I., Zaitseva E., Levashenko V., Yelis M., Symagulov A., Kuchin Ya., Muhamedijeva E., Aubakirov M., Gopejkenko V. Mass Media as a Mirror of the COVID-19 Pandemic // *Computation*. 2021. № 9 (12). P. 140. doi: 10.3390/computation9120140

6. Aslam F., Mumtaz Awan T., Syed J.H., Kashif A., Parveen M. Sentiments and emotions evoked by news headlines of coronavirus disease (COVID-19) outbreak // Humanities and social sciences communications. 2020. № 7. P. 23. doi: 10.1057/s41599-020-0523-3
7. Panfilova A.S., Ushakov D.V. Sentiment Analysis of Russian, Italian, German and French Internet News Content during the Spread of the Coronavirus Pandemic // Psychology-Journal of the Higher School of Economics. 2022. № 19 (3). P. 562–586. URL: <https://pesquisa.bvsalud.org/global-literature-on-novel-coronavirus-2019-ncov/resource/pt/covidwho-2244035>
8. Ashima Yadav A. Language-independent Network to Analyze the Impact of COVID-19 on the World via Sentiment Analysis // ACM Transactions on Internet Technology. 2021. Vol. 22, Is. 1. Article no: 28. P. 1–30. doi: 10.1145/3475867
9. Krawczyk K., Chelkowski T., Laydon D.J., Mishra S., Xifara D., Gibert B., Flaxman S., Mellan T., Schwämmle V., Röttger R., Hadsund J.T., Bhatt S. Quantifying Online News Media Coverage of the COVID-19 Pandemic: Text Mining Study and Resource // J. Med. Internet Res. 2021. № 23 (6): e28253. doi: 10.2196/28253
10. Баринов Д.Н. Медиавирус страха: особенности репрезентации российскими СМИ пандемии коронавирусной инфекции (COVID-19) в период первой волны (январь–июнь 2020 года) // Социодинамика. 2021. № 2. С. 73–86. doi: 10.25136/2409-7144.2021.2.35066
11. Серегина Т.Н., Сухова С.К. Информационные риски в условиях пандемии // Манускрипт. 2021. № 5. С. 940–944.
12. Резанова З.И., Степаненко А.А. Фреймирование кризисной ситуации в институциональных и персональных медиа (на материале текстов о COVID-19) // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 495. С. 5–13. doi: 10.17223/15617793/495/1
13. Резанова З.И., Степаненко А.А. Дискурсивные варианты тематического моделирования пандемии COVID-19 (новостной медиадискурс vs социальные сети) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 86. С. 84–101. doi: 10.17223/19986645/86/6
14. Резанова З.И., Коровина Ю.Е. Риск-коммуникация в сфере здоровья: тематическая фокусировка событийного потока COVID-19 в новостном дискурсе // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 76. С. 217–228. doi: 10.17223/1998863X/76/20
15. Лукашевич Н.В., Левчик А.В. Создание лексикона оценочных слов русского языка РуСентиЛекс // Открытые семантические технологии проектирования интеллектуальных систем = Open Semantic Technologies for Intelligent Systems (OSTIS-2016) : материалы VI междунар. науч.-техн. конф. Минск, 2016. С. 377–382.
16. Loukachevitch N., Rusnachenko N. Extracting sentiment attitudes from analytical texts // Computational Linguistics and Intellectual Technologies : proceedings of the International Conference “Dialogue 2018”. Moscow, 2018.
17. Кулагин Д.И. Открытый тональный словарь русского языка КартаСловСент. М., 2021. URL: <https://github.com/dkulagin/kartaslov/tree/master/dataset/kartaslovsent>; <https://www.dialog-21.ru/media/5570/kulagindi026.pdf>
18. LINIS Crowd. URL: <https://linis.hse.ru/news/176051028.html>
19. Smetanin S. RuSentiTweet: a sentiment analysis dataset of general domain tweets in Russian // PeerJ Computer Science. 2022. Vol. 8. P. e1039. URL: <https://peerj.com/articles/cs-1039/>
20. Vaswani A. et al. Attention is all you need // Advances in neural information processing systems. 2017. Vol. 30. P. 1–11.
21. Kuratov Y., Arkhipov M. Adaptation of deep bidirectional multilingual transformers for Russian language // Computational Linguistics and Intellectual Technologies : proceedings of the International Conference “Dialogue 2019”. Moscow, 2019.

22. Lison P., Tiedemann J. OpenSubtitles2016: Extracting Large Parallel Corpora from Movie and TV Subtitles // Proceedings of the 10th International Conference on Language Resources and Evaluation (LREC 2016). 2016. P. 923–929.

23. Shavrina T., Shapovalova O. To the methodology of corpus construction for machine learning: «TAIGA» syntax tree corpus and parser // CORPORA 2017 : International conference. Saint-Petersbourg, 2017. P. 78–84.

24. Рубцова Ю. Автоматическое построение и анализ корпуса коротких текстов (постов микроблогов) для задачи разработки и тренировки тонового классификатора // Инженерия знаний и технологии семантического веба. 2012. Т. 1. С. 109–116.

25. RuReviews: An Automatically Annotated Sentiment Analysis Dataset for Product Reviews in Russian. URL: <https://github.com/sismetanin/rureviews> (дата обращения: 02.05.2024).

26. Rogers A. et al. RuSentiment: An enriched sentiment analysis dataset for social media in Russian // Proceedings of the 27th international conference on computational linguistics. 2018. P. 755–763.

27. Smetanin S., Komarov M. Sentiment analysis of product reviews in Russian using convolutional neural networks // 2019 IEEE 21st conference on business informatics (CBI). IEEE, 2019. Vol. 1. P. 482–486. URL: <https://github.com/sismetanin/rureviews>

28. Hung M., Lauren E., Hon E.S., Birmingham W.C., Xu J., Su S., Hon S.D., Park J., Dang P., Lipsky M.S. Social network analysis of COVID-19 sentiments: Application of artificial intelligence // J. Med Internet Res. 2020. Vol. 18, № 22 (8). P. e22590. doi: 10.2196/22590

29. Yin H., Yang S., Li J. Detecting topic and sentiment dynamics due to COVID-19 pandemic using social media // Proceedings of the International Conference on Advanced Data Mining and Applications; International Conference on Advanced Data Mining and Applications; November 12–15, 2020. China, 2020. P. 610–623. URL: <https://arxiv.org/pdf/2007.02304>

References

1. RANEPА. (2024) *Infodemiya: sushchestvuyushchie podkhody k analizu panik, fobiy, slukhov, feykov vo vremya epidemiy i predlozheniya po bor'be s nimi* [Infodemics: existing approaches to the analysis of panics, phobias, rumors, fakes during epidemics and proposals for combating them]. [Online] Available from: <https://www.ranepa.ru/documents/monitoring/120-infodemiya.pdf> (Accessed: 02.05.2024).

2. Alamood, A. et al. (2021) Sentiment analysis and its applications in fighting COVID-19 and infectious diseases: A systematic review. *Expert Systems With Applications*. 167. pp. 114–155.

3. Chen Lyu, J., Le, H.E. & Luli, C. (2021) COVID-19 Vaccine-Related Discussion on Twitter: Topic Modeling and Sentiment Analysis. *J. Med Internet Res*. Jun 29. 23 (6). e24435. doi: 10.2196/24435

4. Chakraborty, A. & Bose, S. (2020) Around the world in 60 days: an exploratory study of impact of COVID-19 on online global news sentiment. *Journal of Computational Social Science*. 3 (2). pp. 367–400.

5. Yakunin, K. Et al. (2021) Mass Media as a Mirror of the COVID-19 Pandemic. *Computation*. 9 (12). p. 140. doi: 10.3390/computation9120140

6. Aslam, F. et al. (2020) Sentiments and emotions evoked by news headlines of coronavirus disease (COVID-19) outbreak. *Humanities and Social Sciences Communications*. 7. p. 23. doi: 10.1057/s41599-020-0523-3

7. Panfilova, A.S. & Ushakov, D.V. (2022) Sentiment Analysis of Russian, Italian, German and French Internet News Content during the Spread of the Coronavirus Pandemic. *Psychology-Journal of the Higher School of Economics*. 19 (3). pp. 562–586. [Online] Available from:

<https://pesquisa.bvsalud.org/global-literature-on-novel-coronavirus-2019-ncov/resource/pt/covidwho-2244035>

8. Ashima Yadav, A. (2021) Language-independent Network to Analyze the Impact of COVID-19 on the World via Sentiment Analysis. *ACM Transactions on Internet Technology*. 22 (1). Article no: 28. pp. 1–30. doi: 10.1145/3475867

9. Krawczyk, K. Et al. (2021) Quantifying Online News Media Coverage of the COVID-19 Pandemic: Text Mining Study and Resource. *J. Med. Internet Res.* 23 (6). e28253. doi: 10.2196/28253

10. Barinov, D.N. (2021) Media virus of fear: the peculiarities of representation of COVID-19 pandemic by the Russian media during the first wave (January – June 2020). *Sotsiodinamika*. 2. pp. 73–86. (In Russian). doi: 10.25136/2409-7144.2021.2.35066

11. Seregina, T.N. & Sukhova, S.K. (2021) Informatsionnye riski v usloviyakh pandemii [Information risks in the context of a pandemic]. Manuscript. 5. pp. 940–944.

12. Rezanova, Z.I. & Stepanenko, A.A. (2023) Framing a crisis situation in institutional and personal media (based on COVID-19 texts). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 495. pp. 5–13. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/495/1

13. Rezanova, Z.I. & Stepanenko, A.A. (2023) Discursive variants of thematic modeling of COVID-19 (news media discourse VS social networks). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 86. pp. 84–101. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/86/6

14. Rezanova, Z.I. & Sypchenkova, Yu.E. (2023) Risk communication about health: thematic focus of the COVID-19 event flow in news discourse. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 76. pp. 217–228. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/76/20

15. Lukashevich, N.V. & Levchik, A.V. (2016) [Sozdanie leksikona otsenochnykh slov russkogo yazyka RuSentiLex]. *Otkrytye semanticheskie tekhnologii proektirovaniya intellektual'nykh sistem = Open Semantic Technologies for Intelligent Systems (OSTIS-2016)*. Proceedings of the International Conference. Minsk. pp. 377–382. (In Russian).

16. Loukachevitch, N. & Rusnachenko, N. (2018) Extracting sentiment attitudes from analytical texts. *Computational Linguistics and Intellectual Technologies: proceedings of the International Conference "Dialogue 2018"*. Moscow.

17. Kulagin, D.I. (2021) *Otkrytyy tonal'nyy slovar' russkogo yazyka KartaSlovSent* [Open tonal dictionary of the Russian language KartaSlovSent]. Moscow. [Online] Available from: <https://github.com/dkulagin/kartaslov/tree/master/dataset/kartaslovsent>; <https://www.dialog-21.ru/media/5570/kulagindi026.pdf>

18. LINIS Crowd. [Online] Available from: <https://linis.hse.ru/news/176051028.html>

19. Smetanin, S. (2022) RuSentiTweet: a sentiment analysis dataset of general domain tweets in Russian. *PeerJ Computer Science*. 8. e1039. [Online] Available from: <https://peerj.com/articles/cs-1039/>

20. Vaswani, A. et al. (2017) Attention is all you need. *Advances in Neural Information Processing Systems*. 30. pp. 1–11.

21. Kuratov, Y. & Arkhipov, M. (2019) Adaptation of deep bidirectional multilingual transformers for Russian language. *Computational Linguistics and Intellectual Technologies: proceedings of the International Conference "Dialogue 2019"*. Moscow.

22. Lison, P. & Tiedemann, J. (2016) OpenSubtitles2016: Extracting Large Parallel Corpora from Movie and TV Subtitles. *Proceedings of the 10th International Conference on Language Resources and Evaluation (LREC 2016)*. pp. 923–929.

23. Shavrina, T. & Shapovalova, O. (2017) To the methodology of corpus construction for machine learning: "TAIGA" syntax tree corpus and parser. *CORPORA 2017: International conference*. Saint Petersburg. pp. 78–84.

24. Rubtsova, Yu. (2012) [Automatic construction and analysis of a corpus of short texts (microblog posts) for the task of developing and training a tone classifier]. *Inzheneriya znaniy i tekhnologii semanticheskogo veba [All-Russian Youth Conference "Knowledge Engineering and Semantic Web Technologies" (KESW-2011)]*. Vol. 1. ITMO. pp. 109–116. (In Russian).

25. *RuReviews: An Automatically Annotated Sentiment Analysis Dataset for Product Reviews in Russian*. [Online] Available from: <https://github.com/sismetanin/rureviews> (Accessed: 02.05.2024).

26. Rogers, A. et al. (2018) RuSentiment: An enriched sentiment analysis dataset for social media in Russian. *Proceedings of the 27th International Conference on Computational Linguistics*. Association for Computational Linguistics. pp. 755–763.

27. Smetanin, S. & Komarov, M. (2019) Sentiment analysis of product reviews in Russian using convolutional neural networks. *2019 IEEE 21st conference on business informatics (CBI)*. IEEE, 2019. Vol. 1. pp. 482–486. [Online] Available from: <https://github.com/sismetanin/rureviews>

28. Hung, M. et al. (2020) Social network analysis of COVID-19 sentiments: Application of artificial intelligence. *J. Med Internet Res*. 18:22 (8). e22590. doi: 10.2196/22590

29. Yin, H., Yang, S. & Li, J. (2020) Detecting topic and sentiment dynamics due to COVID-19 pandemic using social media. *Proceedings of the International Conference on Advanced Data Mining and Applications; International Conference on Advanced Data Mining and Applications*. 12–15 November 2020. China. pp. 610–623. [Online] Available from: <https://arxiv.org/pdf/2007.02304>

Информация об авторах:

Резанова З.И. – д-р филол. наук, проф. кафедры общей, компьютерной и когнитивной лингвистики филологического факультета Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: rezanovazi@mail.ru

Сыпченкова Ю.Е. – лаборант лаборатории лингвистической антропологии филологического факультета Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: korovina.juliaa@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Z.I. Rezanova, Dr. Sci (Philology), professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: rezanovazi@mail.ru

Yu.E. Syptchenkova, laboratory assistant, Laboratory of Linguistic Anthropology, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: korovina.juliaa@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 29.05.2024;
одобрена после рецензирования 15.06.2024; принята к публикации 18.11.2024.*

*The article was submitted 29.05.2024;
approved after reviewing 15.06.2024; accepted for publication 18.11.2024.*

Научная статья
УДК 81'42: 398
doi: 10.17223/19986645/92/6

Вербальные коды культуры в пословицах о социальных отношениях

Инна Витальевна Тубалова¹, Ахмед Ибрагим Салми^{2,3}

^{1,2} *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

³ *Айн Шамский университет, Каир, Египет*

¹ *tina09@inbox.ru*

^{2,3} *ahmed.i.salem.90@gmail.com*

Аннотация. Рассматривается специфика функционирования вербальных кодов культуры – растительного, зоологического и вещного – в русских пословицах о социальных отношениях. В результате выявляется, что функции этих кодов различаются. Каждый из них ориентирован на интерпретацию социальных отношений определенного типа; единицы каждого кода устанавливают связь с разными аспектами социальных отношений: с их участниками или с инструментами их взаимодействия; в семантике актуализируются кодовые смыслы разного уровня – общекультурного или жанрового.

Ключевые слова: вербальные коды культуры, социальные отношения, пословица

Для цитирования: Тубалова И.В., Салми А.И. Вербальные коды культуры в пословицах о социальных отношениях // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 92. С. 112–132. doi: 10.17223/19986645/92/6

Original article
doi: 10.17223/19986645/92/6

Verbal codes of culture in proverbs about social relations

Inna V. Tubalova¹, Ahmed Ibrahim Salmi^{2,3}

^{1,2} *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation*

³ *Ain Shams University, Cairo, Egypt*

¹ *tina09@inbox.ru*

^{2,3} *ahmed.i.salem.90@gmail.com*

Abstract. The aim of this article is to identify the specifics of using various verbal codes of culture (plant, zoological and material) when transmitting the norms of social relations in Russian proverbs. The empirical material consisted of 544 proverbs about social relations with units of the codes selected from three collections of proverbs. At the first stage, proverbs were selected that met two conditions: (1) they interpret relations between members of society at the level of deep semantics; (2) they use in the text units of the plant, zoological and material codes, and fix the meaning of these units as

a component of their surface semantics. At the second stage, social relations interpreted in the selected proverbs were typified, and the quantitative ratio of proverbs using each code to interpret each type of social relations was established. At the third stage, the correlation of deep semantics and surface semantics of proverbs of each type was analyzed; the code functions of the units under consideration were determined; and, based on their generalization, the principles of implementation and functions of plant, zoological and material codes for the interpretation of each type of social relations were revealed. The conducted research allowed us to conclude that the functions of verbal codes of culture – plant, zoological and material – differ due to the peculiarities of their structural and content organization in the interpretation of social relations in a proverb.

1. Each of the considered types of the verbal code of culture is focused on the interpretation of social relations of a certain type, recorded in the deep semantics of proverbs: the plant code on the norms of "parents – children" relations, the zoological code on a wide range of relations; the material code on the "husband–wife" relations. 2. The surface semantics of units of various verbal codes of culture in the deep semantics of proverbs about social relations mainly establishes a connection with different aspects of these relations: mostly with their participants in units of the plant and zoological codes, and with the instruments of their interaction in units of the material code. 3. In the deep semantics of the analyzed proverbs, cultural meanings of different levels are more pronounced in the code semantics of nominations of plants/their parts, zoonyms and nominations of objects: the content of the genre subcode in units of plant and material codes, mostly general cultural semantics in units of the zoological code, but in proverbs of the same content types (fixing the norm of children's character traits "inheritance" from parents) zoonyms also belong to a special genre subcode that unites them with nominations of plants/their parts. 4. The most diverse is the semantics of proverbs about the social relations "husband–wife", presented with the help of the material code, since the basis for transmitting the norm in them is a wide range of functions of objects in human life and many of their physical properties.

Keywords: verbal codes of culture, social relations, proverb

For citation: Tubalova, I.V. & Salmy, A.I. (2024) Verbal codes of culture in proverbs about social relations. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 92. pp. 112–132. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/92/6

Цель данной статьи – выявить специфику использования различных вербальных кодов культуры – растительного, зоологического и вещного – при трансляции норм социальных отношений в русских пословицах.

Код культуры понимается как «формирующая определенный фрагмент образа мира совокупность ментефактов, связанных с наделенными культурными смыслами феноменами, относящимися к одному типу и / или к одной сфере бытия» [1. С. 61]. В представленной дефиниции выражена установка на наличие двух параметров типологизации кодов культуры как системы синтеза знаков, подробно описанных в [2, 3]: на основании характера знаковой формы выражения культурных смыслов – «субстанционально разные наборы знаков» [3. С. 109] – и «на основе их значения независимо от субстанции самих знаков» [3. С. 109] (растительный, зоологический, пищевой и под.).

Вербальный код в рамках этой логики определяется как один из кодов культуры, дифференцированный на субстанциональном основании [3. С. 112] и противопоставленный в этом аспекте предметному, акциональному, изобразительному и под. Среди разных типов культурных кодов, дифференцированных на субстанциональном основании, вербальный код культуры занимает особую позицию в силу того, что «языковые единицы (слова, словосочетания) в контексте культуры часто обладают, помимо общеязыковых значений, еще и культурной семантикой» [3. С. 110].

Двухуровневая организация семантики вербальных единиц разного типа описана исследователями достаточно подробно. Концепция двухуровневой организации текстовой семантики (поверхностной и глубинной) ([4, 5] и др.) предполагает, что содержание текста формируется в результате интеграции «горизонтальной» соотнесенности семантики его отдельных единиц и их «вертикальной» соотнесенности, «т. е. в сложной и глубокой перспективе целого текста в соответствии с его концептуальной заданностью» [4. С. 364].

В фокусе внимания представляемого исследования – двухуровневая семантика пословицы как жанровой формы фольклорного дискурса, одной из важнейших функций которого является социальное регулирование, основанное на фиксации в его текстах национально-культурной ценностной картины мира и трансляции национальной ценностной системы при их использовании в речевом процессе (исполнении) [6–8].

Жанровая цель пословицы – «фиксация коллективных ценностей, заданных традицией, в лаконичной, эстетически значимой форме, обеспечивающей ее комфортное включение в нефольклорный речевой процесс» [9. С. 226] – определяет ее прямую направленность на реализацию цели фольклорного дискурса – «передачу коллективного знания, стабилизирующего жизнь и участвующего в социализации индивидуума в данном национально-культурном коллективе, в данной социальной группе» [10. С. 33].

Одним из инструментов трансляции национальных ценностей является обращение к национально-культурным кодовым смыслам. Фиксация национальных ценностей в фольклорном высказывании основана на взаимодействии кода естественного языка с кодом культуры, и в результате этого взаимодействия вербальные знаки наряду с собственно языковым получают еще и особое – культурно-кодовое – значение [3, 11, 12], «причем значение это отнюдь не является ситуативно обусловленным, но закреплено за соответствующей единицей языка» [12. С. 42].

Данная особенность смыслообразования в фольклорном высказывании уже достаточно давно является для фольклористов очевидной (см. работы Е.Б. Артеменко, Г.И. Мальцева, С.Е. Никитиной, А.Т. Хроленко и др.): «...многие слова языка фольклора живут “двойной жизнью”: как обозначения составляющих вещного мира и как знаки напряженного поля традиционных смыслов, актуализирующие часть неосознанных архетипических представлений» [7. С. 171]. Если поверхностная семантика (ПС) фольклорного высказывания формируется как «горизонтально» соотнесенная совокупность языковых значений его единиц, то его глубинная семантика (ГС)

определяется не только их «вертикальной» соотносительностью с конкретным текстом, но и широким контекстом фоновых знаний, обеспеченных традицией¹: «...знание традиции невозможно свести к “коллекции текстов”. <...> Чтобы понять смысл сообщения вообще и исполняемого фольклорного произведения в частности, нужно знать гораздо больше того, что заключено в поверхностной структуре текста; к тому же из сообщения или его фрагмента извлекается информация, значительно превосходящая ту, которую можно извлечь чисто лингвистическим путем. <...> Во-вторых, сюда относится культурно-языковая картина мира и мифопоэтическая модель мира определенного жанра» [14. С. 34–35].

Вербальный код культуры, как и любой из субстанционально специфических ее кодов, может быть представлен в разнообразии его содержательных типов.

В основе разных по содержательному основанию культурных кодов лежат различные комплексы чувственно воспринимаемых реалий действительности – разные фрагменты окружающего мира (Д.Б. Гудков, М.Л. Ковшова, В.В. Красных, С.М. Толстая и др.), свойства которых ложатся в основу формирования культурных смыслов, но не всегда являются очевидными при их использовании. Представляя перечень кодов культуры, исследователи различным образом устанавливают их границы, так как, несмотря на их универсальность, «их проявления, удельный вес каждого из них в определенной культуре, а также метафоры, в которых они реализуются, всегда национально детерминированы и обуславливаются конкретной культурой» [15. С. 232]. Так, В.Н. Телия выделяет следующие коды культуры: антропный, или человеческий; зооморфный, растительный, природный, артефактивно-вещный, вещно-костюмный, гастрономический, архитектурный, духовный, или религиозно-антропоморфный, религиозно-артефактивный, временной (или темпоральный), пространственный; количественный, цветовой; телесный (или соматический) [16. С. 756].

Объектом настоящей работы являются русские пословицы, интерпретирующие отношения между людьми в социуме при использовании лексических единиц растительного, зоологического и вещного кодов.

Структурно-смысловая организация и особенности функционирования этих кодов достаточно регулярно становятся объектом исследовательского внимания. Так, результаты анализа (в частности, вербальных репрезентантов) растительного кода представлены в [17–20], зоологического – в [21–25], вещного – в [1, 26, 27].

Отметим наличие отдельной содержательной фокусировки на функционировании рассматриваемых кодов культуры в определенных фольклорных жанрах, в частности в пословице определенного содержательного типа [17, 28, 29].

¹ Подробно о понятиях «поверхностная семантика» и «глубинная семантика» применительно к фольклорному тексту см., например, работу [13].

Предмет настоящего исследования – специфика реализации и функции вербальных кодов культуры при трансляции нормативно-ценностных смыслов в пословицах определенных содержательных групп, в частности в русских пословицах о социальных отношениях.

Согласно социологической концепции Р. Линтона типовые отношения между представителями социума определяются социальным статусом их участников [30, 31] – «характеристикой социальной позиции в данной социальной системе координат» [31. С. 460], где социальная позиция предполагает «ожидание поведения, типичного для людей данного статуса в данном обществе» [31. С. 460], в том числе – регламентирует отношения между участниками этой системы.

Особое внимание обращается на то, что в упорядочивании и организации совместной деятельности индивидов ведущую роль играют нормативные образцы, ценности и идеалы культуры: «...именно система культуры легитимирует, упорядочивает, нормирует действия индивидов, делает обоснование для оценки их как правильных или неправильных, соответствующих или не соответствующих действующим в обществе правилам и нормам» [30. С. 110] (см. об этом также [31. С. 465] и др.).

Примененная к анализу вербальных репрезентантов социального устройства традиционного общества, данная концепция позволила выявить и определить функции особых социальных позиций традиционной культуры [32, 33]: например: выявить наличие специфического социального статуса «знающего» в русской традиционной культуре [32], представить систему социальных статусов в традиционной алтайской культуре [33].

Функции вербальных кодов культуры при интерпретации социальных отношений в русской пословице, особенности реализации этих кодов в соответствии со спецификой жанровой интерпретации социальных норм ранее не исследовались.

Эмпирический материал составили 544 пословицы о социальных отношениях с единицами названных кодов, выбранных из сборников пословиц [34–36].

На первом этапе из указанных сборников были отобраны пословицы, отвечающие двум условиям: (1) на уровне глубинной семантики интерпретирующие отношения между членами социума; (2) использующие в тексте единицы рассматриваемых кодов – растительного, зоологического и вещного, соответственно, фиксирующие значение этих единиц в качестве компонента своей поверхностной семантики.

На втором этапе интерпретируемые в выбранных пословицах отношения были типизированы, установлено количественное соотношение пословиц, использующих для интерпретации каждого типа отношений каждый код (таблица).

На третьем этапе был проведен анализ соотношения ГС и ПС пословиц каждого типа, определены кодовые функции рассматриваемых единиц и на основании их обобщения выявлены принципы реализации и функции растительного, зоологического и вещного кодов для интерпретации каждого типа отношений.

**Распределение интерпретируемых типов социальных отношений
в пословицах по содержанию вербальных кодов культуры,
используемых при трансляции их ГС**

Тип социальных отношений	Тип вербального кода, интерпретирующего социальные отношения			Всего
	растительный	зоологический	вещный	
Родители – дети	81	58	16	155
Муж – жена	11	31	176	218
Другие семейные отношения (теща – зять, свекровь – невестка и др.)	2	22	2	26
Внесемейные отношения	3	131	11	145
ВСЕГО	97	242	205	544

Анализ материал показал, что в глубинной семантике пословиц, использующих в тексте единицы растительного, зоологического и вещного кодов, ценностно интерпретируются следующие типовые социальные отношения:

1. Семейные отношения: наиболее частотно – муж – жена; родители – дети; реже – другие родственные отношения (теща – зять, свекровь – невестка и др.).

2. Внесемейные отношения.

Распределение социальных статусов, интерпретируемых в пословице, регулируется целями жанрово ориентированного нормирования принципов существования традиционного общества, и все они, согласно социологической типологии, не являются официальными (т.е. внешне зафиксированными, например в документах), но обладают высоким уровнем конвенциональности за счет обосновывающей их фольклорной традиции.

Из этого следует, что характер социальных отношений, интерпретируемых в пословице, предьявляется особым образом.

В социологии на основании концепции Р. Линтона принято использовать базовое противопоставление двух типов социальных статусов – предписанных (аскриптивных) и достигаемых: «Первый зависит от врожденных или природных свойств личности (пола, расово-этнических признаков), второй есть результат трудовых и иных усилий самого человека, его профессиональных достижений, успехов в образовании, реализации способностей» [37. С. 449] (см. также [31. С. 462] и др.). При анализе современных социальных систем социальные статусы, аналогичные выделенным в пословице, определяются как достигаемые (муж, жена и др.) и предписанные (родители, дети и др.). Но рассматриваемый материал в силу обращенности к традиции предполагает предьявление всех фиксируемых социальных статусов и определяемых ими социальных отношений как аскриптивных (предписанных), что соответствует социологической концепции традиционного общества: «В традиционном обществе, для социальных институтов которого характерна аскриптивность, основные статусы общества имеют аскриптивный, наследуемый (а не достигаемый) характер» [31. С. 462].

Социальные отношения с точки зрения социологии регламентируются нормами данной культуры и могут получить оценку с точки зрения соответствия / не соответствия этим нормам, но содержание социального статуса является объективированным – оценочно нейтральным. В пословице в силу специфики жанра – его иносказательности, эстетической природы высказываний – социальные отношения могут интерпретироваться на основании оценки содержания самого социального статуса, причем как с позиции фольклорной нормы (*Куда б ворона ни полетела, везде она будет хуже сокола*), так и с позиции «партнера» по отношению (*Говорят, что тёща – ад, а тёща – это клад; Лучше камень долбить, нежели злую жену учить*).

Рассмотрим специфику реализации и функции каждого вербального кода в пословицах о социальных отношениях.

1. Единицами вербального **растительного кода** являются лексемы, обозначающие названия растений (*береза, осина, дуб* и др.) и их типов (*дерево, куст, трава, цветок* и др.), а также их частей (*корень, ветка, лист* и др.).

Растительный код является одним из «природных» кодов культуры (наряду с зоологическим). Исследователи фиксируют высокую активность обращения к нему при трансляции культурных смыслов [15, 18], обосновывая это тем, что человек воспринимает природу особым образом. Так, Ю.М. Лотман указывает на то, что «своеобразие человека как культурного существа требует противопоставления его миру природы, понимаемой как внекультурное пространство» [38. С. 44], и подчеркивает, что размытость этой границы «не только будет отделять человека от других внекультурных существ, но и будет проходить внутри человеческой психики и деятельности» [38. С. 44].

Несмотря на высокую востребованность растительного кода культурой в целом, в проанализированном материале пословицы, использующие его единицы, занимают самое скромное место (см. таблицу).

Количественный анализ показал, что абсолютное большинство пословиц о социальных отношениях с лексемами вербального растительного кода интерпретирует родственные отношения (94%), в том числе 83% – отношения между родителями и детьми, 11% – между мужем и женой. Таким образом, наиболее частотно при использовании растительного кода в пословице фиксируются нормы отношений, по своей структуре максимально близких к природным: природные (естественные) отношения между растениями и их частями, соответствующие вегетативному циклу, выдвигаются¹ в ПС пословиц и отсылают к ГС, интерпретирующей отношения членов социума, между которыми также имеется природная (естественная, «кровная») преемственная связь (родители – дети). Природная норма обосновывает, таким образом, норму социальную.

Рассмотрим, каким образом предъясняются нормы этих отношений.

¹ Под «выдвижением» (на основании концепции [38] и др.) понимается фокусировка внимания на определенных элементах содержания высказывания.

1.1. Наиболее частотно интерпретируются **отношения «родители – дети»**. Содержательно в пословицах о таких отношениях выделяются следующие группы.

1.1.1. Пословицы, устанавливающие **нормативность сходства** (не только и не столько внешнего) **детей с родителями**, «наследование» качеств характера на основании обращения к направленной природной связи между растением и плодами: (**Яблоко от яблони недалеко падает; Яблоня груши не родит; От доброго дерева добрый и плод**), а также между другими частями растения (**Какие корешки, такие и ветки, какие родители, такие и детки; Каково семя, таково и племя; Какие корни, такие и отростки**).

Кодовые единицы, используемые в пословицах этой группы, не содержат в ПС компонентов, ориентирующих на установление нормы социальных отношений «дети – родители», ГС пословиц формируется за счет отсылки к реальным природным связям (например, **Какие корни, такие и отростки**: ПС – «состояние корня растения определяет состояние его отростков, которые из него «рождаются»», ГС – «дети перенимают черты родителей, у которых они «рождаются»»). Функция растительного кода – зафиксировать социальную норму на основании установления ее параллели с природной, маркируя тем самым особую «отделенность» человека от природы, позволяющую ему обращаться к ней как к источнику социального нормирования.

Отсылки к природным отношениям между растительными реалиями однотипны, что соответствует однотипности ГС пословиц такого типа. В связи с этим большинство пословиц состоит из одной части – фиксирующей на уровне ПС только природные отношения, воспринимаемые при посредстве типовой организации. Двучастные пословицы, фиксирующие параллелизм природных и социальных отношений (**Какие корешки, такие и ветки, какие родители, такие и детки**), единичны.

Несмотря на то что пословицы этой группы чаще используются для негативнооценочной характеристики поведения младших членов семьи, реализуемые в них кодовые единицы не содержат в своей ГС оценочного компонента, а в прагматике он формируется за счет заданной традицией типовой организации связи ПС («плоды похожи на растения») и ГС («дети похожи на родителей **в их негативных качествах**»).

Исключение – пословицы с кодовой единицей *осина/осинка*: **От осины яблочко не родится; От осинки не родятся апельсинки** и под., где данная единица содержит в ГС негативнооценочный компонент, что подтверждается в пословицах других смысловых типов: **Ждучи лосины, наглодаться осины; Чтоб (ладило бы) тебя на осину** и под. В ГС пословиц с лексемой *осина*, интерпретирующих «наследование» детьми качеств своих родителей, реализуется не только отсылка к естественным, природным отношениям, но и негативная оценка этих качеств, зафиксированная в ГС данной

единицы на общекультурном уровне¹. Негативная кодовая семантика единицы *осина* дополняет общий негативнооценочный модус, но все же в большинстве – пословицы, использующие единицы растительного кода вне обращения к общекультурному кодовому смыслу.

1.1.2. Пословицы, фиксирующие **нормы отношения родителей к детям** (значимость наличия детей для родителей и/или нормы отношения к ним): *У кого детки, у того и ягодки*; *Дети, что цветы: уход любят*; *Дети как цветы: поливай, так будут расти*; *Без матушки родной и цветы не цветно цветут*; *Дочка ягодки ела, а у матери оскомины*.

Растительный код в пословицах данной группы, как и в предыдущем случае, фиксирует норму отношения родителей к детям на основании ее интерпретации как естественной, «природной»: цветок не может существовать без воды (*Дети как цветы: поливай, так будут расти*), ягоды могут иметь особый, в том числе неприятный, вкус (*Дочка ягодки ела, а у матери оскомины*) и т.д. Но транслируемая при использовании растительного кода семантика пословиц, интерпретирующих отношение родителей к детям, в сравнении с предыдущей группой более конкретна, с одной стороны, и более разнообразна – с другой.

Конкретизация семантики осуществляется на основании использования внутренней оценочной стратификации единиц растительного кода. В отличие от предыдущей группы такие пословицы включают единицы растительного кода с оформленной на уровне общекультурного вербального кода позитивнооценочной семантикой (подтвердим ее стабильность соответствием пословиц иной семантики: *На разливе пиво пьют, на разборе ягодки едят*; *Цветы тому не милы, у кого очи гнилы*; *Где цветок, там и медок* и др. (отметим, что общекультурные кодовые смыслы не противоречат «природным»: «цветы являются объектом эстетического удовольствия»; «цветок связан с производством меда» и под.). Позитивнооценочная кодовая семантика данных единиц определяет общее позитивное отношение родителей к детям как норму социальных отношений, транслируемое через их использование (*ягодки, цветы* – в отличие от, например, *осина*).

Разнообразие семантики пословиц, транслирующих нормы отношения родителей к детям при использовании единиц растительного кода, выражается в отсылке к разнотипным естественным качествам природных объектов и требует установления отношений между природными и социальными отношениями на уровне ПС пословиц. В связи с этим пословицы данной группы содержат в своей структуре компоненты, выражающие эти отношения, и синтаксические средства их связи (*Семья без детей, что цветок без запаха*; *У кого детки, у того и ягодки*; *Дети, что цветы*), а также конкретизирующие их нормативный статус (*уход любят*; *поливай, так будут расти*).

¹ То есть на уровне русского культурного кода в целом.

1.2. Использование единиц растительного кода в пословицах, фиксирующих **нормы отношений между мужем и женой** (*По себе дерево руби, по себе жену бери; Люби жену, как душу, а трясина ее, как грушу*), единично. Кроме того, их состав не позволяет установить единство семантики, основанной на специфике кодовой интерпретации природных растительных объектов. В связи с этим можно сделать вывод, что использование единиц растительного кода в таких пословицах определяется не общей функцией данного кода, а особенностями использования конкретных кодовых единиц.

2. **Зоологический код** в пословицах о социальных отношениях обладает наибольшей востребованностью из всех рассматриваемых (см. таблицу), что соответствует утверждению исследователей о том, что «важнейшей сферой применения зоологического кода являются представления, связанные с человеком» [22. С. 22], и «наделение животных человеческими чертами, мыслями и чувствами составляет сущность проективной функции животных» [23. С. 20], которая «проявляется в том, что животные являются символическим выражением собственного “Я”» [23. С. 20].

В отличие от растительного кода, используемого в основном при интерпретации семейных отношений (в первую очередь дети – родители), зоологический код привлекается в пословицах, характеризующих все зафиксированные в пословице типы социальных отношений. Широта использования единиц вербального зоологического кода определяется тем, что в их ГС на общекультурном уровне закреплены типовые оценочные характеристики человека, которые органично используются для обоснования и оценки типовых социальных отношений. Эти свойства зоологического кода регулярно отмечаются его исследователями. Так, А.В. Гура указывает на особенности использования зоонимов как кодовых единиц «для передачи физических свойств и особенностей характера человека, например: рус. *осел* ‘глупец’, *ворона* ‘ротозей, зевака’...» [22. С. 22] (см., например, также: «...группа названий животных отличается высокой продуктивностью образования оценочных номинаций – образных характеристик человека, дающих объемное представление о его внешних и внутренних качествах» [21. С. 73]). С указанным свойством единиц зоологического кода связано их другое свойство – непрямой характер связи ПС и ГС: если растительный код при фиксации нормы социальных отношений в пословице напрямую обращается к «природным» свойствам растительных объектов, то зоологический код либо обращается к ним опосредованно (например, при закреплении в кодовом значении единицы *волк* свойств хищника), либо практически не устанавливает очевидной связи (например, широко используемое кодовое значение единицы *лиса*, связываемой с хитростью). Кроме того, косвенным основанием для востребованности единиц зоологического кода при трансляции норм социальных отношений в пословице является стабилизация его единиц в виде пар, прямо реализующих кодовое содержание отношений между членами социума, например: *кошка – мышь*, *лиса – куры* ‘сильный – слабый’, *волк – собака* ‘взаимно агрессивные’ и др.

Охарактеризуем особенности представления пословицами с зоонимами социальных отношений, фиксируемых в них наиболее частотно; выявим кодовые функции зоонимов и способы трансляции ГС через их посредство.

2.1. В выявленном составе пословиц, характеризующих социальные отношения при использовании зоонимов как кодовых единиц, пословицы, представляющие нормы **отношений между мужем и женой**, составляют значительную, хотя и не самую объемную долю – 13% (см. таблицу).

Статусы мужа и жены в пословичных высказываниях прямо названы, а кодовые единицы в них используются для оценочной характеристики этого статуса, в большинстве – при помощи двоичных параллельных конструкций, характерных для данного жанра: *Птица крыльями сильна, жена мужем красна*; *Злая жена – та же змея*; *Кто кошке любит, будет жене любить* (например, в пословице *Злая жена – та же змея* характеризуется норма содержания статуса жены (должна быть «доброй» по отношению к мужу) через представление несоответствия этой норме, выраженное в отсылке к семантике зоонима змея, зафиксированной на уровне общекультурного кода (ср.: *Скинула кожу змея, а яд при ней остался*; *Хоть змея и в новой коже, да сердце у нее все то же* и др.¹)).

2.1.1. В большинстве нормативной интерпретации в перспективе характеристики отношений подвергается один из парных статусов, причем в пословице фиксируется **идеал мужа/жены** как прямо (*Красна пава пером, а жена – нравом*; *На что корова – была бы жена здорова*; *Доброй жене по тихой воде лебедью плыть – воды не замутить*), так и «от противного» – негативная оценка ложного идеала (*Червь дерево тлит, а злая жена дом изводит*; *Будь жена хоть коза, лишь бы золотые рога*; *Отобьешься от черта – крестом, от свиньи – пестом, а от злой жены – ни крестом, ни пестом*). В пословицах такого типа интерпретация отношений между мужем и женой основывается на общекультурной кодовой семантике зоонимов – позитивной (*пава, корова, лебедь*) или негативной (*червь, коза, свинья*).

2.1.2. **Функциональное распределение** статусов в одном пословичном высказывании фиксируется значительно реже: *Муж – за волками, а жена – за молодцами*; *Муж без жены – что конь без узды*; *Мужик да собака на дворе, баба да кошка в избе*. В таких пословицах интерпретация отношений между мужем и женой также основывается на общекультурной кодовой семантике зоонимов, но выдвигается не оценочный компонент этой семантики, а функциональный (*волк* – связь с пребыванием вне дома, *конь* – «неконтролируемая активность», *кошка* – связь с семейной гармонией и под.).

2.2. Социальные **отношения родители – дети** также более активно интерпретируются при использовании зоонимов (24% пословиц такого типа – см. таблицу).

¹ См. также указание на преимущественно негативные характеристики в символике змеи как женского персонажа в [22].

Статусы родителей (отец и мать) и детей либо также прямо названы (*Мать хвалит дитя, а свинья – поросенка*), либо косвенно выражены особым образом: в использовании (1) парных номинаций животного и его детеныша (*И ворона воронят хвалит*); (2) предикатов и предложно-предикатных конструкций, устанавливающих описываемую связь (*Не родит свинья бобра; От свиньи не водятся бобры*).

Кодовые единицы, таким образом, также используются для оценочной характеристики социального статуса, в большинстве – также при помощи двоичных параллельных конструкций (*Мать любит дитя, а кошка – котя*), а в случаях косвенного выражения статусов родителей и детей параллелизм может быть усилен за счет использования частиц с соответствующим значением в сочетании с указательными местоимениями (*Сова – и та своих совят хвалит: головастые да лунастые!; Слепой щенок и тот к матери ползет*).

2.2.1. Наиболее частотно при использовании зоонимов в представлении норм социальных отношений интерпретируются **нормы отношения родителей к детям**, в том числе нормы внимания, любви и заботы (*Свинья-мать, за свое детище на рожон лезет; И птица, высидев да выкормив птенца, его летать учит*), безусловного принятия (*И ворона воронят хвалит; Нет певчего для вороны супротив родного вороненка*), недопустимости негативного отношения к детям (*И змея своих детей не ест; Лих медведь, да своих детей не ест; Щебечет соловьюшко, забыв свои детки*).

Установление отношений между родителями и детьми при использовании номинаций животных и их детенышей, безусловно, как и при использовании единиц растительного кода, имеет природные основания, но в абсолютном большинстве рассматриваемых пословиц на уровне глубинной семантики выдвигаются общекультурно закрепленные семантические компоненты, отсылающие к негативному содержанию кодовых номинаций родителей как участников описываемых отношений, что подчеркивает недопустимость нарушения норм (*свинья, ворона, змея, медведь*¹; в том числе зооним *соловей/соловьюшко* используется в пословицах различных смысловых групп, в основном при характеристике человека, отличающегося несоответствием позитивной формы и негативного содержания: *Защелкал, засвистал, как курский соловей* («о том, кто много, «красиво», но несодержательно говорит»); *Запел соловьем, да свел на кукареку* («о том, кто начинает активно делать/говорить, но не завершает начатое»); *Поет, что соловушка, да пуста головушка* («о том, чьи положительные внешние качества не совпадают с внутренними») и др.

2.2.2. Также значительной по объему группой, как и в составе пословиц, интерпретирующих отношения детей и родителей при использовании растительного кода, являются пословицы, устанавливающие **нормативность**

¹ В приведенном выше примере зооним *птица* является в этом ряду исключением.

сходства детей с родителями, «наследование» качеств характера (*Не родит свинья бобра, а того же поросенка; Поповы дочери (детки) что голубые лошади: редкая удаются и др.*). В пословицах такого типа общекультурная кодовая семантика зоонимов проявляется наименее последовательно, в большинстве, как и в пословицах с использованием растительного кода, ведущую роль играет прямая отсылка к направленной природной связи, в данном случае – между животным и детенышем. Это подтверждается востребованностью использования в сочетании с зоонимом оценочных прилагательных (*От худой курицы худые яйца; От доброго коня добрый и жеребенок; И от доброго отца рождается бешеная овца*), за счет которых (а не за счет общекультурной кодовой семантики зоонимов) формируется отсылка к норме и транслируется оценка поведения участников отношений.

В результате можно отметить, что для реализации ГС пословиц, характеризующих нормативность сходства детей с родителями при использовании единиц растительного и зоологического кода, формируется **особый природный субкод**, устанавливающий соответствие между сходством природных объектов (растений и их частей, животных и их детенышей), находящихся в цепочке их жизненных циклов, и сходством детей и родителей. Как и при реализации растительного кода, семантика пословиц с зоонимами о преемственности качеств характера детей от родителей менее конкретна и менее разнообразна, чем семантика пословиц о нормах отношения родителей к детям.

2.3. В отличие от растительного кода, использование которого в пословицах о социальных отношениях практически ограничивается участием в семейном нормировании, зоологический код активно используется для интерпретации социально-статусных отношений **за пределами семьи**. Доля высказываний такого типа в составе пословиц с зоонимами составляет 54% (см. таблицу).

Социальные статусы, между которыми устанавливаются такие отношения, в интерпретации пословицы представлены более обобщенно, чем семейные, в силу отсутствия институционализированности (например, статусы мужа/жены в традиционном обществе закреплены прохождением свадебных ритуалов, совместным проживанием, рождением и воспитанием детей). Внеfamilialные типовые отношения членов пословичного социума, скорее, основаны на нормативном статусном противопоставлении по шкале социального доминирования: *Всякая мышь боится кошки; Лиса придет – и курица раскудахчется; Пожалел волк кобылу, оставил хвост да гриву (кошка, лиса, волк – «социально доминирующий», мышь, курица, кобыла – «социально зависимый»).*

В отличие от пословиц об отношениях в семье, в пословицах рассматриваемого типа статусы прямо не номинированы, но зоонимы, объединенные в пары, как раз и берут на себя функцию их косвенного обозначения и содержательного шкалирования. Основанием для такого использования зоонимов является их кодовое содержание, заданное на общекультурном

уровне, причем, как уже отмечалось, активность такого использования зоонимов определяет стабилизированный характер общекультурной кодовой семантики их парных соответствий: *кошка – мышь, лиса – курица, волк – кобыла*.

В отдельных случаях содержание статусов, распределенных на шкале социального доминирования, в ГС пословиц несколько уточняется: лидер/зависимый (*Плохо овцам, где волк воевода*), социально состоятельный¹ (в том числе ложно) / несостоятельный (*Баран по дворам, а овцы по подворьям; Куда один баран, туда и все стадо; Куда конь с копытом, туда и рак с клешней* – оценка подражателей авторитету, в том числе ложному) и др.

Отметим еще одно специфическое свойство пословиц о внесемейных отношениях, реализующих ГС при использовании зоологического кода. Если при характеристике семейных (как достаточно четко оформленных – институциализированных) социальных статусов оценка их обладателей с позиции нормы реализуется не последовательно (например, в пословицах *Муж без жены – что гусь без воды; Без матки пчелки – пропащие детки; От лося – лосята, от свиньи – поросята* и др. реализуются нормы отношений между мужем и женой, родителями и детьми, но участники этих отношений интерпретируются как оценочно нейтральные), то абсолютное большинство пословиц о внесемейных социальных отношениях основывается на реализации оценочной цели, и объектом оценки всегда является один из участников отношений: *Ловит волк, да ловят и волка* – в ГС реализуется негативная оценка агрессора, на которого найдется «добрая сила»; *Кузнец коня кует, а лягушка туда же лапу сует* – негативно оценивается бездумное подражание социально успешному; *С волками жить, по-волчьи выть* – объектом негативной оценки могут являться как тот, кто приспосабливается к аномативному коллективу, так и те, кто этот коллектив составляет. Зоонимы при этом берут на себя функцию фиксировать эту оценку на основании их общекультурной кодовой семантики.

3. **Вещный код** исследователи противопоставляют природному (включающему растительный и зоологический), и это противопоставление оказывает влияние на дифференциацию их функций. В.В. Красных, опираясь на работы В.Н. Телия, определяет вещный (предметный) код как «совокупность имен или их сочетаний, которые обозначают объекты и предметы, в том числе повседневного обихода и приписываемые им свойства, и несут в дополнение к природным их свойствам функционально значимые для культуры смыслы, придающие этим именам роль знаков 'языка культуры и лингвокультуры» [1. С. 62].

При интерпретации социальных отношений в пословице вещный код, как и зоологический, обладает достаточно высокой востребованностью (см. таблицу).

¹ Социальная состоятельность – «соответствие (или несоответствие) социальных качеств индивида общепринятым социальным стандартам» [39. С. 72].

При кодовом использовании номинаций бытовых предметов, в основном как и при использовании единиц растительного кода, интерпретируются родственные отношения (94% – см. таблицу), причем, в абсолютном большинстве **между мужем и женой** (86% – см. таблицу). Вероятно, это связано с тем, что наиболее значимой для организации этих отношений оказывается сфера быта, в качестве маркировки которой выступает предметный мир. Отношения «родители – дети» интерпретируются единично (не более 8% – см. таблицу).

Кодовая семантика номинаций вещей чаще всего основывается на переосмыслении их реальных функций в жизни человека (реже – их физических свойств: конфигурации, размера и др.), через которые задается аксиологическая ориентация интерпретируемых отношений.

ГС, фиксирующая норму социальных отношений, в пословицах с номинациями вещей оказывается более разнообразной, чем в пословицах с номинациями растений и животных. С одной стороны, это соответствует большему разнообразию используемых кодовых единиц – номинаций предметов, ПС которых фиксирует множество их функций в жизни человека и множество их физических свойств. С другой – номинации предметов в большинстве не обращаются в ГС к общекультурным кодовым смыслам вещей и транслируют кодовую семантику, в основном на уровне собственно пословичного контекста, что позволяет использовать одни и те же номинации для трансляции разной ГС, выдвигая в их ПС самые разные функции и свойства вещей (например, кодовая единица *сапог* использует такие характеристики номинируемого предмета, как возможность находиться отдельно от обладателя, временно не использоваться им – *Муж не сапог: не снимешь с ног*; финансовая стоимость – *Сапог лаптю не брат*; функция обуви – *Сапоги без ног – никуда*; функциональная парность – *Кулак да поп – два сапога пара* и др.).

Если при использовании для интерпретации социальных отношений растительного и зоологического кодов номинации растений и животных в основном используются для моделирования участников этих отношений, то номинации предметов моделируют, скорее, инструмент их взаимодействия. В связи с этим большинство пословиц получают сюжетную основу, включающую иносказательное описание типовой деятельности участников отношений, связанной с оперированием предметами, и ПС, отражающая характер оперирования ими, в ГС соответствует нормированию взаимодействия этих участников: *Муж в долгу, а жена в шелку*; *Грозила matka сыну ножом, а на ножке-то блин большой, а пасынку блинок дает, да ножиком сует*; *Лучше хлеб есть с водкою, чем жить со злою женою*.

Рассмотрим, как в пословицах, включающих единицы вещного кода, интерпретируются отношения «муж – жена» – как наиболее последовательно реализуемые; выявим особенности взаимодействия их ПС и ГС.

3.1. В большинстве пословиц о муже и жене они интерпретируются как **целостность**. Кодирование этой целостности осуществляется на основании отсылки к связи предметов, в реальности являющихся функционально парными или смежными (*Муж – за гуж, жена – за другой*; *Муж не башимак: с*

ноги не сбросишь; Жена не рукавица – за пояс не заткнешь, с белой ручки не стряхнешь), либо предметов, парность которых устанавливается в ПС пословицы в соответствии с ориентированностью на ее ГС (*Муж возом не навезет, что жена рукавом растрясет; Муж возом не навозит, что жена горшком наносит; Муж – за чарку, а жена – за палку*).

В ГС в первую очередь целостность мужа и жены фиксируется через распределение их функций, способствующих достижению общего результата (*Муж – полтину, а жена – холстину, все в одно место складут, так и хорошо живут; Муж молоти пшеницу, а жена пеки паленицы; Муж вези гуж, а жена шей рубашки*). Единицы вещного кода при этом участвуют в маркировке этих функций (например, *полтина* – «материальное обеспечение семьи», *холстина* – «обеспечение бытового благополучия семьи»).

Другим способом фиксации такого единства является обозначение на уровне ГС невозможности разделения мужа и жены, выражаемое на уровне ПС чаще через отрицание их идентификации со смежными, но разделяемыми предметами (*Муж не сапог: не снимешь с ног; Жена не сапог – с ноги не скинешь*), реже – через их идентификацию с предметами, искусственно соединенными, но в результате неразделимыми (*Муж да жена одним лыком вязаны; Муж с женой что мука с водой: сболтать сболтаешь, да не разболтаешь; Муж с женой бранится, да под одну шубу ложится*).

3.2. Еще одним частотным объектом интерпретации при использовании вещного кода в пословицах такого типа является **идеал жены** (муж как отдельный объект оценки практически не выступает).

Если пословицы о целостности мужа и жены строятся как транслирующие норму, то высказывания данной группы представляют собой вербализацию прямой оценки роли жены в семейной паре, причем чаще всего фиксируются негативные качества – «антиидеал» (*Лучшие хлеб есть с водою, чем жить со злою женой; Железо уваришь, а злой жены не уговоришь; Муж по деревням, а жена в ожерелье*), реже – позитивные (*Добрая жена да жирные щи – другого добра не ищи; Клад да жена – на счастливого; Муж возом не навозит, что жена горшком наносит*), единично позитивно оценивается само наличие жены для мужа (*Без жены как без шапки*).

Оценочная ГС большинства пословиц рассматриваемой подгруппы формируется на сопоставлении свойств и функций предметов, номинации которых получают кодовое содержание (*хлеб есть с водою, железо уваришь, жирные щи* и др.), с женой как объектом оценки.

Подведем итоги.

Проведенное исследование позволило сделать вывод о том, что функции вербальных кодов культуры – растительного, зоологического и вещного – в силу особенностей их структурно-содержательной организации при интерпретации социальных отношений в пословице различаются.

1. Каждый из рассмотренных типов вербального культурного кода преимущественно ориентирован на интерпретацию социальных отношений определенного типа, зафиксированных в ГС пословиц: растительный код –

на нормирование отношений «родители – дети», зоологический – на широкий спектр отношений, вещный – «муж – жена».

2. ПС единиц различных вербальных кодов культуры в ГС пословиц о социальных отношениях преимущественно устанавливает связь с разными аспектами этих отношений: единицы растительного и зоологического кода – в большинстве с их участниками, а единицы вещного кода – с инструментами их взаимодействия.

3. В ГС пословиц исследованного типа в кодовой семантике номинаций растений / их частей, зоонимов и номинаций предметов выдвигаются культурные смыслы разного уровня: в единицах растительного и вещного кодов – содержание жанрового субкода, в единицах зоологического кода – в большинстве случаев общекультурного, но в пословицах одного из содержательных типов (фиксирующих норму «наследования» черт характера детей от родителей) зоонимы также отсылают к особому жанровому субкоду, объединяющему их с номинациями растений / их частей.

4. Наиболее разнообразной является семантика пословиц о социальных отношениях «муж – жена», представляемых при использовании вещного кода, так как основанием для трансляции нормы в них являются широкий спектр функций предметов в жизни человека и множество их физических свойств.

Список источников

1. Красных В.В. Потяни за ниточку – клубок и разматывается... (к вопросу о предметном коде культуры) // Язык, сознание, коммуникация : сб. ст. / отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М., 2013. Вып. 46. С. 58–67.
2. Березович Е.Л. Язык и традиционная культура: Этнолингвистика исследования. М. : Индрик, 2007. 600 с.
3. Толстая С.М. Коды культуры и культурные концепты // Толстой Н.И., Толстая С.М. Славянская этнолингвистика: вопросы теории. М., 2013. С. 109–113.
4. Болотнова Н.С. Филологический анализ текста : учеб. пособие. М. : Флинта : Наука, 2009. 520 с.
5. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Назрань : Пилигрим, 2010. 486 с.
6. Адоньева С.Б. Прагматика фольклора. СПб. : Изд-во СПб. ун-та: Амфора, 2004. 312 с.
7. Никитина С.Е. Устная народная культура и языковое сознание. М. : Наука, 1993. 187 с.
8. Тубалова И.В., Эмер Ю.А. Ценностная картина мира традиционного и современного фольклора. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2005. С. 257–296.
9. Тубалова И.В. Полифонический текст в устных личностно-ориентированных дискурсах. Томск : Изд-во Том.ун-та, 2016. 370 с.
10. Эмер Ю.А. Современный песенный фольклор: Когниции и дискурсы. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2011. 266 с.
11. Толстой Н.И. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. 2-е изд., испр. М. : Индрик, 1995. 512 с.
12. Гудков Д.Б. Единицы кодов культуры: проблема семантики // Язык, сознание, коммуникация : сб. ст. Вып. 26. М., 2004. С. 39–50.
13. Тубалова И.В., Эмер Ю.А., Ван Х. «Швидкі ніженьки скували, білі рученьки зв'язали»: взаимодействие поверхностной и глубинной семантики текста лирической песни (формулы с соматизмами) // Quaestio Rossica. 2019. Т. 7, № 3. С. 992–1006.

14. Неклюдов С.Ю. Семантика фольклорного текста и «знание традиции» // Славянская традиционная культура и современный мир : сборник материалов научно-практической конференции. М., 2005. Вып. 8. С. 22–41.
15. Красных В.В. Этнолингвистика и лингвокультурология : курс лекций. М. : Гнозис, 2002. С. 232.
16. Телия В.Н. Послесловие // Большой фразеологический словарь русского языка: Значение. Употребление. Лингвокультурологический комментарий. М., 2006. 764 с.
17. Абакумова О.Б. Растительный код культуры в пословицах о правде и лжи // Интегративные и кросс-культурные подходы к изучению мышления и языка : сборник трудов конференции, Москва, 5–6 апреля 2022 г. М., 2022. С. 57–61.
18. Цивьян Т.В. Модель мира и её лингвистические основы. М. : Ленанд, 2016. 328 с.
19. Ваганова Е.Н., Рогачев В.И. Мифопоэтика растительного кода в традиционной культуре мордовского народа // Ежегодник финно-угорских исследований. 2022. Т. 16, № 1. С. 57–71.
20. Рогачев В.И., Ваганова Е.Н., Мингазова Л.И. Функционирование растительного кода в традиционной культуре народов Поволжья (на примере фольклора мордвы-эрзи и мокши) // Ежегодник финно-угорских исследований. 2019. Т. 13, № 3. С. 439–445.
21. Акоюн В.Г. Взаимодействие культурных кодов с кодом естественного языка // Поволжский педагогический вестник. 2015. № 2 (7). С. 71–75.
22. Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. М. : Индрик, 1997. 912 с.
23. Орел В.Е. Культура, символы и животный мир. Харьков : Гуманитарный центр, 2008. 592 с.
24. Опарина Е.О. 'Природное' и 'культурное' в русской фразеологии: Зооморфный код культуры как средство концептуализации «чувств-ощущений» и психологии человека // Язык, сознание, коммуникация : сб. ст. М., 2016. Вып. 53. С. 285–293.
25. Филиппова В.В., Филиппова С.В. Зооморфный код в фольклорных текстах (на примере якутских загадок) // Арктика XXI век. Гуманитарные науки. 2022. № 4 (30). С. 131–143.
26. Абукаева Л.А. Пищевой код культуры в текстах марийских молитв // Ежегодник финно-угорских исследований. 2024. Т. 18, № 1. С. 6–13.
27. Капелюшник Е.В. Кулинарный код культуры в семантике образных средств языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2012. 24 с.
28. Абакумова О.Б. Культурные коды в английских пословицах о правде // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2015. № 2 (2). С. 319–323.
29. Абакумова О.Б. Коды культуры в семантике пословиц о правде // Вестник Орловского государственного университета. 2011. № 1 (15). С. 169–172.
30. Бабосов Е.М. Общая социология : учеб. пособие для студентов вузов. Минск : ТетраСистемс, 2004. 640 с.
31. Общая социология : учеб. пособие / под общ. ред. А.Г. Эфендиева. М. : ИНФРА-М, 2000. 654 с.
32. Мазалова Н.Е. Социальный статус «знающих» в традиционном русском обществе (по материалам Поволжья XIX – начала XX в.) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2016. № 2 (38). С. 33–45.
33. Модорова Ай.Т.П. Социальные статусы человека в традиционном алтайском обществе // Макарьевские чтения : материалы XVII международной научно-практической конференции. Республика Алтай, Горно-Алтайск, 23–24 сентября 2022 г. Горно-Алтайск, 2022. С. 147–152.
34. Русские пословицы и поговорки : сборник / [сост.: Ф.М. Селиванов, Б.П. Кирдан, В.П. Аникин] ; под ред. [и с предисл.] В.П. Аникина. М. : Худож. лит., 1988. 431 с.
35. Рыбникова М.А. Русские пословицы и поговорки. М. : Изд-во АН СССР, 1961. 229 с.

36. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. М. : Русский язык, 1991. 534 с.
37. Зборовский Г.Е. Общая социология : учебник для студентов вузов. М. : Гардарики, 2004. 592 с.
38. Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М. : Прогресс, 1992. 272 с.
39. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка: (Стилистика декодирования). М. : Просвещение, 1990. 300 с.
40. Голиков Н.А. Социальные эффекты образования: реалии, прогнозы, перспективы // Теория и практика общественного развития. 2012. № 11. С. 71–75.

References

1. Krasnykh, V.V. (2013) Potyani za nitochku – klubok i razmotaetsya... (k voprosu o predmetnom kode kul'tury) [Pull the thread – the ball will unravel... (on the issue of the subject code of culture)]. In: Krasnykh, V.V. & Izotov, A.I. (eds) *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya* [Language, Consciousness, Communication]. Vol. 46. Moscow: MAKSS Press. pp. 58–67.
2. Berezovich, E.L. (2007) *Yazyk i traditsionnaya kul'tura: Etnolingvistika issledovaniya* [Language and Traditional Culture: Ethnolinguistics research]. Moscow: Indrik.
3. Tolstaya, S.M. (2013) Kody kul'tury i kul'turnye kontsepty [Codes of culture and cultural concepts]. In: Tolstoy, N.I. & Tolstaya, S.M. (2013) *Slavyanskaya etnolingvistika: voprosy teorii* [Slavic Ethnolinguistics: Theoretical issues]. Moscow: Institute for Slavic Studies RAS. pp. 109–113.
4. Bolotnova, N.S. (2009) *Filologicheskii analiz teksta* [Philological Analysis of the Text]. Moscow: Flinta: Nauka.
5. Zherebilo, T.V. (2010) *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of Linguistic Terms]. Nazran: Pilgrim.
6. Adon'eva, S.B. (2004) *Pragmatika fol'klora* [Pragmatics of Folklore]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University; Amfora.
7. Nikitina, S.E. (1993) *Ustnaya narodnaya kul'tura i yazykovoie soznanie* [Oral Folk Culture and Language Consciousness]. Moscow: Nauka.
8. Tubalova, I.V. & Emer, Yu.A. (2005) *Tsennostnaya kartina mira traditsionnogo i sovremennogo fol'klora* [Value Picture of the World of Traditional and Modern Folklore]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 257–296.
9. Tubalova, I.V. (2016) *Polifonicheskii tekst v ustnykh lichnostno-orientirovannykh diskursakh* [Polyphonic Text in Oral Personality-Oriented Discourses]. Tomsk: Tomsk State University.
10. Emer, Yu.A. (2011) *Sovremennyy pesennyi fol'klor. Kognitsii i diskursy* [Modern Song Folklore. Cognitions and discourses]. Tomsk: Tomsk State University.
11. Tolstoy, N.I. (1995) *Yazyk i narodnaya kul'tura: Ocherki po slavyanskoy mifologii i etnolingvistike* [Language and Folk Culture: Essays on Slavic mythology and ethnolinguistics]. 2nd ed. Moscow: Indrik.
12. Gudkov, D.B. (2004) Edinitsy kodov kul'tury: problema semantiki [Units of cultural codes: the problem of semantics]. In: Krasnykh, V.V. & Izotov, A.I. (eds) *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya* [Language, Consciousness, Communication]. Vol. 26. Moscow: Maks Press. pp. 39–50.
13. Tubalova, I., Emer, J. & Wang Ghy. (2019) "Fast legs shackled, white hands tied": The Interaction of Surface and Deep Semantics of in Lyrical Songs (Somatic Formulae). *Quaestio Rossica*. 7 (3). pp. 992–1006. (In Russian).
14. Neklyudov, S.Yu. (2005) Semantika fol'klornogo teksta i "znanie traditsii" [Semantics of folklore text and "knowledge of tradition"]. In: *Slavyanskaya traditsionnaya kul'tura i sovremennyy mir* [Slavic Traditional Culture and the Modern World]. Vol. 8. Moscow: [s.n.]. pp. 22–41.
15. Krasnykh, V.V. (2002) *Etnolingvistika i lingvokul'turologiya* [Ethnolinguistics and Linguacultural Studies]. Moscow: Gnozis. P. 232.

16. Teliya, V.N. (2006) Posleslovie [Afterword]. In: Teliya, V.N. (ed.) *Bol'shoy frazeologicheskii slovar' russkogo yazyka. Znachenie. Upotreblenie. Lingvokul'turologicheskii kommentarii* [Large Phraseological Dictionary of the Russian Language. Meaning. Usage. Linguacultural commentary]. Moscow: AST-Press kniga.
17. Abakumova, O.B. (2022) [The plant code of culture in proverbs about truth and lies]. *Integrativnye i kross-kul'turnye podkhody k izucheniyu myshleniya i yazyka* [Integrative and Cross-Cultural Approaches to the Study of Thinking and Language]. Proceedings of the Conference. Moscow. 05–06 April 2022. Moscow: Russian State University for the Humanities. pp. 57–61 (In Russian).
18. Tsiv'yan, T.V. (2016) *Model' mira i ee lingvisticheskie osnovy* [Model of the World and Its Linguistic Foundations]. Moscow: Lenand.
19. Vaganova, E.N. & Rogachev, V.I. (2022) Mifopoetika rastitel'nogo koda v traditsionnoy kul'ture mordovskogo naroda [Mythopoeitics of the plant code in the traditional culture of the Mordovian people]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy*. 1 (16). pp. 57–71.
20. Rogachev, V.I., Vaganova, E.N. & Mingazova, L.I. (2019) Funktsionirovanie rastitel'nogo koda v traditsionnoy kul'ture narodov Povolzh'ya (na primere fol'klora mordvyerzi i mokshi) [Functioning of the plant code in the traditional culture of the peoples of the Volga region (on the example of the folklore of the Mordvins-Erzya and Moksha)]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy*. 3 (13). pp. 439–445.
21. Akopyan, V.G. (2015) Vzaimodeystvie kul'turnykh kodov s kodom estestvennogo yazyka [Interaction of cultural codes with the code of natural language]. *Povolzhskiy pedagogicheskii vestnik*. 2 (7). pp. 71–75.
22. Gura, A.V. (1997) *Simvolika zhivotnykh v slavyanskoy narodnoy traditsii* [Animal Symbolism in the Slavic Folk Tradition]. Moscow: Indrik.
23. Orel, V.E. (2008) *Kul'tura, simvoly i zhivotnyy mir* [Culture, Symbols and the Animal World]. Kharkov: Gumanitarnyy tsentr.
24. Oparina, E.O. (2016) 'Prirodnoe' i 'kul'turnoe' v russkoy frazeologii: Zoomorfnyy kod kul'tury kak sredstvo kontseptualizatsii "chuvstv-oshchushcheniy" i psikhologii cheloveka ['Natural' and 'cultural' in Russian phraseology: Zoomorphic code of culture as a means of conceptualizing "feelings-sensations" and human psychology]. In: Krasnykh, V.V. (ed.) *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya* [Language, Consciousness, Communication]. Vol. 53. Moscow: MAKSS Press. pp. 285–293.
25. Filippova, V.V. & Filippova, S.V. (2022) Zoomorfnyy kod v fol'klornykh tekstakh (na primere yakutskikh zagadok) [Zoomorphic code in folklore texts (based on Yakut riddles)]. *Arktika XXI vek. Gumanitarnye nauki*. 4 (30). pp. 131–143.
26. Abukaeva, L.A. (2024) Pishchevoy kod kul'tury v tekstakh mariyskikh molitv [Food code of culture in the texts of Mari prayers]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy*. 1 (18). pp. 6–13.
27. Kapelyushnik, E.V. (2012) *Kulinarnyy kod kul'tury v semantike obraznykh sredstv yazyka* [Culinary code of culture in the semantics of figurative means of language]. Abstract of Philology Cand. Diss. Toms.
28. Abakumova, O.B. (2015) Kul'turnye kody v angliyskikh poslovitsakh o pravde [Cultural codes in English proverbs about truth]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. Lobachevskogo*. 2 (2). pp. 319–323.
29. Abakumova, O.B. (2011) Kody kul'tury v semantike poslovits o pravde [Cultural codes in the semantics of proverbs about truth]. *Vestnik Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 1 (15). pp. 169–172.
30. Babosov, E.M. (2004) *Obshchaya sotsiologiya* [General Sociology]. Minsk: TetraSistems.
31. Efendiev, A.G. (ed.) (2000) *Obshchaya sotsiologiya* [General Sociology]. Moscow: INFRA-M.

32. Mazalova, N.E. (2016) Sotsial'nyy status "znayushchikh" v traditsionnom russkom obshchestve (po materialam Povolzh'ya XIX – nachala XX v.) [Social status of "those in the know" in traditional Russian society (based on materials from the Volga region in the 19th – early 20th centuries)]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki*. 2 (38). pp. 33–45.

33. Modorova, Ay-T.P. (2022) [Social statuses of a person in traditional Altai society]. *Makar'evskie chteniya* [Makaryev Readings]. Proceedings of the 17th International Conference. Gorno-Altaysk. 23–24 September 2022. Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk State University. pp. 147–152 (In Russian).

34. Anikin, V.P. (1988) *Russkie posloviitsy i pogovorki* [Russian Proverbs and Sayings]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

35. Rybnikova, M.A. (1961) *Russkie posloviitsy i pogovorki* [Russian Proverbs and Sayings]. Moscow: USSR AS.

36. Zhukov, V.P. (1991) *Slovar' russkikh poslovits i pogovorok* [Dictionary of Russian Proverbs and Sayings]. Moscow: Russkiy yazyk.

37. Zborovskiy, G.E. (2004) *Obshchaya sotsiologiya* [General Sociology]. Moscow: Gardariki.

38. Lotman, Yu.M. (1992) *Kul'tura i vzryv* [Culture and Explosion]. Moscow: Progress.

39. Arnol'd, I.V. (1990) *Stilistika sovremennogo angliyskogo yazyka (Stilistika dekodirovaniya)* [Stylistics of Modern English (Decoding stylistics)]. Moscow: Prosveshchenie.

40. Golikov, N.A. (2012) Sotsial'nye efekty obrazovaniya: realii, prognozy, perspektivy [Social effects of education: realities, forecasts, prospects]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. 11. pp. 71–75.

Информация об авторах:

Тубалова И.В. – д-р филол. наук, декан филологического факультета Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: tina09@inbox.ru

Салми А.И. – аспирант кафедры русского языка Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия); ассистент кафедры русского языка Айн Шамского университета (Каир, Египет). E-mail: ahmed.i.salem.90@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

I.V. Tubalova, Dr. Sci (Philology), dean, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: tina09@inbox.ru

A.I. Salmi, postgraduate student, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); teaching assistant, Ain Shams University (Cairo, Egypt). E-mail: ahmed.i.salem.90@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.02.2024;
одобрена после рецензирования 22.05.2024; принята к публикации 18.11.2024.

The article was submitted 20.02.2024;
approved after reviewing 22.05.2024; accepted for publication 18.11.2024.

Научная статья
УДК 811.111
doi: 10.17223/19986645/92/7

Механизмы выражения транскультурной авторской модальности в транслингвальной литературе XX–XXI вв.

Зинаида Марковна Чемодурова¹

¹ *Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия, zchemodurova@herzen.spb.ru*

Аннотация. Рассматриваются транслингвальные художественные тексты, созданные писателями-билингвами в постмонолингвальную эпоху. В статье доказывается гипотеза о транскультурной авторской модальности как о конститутивном свойстве таких художественных текстов, предлагается определение транскультурной авторской модальности, а также анализируются основные способы ее выражения. К ним относятся эксплицитная и имплицитная гибридизация художественного пространства, механизмы двойного кодирования транслингвальных художественных текстов, в частности различные виды транслингвальной игры.

Ключевые слова: транслингвальный художественный текст, транскультурная авторская модальность, гибридизация художественного пространства, двойное кодирование, транскультурная компетенция, транслингвальная игра

Для цитирования: Чемодурова З.М. Механизмы выражения транскультурной авторской модальности в транслингвальной литературе XX–XXI вв. // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 92. С. 133–158. doi: 10.17223/19986645/92/7

Original article
doi: 10.17223/19986645/92/7

The mechanisms of representing transcultural authorial modality in 20th–21st century translingual fiction

Zinaida M. Chemodurova¹

¹ *Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation,
zchemodurova@herzen.spb.ru*

Abstract. The article addresses the issue of constructing and interpreting fiction created by bilingual writers in what is known as "postmonolingual era". The translingual turn in modern philology accounts for the fast growing interest in literary translingualism as an interdisciplinary area of research carried out by cognitive linguists, sociolinguists, narratologists, literary scholars, and stylisticians all over the world. The article hypothesizes transcultural authorial modality as a constituent textual property of translingual fiction and offers its definition as a special kind of authorial

modality reflecting the worldview of metacognitive and metalingual creative personalities who model culturally heterogeneous and linguistically challenging fictional worlds. The aim of the present research is to analyze different mechanisms of representing transcultural modality of bilingual authors in their fiction as this systematic analysis might also prove very relevant for enhancing translingual/transcultural competence of modern readers who often face a formidable task of interpreting the cultural hybridity and linguistic complexity represented in translingual fictional universes. The findings presented in this article testify to the effectiveness of the methodology that is based on a combination of elements of linguocultural, linguo-semiotic and linguostylistic analyses. Translingual/transcultural literary works by Vladimir Nabokov, Lan Cao, Rupī Kaur, Gary Shteyngart, Anya Ulinich, and Irina Reyn are case studied and the overall results of their examination provide evidence of a wide range of strategies representing the authorial modality and performing plot-shaping, characterizing, emotive, expressive, ludic, and evaluative functions in these fictional texts. The article makes an original contribution to the Translingual Text Studies by postulating the relevance of the space hybridization mechanism and the strategy of double coding as essential means of constructing translingual fiction. Different types of translingual/transcultural games are classified for the first time, and the proposed typology might shed a new light on some interpretive difficulties experienced by readers with less translingual/transcultural awareness.

Keywords: translingual literary text, transcultural authorial modality, hybridization of fictional space, double coding, transcultural competence, translingual/transcultural games

For citation: Chemodurova, Z.M. (2024) The mechanisms of representing transcultural authorial modality in 20th–21st century translingual fiction. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 92. pp. 133–158. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/92/7

Введение

Глобализация, технологический прогресс, многообразие языковых контактов и интенсивность миграционных процессов обуславливают в прошедшие несколько десятилетий все возрастающий интерес к таким лингвистическим феноменам, как транслингвизм [1], или трансязычие [2]. В отличие от подвергшихся в последние годы критике терминов «мультилингвизм», «мультикультурный», которые выдвигают на передний план статический аспект владения языковой (билингвальной, мультилингвальной) личностью несколькими языками и имплицитно некую их иерархию, акцент в разрабатываемой на данном этапе теории транслингвальности/транскультуральности смещается в сторону активной роли субъекта-билингва/мультилингва в *выборе* из своего репертуара (как лингвистического, так и невербального) необходимых ресурсов для эффективного осуществления конкретных коммуникативных практик. С. Канагараджа определяет «трансязычие как способность мультилингвальных адресантов курсировать [shuttle between] между языками, рассматривая разнообразные языки, которые формируют их репертуары, как интегрированную систему» [3. Р. 401]. Иными словами, трансязычие (транслингвизм) как лингвистический феномен позволяет ис-

следователям подчеркнуть, что «билингвы имеют *один лингвистический репертуар*, из которого они выбирают те особенности, которые *стратегически* ведут к осуществлению эффективной коммуникации [4. Р. 48].

Транслингвальный подход к изучению художественных текстов, созданных писателями-билингвами и описываемых в последние десятилетия при помощи зонтичного термина «литературный транслингвизм» [5. Р. 114], предполагает, что языковые границы динамичны, подвижны, «текучи» и гибричны, а транслингвальная, или транскультурная, литература, в свою очередь, представляет собой междисциплинарный объект исследования, «поскольку в нем, как в зеркале, отражаются языковедческие проблемы вариантологии, лингвоконтактологии, социолингвистики, лингвокультурологии, билингвологии и других дисциплин» [6. С. 273].

Литературный транслингвизм, или транслингвальная литература, которая рассматривается в данной статье, неразрывно связан с понятием «транскультуральность», определяемым как «формирование многосторонней динамической идентичности как результата разнообразных культурных контактов» [5. С. 114]. З.Г. Прошина отмечает, что «транскультурность, или транскультуральность, предполагает одновременное существование индивида в роли сразу нескольких идентичностей в разных культурах, с сохранением отпечатков каждой из них», при этом особо подчеркивая, что «в результате транскulturации возникает новая сфера культурного развития за границами сложившихся национальных, расовых, гендерных и профессиональных культур через преодоление замкнутости их традиций, языковых и ценностных детерминаций» [7. С. 158].

Описывая явление «транскulturации», У.М. Бахтикиреева и О.А. Валикова делают интересное наблюдение «...транскulturация не предполагает стирания границ между этносами. Напротив, границы в этом случае остаются «нерастворимыми», хотя и являются в некоторой степени проницаемыми. Она прокладывает коммуникативный мост через культурные фронтиры, соединяя территориально, этнически, лингвально отдаленные друг от друга культуры и обеспечивая транспортировку разнообразных культурных элементов из одного пространства в другое» [8. С. 187].

«Транслингвальный поворот», о котором правомерно говорить на данном этапе развития филологии, помимо выше перечисленных областей лингвистических исследований, не может не затронуть и лингвистику текста, делая чрезвычайно актуальной задачу выявления особенностей функционирования различных текстовых категорий в художественных текстах, созданных писателями-транслингвами.

В рамках данной статьи мы попытаемся дать определение и описать особенности функционирования в создаваемых транслингвальных произведениях текстовой категории транскультурной авторской модальности, имеющей, на наш взгляд, ряд конститутивных признаков, обусловленных лингвокреативными возможностями их создателей, «так называемых транслингвальных личностей, представляющих собой металингвистические и метакогнитивные структуры» [9. С. 26].

Целью данной статьи, таким образом, является анализ основных механизмов выражения так называемой транскультурной авторской модальности в транслингвальных произведениях. К задачам, поставленным в нашем исследовании, относятся: 1) определение транскультурной авторской модальности; 2) выявление механизмов ее репрезентации в транслингвальных текстах; 3) описание особенностей интерпретационной программы художественных текстов, обусловленных спецификой данной текстовой категории.

Методология и материал исследования

Основу методологии, позволяющей решить поставленные задачи, составляет использование элементов лингвокультурологического, лингвистического, социолингвистического и лингвосемиотического анализа, сочетание которых представляется наиболее эффективным способом исследования транслингвальной литературы как междисциплинарного объекта исследования. Сочетание различных методов способствует осуществлению системного и комплексного описания конститутивных признаков такого художественного текста и, прежде всего, транскультурной авторской модальности как текстообразующей категории, позволяющей исследователям говорить о новом типе текста: транслингвальном/транскультуральном художественном тексте.

Материалом для проведения анализа служат произведения В.В. Набокова, одного из самых известных авторов-билингвов XX в.; канадского автора Р. Каур, родившейся в Индии; Лань Цао, американского автора вьетнамского происхождения, а также плеяды молодых авторов, родившихся в Советском Союзе и переехавших в юном возрасте в США, таких как А. Улинич, Г. Штейнгарт и И. Рейн.

Результаты и обсуждение

Транскультурная авторская модальность: к постановке проблемы

Модальность в последние годы представляет особый интерес в силу своей дискуссионной, многоаспектной природы, связанной с рассмотрением ее как одной из модусных категорий, чья соотносительность с категориями оценки, персональности, тональности изучается с позиций лингвистики текста, герменевтики, психологии, философии в работах таких исследователей, как С.С. Ваулина, Е.В. Ильина, О.А. Кобрина, А.А. Медова, Т.В. Романова, С.Е. Тупикова. Модальность как текстовая категория вызывает не меньше споров среди филологов, прежде всего ввиду сложности разграничения таких понятий, как субъективно-оценочная модальность, авторская модальность, что находит отражение в исследованиях, например, К.А. Андреевой, С.С. Безмельницыной, Е.В. Кловак, Е.В. Пучковой, А.Б. Цыреновой, З.М. Чемодуровой.

И.Р. Гальперин, одним из первых предложивший выделить текстовую модальность как отдельный от фразовой модальности объект лингвистических исследований, подчеркивает роль текстовой модальности в передаче содержательно-концептуальной информации, указывая при этом, что «это явление в основном наблюдается в тех произведениях, где более или менее отчетливо просвечивает личность автора, его мироощущение, его вкусы и представления» [10. С. 116]. М.В. Вербицкая предлагает определять модальность художественного текста как «объективное выражение авторской оценки описываемого в языковой, словесной ткани произведения, его тематике, композиции, системе образов, ритмической организации, выборе и сочетании слов» [11. С. 22].

В нашем исследовании, рассматривая специфику выражения авторской модальности в транслингвальных художественных произведениях, мы разделяем подход к данной текстовой категории, предлагаемый С.С. Ваулиной и О.В. Девиной, считающих, что «особенность содержания термина авторская модальность заключается <...> в видовом положении авторской модальности по отношению к родовому – субъективной модальности. При этом важно подчеркнуть, что категория авторской модальности в значительной степени определяется личностными особенностями автора, его эмоционально-этической сферой, аксиологическими установками» [12. С. 19].

З.Я. Тураева, размышляя о текстовой модальности, делает важное, на наш взгляд, наблюдение о таких признаках данной категории, как имплицитность/эксплицитность и полимодальность [13. С. 96], что созвучно выводам И.Р. Гальперина о том, что «коэффициент модальности» в художественном тексте меняется в зависимости от «индивидуальной манеры автора, объекта описания, прагматической установки, соотношения содержательно-фактуальной и содержательно-концептуальной информации» [10. С. 118], при этом «коэффициент тем выше, чем отчетливее проявляется личность автора в его произведениях» [10. С. 118].

Гипотеза данного исследования состоит в том, что так называемая *транскультурная авторская модальность представляет собой особый вид авторской модальности*, определяемый как объективируемая в тексте проекция картины мира транслингвальной личности, представляющая собой результат авторской рефлексии над и/или игры с культурно гетерогенными элементами и отражающая оценку автором фикционального мира как культурно и лингвистически гибридного.

При этом под *транслингвальной авторской личностью* мы понимаем личность автора-билингва (полилингва) как метакогнитивную и металингвистическую структуру и как транскультуральную динамичную идентичность, репрезентируемую в художественных текстах, создаваемых авторами на неродном, или втором, языке и определяющую выбор коммуникативно-авторских стратегий моделирования таких текстов. *Транслингвальные художественные тексты*, таким образом, представляют собой продукт фантазийно-игровой деятельности транслингвальных авторов, имеющих в своем

распоряжении интегрированный репертур разнообразных семиотических ресурсов.

Известный культуролог и философ М. Эпштейн считает, что «*транскультура*» предполагает *диффузию* исходных культурных идентичностей по мере того, как индивиды пересекают границы разных культур и ассимилируются в них. Вместе с тем транскультуру не следует отождествлять с **глобальной** культурой, распространяющей одинаковые модели (преимущественно американские) на все человечество. Транскультура есть не общее и идентичное, присущее всем культурам, но культурное разнообразие и универсальность как достояние одной личности. Транскультура – это состояние *виртуальной принадлежности одного индивида многим культурам*» [14].

Таким образом, в фокусе нашего внимания при изучении транскультурной авторской модальности оказываются рефлексивная деятельность автора-билингва и выбор им из широкой «символической палитры» (М. Эпштейн) ряда культурных признаков, отражающих синергию культур как «объединение культурно различных элементов, при котором возникает качественно иное образование, превосходящее по эффекту сумму элементов» [7. С. 163].

Поскольку, как справедливо отмечает Н.С. Валгина, модальность текста – «это выражение в тексте отношения автора к сообщаемому, его концепции, точки зрения, позиции, его ценностных ориентаций, *сформулированных ради сообщения их читателю*» (выделено мной. – З.Ч.) [15. С. 65], т.е. данная категория всегда предполагает читательский отклик на выражаемое автором отношение к моделируемому фикциональному миру, в нашем случае отношение автора – транслингва к миру культурно гибридного, аксиологически усложненному, то и читательская аудитория с большой долей вероятности сталкивается с необходимостью совершенствовать так называемую *транслингвальную/транскультурную компетенцию*, под которой в нашем исследовании мы понимаем способность современных читателей воспринимать и оценивать созданный автором-билингвом транскультуральный фикциональный мир как мир гибридный, культурно гетерогенный и аксиологически неоднозначный, представляющий собой результат авторской рефлексии над - и/или игры с - культурными стереотипами и установками монолингвальных/монокультуральных адресатов (см., например, [9]):

- (1) «“All happy families are more or less dissimilar; all unhappy ones are more or less alike,” says a great Russian writer in the beginning of a famous novel (Anna Arkadieivitch Karenina, transfigured into English by R.G. Stonelower, Mount Tabor Ltd., 1880). That pronouncement has little if any relation to the story to be unfolded now, a family chronicle, the first part of which is, perhaps, closer to another Tolstoy work, *Detstvo i Otrochestvo* (Childhood and Fatherland, Pontius Press, 1858). Van’s maternal grandmother Daria (“Dolly”) Durmanov was the daughter of Prince Peter Zemski, Governor of Bras d’Or, an American province in the Northeast of our great and variegated country, who had married, in 1824, Mary O’Reilly, an Irish woman of fashion. Dolly, an only child, born in Bras, married in 1840, at the tender and wayward age of fifteen, General Ivan Durmanov, Commander of Yukon Fortress and

peaceful country gentleman, with lands in the Severn Tories (Severnīya Territorii), that tessellated protectorate still lovingly called “Russian” Estoty, which commingles, granoblastically and organically, with “Russian” Canady, otherwise “French” Estoty, where not only French, but Macedonian and Bavarian settlers enjoy a halcyon climate under our Stars and Stripes» [16. P. 9].

В.В. Набоков, один из самых известных авторов-транслингвов XX в., начинает роман «Ada or Ardor: A Family Chronicle» с использования сразу нескольких способов привлечения внимания своих читателей к транскультурной природе моделируемого им фикционального мира. В сильной позиции начала повествования «магистр игры» прибегает к использованию цитаты, якобы открывающей роман «Анна Аркадьевич Каренина», активизируя, таким образом, когнитивную деятельность адресатов, направленную на расшифровку интекста. Аттенсиональная конвергенция, представляющая собой в данном случае *механизм интертекстуальной игры в инициальной текстовой позиции*, способствует привлечению внимания читателей к элементам билингвальной авторской иронии, целью которой становятся неудачные попытки перевода русской классики. Модифицируя название бесмертного романа Л.Н. Толстого и иронически комментируя данное изменение как процесс «преображения» (to transfigure – to change the appearance of a person or thing very much, usually in a very positive and often spiritual way [17]), В.В. Набоков предлагает проницательным читателям, обладающим транскультурной компетенцией, оценить и другую шутку писателя: перевод названия романа *Detstvo i Otrochestvo* как *Childhood and Fatherland*. Паронимическая аттракция в билингвальной перспективе создается при соположении слова «отрочество» (*Otrochestvo*) и его англоязычного псевдоэквивалента *Fatherland* («отечество»), предложенного пародистом-повествователем. Эти ключевые единицы вводят тему «семейной хроники», обозначенную как жанр романа, хронотопические черты которого не могут не заинтриговать читателей своим культурно гетерогенным характером. Фикциональный мир Антитерры имеет очень схожий с нашим миром характер, но представляет собой некую транскультурную альтернативную реальность, в которой «наша великая и разнообразная страна» (*our great and variegated country*) включает американские провинции и «Русскую Канаду», а также крепость Юкон с французами, баварскими и македонскими поселенцами. Использование антропонимов и топонимов как неких эмблем [18. С. 111], относящихся к различным культурам, сигнализирует читателям *об эксплицитной транскультурной гибридизации художественного пространства* романа, представляющей собой один из механизмов выражения транскультурной авторской модальности.

В.В. Набоков создает причудливое художественное пространство, намеренно играя пространственными мифами [19. С. 19], образующими фоновые знания его «наивных» читателей, иронически совмещая географические пространства России и Америки в своем вымышленном мире и, следова-

тельно, предлагая тем из адресатов, кто в полной мере может оценить уникальное транскультурное пространство набоковского воображения, насладиться созданными им пространственными образами:

(2) «The Durmanovs' favorite domain, however, was Raduga near the burg of that name, beyond Estotiland proper, in the Atlantic panel of the continent between elegant Kaluga, New Cheshire, U.S.A., and no less elegant Ladoga, Mayne, where they had their town house and where their three children were born» [16. P. 14].

(3) «Not long did the rain last—or rather stay: it continued on its presumable way to Raduga or Ladoga or Kaluga or Luga, shedding an uncompleted rainbow over Ardis Hall» [16. P. 69].

Ю.М. Лотман отмечает, что «самые общие социальные, религиозные, политические, нравственные модели мира, при помощи которых человек на разных этапах своей духовной истории осмысляет окружающую его действительность, оказываются неизменно наделенными пространственными характеристиками» [20. С. 267], поэтому столь важным для нашего исследования представляется учет особенностей пространственного моделирования транслингвальных художественных текстов.

Как видно из двух примеров (2 и 3), приведенных выше, сочетание реальных и вымышленных топонимов позволяет В.В. Набокову одновременно позабавить читателей-билингвов своим неожиданным ассоциативным потенциалом (Raduga/rainbow, Kaluga, New Cheshire, U.S.A; Ladoga, Mayne), внезапными аллитерациями и рифмами, виртуозно активируемыми магистром игры, и ненавязчиво напомнить им о значимости таких микропонимов, как Луга, в индивидуально-авторской картине мира, что связано с детскими счастливыми воспоминаниями об усадьбе в Рождествено, родовом поместье семьи Набоковых под Лугой.

Анализ целого ряда произведений транслингвальной литературы позволяет утверждать, что наряду с использованием такой эксплицитной (игровой) транскультурной гибридизации пространства как способа отражения авторской модальности авторы-билингвы прибегают и к *имплицитной транскультурной гибридизации художественного пространства*, отражающей транскультурную авторскую модальность, при этом можно сделать вывод, что предлагаемая транслингвальными авторами пространственная модель становится в этих текстах, как отмечает Ю.М. Лотман, тем «организующим элементом, вокруг которого строятся и непространственные его характеристики» [20. С. 269].

В романе «Monkey Bridge» Лань Цао, американской писательницы вьетнамского происхождения, вьетнамская девочка-подросток попадает в США из воюющего Вьетнама и на протяжении многих лет пытается примирить и соединить два мира, столь культурно различных, что в начале повествуемой ею истории ее надежды кажутся практически неосуществимыми:

(4) «The smell of blood, warm and wet, rose from the floor and settled into the solemn stillness of the hospital air. I could feel it like an unhurried chill in my joints, a

slow-moving red that smoldered in a floating ether of dull, gray smoke. All around me, the bare walls expanded and converged into a relentless stretch of white. The bedsheet white of the hallway was an anxious white I knew by heart. White, the color of mourning, the standard color for ghosts, bones, and funerals, swallowed in the surface calm of the hospital halls.

A scattering of gunshots tore through the plaster walls. Everything was unfurling, everything, and I knew I was back there again, as if the tears were always pooled in readiness beneath my eyes. It was all coming back, a fury of whiteness rushing against my head with violent percussive rage. The automatic glass doors closed behind me with a sharp sucking sound.

Arlington Hospital was not a Saigon military hospital» [21. P. 1].

С самого начала повествования, в его сильной позиции, автор предлагает нам пространственную модель, сопоставляющую понятия «ближний/дальний», причем происходит некая имплицитная гибридизация двух пространств в памяти и воображении повествователя-рефлектора. Своеобразным культурным символом данной пространственной гибридизации выступает белый цвет, что подтверждается его ролью в тексте как тематической единицы: “relentless stretch of white”, “the bedsheet white of the hallway”, “an anxious white”, “white, the color of mourning”, “a fury of whiteness”. Данный символ, определяющий «цветовое пространство» (по Ю.М. Лотману) начала романа, следует рассматривать как некий транскультурный художественный символ, синергетически репрезентирующий идеи и понятия как минимум двух культур и выступающий в качестве одного из важнейших маркеров авторской модальности (см. подробнее о транскультурном символе [9]). Белый цвет, представляющий собой один из трех наиболее архаичных цветовых символов, наряду с черным и красным, обладает множеством универсальных значений и рядом культурно маркированных семантических признаков, по-прежнему являясь частотным, «прототипическим» в английском языке цветообозначением [22].

Символизируя стерильность больничного пространства в практически всех культурах, ассоциируясь с болезнью и переходом в мир иной, белый цвет в приводимом фрагменте представлен как цвет траура (“white, the color of mourning”), а также ритуала похорон (“funerals”), что указывает внимательным читателям на религиозную/культурную идентичность повествователя. В памяти главной героини произведения всплывают образы военного госпиталя в Ханое, на время заслоняя пространство Арлингтонской больницы, а выдвижение на передний план транскультурного символизма «белого цвета» способствует усилению эмотивности и экспрессивности повествуемого начального эпизода и обеспечивает нарративную эмпатию со стороны читателей, разделяющих переживания рассказчицы за счет подключения различных каналов восприятия информации (глаголы чувственного восприятия *smell, feel*), эпитетов (*relentless, anxious*), развернутой метафоры (“a fury of whiteness rushing against my head with violent percussive rage”).

**Тема поиска культурной идентичности в современных
транслингвальных художественных текстах**

Исследователи транслингвальной художественной литературы единодушны в своей оценке темы поиска культурной идентичности как одной из основных тем современных текстов, созданных транслингвальными авторами [23], поскольку многие из билингвов, «которые создают тексты более чем на одном языке, или не на родном языке» [24. Р. 337], являются иммигрантами, осмысляющими в своих произведениях проблему симбиоза языков и культур и способов репрезентации того символического «пересечения границ», которое они проживают в своих текстах и которое подталкивает их к выбору вербальных и невербальных ресурсов из своего семиотического репертуара, наиболее соответствующих их творческому замыслу, прагматической установке произведения, жанру произведения и его сюжету.

Так, канадская поэтесса индийского происхождения Рупи Каур в своих стихах в прозе нередко размышляет о своей идентичности: родившаяся в семье сикхов в Пенджабе, она попала в Канаду в раннем детстве, однако английский использовала как второй язык, выучив его в десятилетнем возрасте. Став одним из новаторов в жанре инста-поэзии, Рупи Каур сопровождает свои тексты рисунками, создавая необычные поликодовые произведения, в которых переплетаются темы поиска культурной идентичности, места женщины в современном мире, роли традиционных ценностей, предрасудков и стереотипов в формировании транскультурной личности:

(5) i am the first woman in the lineage with freedom of choice. to craft her future whichever way i choose. say what is on my mind when i want to. without the whip of the lash. there are hundreds of firsts i am thankful for. that my mother and her mother and her mother did not have the privilege of feeling. what an honor. to be the first woman in the family who gets to taste her desires. no wonder i am starving to fill up on this lifeline generations of bellies to eat for. the grandmothers must be howling with laughter. huddled around a mud stove in the afterlife. sipping on steamless glasses of milky masala chai. how wild it must be for them to see one of their own living so boldly [25. Р. 197].

(ode to amrita sher-gil's village scene 1938)

Рис. 1. R. Kaur «The Sun and Her Flowers» [25. Р. 197]

Многообразие имплицитных средств выражения транскультурной авторской модальности, используемых Р. Каур, позволяет передать уникальность ее транслингвальной личности, создающей новое, «третье» пространство языка, образованное из двух языков билингва и синергетически воздействующее на адресата. Выдвижение на передний план графического оформления текста, в котором нет заглавных букв, и даже местоимение первого лица пишется автором со строчной буквы, позволяет автору привлечь внимание англоязычных читателей к письменной традиции пенджабского языка, который является первым языком Рупи. Положение индийской женщины в патриархатном обществе, отсутствие выбора и тема насилия, репрезентируемая сочетанием «the whip of the lash», противопоставляется той физической и духовной свободе, которую описывает автор при помощи гиперболы «hundreds of firsts», повтора ключевой единицы first, метафоры «starving to fill up on this life», усиливающих эмотивность текста и подчеркивающих особое положение Рупи, выросшей в Канаде XXI в. Авторская рефлексия о гендерных стереотипах находит свое отражение в изображении многочисленных предков по женской линии («my mother and her mother and her mother», «the grandmothers»), которые, сгрудившись у глиняной печи в загробном мире, громко смеются над той, кто живет так смело. Авторское отношение передается при помощи экспрессивно-оценочного прилагательного «wild» и эпитета «boldly», усиливаясь благодаря подключению религиозно-культурных ассоциаций, связанных с обращением к религиозным, даже мистическим образам предков-женщин, наблюдающих за своими потомками из загробного мира и попивающих там традиционный чай масала. Использование заимствования-глуттонима «masala chai», вызывающего в воображении читателей образ пряного индийского напитка, становится важной деталью моделируемого транскультурного пространства. Созданная Рупи Каур иллюстрация к ее свободному стиху являет собой яркий пример визуальной интертекстуальности [26], выступая в качестве визуальной опоры в игре нашего воображения [27] при восприятии этого поликодового текста. Мультимодальный кластер, состоящий из вербального компонента и визуального семиотического ресурса, активизирует когнитивный механизм мультимодального резонанса [28], усиливающий читательскую эмпатию и одновременно вовлекающий адресатов в интертекстуальную игру. Рупи Каур отдает дань творческому гению известной индийской художницы Амриты Шер-Гир, одной из наиболее смелых женщин первой половины XX в., напоминая читателям о ее произведении «Деревенская сценка» и одновременно внося дополнения в картину художницы.

Не менее сложным представляется и развитие темы поиска культурной идентичности в романе Ани Улинич «Petropolis», главной героине которого девушке по имени Саша Голдберг выпало родиться в маленьком сибирском городке Асбест 2, причем ее дедом был чернокожий студент, побывавший в СССР, а фамилию Голдберг ее отец получил после того, как его усыновила, забрав из детдома, чета бездетных ученых-физиков. Отправившись в начале

1990-х на поиски своего отца, уехавшего в США, и став для этого потенциальной невестой американского фермера, Саша пытается ответить на вопрос, кто же она такая и где ее место:

(6) «You know, when I left, I think I assumed that everything would remain the same, exactly the way I last saw it, exactly the way it's always been. Then everything changed behind my back.» “In Russia?” “In Asbestos 2.” Jake laughed. “How could I forget the name of your hometown? It's so over-the-top awful. Cyanide Township. Tumorville. Napalmia. Asbestos 2.” “Shut up! You think it was awful, but to me it was just normal. I had no outside point of reference; it was my life. Now my mother is dying, and the town is almost gone. My daughter is probably the last child there. When she leaves, Asbestos 2 will be gone. And who am I without it? When I'm cleaning houses, I do these little compulsive mental exercises, trying to picture things exactly as they were. Every time I see less and less. I remember seeing a replica of a Rodin sculpture for the first time, in a basement studio where I took art classes. I remember the door, the radiators, and the mouse traps, but I can't remember which sculpture it was. I remember painting Newton's wig on the wall of my middle school's physics classroom, but I can't remember which floor the classroom was on. Dumb stuff like that scares me. I feel as if I'm forgetting who I am, as if I'm going crazy» [29. P. 325].

Как утверждают исследователи, наше представление о пространстве, т.е. так называемое относительное пространство, включает наряду с понятием пространственной идентичности пространственный опыт индивида, т.е. «историю перемещения человека в пространстве, в результате чего у него формируется уникальное восприятие окружающей действительности», а также и понятие «места памяти» [19. С. 19–20]. Можно предположить, что данный феномен – «места памяти» – помимо коллективной составляющей, значимой для социума в целом в силу представления того, как «ключевые события прошлого отражаются в культурном ландшафте места» [19. С. 19–20], имеет в своей структуре и индивидуальную, личностную составляющую, обозначая топосы, памятные для отдельных людей. В приводимом выше примере (6) таким местом памяти для Саши выступает ее родной городок Асбест 2, затерянный в Сибири и практически вымирающий в ранне-постсоветский период, и расположенная в нем художественная школа, куда маленькую Сашу отвела мама. Повтор ключевой лексической единицы «remember», вводимой анафорически, синтаксический параллелизм и использование антитезы I remember – I can't remember/I am forgetting способствуют выдвиганию на первый план ключевого вопроса, который мучает Сашу: «And who am I without it?»

Актуализация пространственных отношений, основанных на соположении/монтаже понятий «далекого и близкого» как способе выражения авторской модальности, имплицитная гибридизация художественного пространства помогают фокусированию внимания читателей на авторской рефлексии о культурной идентичности транслингвальной личности, акцентируя при этом всю драматичность ситуации и подчас отсутствие однозначных ответов:

(7) «How am I supposed to raise a kid if I live split in two, one half at a time? As long as Mama and Nadia live there, Asbestos 2 is still a place I can return to. Sometimes, when I visit there, it feels like the only real place I know. Soon, it will all be contained within me, slowly disappearing. I feel so alone, Jake. You know, your dad's trophy artists spent their lives making fun of the Homo Sovieticus. Homo Sovieticus is pretty well extinct, but at least he's documented on your parents' walls. **But what am I? Homo Post-Sovieticus? Homo Nowhere?»** (выделено мной. – З.Ч.) [29. P. 326].

Риторические вопросы, связанные с попыткой анализа пространственной и, шире, культурной идентичности протагониста, становятся важным компонентом интерпретационной программы романа Ани Улинич, иммигранта четвертой волны, попавшей в Америку с родителями в возрасте 17 лет в 1990 г. и в своих произведениях постоянно обращающейся к теме поиска культурной идентичности, в том числе актуализируя механизм имплицитной гибридации художественного пространства транслингвального художественного текста, совмещающая в символическом образе Петрополя, города из камня, города-мифа, черты Петербурга и Нью-Йорка.

Для Г. Штейнгарта, еще одного талантливого американского писателя родом из Советского Союза, таким «местом памяти» в его автобиографическом романе “Little Failure” служит Чесменская церковь в Петербурге, связанная с его счастливым детством в Ленинграде, где он провел первые 7 лет жизни, до отъезда с родителями в США:

(8) «I twirled through the pages of the monumental *Architecture of the Tsars*, examining all those familiar childhood landmarks, feeling the vulgar nostalgia, the *poshlost'* Nabokov so despised. Here was the General Staff Arch with its twisted perspectives giving out onto the creamery of Palace Square, the creamery of the Winter Palace as seen from the glorious golden spike of the Admiralty, the glorious spike of the Admiralty as seen from the creamery of the Winter Palace, the Winter Palace and the Admiralty as seen from atop a beer truck, and so on in an endless tourist whirlwind.

I was looking at page 90.

“Ginger ale in my skull” is how Tony Soprano describes the first signs of a panic attack to his psychiatrist. There's dryness and wetness all at once, but in all the wrong places, as if the armpits and the mouth have embarked upon a cultural exchange. There's the substitution of a slightly different film from the one you've been watching, so that the mind is constantly recalculating for the unfamiliar colors, the strange, threatening snatches of conversation. *Why are we suddenly in Bangladesh?* the mind says. *When have we joined the mission to Mars? Why are we floating on a cloud of black pepper toward an NBC rainbow?* Add to that the supposition that your nervous, twitching body will never find rest, or maybe that it will find eternal rest all too soon, that is to say *pass out and die*, and you have the makings of a hyperventilating breakdown. That's what I was experiencing.

And here's what I was looking at as my brain rolled around its stony cavity: a church. The Chesme Church on Lensovet (Leningrad Soviet) Street in the Moskovsky District of the city formerly known as Leningrad» [30. P. 3].

Случайно обнаружив в книжном магазине книгу, посвященную достопримечательностям Петербурга и предназначенную для туристов, как до-

статочно иронично описывает ее достоинства автор, одновременно испытывая «вульгарную ностальгию» по знакомым с детства местам и критически комментируя возникающее чувство как «poshlost'», столь презируемую Набоковым, Г. Штейнгарт затем переживает настоящее потрясение, увидев вдруг на странице 90 Чесменскую церковь, составляющую для повествователя «место памяти».

Эмоциональная напряженность фрагмента создается при помощи использования конвергенции стилистических приемов: цитаты из популярного американского сериала «Клан Сопрано», способствующей усилению эмпатии современных читателей, хорошо знакомых с такими юмористическими комментариями, графического выдвижения риторических вопросов, иронически предлагающих адресатам смоделировать эмотивную ситуацию шока, панической атаки и надвигающегося нервного срыва повествователя одновременно. Иронический модус формулирования повествования отражает игровую рефлексию современного автора транслингвального художественного текста, в котором ксенонимические единицы, обозначающие русскоязычное городское пространство, выступают маркерами *стратегии двойного кодирования* такого текста: читатели, обладающие достаточной транскультурной компетенцией, могут реконструировать культурно значимый фон Чесменской церкви как места памяти, чтимого русскоязычным социумом в целом, и разделить переживания маленького Игоречка (как в прошлом звали Гари Штейнгарта):

(9) There he was, Early Father and Igoryochek, and we had just gone to the church in the book! The joyous raspberry Popsicle of Chesme Church, some five blocks away from our Leningrad apartment, a pink baroque ornament amidst the fourteen shades of Stalin-era beige. It wasn't a church in Soviet days but a naval museum dedicated, if memory serves correctly (and please let it serve correctly), to the victorious Battle of Chesme in 1770, during which the Orthodox Russians really gave it to those sonofabitch Turks. The interior of the sacred space back then (now it is once again a fully functional church) was crammed with a young boy's delight — maquettes of gallant eighteenth-century fighting ships [30. P. 4].

Данный фрагмент представляет собой превосходную иллюстрацию механизма мнемонического повествования, в котором вспоминающее «Я» взрослого Гари из Нью-Йорка теснейшим образом переплетается с голосом маленького мальчика, Игоречка из Ленинграда: неоготическое «малиновое эскимо» Чесменской церкви как яркий визуальный образ, сохранившийся в памяти ребенка, наряду с макетами военных кораблей, вызывавшими его восторг, сочетаются с комментариями взрослого рассказчика, напоминающими читателям об исторических событиях XVIII в., связанных с построением церкви. Экспрессивность фрагмента усиливается за счет искусного использования эпитетов (joyous, sonofabitch, gallant), маркеров цветового пространства (raspberry, pink/fourteen shades of Stalin-era beige), а также парентетических конструкций, подчеркивающих контраст между прошлым и

настоящим рассказчика и передающих эмоциональность переживаемого им момента.

Механизмы двойного кодирования транслингвального художественного текста как отражение транскультурной авторской модальности

Стратегия двойного кодирования, которая во многих постмодернистских и постпостмодернистских текстах ассоциируется, по меткому определению У. Эко, с «одновременным использованием интертекстуальной иронии и скрытого метанарративного обращения» [31. С. 48], реализуется в транслингвальных художественных текстах как неотъемлемая составляющая той интерпретационной программы, которую современные авторы таких культурно гетерогенных текстов предлагают своим читателям. Особая специфика механизмов, задействованных в реализации стратегии двойного кодирования, состоит в так называемой двойной адресации таких произведений: как уже отмечалось выше, наряду с читателями-билингвами, обладающими транскультурной/транслингвальной компетенцией, читателями-эрудитами, сообщниками в увлекательной транскультурной игре, интерпретационная программа предполагает и когнитивную активность читателей-монолингвов, для которых интерпретация транскультуральных художественных текстов может представлять определенные сложности.

Проведенный анализ произведений, созданных писателями-билингвами, свидетельствует о том, что среди механизмов выражения транскультурной авторской модальности следует рассматривать и так называемую *транслингвальную/транскультурную игру*. Данный вид языковой игры представляет собой такую разновидность фантазийно-игровой деятельности (по М.В. Никитину), которая эксплицирует игровую модальность как неотъемлемое свойство субъективной авторской модальности [32] и способствует формированию транскультурной/транслингвальной компетенции современных читателей, активизируя их когнитивную деятельность.

Среди большого разнообразия игровых механизмов, реализующих стратегию двойного кодирования в транслингвальных художественных текстах и относящихся к *транслингвальной/транскультурной игре*, можно условно выделить:

- а) билингвальные/полилингвальные игры;
- б) интертекстуальные игры, включающие, например, аллюзивные и ре-визионистские игры;
- в) поликодовые игры, в том числе и опирающиеся на визуальную интертекстуальность;
- г) символические игры.

Данная типология, безусловно, является далеко не полной, так как представляет собой лишь первую попытку анализа игровых особенностей транслингвальных художественных текстов, обусловленных склонностью многих современных авторов-билингвов к рефлексии и/или игре и широким выбором вербальных и невербальных ресурсов.

Рассмотрим несколько примеров различных видов игры, учитывая тот факт, что выделенные типы *транслингвальной/транскультурной игры* могут реализовываться одновременно.

Так, В.В. Набоков, известный своей виртуозной игровой поэтикой, часто прибегает к использованию *полилингвальных игр*:

(10) «Either because it happened to end in a memorable record for Ada, or because Van took some notes in the hope—not quite unfulfilled—of “catching sight of the lining of time” (which, as he was later to write, is “the best informal definition of portents and prophecies”), the last round of that particular game remained vividly clear in his mind. “Je ne peux rien faire,” wailed Lucette, “mais rien—with my idiotie Buchstaben, REMNILK, LINKREM ...” “Look,” whispered Van, “c’est tout simple, shift those two syllables and you get a fortress in ancient Muscovy.” “Oh, no,” said Ada, wagging her finger at the height of her temple in a way she had. “Oh, no. That pretty word does not exist in Russian. A Frenchman invented it. There is no second syllable.” “Ruth for a little child?” interposed Van. “Ruthless!” cried Ada. “Well,” said Van, “you can always make a little cream, KREM or KREME—or even better—there’s KREMLI, which means Yukon prisons. Go through her ORHIDEYa» [16. P. 178].

Персонажи «Ады» с энтузиазмом играют в скрэббл, используя сразу три языка, и их создатель предлагает и читателям разделить страсть своих героев к полилингвальным развлечениям, обыгрывая происхождение и значение лексической единицы КРЕМЛЬ и его англоязычного варианта KREMLIN, пришедшего в английский язык, как справедливо указывает полиглот В.В. Набоков, из французского языка. Мистифицируя читателя-монолингва, знаменитый «магистр игры» сообщает доверчивым адресатам, что во вселенной Антитерры слово «kremli» означает юконские тюрьмы.

Аня Улинич в романе «Петрополь» иронично описывает благотворительный вечер, на который в США попадает Саша, создавая забавный каламбурный билингвальный ряд из имен собственных гостей, оценить который сможет лишь только адресат, обладающий транслингвальной компетенцией:

(11) «Mrs. **Tarakan** motioned for Sasha to sit down. One by one, the guests approached the table and handed checks to Mr. Tarakan. He pushed his glasses down to the tip of his nose and, holding the checks in an outstretched arm, slowly read the amounts. “Mr. and Mrs. Sidney **Shmel**, one hundred dollars!” Applause. Mrs. Shmel, dressed in transparent layers that rustled with every move, gave a little wave from her seat. “Mr. and Mrs. **Sarancha**, five hundred dollars!” The applause got louder. “Mr. and Mrs. **Svetlyak**, seven hundred dollars!” “Mr. **Pauk**, one thousand dollars!” “Mr. and Mrs. James **Blocha**, three thousand dollars!” “Mr. and Mrs. **Komar**, twenty thousand dollars!”» (выделено мной. – 3. Ч.) [29. P. 169].

Персонажи, чьи имена собственные на русском языке обозначают разнообразных насекомых, вводятся повествователем один за другим, способствуя нарастанию комического эффекта и отражая реализацию стратегии двойного кодирования, при которой читатели-билингвы оценят иронический по своей тональности фрагмент повествования, а монолингвальные англоязычные читатели рискуют пропустить авторскую иронию.

Для многих читателей не менее сложными для понимания являются и разнообразные интертекстуальные игры, практикующиеся транслингвальными авторами. Так, Аня Улинич предлагает читателям собственные переводы многих ставших прецедентными текстов, обладающих безусловным ассоциативным потенциалом для одних адресатов и не вызывающих эмпатию у других, когда они читают, например, четверостишие из детской песенки о том, что «в лесу родилась елочка», знакомой большинству русскоязычных детей в середине XX в.:

(12) «In the front of the auditorium, the music teacher folded her long body over the piano bench and struck a chord. The children, now lined up along the outer edge of the stage, began to sing:

A pine was born in the forest
And in the forest she grew.
In winter and summer
She stood graceful and green» [29. P. 28].

В.В. Набоков плетет еще более изощренную паутину из мультикультурных аллюзий, расшифровать которые под силу далеко не каждому читателю:

(13) «“By chance preserved has been the poem. In fact, I have it. Here it is: Leur chute est lente and one can know ’em ...” “Oh, I know ’em,” interrupted Demon:

“Leur chute est lente. On peut les suivre
Du regard en reconnaissant
Le chêne à sa feuille de cuivre
L’érable à sa feuille de sang “Grand stuff!”» “Yes, that was Coppée and now comes the cousin,” said Van, and he recited: “Their fall is gentle. The leavesdropper
Can follow each of them and know
The oak tree by its leaf of copper,
The maple by its blood-red glow.”» [16. P. 194–195].

Набоков приводит четверостишие Франсуа Коппе и пародирует его, создавая заведомо слабый англоязычный перевод, в то же время предвывая второй катрен из “*Matin d'Octobre*” (1874) значительно более изощренной аллюзивной игрой: «By chance preserved has been the poem. In fact, I have it. Here it is». Этот перевод пушкинских строчек «Стихи на случай сохранились, Я их имею; вот они» [33] отсылает внимательного читателя – сообщника по игре к бессмертному и столь знаковому для В.В. Набокова «Евгению Онегину», имплицитно сигнализируя адресату, способному распознать скрытую цитату, об очень нелицеприятной оценке писателем творчества Ф. Коппе.

Среди интертекстуальных игр с читателями, способствующих реализации двойного кодирования, особое место занимают так называемые ревизионистские игры, т.е. создание вторичных текстов, в основе которых лежат канонические сюжеты сказок, сюжеты прецедентных произведений мировой классики. Так, роман “*What Happened to Ann K.*”, написанный русско-американским автором Ириной Рейн, переносит сюжет «Анны Карениной»

в современный Нью-Йорк, в котором Анна К., иммигрантка из Советского Союза, приехавшая туда в совсем юном возрасте, выходит замуж за Алекса К., состоятельного солидного бизнесмена, не чувствует себя счастливой в браке, влюбляется в молодого и симпатичного юношу... Читатели, знакомые с сюжетными линиями знаменитого романа Л.Н. Толстого, могут достаточно быстро почувствовать схожесть основных событий двух произведений, игровые параллели которых усиливаются благодаря совпадению многих имен собственных персонажей, а значит, и предугадать трагическую развязку истории:

(14) «A pair of lights shimmered in the tunnel. How easy it would be after all, just one step at the right time. A choice made, a decision, a leap. Could she actually do it? She slid her right foot against the rim of the platform. She could see the blinking green circle of the 6 train, ready to squirm free from confinement. "Careful, lady," the man who had spoken to her earlier said. "You're standing awfully close there." She edged away, her body used to obeying commands, but then she was drawn back to the same spot. The train exploded into the station, its two white headlights searing into her. No time to think, to weigh the options. She was always weighing, she was exhausted with managing her own story. Neither here nor there, an eternal purgatory. Let's just be honest, what would she be in Queens? In Iowa? What was she now? All it would take would be a split-second choice, the tensing of muscles, the pouncing, then the relinquishing of self. This time, for once, she would make the right choice» [34. P. 249].

Ирина Рейн предлагает современным читателям новую версию романа Толстого, в котором тема поиска идентичности (ведь Анна так и не может полностью идентифицировать себя с американским образом жизни и мыслей) теснейшим образом переплетается с вечными и универсальными темами выбора, поиска счастья и своего места в жизни. Пример (14), в котором автор описывает последние минуты жизни героини, бросившейся под поезд метро, демонстрирует в сильной позиции концовки главы глубину отчаяния Анны, передаваемого при помощи метафоры «an eternal purgatory», а также цепочки риторических вопросов, подводящих читателей к кульминации: ключевая лексическая единица «choice», повторяющаяся во фрагменте три раза, подталкивает читателей, знакомых с оригинальным произведением «Анна Каренина», к осмыслению того трагического выбора, который делают обе героини, разделенные временным промежутком более чем в сто тридцать лет.

Использование невербальных, так называемых свободных семиотических ресурсов (см, например, [27]) также способствует усилению игровой модальности транслингвальных художественных текстов, авторы которых творчески преобразуют семиотический потенциал сразу нескольких вербальных кодов, а также невербальные механизмы для отражения своего замысла. Так, уже рассмотренный пример визуальной интертекстуальности (пример 5) можно дополнить характерным мультимодальным кластером из произведения «Петрополь», в котором А. Улинич прибегает к выдвиганию на передний план целого ряда графических образов:

PART 3

Рис. 2. А. Ulinich «Petropolis» [29. P. 162]

Автор романа открывает новую главу, в которой описывается, как восемнадцатилетняя Саша вынуждена выживать в Америке, занимаясь уборкой домов, изображением советской декоративной тарелки с характерным советским лозунгом, значение которого, однако, будет расшифровано лишь читателем-билингвом. Визуальное выдвигание выполняет сразу несколько функций в транслингвальном художественном тексте, помогая читателям разделить авторское ироническое отношение к описываемым событиям, а также способствуя усилению когерентности текста, поскольку чуть ниже в главе читатели встречают среди советских лозунгов, переведенных на английский, также и ставшее прецедентным высказывание «Кто не работает, тот не ест»:

(15) «The glossy canvas caught the sun's glare, and the mask-head in its middle seemed to eye the violent dinnerware with scornful suspicion. "Who Doesn't Work Doesn't Eat." By late afternoon, Sasha was starving. Mrs. Tarakan was nowhere in sight, and even if she were around, Sasha would be too embarrassed to ask for food after a day of uselessness» [29. P. 175].

Тема выживания героини в богатом доме семьи Тараканов, где она должна прислуживать и где ее забывают покормить, поддерживается на лексическом уровне использованием ключевых единиц «eat», «starving», «food» и для читателя, обладающего достаточной транслингвальной компетенцией, резонирует с визуальным образом и русскоязычным высказыванием, открывающими данную главу, подталкивая адресатов к размышлениям о разрываемой автором центральной теме данного произведения – поиску своей культурной идентичности.

И наконец, символическая игра предполагает игру с так называемыми транскультурными символами, о которых уже шла речь в данной статье и моделирование которых транслингвальными авторами предполагает ломку стереотипов и нарушения «символической парольности» [35. С. 11], обусловленные синергетической репрезентацией такими символами идей, понятий, ассоциаций как минимум двух культур.

В качестве примера такой символической игры можно опять обратиться к белым стихам Рупи Каур, в которых категория транскультурной авторской модальности находит свое уникальное отражение сразу при помощи нескольких механизмов:

(16) «my voice is the offspring
of two countries colliding
what is there to be ashamed of
if english
and my mother tongue
made love
my voice
is her father's words
and mother's accent
what does it matter if
my mouth carries two worlds
– *accent*

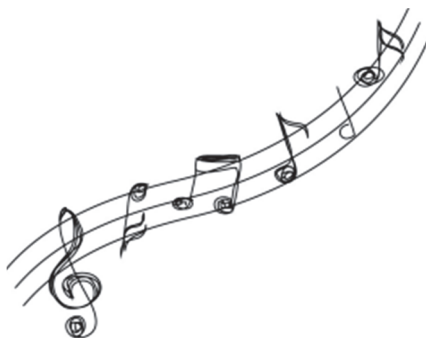

Рис. 3. Rupī Kaur. The Sun and her Flowers [25. P. 129].

Графически выделенное понятие «*accent*» играет в тексте роль транскультурного художественного символа, поскольку начинает воплощать собой «любовь» двух языков, сочетание двух миров, наследие разных культур. Это осмысление социокультурного феномена «иноязычный акцент», который ранее в эпоху, предшествующую нынешнему «постмонолингвальному состоянию», т.е. периоду признания значимости мультилингвальных практик в глобальном масштабе и в рамках конкретных социумов [36], скорее символизировал «чуждость» и «чужеродность» его носителя, «моментально маркируя говорящего и вызывая определенную эмоционально-психологи-

ческую реакцию собеседника» [37. С. 188], позволяет Р. Каур привлечь внимание ее читателей к такому исключительно важному аспекту понятия идентичности, как ее динамический, диффузный характер в современном мире. Создаваемый Р. Каур «гимн» акценту опирается на антитезу, в которой репрезентируются эмотивные концепты «стыд» и «любовь», при этом сильная позиция концовки ее текста, в которой читатели, благодаря визуальному выдвиганию свободного семиотического ресурса, видят изображение нотного стана, позволяет автору усилить прагматическое воздействие на адресатов, усилить их эмпатию, предложив читателям разделить точку зрения автора как транслингвальной личности.

Заключение

Итак, в статье выдвигается и доказывается гипотеза о теоретической значимости рассмотрения так называемой транскультурной авторской модальности как о конститутивном свойстве художественного текста, созданного автором-билингвом. В эпоху широкого распространения транслингвальной литературы, написанной на неродном, или не первом для создателей таких произведений языке, становится важным исследовать механизмы порождения и восприятия транслингвальных/транскультуральных художественных текстов. Существенную роль среди таких механизмов играют способы выражения транскультурной авторской модальности, определяемой в данном исследовании как особый вид авторской модальности. Репрезентируя в тексте проекцию картины мира транслингвальной личности, транслингвальная авторская модальность представляет собой результат авторской рефлексии над и/или игры с культурно гетерогенными элементами и отражает оценку автором фикционального мира как культурно и лингвистически гибридного. Коммуникативно-авторская стратегия авторов-транслингвов, таким образом, включает и механизмы двойного кодирования создаваемого художественного текста, рассчитанного на адресатов, обладающих различной степенью транскультурной компетенции. В статье анализируются разнообразные способы реализации такого двойного кодирования, рассчитанного, с одной стороны, на читателей, которых можно назвать соучастниками в предлагаемой транскультурной игре, а с другой – на менее искушенных адресатов, для которых целый ряд механизмов, отражающих авторскую установку, может быть связан с возникновением и необходимостью преодоления когнитивного диссонанса. Были подробно описаны механизмы эксплицитной и имплицитной гибридации художественного пространства транслингвальной литературы, выступающие в качестве пространственных моделей, во многом определяющих хронотопическую структуру литературы, созданной транслингвальными авторами.

Актуальным в этой связи представляется дальнейшее изучение наиболее значимых текстовых категорий транслингвальных художественных текстов, таких как адресованность, хронотоп, интертекстуальность, что, без сомнения, позволит в полной мере систематизировать и описать когнитивно-

прагматические, лингвостилистические и нарративные особенности таких произведений. Среди важных текстовых признаков необходимо отметить игровую модальность транслингвальной литературы, и в данной статье предлагается первичная классификация различных видов транслингвальной/транскультурной игры, среди которых исследуются билингвальные /полилингвальные игры; интертекстуальные игры, включающие аллюзивные и ревизионистские игры; поликодовые игры, в том числе и опирающиеся на визуальную интертекстуальность, а также символические игры. Последняя разновидность из рассмотренной типологии представляет, на наш взгляд, особый интерес для исследователей транскультурной литературы как междисциплинарной области лингвистических исследований, поскольку в основе символических игр с читателями лежит творческое использование авторами так называемых транскультурных художественных символов: особого механизма выражения авторской модальности, позволяющего писателям-билингвам как метакогнитивным и металингвистическим личностям наиболее эффективно использовать многообразные семиотические ресурсы, имеющиеся в их распоряжении, для содания культурно гетерогенных, аксиологически усложненных художественных текстов.

Список источников

1. Kellman S.G., Lvovich N. Introduction. Literary Translingualism: Multilingual Identity and Creativity // L2 Journal. 2015. Vol. 7. P. 3–5. URL: [http://Literary Translingualism: Multilingual Identity and Creativity by Steven G. Kellman and Natasha Lvovich \(cuny.edu\)](http://Literary Translingualism: Multilingual Identity and Creativity by Steven G. Kellman and Natasha Lvovich (cuny.edu) (дата обращения: 22.03.2024)) (дата обращения: 22.03.2024).
2. Canagarajah S. Translanguaging in the Classroom: Emerging Issues for Research and Pedagogy // Applied Linguistics Review. 2011. Vol. 2. P. 1–28. doi: 10.1515/9783110239331.1
3. Canagarajah S. Codemeshing in academic writing: Identifying teachable strategies of translanguaging // Modern Language Journal. 2011. № 95 (3). P. 401–417. doi: 10.1111/j.1540-2564.781.01207
4. Skalle C.E., Gjesdal A.M. (Eds.) Transnational Narratives of Migration and Exile. Perspectives from the Humanities. Oslo : Scandinavian University Press: Subjectivity through translingual practice in *Oltre Babilonia* by Igiaba Scego, 2021. P. 45–63. doi: 10.18261/9788215042428-2021-02
5. Julie Hansen. Introduction: Translingualism and transculturality in Russian contexts of translation // Translation Studies. 2018. № 11:2. P. 113–121. doi: 10.1080/14781700.2018.1434087
6. Лебедева Е.С., Прошина З.Г. Транслингвизм и транскультуральность за пределами художественной литературы (на материале научно-популярных статей и книжных обзоров Ольги Грушиной) // Филологические науки. 2020. № 6 (2). С. 273–280.
7. Прошина З.Г. Транслингвизм и его прикладное значение // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2017. Т. 14, № 2. С. 155–170.
8. Бахтиреева У.М., Валикова О.А. «Языковые ключи»: иноязычная лексика в транслингвальном (русофонном) художественном тексте // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13, № 1. С. 184–200. doi: 10.22363/2313-2299-2022-13-1-184-200
9. Чемодурова З.М. Символизм транскультурального художественного текста как механизм усиления когнитивной активности читателей // Вопросы когнитивной лингвистики. 2023. № 2. С. 24–37. doi: 10.20916/1812-3228-2023-2-24-37

10. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического описания. 5-е изд., стер. М. : КомКнига, 2007. 144 с.
11. Вербицкая М.В. Теория вторичных текстов : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2000. 47 с.
12. Ваулина С.С., Девина О.В. Авторская модальность как текстообразующая категория: (К постановке проблемы) // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2010. Вып. 8. С. 13–21.
13. Тураева З.Я. Модальность текста и модальность высказывания // Лексическая, категориальная и функциональная семантика : межвуз. сб. науч. тр. Л., 1990. С. 92–102.
14. Эшштейн М. Транскультура: культурология в практическом измерении. URL: mt_transculture.html (emory.edu) (дата обращения: 22.03.2024).
15. Валгина Н.С. Теория текста. М. : Логос, 2003. 173 с.
16. Nabokov V. *Invitation of a Friend*. Penguin Modern Classics, 2000. 496 p.
17. Кембриджский словарь английского: значения и определения. URL: cambridge.org (дата обращения: 22.03.2024).
18. Карасик В.И. Модусы интерпретации: эмблемы, аллегории, символы // Семантика и прагматика языковых единиц : материалы междунар. науч. конф. М., 2019. С. 109–119.
19. Окунев И.Ю. Территориальная и пространственная идентичность: концептуализация базовых понятий // Сравнительная политика. 2018. № 1. С. 18–25. doi: 10.18611/2221-3279-2018-9-1-18-25.
20. Лотман Ю.М. Художественное пространство в прозе Гоголя // Лотман Ю.М. В школе поэтического слова: Пушкин, Лермонтов, Гоголь. М., 1988. С. 251–293.
21. Cao Lan. *Monkey Bridge*. Penguin Books, 1997. 272 p.
22. Philip G.S. Collocation and Connotation: A Corpus-Based Investigation of Colour Words in English and Italian. Birmingham : The University of Birmingham, 2003. URL: http://www.academia.edu/1092870/COLLOCATION_AND_CONNOTATION_A_Corpus-Based_Investigation_Of_Colour_Words_In_English_And_Italian (дата обращения: 22.03.2024).
23. Fiona Doloughan. 30 Sep 2021, Literary Translingualism and Fiction from // The Routledge Handbook of Literary Translingualism. Routledge, 2021. P. 31–42. URL: <https://www.routledgehandbooks.com>; doi: 10.4324/9780429298745-4
24. Kellman S.G. Literary Translingualism: What and Why // Polylinguality and Transcultural Practices. 2019. № 16 (3). P. 337–346. doi: 10.22363/2618-897X-2019-16-3-337-346
25. Каур Р. *The Sun and Her Flowers*. Белые стихи, от которых распускаются цветы. М. : Эксмо, 2017. 256 с.
26. Чернявская В.Е. Текст в медиальном пространстве : учеб. пособие для вузов. М. : URSS, 2014. 232 с.
27. Chemodurova Z.M. Visual foregrounding in contemporary fiction // Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki. 2021. № 2. P. 5–15. doi: 10.20916/1812-3228-2021-2-5-15
28. Chemodurova Z.M. The Art of Storytelling in the Digital Age: A Multimodal Perspective // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics]. 2022. Vol. 21, № 6. P. 110–120. doi: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.6.9>
29. Anya Ulinich. *Petropolis*. Penguin Books, 2008. 338 p.
30. Gary Shteyngart. *Little Failure: a memoir*. New York : Random House, 2014. 349 p.
31. Эко У. Откровения молодого романиста. М. : АСТ:CORPUS, 2013. 320 с.
32. Чемодурова З.М. Игровая модальность художественного текста: к постановке проблемы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 9 (39), ч. 2. С. 192–195.
33. Пушкин А.С. Евгений Онегин. URL: [https://А.С.Пушкин-ЕвгенийОнегин-ГлаваVI-СтрофаXXI\(poetry-classic.ru\)](https://А.С.Пушкин-ЕвгенийОнегин-ГлаваVI-СтрофаXXI(poetry-classic.ru)) (дата обращения: 22.03.2024).

34. Irina Reyn. What Happened to Anna K. New York ; London : Simon and Schuster, 2008. 266 p.
35. Воркачев С.Г. Семиотика символа по данным российского научного дискурса // Научный результат: Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2021. Т. 7, № 3. С. 3–14. doi: 10.18413/2313-8912-2021-7-3-0-1
36. Yasemin Yildiz. Beyond The Mother Tongue. The Postmonolingual Condition. New York : Fordham Un. Press, 2012. 292 p.
37. Вишневская Г.М. Иноязычный акцент как феномен устной речи коммуникантов-билингвов // Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2018. № 3 (34). С. 185–200.

References

1. Kellman, S.G. & Lvovich, N. (2015) Introduction. Literary translingualism: multilingual identity and creativity. *L2 Journal*. 7. pp. 3–5. [Online] Available from: [\(http://LiteraryTranslingualism:MultilingualIdentityandCreativitybyStevenG.KellmanandNatashaLvovich\(cuny.edu\)\)](http://LiteraryTranslingualism:MultilingualIdentityandCreativitybyStevenG.KellmanandNatashaLvovich(cuny.edu)) (Accessed: 22.03.2024).
2. Canagarajah, S. (2011) Translanguaging in the Classroom: Emerging Issues for Research and Pedagogy. *Applied Linguistics Review*. 2. pp. 1–28. doi: 10.1515/9783110239331.1
3. Canagarajah, S. (2011) Codemeshing in academic writing: Identifying teachable strategies of translanguaging. *Modern Language Journal*. 95 (3). pp. 401–417. doi: 10.1111/j.1540-2564.2011.01207
4. Skalle, C.E. & Gjesdal, A.M. (eds.) (2021) *Transnational Narratives of Migration and Exile. Perspectives from the Humanities*. Oslo: Scandinavian University Press: Subjectivity through translingual practice in *Oltre Babilonia* by Igiaba Scego. pp. 45–63. doi: 10.18261/9788215042428-2021-02
5. Hansen, J. (2018) Introduction: Translingualism and transculturality in Russian contexts of translation. *Translation Studies*. 2 (11). pp. 113–121. doi: 10.1080/14781700.2018.1434087
6. Lebedeva, E.S. & Proshina, Z.G. (2020) Translingvizm i transkul'tural'nost' za predelami khudozhestvennoy literatury (na materiale nauchno-populyarnykh statey i knizhnykh obzorenii Ol'gi Grushinoy) [Translingualism and transculturality beyond fiction (based on popular science articles and book reviews by Olga Grushina)]. *Filologicheskie nauki*. 6 (2). pp. 273–280.
7. Proshina, Z.G. (2017) Translingvizm i ego prikladnoe znachenie [Translinguism and its applied significance]. *Vestnik RUDN. Seriya: Voprosy obrazovaniya: yazyki i spetsial'nost'*. 2 (14). pp. 155–170.
8. Bakhtikireeva, U.M. & Valikova, O.A. (2022) "Yazykovye klyuchi": inoyazychnaya leksika v translingval'nom (rusofonnom) khudozhestvennom tekste ["Language keys": foreign language vocabulary in translingual (Russophone) fiction]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika*. 1 (13). pp. 184–200. doi: 10.22363/2313-2299-2022-13-1-184-200
9. Chemodurova, Z.M. (2023) Simvolizm transkul'tural'nogo khudozhestvennogo teksta kak mekhanizm usileniya kognitivnoy aktivnosti chitateley [Symbolism of transcultural fiction text as a mechanism for enhancing the cognitive activity of readers]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*. 2. pp. 24–37. doi: 10.20916/1812-3228-2023-2-24-37
10. Gal'perin, I.R. (2007) *Tekst kak ob"ekt lingvisticheskogo opisaniya* [Text as an Object of Linguistic Description]. 5th ed. Moscow: KomKniga.
11. Verbitskaya, M.V. (2000) *Teoriya vtorichnykh tekstov* [Theory of secondary texts]. Abstract of Dr. Philol. Diss. Moscow.
12. Vaulina, C.C. & Devina, O.V. (2010) Avtorskaya modal'nost' kak tekstoobrazuyushchaya kategoriya (K postanovke problemy) [Author's modality as a text-

forming category (Towards the formulation of the problem)]. *Vestnik Rossiyskogo gosudarstvennogo universiteta im. I. Kanta*. 8. pp. 13–21.

13. Turaeva, Z.Ya. (1990) Modal'nost' teksta i modal'nost' vyskazyvaniya [Modality of text and modality of utterance]. In: *Leksicheskaya, kategorial'naya i funktsional'naya semantika* [Lexical, Categorical and Functional Semantics]. Leningrad: Leningrad State Pedagogical Institute. pp. 92–102.

14. Epshteyn, M. (n.d.) *Transkul'tura: kul'turologiya v prakticheskom izmerenii* [Transculture: Cultural Studies in Practical Dimension]. [Online] Available from: https://www.emory.edu/INTELNET/mt_transculture (Accessed: 22.03.2024).

15. Valgina, N.S. (2003) *Teoriya teksta* [Theory of Text]. Moscow: Logos.

16. Nabokov, V. (2000) *Ada or Ardor: A Family Chronicle*. Penguin Modern Classics.

17. *Kembridzhskiy slovar' angliyskogo: znacheniya i opredeleniya* [Cambridge Dictionary] (n.d.) [Online] Available from: <https://dictionary.cambridge.org/ru/%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%80%D1%8C/%D0%B0%D0%BD%D0%B3%D0%BB%D0%B8%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9/> (Accessed: 22.03.2024).

18. Karasik, V.I. (2019) [Modes of interpretation: emblems, allegories, symbols]. *Semantika i pragmatika yazykovykh edinits* [Semantics and Pragmatics of Language Units]. Proceedings of the International Conference. Kaluga. 20–22 September 2019. Kaluga: Tsiolkovskiy Kaluga State University. pp. 109–119 (In Russian).

19. Okunev, I.Yu. (2018) Territorial'naya i prostranstvennaya identichnost': kontseptualizatsiya bazovykh ponyatiy [Territorial and spatial identity: conceptualization of basic concepts]. *Sravnitel'naya politika*. 1. pp. 18–25. doi: 10.18611/2221-3279-2018-9-1-18-25

20. Lotman, Yu.M. (1988) *V shkole poeticheskogo slova: Pushkin, Lermontov, Gogol'* [In the School of Poetic Word: Pushkin, Lermontov, Gogol']. Moscow: Prosveshchenie. pp. 251–293.

21. Cao, L. (1997) *Monkey Bridge*. Penguin Books.

22. Philip, G.S. (2003) *Collocation and Connotation: A Corpus-Based Investigation of Colour Words in English and Italian*. Birmingham: The University of Birmingham. [Online] Available from: http://www.academia.edu/1092870/COLLOCATION_AND_CONNOTATION_A_CorpusBased_Investigation_Of_Colour_Words_In_English_And_Italian (Accessed: 22.03.2024).

23. Doloughan, F. (2021) Literary Translingualism and Fiction. In: *The Routledge Handbook of Literary Translingualism*. Routledge. pp. 31–42. [Online] Available from: <https://www.routledgehandbooks.com>. doi: 10.4324/9780429298745-4

24. Kellman, S.G. (2019) Literary Translingualism: What and Why. *Polylinguality and Transcultural Practices*. 16 (3). pp. 337–346. doi: 10.22363/2618-897X-2019-16-3-337-346

25. Kaur, R. (2017) *The Sun and Her Flowers*. *Belye stikhi, ot kotorykh raspuskayutsya tsvety* [The Sun and Her Flowers]. Translated from English. Moscow: Eksmo.

26. Chernyavskaya, V.E. (2014) *Tekst v medial'nom prostranstve* [Text in the Medial Space]. Moscow: URSS.

27. Chemodurova, Z.M. (2021) Visual foregrounding in contemporary fiction. *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki*. 2. pp. 5–15. doi: 10.20916/1812-3228-2021-2-5-15

28. Chemodurova, Z.M. (2022) The Art of Storytelling in the Digital Age: A Multimodal Perspective. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie – Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*. 6 (21). pp. 110–120. doi: 10.15688/jvolsu2.2022.6.9

29. Ulinich, A. (2008) *Petropolis*. Penguin Books.

30. Shteyngart, G. (2014) *Little Failure: a memoir*. New York: Random House.

31. Eco, U. (2013) *Otkroveniye molodogo romanista* [Confessions of a Young Novelist]. Translated from Italian. Moscow: AST:CORPUS.

32. Chemodurova, Z.M. (2014) Igrovaya modal'nost' khudozhestvennogo teksta: k postanovke problemy [Playful modality of fiction text: towards the formulation of the problem]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 9 (39). Part 2. pp. 192–195.

33. Pushkin, A.S. (n.d.) *Evgeniy Onegin* [Eugene Onegin]. [Online] Available from: <https://poetry-classic.ru> (Accessed: 22.03.2024).

34. Reyn, I. (2008) *What Happened to Anna K.* New York; London: Simon and Schuster.

35. Vorkachev, S.G. (2021) Semiotika simvola po dannym rossiyskogo nauchnogo diskursa [Semiotics of the symbol according to the data of Russian scientific discourse]. *Nauchnyy rezul'tat. Voprosy teoreticheskoy i prikladnoy lingvistiki*. 3 (7). pp. 3–14. doi: 10.18413/2313-8912-2021-7-3-0-1

36. Yildiz, Y. (2012) *Beyond The Mother Tongue. The Postmonolingual Condition*. New York: Fordham Un. Press.

37. Vishnevskaya, G.M. (2018) Inoyazychnyy aktsent kak fenomen ustnoy rechi kommunikantov-bilingvov [Foreign language accent as a phenomenon of oral speech of bilingual communicators]. *Chelovek: obraz i sushchnost'. Gumanitarnye aspekty*. 3 (34). pp. 185–200.

Информация об авторе:

Чемодурова З.М. – д-р филол. наук, зав. кафедрой английского языка и лингвострановедения Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: zchemodurova@herzen.spb.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Z.M. Chemodurova, Dr. Sci. (Philology), head of the Department of English and Cultural Studies, Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: zchemodurova@herzen.spb.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 01.10.2023;
одобрена после рецензирования 04.05.2024; принята к публикации 18.11.2024.*

*The article was submitted 01.10.2023;
approved after reviewing 04.05.2024; accepted for publication 18.11.2024.*

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Научная статья

УДК 82.09

doi: 10.17223/19986645/92/8

Итальянский неоавангард в советской филологии: к постановке проблемы

Анастасия Викторовна Голубцова¹

¹ *Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Москва, Россия,
ana1294@yandex.ru*

Аннотация. Анализируется рецепция итальянского неоавангарда («Группы 63») в советской филологии. Рассматриваются научные монографии, затрагивающие тему неоавангарда, а также статьи в журнале «Вопросы литературы». Отдельное внимание уделяется стилистическим и смысловым различиям между книжными и журнальными публикациями, делается попытка объяснить указанные различия. Особенности и динамика развития советского академического дискурса о неоавангарде рассматриваются в сопоставлении с критико-публицистическим дискурсом (статьями в журналах «Новый мир» и «Иностранная литература» на соответствующую тематику).

Ключевые слова: итальянский неоавангард, «Группа 63», рецепция, «Вопросы литературы», «Новый мир», «Иностранная литература», монографии, научный дискурс, публицистический дискурс

Благодарности: исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00764 «Западный неоавангард 1950–1970-х гг. в советской науке и критике», <https://rscf.ru/project/23-28-00764/>

Для цитирования: Голубцова А.В. Итальянский неоавангард в советской филологии: к постановке проблемы // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 92. С. 159–173. doi: 10.17223/19986645/92/8

Original article

doi: 10.17223/19986645/92/8

Italian neo-avant-garde in Soviet philology: An approach to the problem

Anastasia V. Golubtsova¹

¹ *Maxim Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation, ana1294@yandex.ru*

Abstract. The article studies the reception of Italian neo-avant-garde (Group 63) in Soviet philology. Italian neo-avant-garde was an experimental movement born in mid-1950s around Luciano Anceschi's literary magazine *Il Verri* (since 1956). In 1963 neo-avant-garde poets, writers and critics formed a literary group called Group 63.

The group dissolved in 1969 as a result of ideological disputes regarding the political protests of 1968–1969, thus marking the official end of Italian neo-avant-garde. The article analyzes Soviet academic monographs dealing with Italian neo-avant-garde (*Neo-Avant-Garde Currents in Foreign Literature of the 1950s–1960s*, Moscow, Khudozhestvennaya Literatura, 1972; *The Ways of the Novel*, Moscow, Progress, 1975; Z.M. Potapova, *Italian Novel Today*, Moscow, Nauka, 1977) and articles in the *Voprosy Literatury* journal published by the Union of Soviet Writers and the Maxim Gorky Institute of World Literature. The study aims to determine specific features of Soviet academic discourse about neo-avant-garde and to study the evolution of that discourse in time, in relation to the historical and cultural context. In order to achieve the aim, I analyze how the Soviet reception of neo-avant-garde was shaped, study the opinions on Western neo-avant-garde and other experimental movements expressed by the main figures of Soviet politics and culture, describe how experimental arts and literature were fiercely attacked by the official press, and determine the role of those critical and even derogatory commentaries in Soviet culture of the Cold War period, with its political and ideological conflicts. To better understand the features of Soviet academic discourse on Italian neo-avant-garde, I: (1) compare the mentioned monographs and academic articles with pieces of literary criticism published in non-academic literary magazines, such as *Novy Mir* and *Inostrannaya Literatura*; (2) make a comparison between the two genres of Soviet academic discourse on Italian neo-avant-garde (parts of monographs, on one hand, and articles in *Voprosy Literatury*, on the other hand). As a result of this comparative analysis, I: (1) point out such specific features of Soviet academic writings on Italian neo-avant-garde as terminological vagueness (such philological terms as "avant-garde", "modernism", "decadence", etc. are used as ideological clichés, derogatory terms devoid of exact meaning) and stylistic similarity between academic and journalistic discourse (both types of discourse on neo-avant-garde are almost equally ideologically and emotionally charged); (2) find a number of differences in style and content occurring between the articles in monographs and in *Voprosy Literatury*, the latter being written in a considerably more moderate and balanced manner, without ideological excesses and aggressive rhetoric. Trying to explain those discrepancies, I put forward two hypotheses: (1) *Voprosy Literatury*, being an academic journal, unlike *Novy Mir* or *Inostrannaya Literatura*, endorsed a more moderate and unbiased way of treating even ideologically sensitive subjects, such as literary neo-avant-garde; (2) the second, seemingly paradoxical finding (a considerable stylistic difference between the two genres of academic discourse on neo-avant-garde) may actually be of a temporal, not a genre nature: the mentioned monographs were published in the 1970s, several years after the articles in *Voprosy Literatury*, but as the process of writing and publishing a book takes much longer than that of an article, those monographs, in comparison to articles, actually reflect an earlier, less "liberal" and more ideologically charged period of the Soviet reception of Italian neo-avant-garde. Still, I note that my conclusions are preliminary ones, and the subject deserves a further, more profound research.

Keywords: Italian neo-avant-garde, Group 63, reception, *Voprosy Literatury*, *Novy Mir*, *Inostrannaya Literatura*, monographs, academic discourse, journalistic discourse

Acknowledgements: The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 23-28-00764, Western Neo-Avant-Garde of the 1950s–1970s in Soviet Literary Studies and Criticism, and carried out at the Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences.

For citation: Golubtsova, A.V. (2024) Italian neo-avant-garde in Soviet philology: An approach to the problem. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 92. pp. 159–173. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/92/8

1 декабря 1962 г. Н.С. Хрущев посетил выставку художников-авангардистов. Его резкие высказывания об авангардном искусстве положили начало кампании против «формализма», начавшейся с критики абстракционизма в живописи, но вскоре распространившейся и на другие виды художественного творчества, в том числе и на литературу. На протяжении 1962–1963 гг. прозвучал целый ряд официальных антиформалистских выступлений: речь секретаря ЦК КПСС Л.Ф. Ильичёва на встрече руководителей партии и правительства с деятелями литературы и искусства 17 декабря 1962 г., речь Н.С. Хрущёва на аналогичной встрече 7–8 марта 1963 г., речи первого секретаря правления Союза писателей К.А. Федина на IV пленуме правления Союза писателей СССР 26–30 марта 1963 г. и на пленуме ЦК КПСС 18–23 июня 1963 г. Каждое подобное высказывание со стороны представителей власти порождало ряд откликов в писательской среде, причем едва ли не единственным авторитетным литератором начала 1960-х гг., высказывавшимся (впрочем, крайне осторожно) в защиту экспериментального искусства, оказался Илья Эренбург¹, чей примирительный пафос не встретил понимания среди коллег по перу².

В ситуации «холодной войны» любые художественные явления, не укладывавшиеся в узкие рамки соцреализма, воспринимались в первую очередь как факты международной политики и значимый элемент идеологической борьбы. Авангардистские тенденции в советской культуре по большей части игнорировались официальной прессой или характеризовались как маргинальные явления, случайные отклонения от магистрального соцреалистического метода. Западное же экспериментальное искусство постепенно прокладывало себе путь за «железный занавес» – но долгое время лишь в качестве доказательства кризисного состояния капиталистического общества. Эти тенденции наиболее ярко отразились в литературной критике (прежде всего в журналах «Новый мир» и «Иностранная литература», в меньшей степени – в «Литературной газете»). Однако филология – академические монографии и научные статьи – также испытывала на себе мощное влияние идеологии и в значительной степени разделяла характерные особенности советской публицистики: предвзятое отношение к предмету исследования и (что особенно интересно применительно к научному дискурсу) терминологическую неопределенность, позволявшую произвольно смешивать и помещать в одну категорию разнородные явления или же, напротив, выделять в составе целостного литературного феномена (например, группы, течения или школы) отдельные явления или фигуры, по тем или иным причинам требующие особого подхода и оценки.

Уже в первых советских политических выступлениях, затрагивавших тему авангарда и художественного эксперимента, в частности в речах Л.Ф. Ильичёва, для обозначения любых экспериментальных тенденций в

¹ См., например, его речь на ленинградской сессии Европейского сообщества писателей в августе 1963 г. [1].

² См., например, [2].

искусстве применялся термин «формализм», а в качестве синонимичных ему использовались обобщающие термины «абстракционизм», «модернизм» и «декаданс». В дальнейшем слово «формализм» практически вышло из обихода, зато такие понятия, как декаданс, модернизм и авангард/авангардизм, стали широко употребляться как взаимозаменяемые ярлыки для любых художественных феноменов, выходящих за рамки «реализма» (в догматическом понимании, свойственном советской критике), в одном ряду нередко оказывались и футуризм, и экспрессионизм, и сюрреализм, и опыты Джойса, Кафки, Элиота и Паунда, и авангард 1950–1970-х гг., сегодня обычно именуемый неоавангардом. Подобная терминологическая путаница, объяснимая в критике и публицистике, была характерна и для научных работ, например статей в академическом журнале «Вопросы литературы»¹. Так, Ю. Боров объединял термином «модернизм» таких различных авторов, как Кафка, Ионеско и Камю [4], а С. Великовский включал в понятие «модернизм» столь разнородные понятия, как сюрреализм, экзистенциалистская проза и школа «нового романа» [5]. Таким образом, советское литературоведение с самого начала отказывалось признавать специфичность такого актуального художественного явления, как неоавангард, который в современной науке четко отделяется от исторического авангарда и модернизма. Этому в значительной степени способствовали особенности самого феномена – хронологическая неопределенность (периодом расцвета неоавангарда считаются 1950–1970-е гг., однако неоавангардные направления в литературе развиваются и после этого периода, вплоть до настоящего времени²), и разнородность явлений, традиционно включаемых в поле неоавангардной литературы.

Указанные особенности советской филологической школы отразились на рецепции всех зарубежных неоавангардных течений («нового романа», конкретной поэзии и др.), не стал исключением и итальянский неоавангард, зародившийся в середине 1950-х гг. в кругах литературного журнала «Верри» (Il Verri, с 1956 г.) и институционально оформившийся в виде так называемой «Группы 63» (Gruppo 63, 1963–1969 гг.). Сегодня он не пользуется широкой известностью в русскоязычной культурной среде, однако в 1960-е гг., в период своего расцвета, вызывал живой интерес у советских итальянистов – как критиков, так и филологов. С момента образования «Группы 63» в советской прессе (главным образом, в журналах «Иностранная литература» и «Новый мир») стали появляться материалы об итальянском неоавангарде – в том числе и весьма объемные и информативные, хотя

¹ О том, что подход к терминологии в целом не изменился и к концу 1980-х гг., свидетельствует, например, выступление искусствоведа и философа Е.В. Барабанова на семинаре «Новые языки в искусстве» (1–5 февраля 1988 г., МГУ) [3].

² Достаточно вспомнить англоязычный поэтический неоавангард (конкретная поэзия, «языковое письмо») или опыты советских и постсоветских неоавангардных поэтов. Подробнее об этом, в том числе и о контактах англо-американских и советских неоавангардистов, см. [6].

и неизбежно тенденциозные¹. Авторы статей и рецензий традиционно обвиняли итальянских неоавангардистов (равно как и всех прочих – французских, немецких и т.п.) в безыдейности, пессимизме, антигуманизме, пустом экспериментаторстве, художественной слабости и оторванности от реальной жизни с ее социальными конфликтами и борьбой. Тот же перечень критических тезисов скорее публицистического, чем научного порядка встречается и в материалах, претендующих на статус научных. Более того, всеобъемлющее влияние идеологии приводит к тому, что в советской филологии происходит почти полное слияние публицистического и научного дискурса. Ярким примером этого процесса является статья «Белая полоса в пустыне» [7] авторитетного советского итальяниста Георгия Брейтбурда – консультанта Иностранной комиссии Союза писателей СССР и одной из ключевых фигур в организации советско-итальянских культурных контактов.

Статья Брейтбурда была опубликована в книге «Неоавангардистские течения в современной литературе 1950–60 гг.» (1972) – первой советской монографии, целиком посвященной зарубежному неоавангарду. Работа, изданная в 1972 г. Институтом мировой литературы им. А.М. Горького Академии наук СССР, по всем формальным признакам носит строго научный характер, однако уже в предисловии, написанном А.Л. Дымшицем (в те годы заместитель директора ИМЛИ по науке), специфика советского подхода к неоавангарду не только не затушевывается, но, напротив, описывается как вполне естественное явление. Уже в первых строках предисловия исследователь отмечает и терминологическую неопределенность, и идеологизированность не только критической, но и филологической рецепции неоавангардной литературы, фактически выводя сам этот феномен из академического поля и заявляя о принципиальной неприменимости научного подхода к авангарду и неоавангарду: «Под авангардизмом – а в 50-е и 60-е годы под неоавангардизмом – нередко понимают, как показывает опыт, весьма различные, а порою и противоположные художественные явления и тенденции. Не случайно литературоведы и критики проводят резкую разграничительную черту между подлинным и мнимым авангардом в искусстве, справедливо считая, что авангардные позиции в социальных боях нашего времени занимает передовая, прежде всего социалистическая литература, тогда как представители многих декадентских (*sic!* – А.Г.) течений, в сущности, совершенно безосновательно претендуют на авангардную роль в современном искусстве. Таким образом, важно сразу же констатировать, что в художественном творчестве, в литературе не существует единого авангардистского

¹ Рецепция итальянского неоавангарда в советской критике и публицистике подробно рассмотрена в моих статьях: Голубцова А.В. Георгий Брейтбурд и советская рецепция итальянского неоавангарда // *Studia Litterarum*. 2024. Т. 9, № 1. С. 96–119. Голубцова А.В. Советская рецепция западного неоавангарда: «новый роман» и «Группа 63» в советской прессе // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*. 2024. Вып. 2 (883). С. 133–142.

и неоавангардистского течения, что самый термин – авангардизм – не относится к числу научных дефиниций, имеющих дело со строго и точно очерченным предметом, а является условным определением» [8. С. 5].

Парадоксальным образом, выпуская научную монографию о неоавангарде, составители с самого начала отказываются от каких-либо попыток беспристрастного анализа экспериментальной литературы. Принципам, изложенным в предисловии, в полной мере соответствуют и статьи о различных неоавангардных течениях, носящие скорее публицистический, чем академический характер. Не является исключением и «Белая полоса в пустыне» Г. Брейтбурда. Первоначально статья с этим названием, посвященная критике западного искусства 1960-х гг. и лишь вскользь затрагивающая итальянский неоавангард и «Группу 63», была опубликована в «Новом мире» в 1971 г. [9], однако при подготовке монографии она была серьезно переработана – в том числе в нее почти целиком вошел более ранний текст Брейтбурда «Итальянский „новый авангард“», напечатанный в том же «Новом мире» еще в 1967 г. [10]¹. Статья «Итальянский „новый авангард“», ставшая одной из первых масштабных советских публикаций о «Группе 63», содержит немало ценной информации об истории, идеологии и художественной практике группы, однако носит чисто публицистический, даже пропагандистский характер: все излагаемые в ней факты с очевидностью ориентированы на создание негативного образа внутренне пустого, художественно несостоятельного, вторичного и провинциального течения. Статья «Белая полоса в пустыне» 1971 г. также содержит не столько анализ неоавангардных художественных явлений (помимо «Группы 63» упоминаются, среди прочего, группа «Тель кель», в сфере изобразительного искусства – «арте повера»), сколько полемику с ними и выпады в адрес «левацких» идей, проникших в литературу и искусство под влиянием студенческих протестов 1968 г. Статья в монографии «Неоавангардистские течения в зарубежной литературе 1950–60 гг.», скомпилированная из двух этих публикаций Брейтбурда, несмотря на якобы академический характер труда, сохраняет все черты исходных публицистических текстов, включая откровенную тенденциозность и политизированность, а также многочисленные неточности, упрощения и сознательные искажения фактов.

Те же особенности отличают монографию «Судьбы романа» (М. : Прогресс, 1975), посвященную полемике вокруг жанра романа, развернувшейся на Западе и в СССР в 1960–1970-е гг. Основное содержание книги составили переводы теоретических и критических статей зарубежных писателей – главным образом, выступавших в защиту традиционного реалистического романа. Однако среди «прогрессивных» литераторов соцлагеря и западных «друзей» СССР нашлось место и для неоавангардных авторов, неоднократно заявлявших о кризисе жанра и о необходимости поиска новых форм

¹ Позже, в 1978 г., в изданном посмертно сборнике статей Г. Брейтбурда «На стороне разума: о современной итальянской литературе» [11] два текста будут вновь опубликованы по отдельности.

романного повествования. Доля подобных высказываний в книге отнюдь не в полной мере отражает роль неоавангарда в данной полемике, учитывая, что именно авторы и течения, обычно причисляемые к неоавангардным, в 1950–1960-е гг. придали проблеме романа (и связанным с нею более широким проблемам соотношения традиции и новаторства, искусства и реальности) ту актуальность и остроту, которые в конечном счете обусловили и появление советской монографии. И все же можно заключить, что составители сборника стремились (насколько это было возможно в культурной ситуации 1970-х гг.) дать своей аудитории некое представление об «альтернативных» подходах к проблеме романа, существовавших в зарубежном литературоведении тех лет. Среди неоавангардных авторов, чьи взгляды (пусть и в очень ограниченном масштабе) изложены в книге, – представители «нового романа», к тому времени уже известные советскому читателю по публикациям в «Новом мире» и «Иностранной литературе»: Н. Саррот и М. Бютор¹. Позиция не столь «любимого» советской критикой А. Роб-Грийе представлена опосредованно, в виде гневного памфлета, адресованного французскому «неороманисту» критиком П. де Буадеффриом [15]. Более подробно воззрения школы «нового романа» описаны во вступительной статье Е.Ф. Трущенко [16], где, например, приводятся цитаты из книги Роб-Грийе «За новый роман» (*Pour un Nouveau Roman*, 1963)², однако обилие антимодернистской риторики³ не позволяет говорить о какой-либо академической объективности и приближает стиль этой научной работы к публицистическому.

Упоминание в сборнике представителей школы «нового романа», которая из всех неоавангардных течений привлекала наиболее пристальное внимание советской критики, не вызывает удивления. Гораздо более интересно обращение к не столь очевидному итальянскому контексту, а именно изложение дискуссии о судьбах современного романа в редакции газеты «Паэзе сера» (*Paese sera*, 1949–1919), в которой приняли участие наиболее популярные итальянские литераторы тех лет: А. Моравиа, П.П. Пазолини, Ф. Леонетти, А. Арбазино и Э. Сангвинети. Беседа состоялась в марте 1965 г., в

¹ Выбор имен не случаен: если на протяжении 1950-х – первой половины 1960-х гг. «новый роман» в советской прессе подвергался той же огульной критике, что и все прочие «декадентские» течения, то со второй половины 1960-х гг. начинают появляться публикации если не комплиментарные, то по крайней мере усматривающие в некоторых экспериментальных произведениях специфический реализм, далекий от «традиционного» мимесиса, но все же сохраняющий связь с социальной реальностью (в качестве примеров см., в частности: [12–14]).

² Показательно, что ни одна из статей этого программного сборника не вошла в монографию.

³ Распространение «губительных идейных и эстетических концепций», «модернистское разрушение реалистических художественных основ» [16. С. 4], трактовка экспериментальных художественных поисков как симптома «духовного кризиса в буржуазном мире и его литературе» [16. С. 11] – те же аргументы против «модернизма» и «авангарда» звучали в советской критике на протяжении 1950-х и 1960-х гг., задолго до первых попыток научного осмысления этих феноменов.

самый разгар бурной полемики вокруг романного жанра, развернувшейся в Италии в кругах «Группы 63» (в сентябре того же года в Палермо состоялся очередной съезд группы, специально посвященный проблемам экспериментального романа; в 1966 г. по итогам съезда был издан сборник, включавший записи выступлений участников и теоретические работы [17]). Перечень участников отражал весь спектр взглядов на проблему романа и литературных экспериментов: Моравиа выступал как «лицо» реалистической прозы и литературного мейнстрима, Пазолини и Леонетти представляли направление «неоэкспериментализма» (*neosperimentalismo*), ориентированное на обновление художественных форм в лоне литературной традиции, Арбазино и Сангвинети, активные участники «Группы 63», придерживались наиболее радикальной позиции, выступая против «традиционной» реалистической литературы¹.

Эта публикация встраивается в общий контекст советской рецепции итальянского неоавангарда: хотя все участники дискуссии так или иначе признают кризис традиционного романа, во вступительной статье, по укоренившейся традиции, наиболее суровой оценке подвергается представитель неоавангардной «Группы 63» Э. Сангвинети, в чьих словах автор статьи видит «вульгаризацию», «вторжение» в споры о романе «"гошистских", левоанархистских взглядов маоистского толка» [16. С. 18] – эхо протестов 1968–1969 гг., негативно оценивавшихся советской прессой. Возможно, такое внимание к идеологической стороне высказываний Сангвинети вызвано именно тем, что писатель, как и многие участники «Группы 63», был марксистом и членом Итальянской компартии, потому его политические «заблуждения» воспринимались советской стороной особенно болезненно. «Гошистской» вульгаризации Сангвинети противопоставляется позиция А. Моравиа – в тот период, пожалуй, наиболее авторитетного и «прогрессивного», по мнению советской критики, итальянского автора, ключевого представителя итальянской реалистической литературы и «друга» СССР. Моравиа в своих репликах связывает кризис романа с кризисом капиталистического общества и сознания «буржуазного» писателя, что встречает одобрение у автора вступительной статьи. При этом составители сборника обходят вниманием замечание итальянского писателя о том, что современные экспериментальные романы – это недостаточные, но необходимые «опыты, имеющие целью изменить выразительные средства, а значит, и действительность», плоды естественного стремления писателя «испытать собственные средства, чтобы убедиться в их эффективности» [19. С. 53]. Особого внимания заслуживает комментарий к термину «авангард», который, по мнению составителей, используется участниками дискуссии неверно – в значении, «внедряемом буржуазными идеологами» «в противоположность подлинному историко-революционному и художественному авангарду» [20. С. 352]: данный комментарий являет собой яркий пример сознательного

¹ Здесь мы не будем останавливаться подробно на содержании беседы и позициях сторон. Анализ дискуссии и итальянский оригинал текста см. в публикации [18].

отказа от строго научного использования литературоведческой терминологии в пользу размытых, идеологически окрашенных понятий, открывающих широкий простор для политических манипуляций.

Спустя два года после сборника «Судьбы романа» в издательстве «Наука» под грифом ИМЛИ им. А.М. Горького выходит монография филолога-итальяниста З.М. Потаповой «Итальянский роман сегодня». Книга посвящена прозе 1970-х гг., однако довольно подробно очерчивает и контекст 1960-х гг. Говоря о преобладании в итальянской литературе тех лет «реалистического» метода (что является по меньшей мере сильным упрощением действительной ситуации), автор все же не может обойти вниманием эксперименты «Группы 63», однако, в традиционной парадигме советского литературоведения, утверждает, что неоавангардисты «так и не сумели создать сколь-нибудь интересных новаторских произведений» [21. С. 24], и полемизирует с авторитетным в те годы критиком и теоретиком В. Педулла, который в своей работе «Литература благосостояния» (*Letteratura del benessere*, 1968), выступая против западного капитализма, положительно высказывался об «антикапиталистическом» пафосе итальянского неоавангарда¹.

Если в 1960-х гг. советские итальянисты, писавшие о неоавангарде, работали главным образом с поэтическим материалом², то в 1970-х гг. бурную реакцию вызвало появление романа «Мы хотим всё» (*Vogliamo tutto*, 1971), написанного «по следам» протестов 1968–1969 гг. бывшим участником «Группы 63» (распавшейся в 1969 г.), политическим активистом и одним из «отцов» итальянской визуальной и электронной поэзии Н. Балестрини. С самого начала выпады в адрес книги и ее автора были связаны не столько с экспериментальной формой романа, сколько с его идейным наполнением: советские критики упрекали Балестрини в сочувствии к рабочим и студенческим выступлениям конца 1960-х гг., которые, как мы уже отмечали, осуждались советской стороной за их «левацкий» и «маоистский» характер. В подходах к анализу текста научный труд Потаповой мало чем отличается от откликов, появлявшихся в советской критике³. Не позволяя себе откровенно уничижительных оборотов, исследовательница все же критикует роман не столько с художественной, сколько с политической точки зрения. За-

¹ Такой подход прямо противоречил общепринятой точке зрения советской критики, считавшей «Группу 63» порождением и инструментом капиталистической системы.

² Этот факт, вероятно, объясняется прежде всего тем, что итальянский неоавангард зародился в середине 1950-х гг. именно как поэтическое течение, а первые опыты в жанре экспериментального романа появились лишь в 1963–1964 гг. и не успели стать предметом серьезного теоретического осмысления в советском культурном поле.

³ См., например, соответствующие публикации в «Иностранной литературе» – новостную заметку о выходе романа [22] или рецензию Г. Брейтбурда [23], которая отличается особенно пренебрежительной интонацией («...мода сменилась <...> и вот с самим Балестрини произошло удивительное перевоплощение. Он стал “революционером”, и не просто революционером, а сторонником крайней левацко-экстремистской группы» [23. С. 268] – вот лишь один из его многочисленных саркастических пассажей).

мечания, касающиеся языка и повествовательных техник («почти натуралистическая документальность»), которая «подкрепляется стилевым приемом – рассказом от лица героя, который пересыпает свои яростные филиппики против хозяев и коммунистов грубыми ругательствами и лозунгами» [21. С. 26]), немногочисленны и столь же идеологически окрашены, как и критика «примитивных анархистских взглядов» [21. С. 24] и личностных качеств героя и самого автора романа, который, изображая типичного рабочего-революционера 1968–1969 гг., по мнению Потаповой, занимается «моральной дискредитацией революционного процесса в Италии» [21. С. 26]. Впрочем, исследователь использует тот же подход и к «реалистическим» романам, меняется лишь полярность идеологических оценок: филологический анализ произведений подменяется описанием политического контекста, а содержание литературного процесса сводится к противостоянию «прогрессивного» реализма и отдельных «реакционных» (экспериментальных) тенденций. 1960-е гг. с их бурной и плодотворной полемикой вокруг взаимоотношений авангарда и традиции характеризуются как эпоха «литературного безвременья», когда реалистическая проза подвергалась «непрерывным наскокам со стороны экзистенциалистов и неоавангардистов» [21. С. 179], а последующее десятилетие – как период выхода из кризиса, когда «все сколько-нибудь значительные современные итальянские писатели¹ отвергли авангардистские принципы видения мира и лингвистического экспериментаторства как способ обновления литературы»² [21. С. 179].

Интересно, что совершенно иной характер носит большая часть материалов об итальянском неоавангарде в научной периодике, а именно в журнале «Вопросы литературы», тогда издававшемся под эгидой Союза писателей СССР и ИМЛИ им. А.М. Горького. Несмотря на то, что журнал с самого начала задумывался как издание, соединяющее в себе литературоведение и литературную критику [24] и четко отделить научные тексты от критических в нем зачастую не представляется возможным, статьи в «Вопросах литературы», касающиеся «Группы 63», по большей части написаны в неожиданном спокойном и объективном тоне. Этим они отличаются не только от

¹ В данном случае оценка значимости тех или иных авторов далека от научной объективности, поскольку вывод о роли и месте писателя в итальянской литературе делается на основании его принадлежности к числу реалистов (или хотя бы принципиальной возможности причислить его к таковым). Терминологическая неопределенность советской филологической науки, о которой говорилось выше, позволяет, например, не проблематизировать саму категорию реализма, безусловно отнести к реалистическим авторам И. Кальвино с его аллегорическими и фантастическими произведениями, и вычеркнуть из этого ряда упомянутого Н. Балестрини с его документальным романом.

² Такой вывод чрезмерно упрощает реальную ситуацию, поскольку и после распада «Группы 63» ее бывшие участники продолжали создавать экспериментальные тексты в русле неоавангардной поэтики. Более того, многие повествовательные техники и мотивы, разработанные или заново актуализированные неоавангардом, были усвоены итальянской культурой и в 1970–1980-е гг. прочно вошли в арсенал литературы постмодернизма.

критических статей в «Иностранной литературе» и «Новом мире», но и от упоминавшихся выше монографий, которые, несмотря на свою академическую направленность, по степени идеологизированности и эмоциональной оценочности сближаются с публицистикой.

Упомянутая выше статья Брейтбурда «Итальянский “новый авангард”» («Новый мир», 1967), вызвавшая широкую международную дискуссию, как ни одна из предыдущих публикаций послужила актуализации темы итальянского неоавангарда в советской культуре: на протяжении следующего, 1968 г. в «Вопросах литературы» появляется целый ряд научных публикаций и рецензий, пусть и не посвященных целиком «Группе 63», но уделяющих ей значительное внимание. В № 6 выходит обзорная статья И.Н. Голенищева-Кутузова об итальянской поэзии XX в., часть которой посвящена неоавангарду. Некоторая ироничность тона компенсируется вдумчивостью и вниманием к теоретическим дискуссиям «Группы 63»: обширные цитаты из статей и эссе участников группы используются не как повод для нападок, а как способ лучше разобраться в неоавангардистском восприятии традиции, современной реальности, места интеллектуала в капиталистическом обществе. Бросается в глаза и переоценка ряда «обвинений», которые бросали в адрес «Группы 63» авторы более ранних публицистических статей: так, декларативный разрыв с традицией и связь с культурной индустрией из темы для ядовитых выпадов превращаются в доказательство «трагического положения думающего прогрессивного писателя на Западе, так или иначе зависимого от крупного капитала» [25]. Статья Брейтбурда «Для кого мы пишем?» в следующем номере «Вопросов литературы» – обзор дискуссии о литературе и массовом обществе, развернувшейся в коммунистическом журнале «Ринашита» (Rinascita, 1944–1991) с участием в том числе и представителей «Группы 63», – также заметно отличается от его собственных критических публикаций в «Новом мире» и «Иностранной литературе», как предыдущих, так и последующих. Несмотря на откровенную неприязнь к авангардному искусству (по всей видимости, связанную не только с идеологическими соображениями, но и с личными эстетическими пристрастиями), в «Вопросах литературы» Брейтбурд внимательно и доброжелательно излагает позиции неоавангардистов Э. Пальярани и Э. Сангвинети, а едкая антиавангардная ирония его публицистики сменяется осторожными, почти деликатными риторическими вопросами: «Но нет ли у некоторых из участников дискуссии несколько преувеличенного представления о всевластии буржуазной “культурной индустрии”, не преуменьшают ли они порой возможности активного воздействия со стороны борющихся художников, не преуменьшают ли они собственных возможностей общения с читателем не только буржуазным?» [26]. В конце 1968 г. Е. Амбарцумов в рецензии на сборник статей итальянистки Ц. Кин «Миф, реальность, литература» [27], содержащий, среди прочего, традиционную для советской публицистики критику неоавангарда, справедливо отмечает однобокость ее взгляда: «...при чтении книги возникает впечатление, что этой школе начисто чуждо ощущение *impregno*. Однако это упрощение <...> ”неоавангард” не столько

отбрасывает *imprezzo*, сколько переосмысливает его, благодаря чему это понятие может наполниться (или дополниться) новым содержанием» [28].

Спокойная и почти доброжелательная интонация этих статей в «Вопросах литературы» – особенно по сравнению с материалами, публиковавшимися в тот же период в других изданиях, – может объясняться преимущественно научным характером журнала: в пользу этого свидетельствует, в частности, неожиданно сдержанный тон публикации Брейтбурда, который в других журналах, как до, так и после, позволял себе значительно более резкие высказывания в адрес итальянских неоавангардистов (достаточно вспомнить уже упоминавшиеся статьи в «Новом мире» 1967 и 1971 гг.). Однако свою роль, вероятно, сыграл и другой фактор: статьи о «Группе 63» в «Иностранной литературе» и, особенно, в «Новом мире», выходившие с 1964 г., самим фактом своего появления служили постепенной легитимации итальянского неоавангарда, что в итоге сделало возможным его взвешенное обсуждение. Несколькими годами ранее тот же путь в советской рецепции прошла другая неоавангардная школа – французский «новый роман»: после серии резко критических публикаций начала 1960-х гг., со второй половины десятилетия тексты «неороманистов» начинают активно переводиться, сначала в качестве «иллюстраций» к кризисному состоянию западной культуры, затем – с вполне доброжелательными рецензиями, авторы которых начинают усматривать в текстах «нового романа» элементы специфического реализма и социальной ангажированности¹.

Та же динамика обнаруживается и в советской рецепции «Группы 63», с той лишь разницей, что итальянская неоавангардная группировка, в отличие от французской, распалась в конце 1960-х гг., не успев до конца пройти путь «легитимации» в советской прессе. Череду доброжелательных публикаций в «Вопросах литературы», вероятно, свидетельствует именно о подобном рецептивном сдвиге: не случайно с 1968 г. итальянские неоавангардисты начинают упоминаться и в советской критике значительно чаще, чем прежде, – и не всегда в негативном ключе². Однако этот переворот в восприятии «Группы 63», хорошо заметный в научной периодике, практически не ощущался в книжных изданиях академической направленности, несмотря на то, что упоминавшиеся нами монографии были изданы относительно поздно, в 1970-х гг., через несколько лет после распада «Группы 63» (что,

¹ Подробнее об этом см. мою статью: Голубцова А.В. Советская рецепция западного неоавангарда: «новый роман» и «Группа 63» в советской прессе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 2 (883). С. 133–142.

² Так, в новостной заметке 1968 г. члены «Группы 63» Э. Сангвинети и У. Эко оказываются в числе «виднейших» деятелей культуры, подписавших призыв к итальянской интеллигенции голосовать за коммунистов на выборах в парламент [29], а в 1970 г. в «Иностранной литературе» публикуется доброжелательная рецензия на антологию итальянской лирики XX в. (М.: Прогресс, 1968), где наряду со стандартной критикой «Группы 63» звучит похвала в адрес отдельных ее участников, не желающих более «замыкаться в экспериментах чистой формы» [30. С. 264].

казалось бы, должно было снизить остроту полемики и создать благоприятные условия для взвешенной научной дискуссии). Причины такого расхождения между научной периодикой и академическими монографиями заслуживают отдельного исследования. На данном этапе можно предположить, что главной причиной стала большая «инерционность» книгоиздания по сравнению с периодической печатью: если научная пресса могла достаточно гибко реагировать на идеологические сдвиги в отношении неомодернистских течений, то монографии, требующие продолжительной подготовки, отражали состояние более ранних этапов рецепции, предполагавших высокую степень идеологизированности и использование жесткой риторики, приближающей дискурс советской гуманитарной науки к критике и публицистике.

Список источников

1. Эренбург И. Отстаивать человеческие ценности // Литературная газета. 1963. № 97. 13 августа.
2. Сучков Б. Реальность и роман // Литературная газета. 1963. № 105. 31 августа.
3. Барабанов Е.В. Модернизм, авангардизм и постмодернизм // Митин журнал. 1988. № 20. URL: <http://kolonna.mitin.com/archive/mj20/barabanov.shtml>
4. Борев Ю. Модернизм, человек, разум // Вопросы литературы. 1963. № 3. С. 64–77.
5. Великовский С. Приглашение поразмыслить: (К проблеме «отчуждения») // Вопросы литературы. 1965. № 9. С. 166–189.
6. Кулагин А.С. Англоязычный и советский неомодернизм: литературные контакты и взаимная рецепция // Литература двух Америк. 2024. № 17. С. 292–317. doi: 10.22455/2541-7894-2024-17-292-317
7. Брейтбурд Г.С. Белая полоса в пустыне // Неомодернистские течения в зарубежной литературе 1950–60 гг. М., 1972. С. 239–291.
8. Дымищ А. К изучению неомодернистских течений в зарубежной литературе 50–60-х гг. // Неомодернистские течения в зарубежной литературе 1950–60 гг. М.: Художественная литература, 1972. С. 5–32.
9. Брейтбурд Г.С. Белая полоса в пустыне // Новый мир. 1971. № 2. С. 159–177.
10. Брейтбурд Г.С. Итальянский «новый авангард» // Новый мир. 1967. № 3. С. 220–236.
11. Брейтбурд Г.С. На стороне разума: о современной итальянской литературе. М.: Сов. писатель, 1978.
12. Сторонники и противники // Иностранная литература. 1967. № 4. С. 254–257.
13. Лакиин В. Физиология успеха // Новый мир. 1968. № 4. С. 169–173.
14. Мотылева Т. Что же изменилось? // Иностранная литература. 1970. № 9. С. 100–102.
15. Плесень в литературе: Из открытого письма Пьера де Буадеффра Алену Роб-Грийе // Судьбы романа / сост. Е.Ф. Трущенко. М., 1975. С. 106–112.
16. Трущенко Е.Ф. Современность и судьбы романа // Судьбы романа. М., 1975. С. 3–26.
17. Gruppo 63. Il romanzo sperimentale. Milano: Feltrinelli, 1966.
18. Bertoni C. (ed.). «Non è in crisi il romanzo borghese»: una polemica degli anni sessanta // Between. Schermi. Rappresentazioni, immagini, transmedialità. 2018. Vol. VIII, № 18. URL: <https://ojs.unica.it/index.php/between/article/download/3491/3081/>
19. Отходная роману? // Судьбы романа. М., 1975. С. 40–62.
20. Комментариум // Судьбы романа. М., 1975. С. 351–358.
21. Потапова З.М. Итальянский роман сегодня. М.: Наука, 1977. 190 с.
22. «Мы хотим всё» // Иностранная литература. 1972. № 2. С. 281–282.
23. Брейтбурд Г. Провалившееся перевоплощение // Иностранная литература. 1973. № 1. С. 268–270.

24. *От редакции* // Вопросы литературы. 1957. № 1. С. 3–4.
25. *Голенищев-Кутузов И.Н.* От сумеречников к неоавангардистам (Итальянская поэзия XX века) // Вопросы литературы. 1968. № 6. С. 82–109. URL: <https://voplit.ru/article/ot-sumerechnikov-k-neoavangardistam-italyanskaya-poeziya-xx-veka/>
26. *Брейтбурд Г.* «Для кого мы пишем?» // Вопросы литературы. 1968. № 7. С. 153–160. URL: <https://voplit.ru/article/dlya-kogo-my-pishem/>
27. *Кин Ц.* Миф, реальность, литература: Итальянские заметки. М. : Сов. писатель, 1968. 336 с.
28. *Амбарцумов Е.* Италия: политика сквозь призму литературы // Вопросы литературы. 1968. № 12. С. 186–192. URL: <https://voplit.ru/article/italiya-politika-skvoz-prizmu-literatury/>
29. *Призыв деятелей культуры* // Иностранная литература. 1968. № 8. С. 279–280.
30. *Левик В.* Поэты современной Италии // Иностранная литература. 1970. № 2. С. 262–264.

References

1. Erenburg, I. (1963) *Otstaivat' chelovecheskie tsennosti* [To defend human values]. *Literaturnaya gazeta*. 13 August. 97.
2. Suchkov, B. (1963) *Real'nost' i roman* [Reality and the novel]. *Literaturnaya gazeta*. 31 August. 105.
3. Barabanov, E.V. (1988) *Modernizm, avangardizm i postmodernizm* [Modernism, Avant-garde, and Postmodernism]. *Mitin zhurnal*. 20. [Online] Available from: <http://kolonna.mitin.com/archive/mj20/barabanov.shtml>.
4. Borev, Yu (1963) *Modernizm, chelovek, razum* [Modernism, man, reason]. *Voprosy literatury*. 3. pp. 64–77.
5. Velikovskiy, S. (1965) *Priglasenie porazmyslit' (K probleme "otchuzhdeniya")* [Invitation to Reflect (On the Problem of "Alienation")]. *Voprosy literatury*. 9. pp. 166–189.
6. Kulagin, A.S. (2023) *Anglo-American and Soviet Neo-avant-garde: Literary Connections and Mutual Reception. Literatura dvukh Amerik*. 17. pp. 292–317. (In Russian). doi: 10.22455/2541-7894-2024-17-292-317
7. Breytburd, G.S. (1972) *Belaya polosa v pustyne* [White stripe in the desert]. In: Dymshits, A.L., Samarin, R.M. & El'sberg, Ya.Ye (eds) *Neoavangardistskie techeniya v zarubezhnoy literature 1950–60 gg.* [Neo-Avant-Garde Trends in Foreign Literature of the 1950–60s]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 239–291.
8. Dymshits, A. (1972) *K izucheniyu neoavangardistskikh techeniy v zarubezhnoy literature 50-60-kh gg.* [On the study of neo-avant-garde trends in foreign literature of the 1950–60s]. In: Dymshits, A.L., Samarin, R.M. & El'sberg, Ya.Ye (eds) *Neoavangardistskie techeniya v zarubezhnoy literature 1950–60 gg.* [Neo-Avant-Garde Trends in Foreign Literature of the 1950–60s]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 5–32.
9. Breytburd, G.S. (1971) *Belaya polosa v pustyne* [White stripe in the desert]. *Novyy mir*. 2. pp. 159–177.
10. Breytburd, G.S. (1967) *Ital'yanskiy "novyy avangard"* [Italian "new avant-garde"]. *Novyy mir*. 3. pp. 220–236.
11. Breytburd, G.S. (1978) *Na storone razuma: o sovremennoy ital'yanskoy literature* [On the Side of Reason: On contemporary Italian literature]. Moscow: Sovetskiy pisatel'.
12. *Inostrannaya literatura*. (1967) *Storonniki i protivniki* [Supporters and opponents]. *Inostrannaya literatura*. 4. pp. 254–257.
13. Lakshin, V. (1968) *Fiziologiya uspekha* [Physiology of Success]. *Novyy mir*. 4. pp. 169–173.
14. Motyleva, T. (1970) *Chto zhe izmenilos?* [What has changed?]. *Inostrannaya literatura*. 9. pp. 100–102.
15. De Boisdeffre, P. (1975) *Plesen' v literature. Iz otkrytogo pis'ma P'era de Buadeffra Alenu Rob-Griye* [Mold in Literature. From an Open Letter from Pierre de Boisdeffre to Alain

Robbe-Grillet]. Translated from French. In: Trushchenko, E.F. (ed.) *Sud'by romana* [The Fates of the Novel]. Moscow: Progress. pp. 106–112.

16. Trushchenko, E.F. (1975) *Sovremennost' i sud'by romana* [Modernity and the fates of the novel]. In: Trushchenko, E.F. (ed.) *Sud'by romana* [The Fates of the Novel]. Moscow: Progress. pp. 3–26.

17. Gruppo 63 (1966) *Il romanzo sperimentale*. Milano: Feltrinelli.

18. Bertoni, C. (ed.) (2018) "Non è in crisi il romanzo borghese": una polemica degli anni sessanta. *Between. Schermi. Rappresentazioni, immagini, transmedialità*. 18 (8). [Online] Available from: <https://ojs.unica.it/index.php/between/article/download/3491/3081/>.

19. Trushchenko, E.F. (ed.) (1975) *Sud'by romana* [The Fates of the Novel]. Moscow: Progress. pp. 40–62.

20. Trushchenko, E.F. (ed.) (1975) *Sud'by romana* [The Fates of the Novel]. Moscow: Progress. pp. 351–358.

21. Potapova, Z.M. (1977) *Ital'yanskiy roman segodnya* [The Italian Novel Today]. Moscow: Nauka.

22. *Inostrannaya literatura*. (1972) "My khotim vse" ["We want everything"]. *Inostrannaya literatura*. 2. pp. 281–282.

23. Breytburd, G. (1973) *Provalivsheesya perevoploshchenie* [The failed transformation]. *Inostrannaya literatura*. 1. pp. 268–270.

24. *Voprosy literatury* (1957) *Ot redaktsii* [From the editor]. *Voprosy literatury*. 1. pp. 3–4.

25. Golenishchev-Kutuzov, I.N. (1968) *Ot sumerechnikov k neoavangardistam* (Ital'yanskaya poeziya XX veka) [From the twilight scientists to the neo-avant-gardists (Italian poetry of the 20th century)]. *Voprosy literatury*. 6. pp. 82–109. [Online] Available from: <https://voplit.ru/article/ot-sumerechnikov-k-neoavangardistam-italyanskaya-poeziya-xx-veka/>.

26. Breytburd, G. (1968) "Dlya kogo my pishem?" ["For whom are we writing?"]. *Voprosy literatury*. 7. pp. 153–160. [Online] Available from: <https://voplit.ru/article/dlya-kogo-my-pishem/>.

27. Kin, Ts.I. (1968) *Mif, real'nost', literatura: Ital'yanskies zametki* [Myth, Reality, Literature: Italian Notes]. Moscow: Sovetskiy pisatel'.

28. Ambartsumov, E. (1968) *Italiya: politika skvoz' prizmu literatury* [Italy: Politics through the Prism of Literature]. *Voprosy literatury*. 12. pp. 186–192. [Online] Available from: <https://voplit.ru/article/italiya-politika-skvoz-prizmu-literatury/>.

29. *Inostrannaya literatura*. (1968) *Prizyv deyateley kul'tury* [The Call of Cultural Figures]. *Inostrannaya literatura*. 8. pp. 279–280.

30. Levik, V. (1970) *Poety sovremennoy Italii* [Poets of modern Italy]. *Inostrannaya literatura*. 2. pp. 262–264.

Информация об авторе:

Голубцова А.В. — канд. филол. наук, старший научный сотрудник Отдела литератур Европы и Америки Новейшего времени Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН (Москва, Россия). E-mail: ana1294@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.V. Golubtsova, Cand. Sci. (Philology), senior research fellow, Maxim Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: ana1294@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.01.2024;
одобрена после рецензирования 30.01.2024; принята к публикации 18.11.2024.

The article was submitted 20.01.2024;
approved after reviewing 30.01.2024; accepted for publication 18.11.2024.

Научная статья
УДК 82.091
doi: 10.17223/19986645/92/9

Посмертная трансформация личности в интерпретации мастеров фэнтези

Елена Николаевна Ковтун¹

¹ *Институт славяноведения РАН, Москва, Россия, kovelen@mail.ru*

Аннотация. Рассматриваются изображенные российскими и зарубежными писателями-фантастами XX–XXI вв. варианты посмертного существования человеческой личности (души) в потустороннем пространстве, обозначаемом как Мир Посмертия. Исследуются концепции посмертной трансформации личности – как отрицательной (угасание и распад, возвращение к истокам бытия), так и положительной (цепь реинкарнаций с накоплением нравственного опыта, продолжение духовной эволюции с выходом за пределы человеческого сознания).

Ключевые слова: посмертное существование, Мир Посмертия, трансформация личности после смерти, фэнтези XX–XXI вв.

Для цитирования: Ковтун Е.Н. Посмертная трансформация личности в интерпретации мастеров фэнтези // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 92. С. 174–189. doi: 10.17223/19986645/92/9

Original article
doi: 10.17223/19986645/92/9

The person's postmortem transformation through interpretation of masters of fantasy

Elena N. Kovtun¹

¹ *Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation, kovelen@mail.ru*

Abstract. The article highlights the results of the investigation of the Universe of Afterlife as a special locus of the postmortem existence of a human being (soul) from the viewpoint of fantasy worlds' writers. The analysis involves fantasy works by Russian, European and US writers, created in the 20th and 21st centuries, and corresponding to three criteria: the Universe of Afterlife is depicted in them as a locus, marked by geographical, landscape, ethnic, social, moral and other characteristics; the given locus is identified as the postmortem world both by a writer and a reader; the postmortem world description plays the principal (or significant) role in the plotline development and serves as a means of the author's intention and idea interpretation. The given work aims at defining the functions of the artistic image of the Universe of Afterlife, related to the authors' conceptions of the purport of postmortem existence. The article introduces a wide range of such conceptions, structured according to: (1) the postmortem

existence duration ("finite" and "infinite" afterlife; (2) the presence or absence of personages' inner evolution and the mainstream trend of this evolution. "Finiteness" of afterlife implies both the completion of a person's existence in it and the time interval of the Universe of Afterlife existence. The former comprises the cases of getting to the postmortem world of not yet dead personages as a result of some error or mishap, after a suicide attempt, or in the state of sleep, coma, etc.; literary personages' travelling to the Universe of Afterlife of with a view of getting back the souls of dear people; as well as the hypotheses of reincarnation (or multiple reincarnations) of human souls, when the afterlife becomes a short timespan among earthly lives (Jarosław Grzędowicz's *Wilcza zamieć*, 2005; Robert Young's *On the River*, 1965; Anna Starobinets' *Asylum 3/9*, 2006; Stephen King's *Afterlife*, 2013). The personages' postmortem existence in them, as a rule, is predetermined by the need of getting a proper moral lesson, resulting in the personages' partial or full changes in their successive earthly lives. The "finiteness" of the Universe of Afterlife, in its turn, may be caused by its peculiar "intermediate" nature as the Zone of Transition, from which a personage can choose his way out either "back" – to the earthly life, or "forward" – into "the terminal death" (Graham Joyce's *The Silent Land*, 2010); or it may be influenced by the consequences of some mishap, which led to the "optional" afterlife emergence (Ursula Le Guin's *Earthsea*, 1964–2001). In postmortem eternity, the inner evolutionary trend of personages may be characterized as negative – anomie, moral degeneration (Hermann Kasack's *Die Stadt hinter dem Strom*, 1947), or as positive. The latter (Clive Lewis' *The Great Divorce*, 1945; Richard Matheson's *What Dreams May Come*, 1978) presupposes that the afterlife alongside the earthly life becomes an essential stage of the common path of spiritual growth leading to the reunion with God.

Keywords: postmortem existence, Universe of Afterlife, person's postmortem transformation, 20th/21st century fantasy

For citation: Kovtun, E.N. (2024) The person's postmortem transformation through interpretation of masters of fantasy. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 92. pp. 174–189. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/92/9

В XX в. в связи с ускорением темпов научно-технического и социального развития человечества как в области гуманитарного знания, так и в искусстве, в том числе в художественной литературе, усиливается интерес к оценке цивилизационных перспектив, особую актуальность приобретают размышления о будущем. Как правило, раскрытие темы существования в грядущем как социума в целом, так и отдельных составляющих его людей считают прерогативой научной фантастики (НФ) и близких к ней жанров утопии и антиутопии, которые достаточно активно изучаются современным отечественным и зарубежным литературоведением¹.

Между тем родственная данной проблематика не чужда и другой разновидности фантастического повествования – фантастике сверхъестественного, сегодня чаще именуемой фэнтези. У этой «соседки» и ныне успешной «конкурентки» НФ, однако, акценты традиционно смещены в сторону лич-

¹ Обзор научной литературы об утопии и антиутопии см., например, здесь: [1–4]. Об обществе и человеке будущего в НФ см. наши работы: [5–7].

ности, индивидуальной человеческой судьбы. Ее бытие в грядущем традиционно видится как продолжение существования за пределами материальной вселенной, как «жизнь после жизни», пребывание в «ином» мире. Рожденные творческим воображением мастеров фэнтези, эти миры причудливы и разнообразны. Но, несмотря на различия отдельных версий, все они содержат смысловые параллели, в совокупности образуя единое художественное полотно и формируя общее проблемное поле, связанное с раскрытием сущностных вопросов человеческой природы. К сожалению, данная проблематика оказывается в сфере внимания литературоведов существенно реже, нежели утопическая и научно-фантастическая, становясь объектом анализа лишь в некоторых специальных работах¹.

Настоящая публикация призвана отчасти восполнить этот пробел. Она основана на результатах проведенного нами в 2019–2024 гг. исследования Мира Посмертия (МП) как особого пространства, где, по мнению писателей-фантастов, протекает после завершения земной жизни существование человеческой личности или человеческой души. К исследованию, помимо фэнтези, были привлечены и родственные ей жанры, такие как литературная волшебная сказка, фантастическая сатира и другие, содержащие, в соответствии с нашей научной концепцией, «явный вымысел» (элемент необычайного)².

Исследуемые тексты относятся к литературам России, Восточной (русскоязычная фантастическая традиция), Центральной и Юго-Восточной (фантастика зарубежных славянских стран) и Западной Европы, а также Северной Америки (США). Первичная выборка текстов проводилась по информационной базе специализированного интернет-портала «Лаборатория фантастики» [13] на основе тегов «жизнь после смерти» и «загробный мир». Дальнейший отбор осуществлялся по трем критериям. Исследуемые тексты должны были описывать Мир Посмертия как самостоятельный локус, имеющий свои географические, ландшафтные, «этнические» (для человеческих и нечеловеческих его обитателей), социальные, нравственные и т.п. характеристики. Данный локус должен был идентифицироваться как МП и автором и читателем³. Наконец, изображение Мира Посмертия должно было играть заметную роль в сюжете произведения и служить основным (или по крайней мере важным) средством раскрытия авторского замысла.

Всего в сферу анализа вошло более 120 художественных произведений. На основе их сопоставления нами была предложена классификация базовых моделей МП, выделены основные сюжетно-композиционные схемы повест-

¹ См., например: [8–11].

² О нашей концепции фантастики и иных типов художественного вымысла (вторичной художественной условности) см.: [12].

³ Для персонажей данный принцип соблюдается не всегда. Многие тексты о посмертии основаны на том, что их герои не понимают произошедшего с ними и продолжают верить, что не оставили пределов земной жизни.

ования о Мире Посмертия и обобщена функциональность рассматриваемого художественного образа, т.е. охарактеризован круг вопросов, поставленных и разрешаемых с его помощью писателями-фантастами¹.

В ряду главных функций образа Мира Посмертия особого внимания, на наш взгляд, заслуживает раскрытие с его помощью авторского понимания смысла загробного бытия как неотъемлемой части человеческого существования, выходящего далеко за пределы единственной земной биографии. Несмотря на разнообразие трактовок посмертной судьбы в различных фантастических текстах, авторские концепции «жизни после жизни» могут быть, по нашему мнению, сведены к нескольким основным ее траекториям. Последние различаются, во-первых, продолжительностью («конечное» и «вечное» посмертие) и, во-вторых, направленностью (векторностью) или ненаправленностью (циклической повторяемостью) идущих в рамках посмертного существования духовных процессов. Ниже мы охарактеризуем основные варианты данных траекторий в порядке нарастания длительности и осмысленности посмертного бытия, увеличения масштаба метафизической трансформации личности.

Временное и конечное посмертие

Несмотря на «окончателность» и необратимость смерти в представлениях большинства читателей, в фантастике прошлого и нынешнего веков достаточно широко распространена идея *конечной природы* загробного бытия. Ее привлекательность для авторов повествования о посмертии состоит, на наш взгляд, в возможности *конкретизировать* пребывание на том свете и сделать рассказ о нем как можно более *сюжетным*. Изображение неподвижной посмертной вечности, соотносимое с поверхностно трактуемой догматикой мировых религий (неиссякаемое райское блаженство или нескончаемые адские муки), весьма наскучило и авторам и читателям еще в начале прошлого века, о чем свидетельствует в числе прочих ироническая повесть Марка Твена «Путешествие капитана Стормфилда в рай» (Mark Twain *Captain Stormfield's Visit to Heaven*, 1907).

Напомним, его герой после смерти и ряда приключений в космосе (увлекшись погоней за кометой, он первоначально прибыл в рай, предназначенный не для землян, а для совсем иных существ) все же оказывается на привычных ему христианских «небесах». Здесь он некоторое время увлеченно играет на арфе и распевает гимны. Однако вскоре это занятие приедается ему, и он покидает облачную грядку, тайком избавляясь от надоевшего райского «реквизита» – крыльев и нимба. Во второй половине XX в. схожий сюжет воспроизведен словаком Д. Кужелом в рассказе «Бегство из рая» (Dušan Kužel *Útek z neba*, 1967). На этот раз героем становится космонавт, в момент метеоритной угрозы вспомнивший молитву и оказавшийся среди

¹ Общие результаты исследования см.: [14].

небожителей, от восторженного хора которых он в конце концов бежит обратно на Землю. Оба автора явно разделяют мнение одного из персонажей Марка Твена: «Петь псалмы и махать пальмовыми ветками на протяжении вечности – очень милое занятие, когда его расписывают с церковной кафедры, но на самом деле более глупого способа тратить драгоценное время не придумаешь» [15].

В концепции конечного посмертия, в свою очередь, может быть вычленена более локальная идея *временной смерти* персонажа с последующим его возвращением к прерванной земной жизни. Подобная *обратимая смерть* может быть обусловлена целым рядом причин и обстоятельств. Мы различаем в их числе *случайное или намеренное попадание живого в Мир Посмертия*, смертный опыт, обретенный в *измененных состояниях сознания* (клиническая смерть, кома, глубокий обморок, видение, вещий сон), а также предоставленный персонажу высшей силой «второй шанс» начать после временной смерти жизнь заново, изменив свое поведение и судьбу.

Случайное попадание в Мир Посмертия еще не умерших персонажей описано, например, в повести польского фантаста Я. Гжендовича «Век волков» (Jarosław Grzędowicz *Wilcza zamięć*, 2005). Во время Второй мировой войны экипаж немецкой подводной лодки получает специальное задание: он должен принять на борт представителей оккультного «Общества Туле» и совершить с ними поход на север. Задачей прибывших на субмарину гостей является привлечение скандинавского бога Одина, или Вотана, к войне на стороне гитлеровской Германии. После совершения гостями специальных жертвоприношений подводная лодка получает возможность пройти под Радужным Мостом в мир древних богов. При встрече с Одином гости погибают, а моряки оказываются заложниками обстоятельств. Не будучи мертвыми, они тем не менее не могут уже надолго вернуться в мир живых – и вынуждены долго скитаться между жизнью и смертью.

Временное пребывание в Мире Посмертия в результате незавершенной попытки суицида изображено в рассказах «На реке» американского фантаста Р. Янга (Robert Young *On the River*, 1965) и «Черное пальто» нашей соотечественницы Л. Петрушевской (1995). В первом из них пытающийся отравиться выхлопными газами собственного автомобиля герой в субъективном восприятии проводит несколько дней на плоту, медленно несущем его по водной глади навстречу гигантскому водопаду. Во втором тексте героиня задыхается в петле и одновременно бродит по пустому полуразрушенному городу. Схожим для обоих рассказов оказывается финал: встретив в своих странствиях другого человека, попавшего в столь же трагическую ситуацию, каждый из героев принимает решение вернуться к жизни и спасти товарища по несчастью – а тем самым в конечном итоге спасает и себя самого.

Попадание персонажа в Мир Посмертия во время нахождения в коме описывают сербский драматург Д. Ковачевич в пьесе «Сборный пункт» (Душан Ковачевич *Сабирни центар*, 1982) и россиянка А. Старобинец в романе

«Убежище 3/9» (2006). В первом случае речь идет о судьбе пожилого профессора, перенесшего инфаркт и внезапно оказавшегося в незнакомой местности, залитой голубым светом. Там он встречает своих ранее умерших соседей и друзей, вновь видит давно скончавшуюся супругу. В беседах с героем они вспоминают о не завершенных на земле делах, не нашедших примирения конфликтах, скучают по оставшимся в мире живых близким людям. «Я н к о. А к концу дня, когда опускается тьма, напоминающая ночь, мы присаживаемся на камни и смотрим на звезды. Вздыхаем и вспоминаем своих близких: им сейчас столько-то лет, у них дети, внуки» [16. С. 492]. Вновь придя в себя в собственном доме, профессор пытается рассказать живым об их умерших родственниках, однако встречает недоверие и непонимание. Сложным сплетениям семейных, бытовых и социальных проблем, по мнению автора, не суждено быть окончательно разрешенными ни при жизни персонажей, ни после их смерти.

В романе А. Старобинец маленький мальчик получает травму головы и на долгие годы погружается в беспамятство. Мать вынуждена поместить его в интернат для детей-инвалидов. Но ребенок не теряет способности к восприятию окружающего. Просто мир для него из Яви превращается в Навь, где обитают сказочные персонажи: Кощей, Леший, Баба Яга, Злая Колдунья. Все они имеют «земные» аналоги среди обслуживающего персонала интерната. Придуманная А. Старобинец история интересна именно совмещением миров живых и мертвых, когда на привычную реальность словно накладываются призрачные контуры инобытия.

В случае «временной смерти» персонаж нередко оказывается не в «подлинном» Море Посмертия, но в особом локусе, который мы именуем *Зона Перехода*. Это «промежуточное» пространство, из которого, как правило, возможно дальнейшее движение как вперед, в «окончательную смерть», так и назад, обратно в земную жизнь. Выбор направления, как правило, зависит от самого персонажа. Проблему подобного выбора поднимает, например, англичанин Г. Джойс в романе «Безмолвная земля» (Graham Joyce *The Silent Land*, 2010). Супружеская пара, катаясь на горных лыжах, попадает под лавину – и, как мыслится героям, счастливо спасается благодаря взаимной выручке. Однако мир вокруг супругов меняется: отель и горная деревня пустеют, отказывает связь, останавливается время (не идут часы, не сгорают свечи, не портятся вынутые из холодильника продукты). Постепенно персонажи приходят к мысли, что они мертвы, но получили своеобразную «отсрочку». Невольную задержку на смертном пути герои воспринимают по-разному. Мужчина с интересом изучает изменившийся мир и все глубже погружается в новое бытие. Вскоре за ним приезжает запряженный в сани черный конь – и вместе с ним герой уезжает из горной долины в «подлинное» посмертие. Женщина же противится умиранию, ибо ждет ребенка, и тот в конце концов возвращает ее к жизни. Героиня приходит в себя на больничной койке и узнает, что после долгих поисков ее все-таки извлекли из снежной ловушки, а тело ее супруга найти так и не удалось.

Пребывание в Зоне Перехода герои Г. Джойса расценивают как «второй шанс», данную им Богом или судьбой возможность еще немного побыть вместе и засвидетельствовать друг другу свою любовь. Не менее отчетливо тема «второго шанса» звучит и в романе Ю. Вознесенской «Мои посмертные приключения» (2000). В нем изложена христианская концепция посмертия, и, умерев в результате нелепого несчастного случая, героиня проходит, в соответствии с православным вероисповеданием, воздушные мытарства, а затем получает возможность увидеть рай и ад, пообщаться с покойными родными, заново узнать, понять и простить своего неверного мужа. А после духовного очищения она с изумлением узнает, что ей разрешено вернуться на землю, где все это время ее лишенное сознания тело провело в больничной палате. «Второй шанс» дан героине затем, чтобы она полностью изменила собственную жизнь на основе того опыта, который получила в посмертии. Ангел-Хранитель говорит ей: «Твой Дед (священник-мученик. – Е.К.) умолил Господа дать тебе возможность вернуться и дожить до естественной кончины. Он просил передать тебе, что это должна быть другая жизнь. Ты теперь знаешь, какая» [17].

Еще один вариант попадания в загробный мир живых персонажей демонстрирует сюжетно-композиционная схема, которую мы обозначили как «путь Орфея». Речь идет о попытке вернуть из загробного царства любимого человека. Подобная история рассказана, например, М. Галиной в романе «Малая Глуша» (2009). Потерявший в автокатастрофе любимую жену, герой отказывается смириться с ее уходом. Случай сводит его с человеком, знающим, как можно вернуть умершего. Следуя полученным указаниям, герой уезжает из столицы в глухую провинцию, где находит обозначенную в заглавии книги деревню. Через нее протекает пограничная Река, разделяющая миры живых и мертвых. Пройдя положенные испытания, герой получает возможность переправиться на другой берег и действительно разыскать свою жену, чтобы попытаться уговорить ее вернуться.

Интересно, что отправиться в Мир Посмертия на поиски определенной души способен не только родственник, возлюбленный или друг. В некоторых случаях это делают специально обученные «профессионалы». Подобный сюжет присутствует, например, в рассказе россиянки О. Рэйн «Солнце мое, взгляни на меня» (2017). Его героиня с рождения наделена особым даром – способностью попадать в «летум», загробный мир, который является одновременно общим для всех умерших и личным для каждого из них. В летуме героиня разыскивает погибшую девушку по имени Яна, чтобы узнать обстоятельства ее смерти, опознать и наказать ее убийцу. А в финале рассказа она помогает Яне вновь вернуться к жизни. Правда, уже в ином теле – рожденной ею дочери. Вновь оказавшись в мире живых, Яна уже не помнит прошлое. Или все же что-то помнит? Ведь рассказ заканчивается словами героини: «Иногда она подолгу смотрит на меня... Как будто она вот-вот о чем-то спросит» [18].

И все же концепция *конечного посмертия* не сводится лишь к временному пребыванию живых (или еще «не вполне мертвых») персонажей в Зоне

Перехода или в «подлинном» загробном мире. В достаточно большом количестве текстов посмертие интерпретируется как *пауза между жизнями*, т.е. между различными (иногда – многими) воплощениями души в разных (не всегда обязательно человеческих) телах.

Идея реинкарнации может трактоваться разнообразно. Например, подразумевает бесконечное повторение одной и той же судьбы. Подобную ситуацию мы встречаем в рассказе С. Кинга «Загробная жизнь» (Stephen King *Afterlife*, 2013). Умерший персонаж оказывается в загробном офисе, где разговаривает со скучающим потусторонним «менеджером». Последний объясняет, что из его кабинета есть лишь два выхода. Пройдя в первую дверь, герой перейдет в состояние «окончательной смерти», т.е. попросту исчезнет навсегда. Выйдя в другую, он вернется в момент собственного рождения и проживет свою жизнь заново. Герой в восторге, ибо, помимо самого факта «воскрешения», видит при этом выборе возможность исправить ряд неблагоприятных поступков, отягчающих его биографию. Однако загробный клерк непреклонен: в новой жизни не будет никаких перемен. Персонаж забудет посмертный опыт и совершит те же самые прегрешения. Мало того, он уверяет, что и сама беседа, и выбор, который предстоит сделать персонажу, повторяются уже несчетное количество раз. Но даже узнав об этом, герой поступает так же, как всегда. После мучительных колебаний он вновь возвращается к собственной многократно прожитой и каждый раз переживаемой заново судьбе.

В других случаях цепочка реинкарнаций не подразумевает точных совпадений. Однако и здесь возможны две разные трактовки смысла повторных рождений. Первая не связывает их с внутренней эволюцией личности. Персонажи вновь и вновь перерождаются, чтобы более или менее благополучно прожить еще одну жизнь. Если при этом в посмертии они сохраняют память, то, как правило, хлопочут лишь о том, чтобы их последующее воплощение было лучше (или, по крайней мере, не хуже) предыдущего. Так обстоит дело, например, в романе В. Пелевина «Бэтман Аполло» (2013) и в пьесе Г.Л. Олди¹ «Вторые руки» (2002).

В первом тексте посмертие рассматривается как «перемотка анимогаммы», своеобразный пересмотр специально подготовленным персонажем (вампиrom класса Undead) воспоминаний умершего. Для самого вампира это выглядит как путешествие вместе с клиентом по вымышленной последней вселенной, причудливо сочетающей элементы реальности с фантазиями и страхами покойного. Задача «перемотки» – найти в анимогамме устойчивый «центр», место, с которым у клиента ассоциируются безопасность и покой. Здесь умерший может неопределенно долго ждать нового рождения, а за уплаченную крупную сумму денег еще и обеспечить себе в нем высокий социальный статус. В пьесе же Г.Л. Олди реинкарнация метафорически трактуется как переодевание в чужое платье. Мир Посмертия

¹ Псевдоним русскоязычных украинских фантастов Дмитрия Громова и Олега Ладыженского.

здесь представляет собой огромный склад поношенных костюмов. Надевая любой из них, умерший в новой жизни обретает связанную с данной одеждой судьбу. Главной заботой персонажей пьесы, как легко догадаться, становится поиск как можно более дорогой, респектабельной и «удобной» во всех отношениях одежды.

Вторая трактовка темы реинкарнации связывает повторное рождение с возможностью исправления совершенных в прошлых жизнях ошибок и постепенным «повышением статуса» (на сей раз под статусом понимается духовная зрелость персонажа). Так, в романе Б. Вербера «Империя ангелов» (Bernard Werber *L'Empire Des Anges*, 2000) материя вселенной проходит семь стадий развития – от камня до божества. Человек занимает в этой иерархии четвертую и пятую ступени. После кончины на Страшном суде герой романа набирает нужное количество «пунктов» (дающихся за хорошие поступки) и повышает свой статус до шестой, ангельской, степени. Это позволяет ему больше не возвращаться в материальный мир. В рамках концепции Б. Вербера «те, кто провалился на суде, приговариваются к возвращению на Землю... Реинкарнация – это как выпускные экзамены в лицее. Если не сдал, нужно пересдавать... Возврат на исходные позиции, и новая сессия» [19].

Концепция реинкарнации (или цепочки реинкарнаций) являет собой оптимистическую версию конечного посмертия. Однако существует и версия пессимистическая. Согласно ей после кончины каждого рано или поздно ожидает *смерть вторая*, знаменующая собой окончательный и бесповоротный конец. Как правило, он связан с постепенным распадом личности умершего. Вначале забываются события земной жизни, затем утрачивается интерес к происходящему вокруг. Последним гаснет ощущение собственного «я». Данные процессы изображены в романах немецкого писателя Г. Казака «Город за рекой» (Hermann Kasack *Die Stadt hinter dem Strom*, 1947), английского фантаста А. Невилла «Номер 16» (Adam L. G. Nevill *Apartment 16*, 2010) и у россиян С. Логинова (роман «Свет в окошке», 2002) и Л. Петрушевской (рассказ «Два царства», 1993).

У Г. Казака тема окончательного исчезновения раскрыта как возвращение умершего к истокам бытия, первичному бесформию, которое является основой вечного круговорота жизни и смерти. Умершие в его романе вначале оказываются в «промежуточном» пространстве – полуразрушенном городе, где проводят время в специальных «упражнениях», несущих остаточные признаки их земных дел (перекладывание с места на место несуществующих вещей, бесконечное жадное поглощение пищи и т.п.). Здесь можно завершить незаконченное при жизни (так вспыхивает вновь любовь главных героев), осмыслить прошлое и внести свой вклад в духовную сокровищницу человечества (герой в качестве местного архивариуса следит за помещением на хранение книг, дневниковых записей и иных плодов прижизненной творческой деятельности горожан). Однако рано или поздно всех жителей города постигает одинаковая участь. Их ждет трудный путь по «тропе демонов», на которой они постепенно утрачивают облик и индивидуальность. «Они двигались голые... пустые внутри и без лиц. Они ступали след в след,

не ощущая близости и присутствия впереди идущего... В скалистых холмах... зияли черные дыры пещер, как огромные разинутые пасти... Веревица духов... извиваясь, окончательно терялась в пещерах» [20].

В романе А. Невила герой, художник-абстракционист, открывает для себя существование метафизического Вихря, в котором происходит распад физической оболочки и личности умерших. Наделенные особыми способностями люди, подобные ему самому, могут видеть Вихрь еще при жизни и даже отчасти управлять им, направляя его на своих врагов. Последним приметы распада и тлена, как и призрачные монстры, начинают являться среди белого дня прямо на улицах Лондона. В романе С. Логинова существование умерших в особом пространстве, состоящем из «невещества» – *нихилия*, длится лишь до тех пор, пока о них помнят живые. Как только память угасает, умерший превращается в бесплотный и беспамятный призрак, а затем в вовсе рассыпается в прах, возвращаясь в тот самый исходный нихиль.

Наконец, в рассказе Л. Петрушевской героиня воспринимает смерть как эмиграцию за рубеж, на некий условный Запад, где она вначале пребывает словно бы «в карантине», лишь издали наблюдая непривычный ей местный быт. Больше всего героиню заботит мысль о переезде к ней матери и сына. Однако постепенно женщина забывает о них и бездумно присоединяется к другим умершим. «Наконец наступил тот момент, когда она... помчалась на берег реки к хороводу и, разомкнув чужие руки, влилась в общую вереницу и полетела по кругу... С надеждой не встретить здесь больше никого, в этом царстве мертвых, и никогда не узнать, как тоскуют там, в царстве живых» [21].

Оригинальной реализацией концепции «второй смерти» (и возможных последующих смертей) является фантастический мир, созданный шведской писательницей А. Линдгрэн в повести «Братья Львиное сердце» (Astrid Lindgren *Bröderna Lejonhjärta*, 1973). Старший брат, подросток Юнатан, рассказывает младшему, тяжело больному Карлу, что после смерти они продолжают существовать в сказочной стране Нангияле. Действительно, за гробом обоих ждут веселые и грустные приключения в двух ее долинах – Вишневой и Шиповниковой. Когда же и в Нангияле жизнь Юнатана оказывается под угрозой, он говорит Карлу, что впереди его ждет еще более прекрасная страна под названием Нангилима. А в трилогии россиянина С. Кузнецова «Живые и взрослые» (2011) для перемещения между Мирами Посмертия умирать повторно даже нет необходимости. Эти миры у С. Кузнецова представляют собой фрактал – цепь изоморфных пространств, разделенных «буферными зонами», через которые герои относительно легко проникают из одного загробного царства в другое.

Конечность посмертного бытия, однако, может означать не только ограниченность времени «жизни после жизни» для отдельной души, но и конечный срок существования, отведенный Миру Посмертия в целом. Прекращение существования того света объясняется авторами по-разному. Так, в романе американца К. Брокмейера «Краткая история смерти» (Kevin

Brockmeier *The Brief History of the Dead*, 2006), фантастическая посылка которого близка роману С. Логинова, умершие продолжают существовать в огромном интернациональном мегаполисе, пока жив хотя бы один человек, который может о них помнить. Но в мире живых свирепствует пандемия – и живущих остается все меньше. Соответственно, с катастрофической скоростью пустеет и город мертвецов. А в цикле фантастических романов о мире под названием Земноморье У. Ле Гуин (*Ursula K. Le Guin Earthsea*, 1964–2001) исчезновение Страны мертвых связано с исправлением давней ошибки – заключения несправедливого договора между людьми и драконами. Договор нарушил равновесие жизни и смерти и привел к появлению особого пространства, в котором никогда не светит солнце и беспамятные мертвецы, не узнавая друг друга, молча бродят по бесплодным равнинам. Наконец, в знаменитой эпосе Д. Толкиена, открывающейся книгой «Сильмариллион» (*John Tolkien The Silmarillion*, 1977), существование «покоев Мандоса», где пребывают уставшие от жизни в Средиземье эльфы, длится, как и все в вымышленной автором вселенной (Арде), лишь до тех пор, пока не будет исполнен изначальный замысел демиурга Илуватара.

«Смерть навсегда» и посмертная вечность

Вторая основная трактовка посмертия представляет его как вечно длящуюся данность. Однако это не означает, с одной стороны, отказа от локального течения времени в самом Море Посмертия, где, как и на земле, могут чередоваться ночи и дни, месяцы и годы. С другой стороны, вечность в изображении фантастов может быть очень разной, подразумевающей как *неизменность состояния индивида и человеческого сообщества*, так и их *направленную эволюцию*.

Неизменная вечность, в свою очередь, может представать в широком спектре трактовок – от полного прекращения бытия до бесконечного и бессмысленного повторения одних и тех же навязчивых эпизодов, своего рода «закольцованного безвременья». Первый вариант можно увидеть в романе А. Борисовой¹ «Там...» (2008), изображающем индивидуальные посмертия людей, ставших жертвами террористического акта. В числе погибших оказываются и сами организаторы теракта, один из которых отказывается поверить в какую бы то ни было «жизнь после жизни». И единственный из всех, в соответствии с собственными воззрениями, он получает за гробом желанное Черное Ничто.

Второй вариант представлен в рассказе классика американской фантастики С. Кинга «Чувство, которое словами можно выразить только по-французски» (*Stephen King That Feeling, You Can Only Say What It Is in French*, 1998). Герои рассказа, супруги, намеревающиеся отпраздновать юбилей собственной свадьбы во Флориде, по пути туда гибнут в авиакатастрофе.

¹ Один из псевдонимов Григория Чхартишвили, более известного российскому читателю под литературным именем Борис Акунин.

Посмертие для них выглядит как бесконечные попытки добраться на арендованном лимузине до заранее выбранного курортного отеля. По пути они видят одни и те же пейзажи, повторяющиеся с незначительными вариациями и создающие ощущение «дежа вю». В конце каждого путешествия их неизменно ждет превращение в прах – после чего они вновь оказываются на борту самолета за миг до катастрофы.

Немалое количество произведений о посмертии все еще отражает более или менее традиционное его понимание как, пусть и наполненного событиями, но все же неизменного состояния из разряда «вечные муки или блаженство». Нередко об этом говорят сами названия художественных текстов: «Ад – это вечность» А. Бестера (*Alfred Bester Hell Is Forever*, 1942), «Вперед – вечность» (2000) А. Бачило, «Time Out» (2001) В. Пелевина. Как правило, в подобных текстах судьба героев однозначно определяется в самом начале повествования и зависит от прегрешений, совершенных ими при жизни. В своем загробном бытии персонажи могут творить новые миры (у А. Бестера), воплощать давние мечты (у А. Бачило) или же владеть привычное существование «от зарплаты до зарплаты» (у В. Пелевина). Это не меняет сути дела: в посмертии герои остаются такими же, как при жизни, не меняясь психологически и духовно. Не подразумевает перемен и «вечный покой», что бы под ним ни понимал тот или иной писатель – прогулки по кладбищу не могут удалить от собственной могилы призрака, как в романе П. Бигля «Тихий уголок» (*Peter Beagle A Fine and Private Place*, 1960), или творческие будни гения (М. Булгаков «Мастер и Маргарита», 1940).

Гораздо более импульсивной для читательского восприятия представляется нам трактовка посмертия как пространства *направленного развития*. В свою очередь, оно также может пониматься по-разному. Своеобразный «социальный прогресс» в царстве мертвых изображен в романе американца Д. Брома «Потерянные боги» (*Gerald Brom Lost Gods*, 2016). Чистилище, куда после смерти попадает герой по имени Чет, оказывается обширной территорией, по которой протекают реки Стикс и Лета. В нем соседствуют разные локусы: прекрасный Элизиум, оживленный город Стига, равнины и горные ущелья, селенья, где обитают почитатели древних богов. Вдали мерцают огненные сполохи ада, а в Чистилище происходит смена исторических эпох. Нравы периода Средневековья уступают место идеологии Нового времени, переносимой на тот свет умершими из промышленно развитой Европы и США. В моду входят идеи прогресса, предпринимательства, личной свободы. Под их прикрытием демоны преисподней пытаются устроить собственные дела – свести счеты с языческими божествами, перехватив у последних верховную власть. Помимо своей воли Чет быстро оказывается вовлеченным в гущу местных битв и вскоре уже активно вмешивается в судьбы подземного мира.

Некоторые фантасты допускают возможность *физического роста и взросления* умерших на том свете. В повести В. Крапивина «Полосатый жираф Алик» (1999) и его же романе «Прохождение Венеры по диску солнца»

(2005) герои-подростки взрослеют и нравственно закаляются под воздействием выпавших на их долю посмертных приключений и испытаний. А в упомянутой выше книге С. Логинова в посмертии вырастает и получает образование Аня, новая знакомая героя, – девушка, на земле успевшая прожить лишь несколько минут после своего рождения.

Однако наиболее богатой смыслами представляется трактовка посмертия как продолжения *внутреннего (духовного) роста индивида*. Ярко и поэтично эта трактовка воплощена американцем Р. Матесоном в романе «Куда приводят мечты» (Richard Matheson *What Dreams May Come*, 1978) и англичанином К.С. Льюисом в повести-притче «Расторжение брака» (Clive Staples Lewis *The Great Divorce*, 1945). Герой первого произведения после смерти оказывается в Стране вечного лета – замечательном краю, условия пребывания в котором во многом зависят от самого умершего. Здесь можно встретить дорогих сердцу людей (наставником и опекуном героя становится его кузен Альберт) и любимых питомцев (с героем снова, как когда-то, его собака Кэти). Можно построить дом, познакомиться с «оригиналами» картин, симфоний и книг, слабыми подобиями которых являются признанные земные шедевры. Но интерьер дома, одежды, в которые облекается умерший, и его доступ к достижениям культуры в конечном итоге обусловлены уровнем духовного развития. Стоящие на низших его ступенях и вовсе не попадают в чудесную Страну, влача унылое существование в «низших мирах», по своему облику напоминающих ад.

После пребывания в МП, по Р. Матесону, умершие рождаются вновь, проходя на Земле очередной жизненный «урок», который затем осмысливается ими в следующем посмертии. Чередование периодов материального (земного) и духовного (потустороннего) существования длится до тех пор, пока личность не совершенствуется настолько, что выпадает из цепи перерождений. «Одна жизнь вслед за другой, каждая полная усилий... постепенно формирует душу до ее желаемого состояния. Иногда то, чего не удалось достигнуть при жизни, может быть достигнуто после смерти, так что при следующем рождении познание становится более глубоким... Некоторые души настолько развиты, что не перевоплощаются, а переходят на уровень существования, превышающий все то, что предлагает Земля, и достигают в конечном счете воссоединения с Богом» [22].

Мотив приближения к Богу как высшей цели посмертного существования звучит и у К.С. Льюиса. Его герой в провидческом сновидении сначала бродит по улицам мрачного адского города, а затем получает возможность совершить своеобразную экскурсию в рай – точнее, в преддверие рая, куда только и могут иметь доступ недостаточно просветленные души. Здесь, в прекрасных предгорьях, на равнине у берегов величественной реки герой слышит беседы прибывших вместе с ним обитателей ада с теми, кто вышел им навстречу из райских пределов. Встречающие уверяют пришедших, что каждый из них может изменить свою участь и остаться – вначале на подступах к раю, а затем и в самом раю. Для этого необходимо лишь нравственное усилие, отказ от эгоизма, прижизненных пороков и заблуждений. Но очень

немногим оказывается по силам подобный духовный подвиг. Умершие держатся за земные заслуги и, прикрываясь ханжеской моралью, винят своих собеседников в том, что те посягают на их личную свободу. И лишь некоторые отчаянным напряжением воли заставляют себя сделать первые шаги от берега реки к сияющим вдали снежным вершинам. Эта «дорога в горы» и есть, по К.С. Льюису, бесконечный духовный путь – самое притягательное, что дарует человечеству посмертие. Увы, на этом пути не способно сопровождать героев даже богатое воображение писателей-фантастов.

Наш, по необходимости краткий, обзор основных версий посмертной трансформации личности в изображении фантастики сверхъестественного (фэнтези) и родственных ей жанров все же, надеемся, позволил подтвердить, сколь многие важные для человечества смыслы вкладывают писатели в повествование о посмертии. Существование личности в лучших его образцах продлевается в вечность, исполненную внутреннего смысла. Потустороннее бытие оказывается неотъемлемой частью единого пути становления «подлинно человеческого» в человеке. А земная жизнь, увиденная из перспективы смерти, обретает новую ценность и краски. Все это делает тему посмертного бытия одной из самых серьезных и глубоких в числе доступных не только фантастике, но и художественной литературе в целом.

Список источников

1. Павлова О.А. Метаморфозы литературной утопии: теоретический аспект. Волгоград : Волгоград. науч. изд-во, 2004. 471 с.
2. Покотыло М.В. Жанр антиутопии: современная проблемная парадигма // *European Social Science Journal*. 2012. № 7 (23). С. 167–173.
3. Суслов М.Д. Утопия как предмет современных исследований на Западе и в России // *Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология*. 2013. № 7 (108). С. 34–41.
4. *Fitting P. A Short History of Utopian Studies // Science Fiction Studies*. 2009. Vol. 36, № 1. P. 121–131.
5. Ковтун Е.Н. Мир будущего в современной научной фантастике: специфика художественной модели // *Проблемы исторической поэтики*. Вып. 4: Поэтика фантастического. Петрозаводск, 2016. С. 118–135.
6. Ковтун Е.Н. Полемика о Мире Полудня: А. и Б. Стругацкие vs М. и С. Дяченко // *Известия Уральского федерального университета*. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2023. Т. 25, № 4. С. 92–107.
7. Kowtun E. Wyjść ze skóry: fantaści w poszukiwaniu idealnego człowieka // *Ciało w futurofantastyce słowiańskiej*. Kraków : Collegium Columbinum, 2012. S. 223–253.
8. Кошемчук Т.А. Обитель на небесах: тема посмертия в русской классической поэзии // *Вестник Литературного института им. А.М. Горького*. 2007. № 2. С. 42–53.
9. Худенко Е.А., Глазinskaya Е.Т. Потустороннее пространство в романе Людмилы Улицкой «Казус Кукоцкого» // *Научный диалог*. 2021. № 3. С. 291–307.
10. Москвин А.А. Образ загробного мира в современной фантастике как отражение массового восприятия смерти // *Культурология и искусствоведение : материалы IV Междунар. науч. конф., Казань, июнь 2018 г. Казань, 2018. С. 2–6.*
11. *Bennet A. Afterlife and Narrative in Contemporary Fiction*. London : Palgrave Macmillan, 2012. 228 p.

12. Ковтун Е.Н. Художественный вымысел в литературе XX века. М. : Высшая школа, 2008. 406 с.
13. Лаборатория фантастики. URL: <https://fantlab.ru>
14. Ковтун Е.Н. «Интертекст Мира Посмертия» в фантастике XX–XXI вв.: функциональность художественной модели // *Studia Litterarum*. 2022. Т. 7, № 4. С. 34–53.
15. Марк Твен. Путешествие капитана Стормфилда в рай / пер. В. Лимановской. URL: https://booksafe.net/book/tven_mark-puteshestvie_kapitana_stormfilda_v_ray-64741.html
16. Ковачевич Д. Сборный пункт // В каждом городе – свое время года: Избранные переводы Натальи Вагаповой. М., 2019. С. 459–528.
17. Вознесенская Ю. Мои посмертные приключения URL: <https://azbyka.ru/fiction/moi-posmertnye-priklucheniya>
18. Рэйн О. Солнце мое, взгляни на меня. URL: http://samlib.ru/r/rejn_o/01solnze.shtm
19. Вербер Б. Империя ангелов / пер. А. Агафонова URL: <https://libcat.ru/knigi/proza/sovremennaya-proza/16547-bernard-verber-imperiya-angelov.html#text>
20. Казак Г. Город за рекой / пер. Т. Холодовой, А. Гутнина URL: <https://libdrama.narod.ru/kasack/kasack.htm>
21. Петрушевская Л. Два царства. URL: http://rulibs.com/ru_zar/prose_contemporary/petrushevskaya/8/j15.html
22. Матесон Р. Куда приводят мечты / пер. И. Иванченко URL: https://www.100best-books.ru/files/Matheson_Kuda_privodyat_mechty.pdf

References

1. Pavlova, O.A. (2004) *Metamorfozy literaturnoy utopii: teoreticheskiy aspekt* [Metamorphoses of Literary Utopia: Theoretical aspect]. Volgograd: Volgogradskoe nauchnoe izdatel'stvo.
2. Pokotylo, M.V. (2012) Zhanr antiutopii: sovremennaya problemnaya paradigma [The Genre of Dystopia: A modern problematic paradigm]. *European Social Science Journal*. 7 (23). pp. 167–173.
3. Suslov, M.D. (2013) Utopiya kak predmet sovremennykh issledovaniy na Zapade i v Rossii [Utopia as a subject of modern research in the West and in Russia]. *Vestnik RGGU. Seriya: Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya*. 7 (108). pp. 34–41.
4. Fitting, P. (2009) A short history of Utopian studies. *Science Fiction Studies*. 1 (36). pp. 121–131.
5. Kovtun, E.N. (2016) Mir budushchego v sovremennoy nauchnoy fantastike: spetsifika khudozhestvennoy modeli [The world of the future in contemporary science fiction: specifics of the artistic model]. In: Zakharov, V.N. (ed.) *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics]. Vol. 4. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University. pp. 118–135.
6. Kovtun, E.N. (2023) Polemika o Mire Poludnya: A. i B. Strugatskie vs M. i S. Dyachenko [Polemics on the World of Noon: A. and B. Strugatsky vs. M. and S. Dyachenko]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2: Gumanitarnye nauki*. 4 (25). pp. 92–107.
7. Kowtun, E. (2013) Wyjść ze skóry: fantaści w poszukiwaniu idealnego człowieka. In: Ajdačić, D. (ed.) *Cialo w futurofantastyce słowiańskiej*. Kraków: Collegium Columbinum. pp. 223–253.
8. Koshemchuk, T.A. (2007) Obitel' na nebesakh: tema posmertiya v russkoy klassicheskoy poezii [Abode in Heaven: The theme of the afterlife in Russian classical poetry]. *Vestnik Literaturnogo instituta im. A.M. Gor'kogo*. 2. pp. 42–53.
9. Khudenko, E.A. & Glazinskaya, E.T. (2021) Potustoronnee prostranstvo v romane Lyudmily Ulitskoy "Kazus Kukotskogo" [The otherworldly space in Lyudmila Ulitskaya's novel "The Kukotsky Enigma"]. *Nauchnyy dialog*. 3. pp. 291–307.
10. Moskvina, A.A. (2018) [The Image of the afterlife in modern science fiction as a reflection of the mass perception of death]. *Kul'turologiya i iskusstvovedenie* [Cultural Studies

and Art Criticism]. Proceedings of the 4th International Conference. Kazan. June 2018. Kazan: Molodoy uchenyy. pp. 2–6 (In Russian).

11. Bennet, A. (2012) *Afterlife and Narrative in Contemporary Fiction*. London: Palgrave Macmillan.

12. Kovtun, E.N. (2008) *Khudozhestvennyy vymysel v literature XX veka* [Fiction in the Literature of the 20th Century]. Moscow: Vysshaya shkola.

13. *Laboratoriya fantastiki* [Laboratory of Science Fiction and Fantasy] (n.d.) [Online] Available from: <https://fantlab.ru>.

14. Kovtun, E.N. (2022) "Intertekst Mira Posmertiya" v fantastike XX–XXI vv.: funktsional'nost' khudozhestvennoy modeli ["Intertext of the Afterlife" in 20th–21st century science fiction: functionality of the fiction model]. *Studia Litterarum*. 4 (7). pp. 34–53.

15. Twain, M. (1953) *Puteshestvie kapitana Stormfilda v ray* [Captain Stormfield's Visit to Heaven]. Translated by V. Limanovskaya. [Online] Available from: https://bookscafe.net/book/tven_mark-puteshestvie_kapitana_stormfilda_v_ray-64741.html

16. Kovachevich, D. (2019) Sbornyy punkt [Assembly point]. In: Sagalovich, E.V. (ed.) *V kazhdom gorode – svoe vremya goda. Izbrannye perevody Natal'i Vagapovoy* [Each City has Its Own Season. Selected translations of Natalia Vagapova]. Moscow: Tsentr knigi Rudomino. pp. 459–528.

17. Voznesenskaya, Yu (2024) *Moi posmertnye priklyucheniya* [My Posthumous Adventures]. [Online] Available from: <https://azbyka.ru/fiction/moi-posmertnye-priklyucheniya>

18. Reyn, O. (2017) *Solntse moe, vzglyani na menya* [My Sun, Look at Me]. [Online] Available from: http://samlib.ru/t/rejn_o/01solnze.shtml

19. Werber, B. (2000) *Imperiya angelov* [The Empire of the Angels]. Translated from French by A. Agafonov. [Online] Available from: <https://libcat.ru/knigi/proza/sovremennaya-proza/16547-bernard-verber-imperiya-angelov.html#text>

20. Kasack, H. (1947) *Gorod za rekoy* [The City beyond the River]. Translated from German by T. Kholodova & A. Gugin. [Online] Available from: <https://lib-drama.narod.ru/kasack/kasack.htm>

21. Petrushevskaya, L. (n.d.) *Dva tsarstva* [Two Tsardoms]. [Online] Available from: http://rulibs.com/ru_zar/prose_contemporary/petrushevskaya/8/j15.html

22. Matheson, R. (2016) *Kuda privodyat mechy* [What Dreams May Come]. Translated from English by I. Ivanchenko. [Online] Available from: https://www.100bestbooks.ru/files/Matheson_Kuda_privodyat_mechty.pdf

Информация об авторе:

Ковтун Е.Н. – д-р филол. наук, профессор, ведущий научный сотрудник, зав. Отделом истории славянских литератур Института славяноведения РАН (Москва, Россия). E-mail: kovelen@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.N. Kovtun, Dr. Sci. (Philology), full professor, leading research fellow, head of the Department of the History of Slavic Literatures, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: kovelen@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.06.2024;
одобрена после рецензирования 22.06.2024; принята к публикации 18.11.2024.

The article was submitted 20.06.2024;
approved after reviewing 22.06.2024; accepted for publication 18.11.2024.

Original article

UDC 821

doi: 10.17223/19986645/92/10

Pseudo-detective stories: A comparison between Franz Kafka's *The Trial* and Ryunosuke Akutagawa's "In a Grove"

Bac H. Le¹, Hang T.T. Dao², Phuong N. Le³

^{1, 2, 3} Hanoi National University of Education, Hanoi, Vietnam

¹ baclh@hnue.edu.vn

² hangdtt@hnue.edu.vn

³ phuongln@hnue.edu.vn

Abstract. Based on traditional detective stories, Kafka and Akutagawa tempted to create a form of pseudo-detective stories, making them flourish during the 20th century and the early decades of the 21st century. Kafka composes *The Trial* under the absurd sentence of Josef K., to turn Josef K.'s solving the case into self-conviction and conclude that dictatorship and bureaucracy do harms to human life. *The Trial* also gives a thought that people are always sinful and cannot escape the domination of a supreme power. Similarly, Akutagawa also uses the structure of the pseudo-detective story to parody reason – the basis of modern knowledge – by composing a sentence with a murder in which any character involved, including the victim, who also identifies oneself as a murderer. If Kafka asserts that everyone can be at fault, then Akutagawa thinks everyone can be a killer. The philosophical warnings of these two genius writers help awaken readers, with the serious, humorous and intellectual narrative style of the pseudo-detective story that is highly appealing. Kafka and Akutagawa have inspired generations of writers and readers who enjoy their literature of sin investigation. Pseudo-detective stories have thus become one of the phenomena of distinctive narrative.

Keywords: pseudo-detective story, Franz Kafka, Ryūnosuke Akutagawa, *The Trial*, "In a Grove"

For citation: Le, H.B., Dao, T.T.H. & Le, N.P. (2024) Pseudo-detective stories: A comparison between Franz Kafka's *The Trial* and Ryunosuke Akutagawa's "In a Grove". *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 92. pp. 190–203. doi: 10.17223/19986645/92/12

Introduction

Detective stories were created by Edgar Allan Poe and developed by Arthur Conan Doyle and Agatha Christie. In the 20th century, in an attempt to innovate literature, a trend emerged known as "anti-detective story" [1. Vol. 1. P. 154], "Doomed Detective" [2] or "metaphysical detective story" [3; 4. P. 197]; "pseudo-detective story" [5. P. 141]. All of these detective stories display characteristics of postmodernism, so they can generally be called the "postmodern detective story". Following Jacques Derrida's theory of "deconstruction" [6], we consider the term "pseudo-detective story" suitable for this writing style. Authors do not destroy the conventions of detective stories; rather, they renew them by using the

structure of the genre featuring a trial (usually a murder), a victim, a criminal, and a detective. However, the purpose of the story is not to find the criminal. The authors, instead, aim to explore sins inherent in human nature. In many such stories, they confirm victims and murderers can inhabit in anyone unaware of their dark side. In this field, Franz Kafka and Ryūnosuke Akutagawa are masters, even though they lived and wrote in the modern times.

The writers of the traditional detective story believe in "fixed" details, which are used to make a clear detective journey and a "happy ending" when everything is resolved. However, this approach usually bears a risk of the "grand narrative" [7. P. 15]. In contrast, Kafka and Akutagawa place their characters on a journey and under a multipoint of view. They think that the purpose of the journey is never as important as the journey itself. Thus, there are no "happy endings" in a pseudo-detective story. An unending journey is an ultimate criterion of characters' actions. By the end of the story, readers are left unsatisfied and never know who the detective or the criminals are. Through the pseudo-detective narratives, the writers pay more attention to establishing "actions" at each stage of the journey than its end. Therefore, in many cases, readers themselves will become the co-authors to continue the story in their imagination.

Franz Kafka (1883–1924) and Ryunosuke Akutagawa (1892–1927) lived at the same time. They did not affect each other, but they had similar styles of the pseudo-detective story and magical realism (that we can see in *Metamorphosis* (Kafka) and *Kappa* (Akutagawa)). This article attempts to discover the similarities and differences in their pseudo-detective writings.

Franz Kafka's sentence without a murder, a killer or a detective

Tzvetan Todorov divides the detective story into "the story of the crime and the story of the investigation" [8. P.44]. So, there are two stories in a detective story. The story is usually told from the standpoint of the detective who investigates the crime; therefore, the detective story is actually a reconstruction of the initial crime story.

A traditional detective story tends to be very attractive to readers. Its plot is taut and thrilling; its center always includes a mysterious murder. However, detectives do not emphasize strongly on crimes but take them as a clue to develop their "investigation" stories. The process of the investigation leads readers into a mystery of sins to help them realize the truth and know who is guilty and who should be praised. A complete structure of the detective story will include victims, detectives and crimes, and, of course, a resolved ending.

Franz Kafka renovated detective stories. He creates a pseudo-detective story in which readers cannot infer who the victim or the criminal is. His characters are double-faced, representing different persons. Josef K. is this kind of character. One day, on his 30th birthday, two strange men named Willem and Franz appeared and declared to guard Josef K. because Josef K. was a criminal. At first, Josef K. thought it was a joke, but gradually he became aware of the seriousness of the situation, and he later figured out what his crime and his sentence were.

He went to court, met with judges and lawyers, and asked his relatives and other people close to the court to help him. But all he knows is that he is guilty and his sentence has not yet been tried, but if it is, it will only be on parole or postponement, but never acquitted. A year passes, and finally Josef K. dies on his 31st birthday because of a knife of a stranger who calls himself an executioner, and stabs him in his heart.

Josef K. became the puppet of his own case. The absurdity is expressed at the beginning of the story: "Someone must have been telling tales about Josef K., for one morning, without having done anything wrong, he was arrested" [9. P. 5]. The more he investigates the trial, the deeper he falls into the maze of absurdity and ignorance. Some people tell him that his case is very complicated because the guilt sentenced to him is not a conventional guilt. Josef K. gradually became aware of his situation through a dialogue with his uncle Albert: "'First of all, Uncle,' K. said, 'it's not a case that's being tried in the normal court.' 'That's bad,' said his uncle. 'What?' K. said, looking at his uncle. 'I think that's bad,' his uncle repeated" [9. P. 67].

Even when speaking to artist Titorelli, Josef K. reaffirms the bizarre nature of his sentence: it eventually discovers a crime that has never existed before. Through these remarks, Josef K. proves that *he truly understood the nature of non-understanding*. But it is worth noting how Josef K. refuses to give up on that *non-understanding*. Thus, the more he investigates his sentence, the more he falls into the tragic situation of non-understanding. The discourse that innocent people are convicted suddenly becomes strangely sensible once one fails to explain the cause and motive to condemn oneself. Kafka isolates his characters from the real environment, placing them in a place of no moral convention where they can be aware of their true nature in that wild land.

The declaration of a gratuitous sentence and the victim's investigation of that sentence create a unique pseudo-detective atmosphere. Although the work has a gratuitous crime, a court, a conviction, sentencing, and even the death penalty, the content of the sentence is not known. Even Josef K., the victim, is no longer merely a sinner but also a detective who has to investigate his own sentence. The story creates chaos and a reversal of convicted orders that gives a great meaning to readers about the postmodern era where values are reevaluated and constantly deconstructing [6], amidst the irresistible transformation of humankind.

Under the influence of the multivalued view from postmodern philosophy, literature has experienced numerous changes. Novel composition styles appear to be bolder and more daring. Postmodern literature creates unique forms of creativity and innovative ways to perceive the world with profound images. Its purpose is to demonstrate that human creativity knows no bounds. Beauty and the truth in the world are not necessarily immutable. It is important whether the reader chooses to participate in the creative journey.

Kafka consistently strives towards the concept of the absolute. His artistic thinking is also based on that view. He had no illusions of reaching absolute but believed that there was absolute. Therefore, his works are built upon the foundation of the absolute, but at the same time reflect a certain denial and disbelief of the absolute. Kafka once said, "Man cannot live without a permanent

faith in something indestructible in himself. [...] At the same time this indestructible part and his faith in it may remain permanently concealed from him" [10. P. 172]. Kafka's the absolute belief in the absolute – which is something irrevocable – is based on the fact that it exists in anyone, even if one is not fully aware of it.

Reading *The Trial*, readers encounter the "investigative people". They stand out as representatives of humankind in the time of the "death of God", as proclaimed by Nietzsche: "God is dead. God remains dead. And we have killed him. How shall we comfort ourselves, the murderers of all murderers?" [11. P. 120], and even part of the time of losing the self – the majestic individual – to dissolve into the crowd of "the sound and the fury" (referencing the title of a novel by William Faulkner), of monstrous pieces of human form, such as in *Metamorphosis* by Kafka, and so on. However, they still do not accept the decline of human life. World War I and the dangers of fascism did not stop their search for a reason and a way to survive. Not to mention what Josef K. seeks, the act of trying to escape itself from that invisible power deserves its recognition in a positive light.

However, these "investigative people" also come from Kafka's view of art. He considers the whole action of outstanding writings in the humanities as being exploited in the form of a detective story. In response to a question posed by Kafka himself, "Who does the writer want to write?", Janouch recorded Kafka's words in the following conversation, "When Kafka saw a crime novel among the books in my briefcase, he said, 'There is no need to be ashamed in reading such things. Dostoevski's *Crime and Punishment* is after all only a crime novel. And Shakespeare's *Hamlet*? It is a detective story. At the heart of the action is a mystery, which is gradually brought to light. But is there a greater mystery than the truth? Poetry is always an expedition in search of truth'" [12. P. 166].

Kafka's pseudo-detective fiction, on the one hand, investigates the hidden corners of society and people, and, on the other hand, attempts to get closer to the truth of human existence. Kafka's investigation, whether in *Metamorphosis* or *The Castle*, ultimately answers whether there is truth in the world. Kafka does not answer directly; the reader through his pseudo-detective stories may find the answer on their own. In many cases, however, they will not find the answer.

Even Kafka himself did not give a clear answer. When Kafka was asked, "But what is truth?", he answered, "Truth is what every man needs in order to live, but can obtain or purchase from no one. Each man must reproduce it for himself from within, otherwise he must perish. Life without truth is not possible. Truth is perhaps life itself" [12. P. 166–167].

This answer in fact remains unresolved. It turned out that Kafka was steadfast in his unspoken manner. Postmodernists would prefer this kind of structures because the similarity of the process of finding the truth in a detective story is also the entry process into the unconscious realms to find out our own ego and into the nature of writers' language in reproducing reality. Its purpose is to release individual capacity to the greatest extent. The famous works of pseudo-detective trends – *The Trial* (Franz Kafka) *The Name of the Rose* (Umberto Eco), *City of Glass* (Paul Auster) – are recalled by researchers.

Ryunosuke Akutagawa's sentence with a victim, murders, and a detective

If Kafka's character is a "criminal investigator", then Akutagawa's is a "confessor". Kafka's character plays the role of a "detective", Akutagawa's a "criminal". The similarity between the two writers is that their characters, whether they are victims or criminals, sin and the source of sin still resides there. Humans are hard to avoid.

Todorov calls Kafka's narrative technique the concept of "generalized fantastic" and describes its characteristics as "swallowing up the entire world of the book and the reader along with it" [13. P. 174]. Akutagawa in his art of generalization, especially in "In a Grove", in line with Todorov's idea, creates a kind of a "magical swallow" to any reader when approaching the work. That aggressiveness to readers came from an open ending when the "I" died and three characters admitted the crime. It is one of the most mysterious and virtual endings in literature works of humankind.

Putting "In a Grove" in relations with the fantasy, Susan J. Napier in the *Introduction of The Fantasy in Modern Japanese Literature – The Subversion of Modernity* wrote, "Akutagawa, in particular, is known in both Japan and the West for his imaginative and often surprising fantasies which incorporate both "impossible" situations with an attitude toward the real that is fascinatingly ambivalent. Perhaps the best example of this is Akutagawa's famous short story, "In a Grove" (familiar to many Westerners in Kurosawa's 1953 film version, *Rashōmon*)" [14. P. 14–15].

She explained how the story captivated the readers, "Akutagawa uses a mystery-story format, specifically a trial scene in which victims and perpetrators of a crime are gathered together to ascertain the actual truth of a rape-murder of an aristocratic woman and her husband. Each of the participants left alive gives a startlingly different account of the incident until finally the woman's murdered husband is summoned from the dead" [14. P. 15].

The entire story offers seven points of view on the murder. The seventh viewpoint comes from the victim – the person who was killed. His soul is conjured up by magic, perhaps through mediumship, to recount the cause of his death. Susan J. Napier commented, "In a traditional ghost/mystery story, this introduction of the supernatural would lead to the final unravelling of the mystery. In *In a Grove*, however, Akutagawa's final twist is simply one more turn of the screw: the ghost gives a completely different, but obviously prejudiced version of the events and the final truth is never discovered" [14. P. 15].

Through special narrative, Napier considered Akutagawa as a postmodern writer: "Akutagawa's use of the fantastic as a means to a final awareness of unknowability, rather than an end to a final truth, is almost postmodern in its narrative effect, but the ambiguous nature of truth, reality, and fantasy is an aspect that many Japanese writers work with" [14. P. 15].

Writing almost at the same time with Kafka and sharing a similar sense of imperfection of existence, Akutagawa, though not yet reaching the philosophical generalization like Kafka, leaves his own mark on his domestic audience. Scholars

appraised him as "the father of Japanese short stories" [15]. Donald Keene concluded, "Akutagawa disclaimed any desire to become a god, but he became one anyway" [16. P. 588]. From these achievements, no one can deny Akutagawa's outstanding talent.

With "In a Grove", the world was introduced to a masterful style deeply rooted in Japanese identity. The work, when deeply analyzed, is essentially a Zen koan about what can and cannot be understood. Alternatively, it can be viewed as a re-narration of a Zen koan about the knowable and the unknowable. Despite its brevity, the short story contains core ideas ingrained in the spirit and culture of the Japanese people for generations.

The story of honor, duties and obligations is central to Orientalism, reflecting the long-standing traditions of Confucian values, which have shaped Japanese identity. People need loyalty, honor, duty and responsibility. In this context, when the wife is assaulted by a robber, she burst out to preserve her dignity by forcing one of the two men to die. For her, being shamed in front of two men is unacceptable, far worse than death. The problem here is not about who she loves but about her feminist dignity. The husband, in this case, is recognized as a witness of her virtues. In this case, her husband only shares the same status as the robber even though he is honest and has a higher social rank than that robber. It was common sense for the wife to stand with her husband against the robber and not to beg for the death of a man to preserve her honor. Her words show her authority. The husband has no value over this self-aware virtue.

The wife's words, therefore, represent a true feminist power discourse. After her request, two men rushed into a fight, which is a struggle for honor and beauty. The fight is true, the husband's death is real. But the incident of how the husband died for whose hands was so vague. In the story, three people claim to have killed the husband. First of all it is the wife. This person stated that the reason was because the husband looked at her with "loathing" eyes, so she could not stand it and used a knife to kill him. The second is the robber Tajomaru. He said that he took action just because the woman wanted it and because deeper inside he wanted to live with a beautiful and courageous woman. The last one is the husband Kanazawa Takehiko. He committed suicide because he felt humiliated, hopeless or broken in his belief in their marital relationship.

Three possible thoughts may have appeared in Takehiko's mind: one is that he feels humiliated for being fought over by the robber; two is that he witnesses his wife being raped and cannot help; three, and much worse, is that his wife asked the robber to kill him before she could safely be the robber's wife, which is such an unforgivable insult. Observing from this view, readers would find Akutagawa's story more about moral assertion than the detectiveness in Kafka's story. "In a Grove" bears the shadow of a detective story. There is a murder, a judge, and an investigation with many witnesses involved. In addition to the three characters directly involved in the case – the victim Kanazawa Takehiko, the robber Tajomaru, and the wife Masago – the narrator presents four witnesses, the woodcutter, the priest, the forest guard, and the wife's mother. These four outsiders confirm the murder and the identification of the victim and people

related to him. The victims are a young couple who went into the forest, but only the body of the husband was found, and no one knew where the wife was, even her biological mother. These witnesses just happened to encounter a body that died from a stabbed wound in a bamboo grove. Each witness functions as a narrator and the story is gradually revealed. If the narrative was told from a single "I" or an anonymous narrator perspective from the beginning to the end, the story would surely be straightforward – the cause of death would be uncovered, and the villain would be revealed. Yet, narrating from multiple points of view and mixing up truths and assumptions are optimal ways to increase the story's mystery. This is both a way to create objectivity for the narrative and a method Akutagawa used to "double-characterize" his characters. Except for the witnesses, the three remaining characters are all dual characters and have the same characteristics of seemingly very honest when narrating, but the listeners cannot believe them because they do not own the final truth. In this case, the reader becomes a detective for Akutagawa's story. To create this duality, the narrator interweaves "real" and "unreal" stories.

Events considered "real" may be recorded as follows: There was a husband and a wife going through a forest. There was a robber who loves the beauty of the wife.

The robber planned to tie up the husband and rape the wife.

The husband died, the wife escaped from the robber, no one knew where she went.

These are "real" events since they are confirmed by four witnesses, especially the death of the husband. The death was real and there were three people who admitted being the murderer, but, in the end, no one knew exactly who the killer was. This is the peak of a unique detective parody – more precisely, a parody to the man's innocent belief in "truth": when the man himself declare that he is a murderer then he is the murderer. But if he was not the real killer, then who killed the husband? The question is what made the husband die. When tracing this cause, it is likely that the reader can figure out who the killer is. By this way of creating and solving problems, Akutagawa comes up with a unique way to attract readers to co-creating. Readers will play the role of a witness, or even a "murderer", to interpret the reasonable absurdity about the "real" murderer.

Back to the starting point, the cause of the murder is because the robber loves the beauty of the wife, even after a brief observation. The robber admitted, "she looked like a Bodhisattva" [17. P. 16]. Her beauty is appraised like worship. Therefore, the evil intention to usurp that "female bodhisattva" of the robber is somewhat justified because he is infatuated with her like "a worship". From this perspective, beauty is also dual. Beauty can awaken not only kindness but also sin. The robber, in his words, wanted to possess her body for her appearance, and also wanted to marry her for the soul. This once again creates a confusing ambiguity.

In addition, when the robber lured the husband into a trap, the wife was always wary; she "would wait on horseback" [17. P. 18] while the husband, blinded by greed for imagined treasure buried in the forest, followed the robber without

suspicion. Comparing their behaviors, the husband appears unworthy – foolish and greedy – making it easy for the "clever" robber to carry out his dark conspiracy. The death of the husband comes from his greed. The rape of the wife comes from the robber's sexual desire and the woman's beauty. The philosophy of sin implies that sin comes from greed, beauty, and sexual desire.

Kafka, however, approaches sin differently. For Josef K., sin lies in belief itself. To think of oneself as a sinner is to become one. Similarly, in *"In a Grove"*, even if the wife does not physically kill her husband, she is also a criminal, she is the cause of the "inappropriation", which leads to the death of the husband, even if the husband died of his own hand (suicide, as told by the soul) or of the robber (as in the robber's confession). So, it is not entirely wrong to state that the woman killed her husband. However, when she declares to kill the husband herself, the narrative goes much deeper: people can kill without a knife. This moment reflects a Zen koan – very vague but very humane: the murderer can be anyone and the murder can be of any type, even through acts that do not actually cause death. The philosophy here is that a person will always be a criminal when they let go of their desires and act on intrusive thoughts. Therefore, they will easily execute the murder sentence in a non-physical act of murder.

So, is the robber a real murderer? Similar to the wife, he might not have been the one who inserted the sword into the husband's chest, but he was still the killer. In metaphorical terms, his act of appropriating other people deserves a conviction of murder. He is tricky. He not only seduced the husband, but also realized the murder. The very person who lives outside the law points out the murder behavior of those who never kill. He accuses the judges, who in the name of justice accuse others, "In killing, I use the sword I wear at my side. Am I the only one who kills people? You, you don't use your swords. You kill people with your power, with your money. Sometimes you kill them on the pretext of working for their good. It's true they don't bleed. They are in the best of health, but all the same you've killed them. It's hard to say who is a greater sinner, you or me" [17. P. 17].

The above quote is just a sudden commentary speech of the robber, but it captures the "murderous" nature of the era or life in general. To survive, people need to compete. In a sense, any competition for or not for profit has the risk of damaging the partners. According to the robber's narration, his original purpose was not to kill anyone but to rape a woman, a very instinctive desire in Freud's sense. However, after performing the act, he was moved by the woman and listened to her to fight and kill her husband. The murder was supposed to make way for him to live with the woman. It is because of the desire to beauty (body and soul) that the thief commit murder.

But not only did the robber claim the murder, the wife also insisted on admitting that evil sin. "Worthless as I am, I must have been forsaken even by the most merciful Kwannon. I killed my own husband. I was violated by the robber. Whatever can I do? Whatever can I... I..." [17. P. 23]. The husband did not lose to the other two when he identified himself as a murderer. The ghost's narrative is the last piece of the tragic, murderous puzzle, which is highly "confessed" or "repentant". The ghost got "angry" when the robber flirted and raped his wife,

then "jealous" because of the courtship and "hurt" because his beloved wife agreed to go with the robber. Not stopping there, the pain of the husband was "extreme" when the wife asked the robber to kill her husband because if the husband lived, she could not live with the robber. But instead of following her words, the robber sided with her husband, asking if the husband should kill the wandering wife. Because of the robber's actions, the husband admired him without blaming for anything he did. When the wife fled, the robber pursued her. Left alone in solitude and despair, the husband committed suicide. This is the story told by the ghost.

From the husband's perspective, the wife deserves to die, yet he believes he deserves so more because of loving this unworthy person. The dialogue in the story is laid out continuously on the surface and in the deeper layers. Thanks to the robber, the husband realized the truth about his wife's personality. The robber, as the husband understood, was indignant because of the brazenness of the woman and wanted to eliminate her. Luckily, she escaped. Summarizing the narratives of the three characters, we see that everyone is both a victim and a criminal. The murder of the man was caused by all three people, and everyone was convinced. But even if everyone pleaded guilty, readers and the judge himself could not tell who the true killer was. Therefore, killers, as analyzed, are a "humankind attribute", as listed below:

A foolish man (husband) is a murderer: death for foolishness.

A greedy man (husband, robber) is a murderer: death for greed.

An inferior man (husband) is a murderer: death for weakness.

An honorable person (husband, wife) is a murderer: death for honor.

A self-respecting man (husband, wife, robber) is a murderer: death for self-respect [18. P. 99].

As such, every human "quality" or "attribute" can potentially kill other people. Humans, no matter how many qualities they have, can bear risks to be murderers. This creates a paradoxical, counter-Zen Zen koan – a reflection on the bitter irony of human existence. People die because of greed, love, honor, and countless other reasons, with no escape from these forces. It turns out that the thought that "the killer is not the killer" has shifted to mean a non-murderer who is still considered a killer. So, Zen teaches us that every human behavior, ethically or not, contains the danger of killing and destroying life. People need to be aware of this all the time.

The story unfolds like a dream, instilled by the Freudian spirit that explores the dark unconsciousness and its unparalleled power. In this realm, the human nature is always boiling, waiting to "overthrow" the achievements of the existing civilization. A story with three self-declared murderers of the same murder conveys the deep mysteries of human soul. Akutagawa does not seem to write about a specific murder case but rather about a potential murder that can happen anywhere, in any form, throughout the unpredictable journey of human life. His works, thus, constantly increase their reach among readers [18. P. 100].

Among Akutagawa researchers, Howard Hibbett presents the most thorough analysis and appropriate evaluation of this Japanese writer's work, "What he did was to question the values of his society, dramatize the complexities of human

psychology, and study, with a Zen taste for paradox, the precarious balance of illusion and reality. He developed a variety of techniques - from realism to fantasy, symbolism to surrealism - and used all of them in the search for poetic truth" [17. P. 12].

Haruki Murakami is also greatly influenced by Akutagawa. Since elementary school, Murakami read Akutagawa through selected texts in his textbooks. Right from that moment, Murakami was overwhelmed by Akutagawa's liberal writing and sophisticated use of Japanese language. Murakami stated, "One never tires of reading and re-reading his best works. Akutagawa was a born short-story writer who produced a great many works, some more successful than others" [19].

Donald Keene in *Dawn to the West* wrote about Akutagawa, "No one can read them without recognizing in Akutagawa a quality at once peculiarly modern and peculiarly tragic. In his last works he surrendered the skills that were his birthright and gained with his death a lonely immortality" [16. P. 589]. Despite his appreciation for Akutagawa, Keene insists that the "multiple points of view" technique in "In a Grove" (Keene translated as *Within a Grove*) was affected by the West. "Several viewpoints were inspired by Robert Browning's *The Ring and the Book*. But even if this work influenced the conception of *In a Grove*, Akutagawa's contribution can hardly be disputed" [16. P. 572]. The idea of Europe as the center of literary innovation is not satisfactory to Akutagawa. The technique of multiple narrative perspectives originates in the East, such as *One Thousand and One Nights*. Even the Japanese have this tradition in Noh drama. Moreover, the multiperspective technique is the only means for Akutagawa to convey the Zen identities of the story. It can be said that Zen philosophy is what gives uniqueness to "In a Grove".

Similarities between the two writers

Howard Hibbett in the *Introduction* of *Rashomon and Other Stories* acknowledges Akutagawa's great talent, "Like Picasso, Akutagawa often varied his style [...]. The composure of his style is undisturbed even by vivid accents of the sordid or the bizarre" [17. P. 9–10]. In *Kappa*, when "I" ask the senior of the country of Kappa, "But I tumbled down into this country entirely by chance. And now I would ask you if you would please tell me how I could escape from here", he receives the answer, "The way by which you came" [20. P. 135].

The conversation is exactly the same as that of Josef K. in Franz Kafka's *The Trial* when talking to the priest in the cathedral. When Josef K. asked for the exit because he found himself lost in the church one morning, the priest replied, "The court does not want anything from you. It receives you when you come and dismisses you when you go" [9. P. 160]. The church instantly transformed into a court, and the priest transformed into a "prison chaplain", yet only Josef K. still being Josef K. with an infinite sentence that could not be overturned.

These dialogues show the extreme confusion among people. It is no longer a lost way on a physical path, but a metaphor for being lost in life, since moral values and lifestyle standards are no longer relevant to reality. These writers are always aware of their "marginalized" destiny, unsure of where to go amidst the

besiegement of a terrible and unintended power. This contributed to the explanation why Kafka had a short lifetime. Although his death at the age of 41 was due to illness, somewhere in him still reveals a feeling of alienation and intolerance with the "others" that have become cruel and barbaric from the surroundings.

Akutagawa's situation may be even more tragic. At the end of his life, according to the research by Eriko Arita, Akutagawa suffered from a lot of miseries and pressure from life. It started from the unexpected journalist career, to the unlucky burning of his sister's house in 1927, and then the suicide of his brother-in-law for being suspected of burning the house. Eriko Arita wrote, "It was all too much", because on Sunday, July 24th, 1927, Akutagawa took a fateful sleeping pill and died at the age of 35. Next to his pillow, he placed a Bible and a message explaining the cause of his suicide, "a vague unease about my future" [19]. Among the unpublished works found after his death, there is an earlier work on Jesus, entitled "Sequel to the Man of the West". Akutagawa and Kafka both believe in God's salvation, but at the same time they doubt it. Not only their lives, but also their works contain countless mysteries. It is worth noting that, at first glance, their works seemed to be straightforward, at least linguistically, but behind that clarity it is not easy to follow them at all. The way they brought philosophical thoughts into everyday stories is not simple. Only literature masters can do it.

While Kafka's pseudo-detective story concludes with a murder and Akutagawa's begins with one, both stories discuss the origin and nature of sin. Although the story structures and each writer's interpretation are different, they share the same view that sin ultimately destroys people. In Kafka's work, the character is a "criminal investigator", while in Akutagawa's, the characters are "criminal confessors". Kafka's protagonist acts as the "detective", meanwhile Akutagawa's one as the "criminal". However, the similarity between the two writers is in the characters in their stories: regardless of whether they are victims or criminals, sin and evil still reign in them. These are hard to avoid as humans.

Detective stories are based on "journeys", on a situation of a thrill or a mysterious event which is often related to a case. Therefore, important elements of a detective story are the plots, which contain several mutations, and a wise detective character. When postmodernists produce their works according to the detective, they in fact use "fake plots" or "fake detective characters". They keep *purposes of trace*, which are nature of the detective stories, but they change tracing purposes by adding many topics and many plots. It is to aim at recreating the chaos of life and obscurity without escape when detectives involve in the quest and in most of cases, postmodern detective works set a target of detecting human nature. These postmodern features can all be found in the stories of Kafka and Akutagawa.

Kafka and Akutagawa's stories are a "trap-story"; according to McHalle, "Kafka's texts seem to promise allegorical meaning, soliciting an allegorical interpretation from the reader, yet withholding any indication of specific allegorical content. Everything is potentially allegorical, but nothing is actually an allegory; the trope seems to lack a specific literal level or frame of reference" [21. P. 141].

Conclusion

The pseudo-detective stories are deeply connected to the ideologies of major religions while reflecting postmodernism in nature. If *The Trial* is related to Christianity, "In a Grove" is in the shadow of Buddhism. These works carry the philosophy of the origin of crime, the way people commit crimes, and the warning about the harms of crime. Each writer has his own way of composing, but they create dialogs with the traditional thinking. The dialog [22] makes them different from other writers. In the end, the crime they (or readers) find out, however, depends on each person. They want human beings to remember to live better.

Jacques Derrida's concept of deconstruction has brought a positive view in life. Writers like Franz Kafka and Ryunosuke Akutagawa composed long before Jacques Derrida's time, but with senses of the genius artists, they deconstructed the traditional detective genre to compose the pseudo-detective story. Their works created many religious, ideological and literary intersignalities [23. P. 239] and dialogues with traditional culture in order to build a more liberal and humane view of life.

Starting with Kafka, the pseudo-detective is a detective story, but the content, the meaning of the story is not focused on that specific trial: the aim is not to find out who the culprit is but to focus on the issue of sin: how it is shaped and how people deal with it [24]. Kafka and Akutagawa are writers who have a neutral viewpoint (neither optimistic nor pessimistic) about life. Rather, they advise people not to be optimistic about the world. Although life does not lack good people, it is still overcast, dark and unreasonable due to greediness and aggression of many people. If the illusion is bright, someone will easily fall into the tragedy of disillusionment. Pseudo-detective writers recommend that we look at life from the darkness, bottom up, not top down, which is similar to the tradition of seeing people as the center of the universe. Best of all, that seemingly negative philosophy has been true for many situations throughout Kafka's time until now. Humankind has never shown a face in order to be able to see every hidden corner, every evil part as they do now. Many people even are proud of their own evil.

The pseudo-detective story also shows people that social evils are not far away, but lie within the very actions of individuals who choose to ignore sin. From this perspective, these writers demonstrate profound reflective insights. They force readers to reflect on themselves in each moment, uncovering hidden flaws and moral shortcomings. This process of self-reflection, over time, can contribute to the improvement of both individuals and society as a whole.

Kafka and Akutagawa can be seen as pioneers of the pseudo-detective genre, crafting a unique and complex narrative style. Deconstructed in identity, a detective story is not as it used to be. Its detectiveness is changed. While the stories cover main characteristics and make it act as if it is a detective story, they diverge in intent. The purpose now is not to solve a crime but to reveal the victim and the murder which always inhabit in anyone.

References

1. Spanos, W.V (1972). The Detective and the Boundary: Some Notes on the Postmodern Literary Imagination. *Boundary 2*. 1 (1). pp. 147–168.
2. Tani, S (1984) *The Doomed Detective: The Contribution of the Detective Novel to Postmodern American and Italian Fiction*. Carbondale and Edwardsville: Southern Illinois University Press.
3. Holquist, M (1971) Whodunit and Other Questions: Metaphysical Detective Stories in Post-War Friction. *New Literary History*, 3 (1). pp. 135–156.
4. Holquist, M (1997) *The detective*. In: Bertens, H. & Fokkema, D.W (eds) *International Postmodernism: Theory and Literary Practice*. Philadelphia: John Benjamins Pub. Co. pp. 195–203.
5. William, R.L (2007) *The Columbia Guide to the Latin American Novel Since 1945*. New York: Columbia University Press.
6. Derrida, J (1997) *Of grammatology* (G.C. Spivak, Trans.). Baltimore and London: John Hopkins University Press.
7. Lyotard, J-F (1984) *The Postmodern Condition: A Report on Knowledge* (G. Bennington and B. Massumi, Trans.). Manchester University Press.
8. Todorov, T (1977) The Typology of Detective Fiction. In: *The Poetics of Prose* (R. Howard, Trans.). Ithaca: Cornell University Press. pp. 42–52.
9. Kafka, F (2009) *The Trial* (M. Mitchell, Trans.). New York: Oxford University Press Inc.
10. Brod, M. (1960) *Frank Kafka, A Biography*. New York: Schocken Books.
11. Nietzsche, F (2008) *Gay Science* (J. Bailiff and A. Del Caro, Trans.). New York: Cambridge University Press.
12. Janouch, G (1968) *Conversation with Kafka*. Goronwy Rees (trans.). Worcester and London: The Trinity Press.
13. Todorov, T (1975) *The Fantastic: A Structural Approach to a Literary Genre*. Ithaca, New York: Cornell University Press.
14. Napier, S.J (1996) *The Fantastic in Modern Japanese Literature – The Subversion of Modernity*. London; New York: Routledge.
15. Akutagawa, R (2019). *New World Encyclopedia*. [Online] Available from: <http://www.newworldencyclopedia.org/book/19/31/08/>
16. Keene, D (1987) *Dawn to the West*. New York: An Owl Book.
17. Akutagawa, R (1996). *Rashomon and Other Stories* (T. Kojima, Trans.). Tokyo: Charles E. Tuttle Company, Inc.
18. Hang, D. T. T. (2018). *Nhà văn Nhật Bản thế kỷ XX* [20th Century Japanese Writers]. Ho Chi Minh City: Ho Chi Minh City General Publishing House.
19. Arita, E. (2012) *Ryunosuke Akutagawa in focus*. [Online] Available from: <https://www.japantimes.co.jp/12/03/18/>
20. Akutagawa, R (1994). *Kappa* (G. Bownas, Trans.). Tokyo: Charles E. Tuttle Company, Inc.
21. McHale, B (2004). *Postmodernist Fiction*. London; New York: Routledge.
22. Bac, L.H., Hang, D.T.T. & Phuong, L.N (2021) The Bakhtin Circle's dialog in Vietnam. *Humanit Soc Sci Commun*. 8. 159. doi: 10.1057/s41599-021-00840-8
23. Hang, D. T. T. and Bac, L. H. (2019). Haruki Murakami's *Norwegian Wood*: Intersignalities to Scott Fitzgerald, Thomas Mann, J.D. Salinger, and Ken Kesey. *Asia-Pacific Social Science Review* 19(3), pp. 239–246.
24. Bac, L.H. (2018) *Franz Kafka – Người tẩy não nhân loại* [Franz Kafka – The Brainwasher of Humanity]. Ho Chi Minh City: Ho Chi Minh City General Publishing House.

Information about the authors:

Bac H. Le, professor, Hanoi National University of Education (Hanoi, Vietnam).
E-mail: baclh@hnue.edu.vn

Hang T.T. Dao, associate professor, Hanoi National University of Education (Hanoi, Vietnam). E-mail: hangdt@hnue.edu.vn (Correspondence).

Phuong N. Le, Master of Arts, Hanoi National University of Education (Hanoi, Vietnam).
E-mail: phuongln@hnue.edu.vn

The authors declare no conflicts of interests.

*The article was submitted 01.04.2023;
approved after reviewing 15.12.2023; accepted for publication 18.11.2024.*

*Статья поступила в редакцию 01.04.2023;
одобрена после рецензирования 15.12.2023; принята к публикации 18.11.2024.*

Научная статья
УДК 82-5+929
doi: 10.17223/19986645/92/11

Восьмидесятилетний юбилей Г.Н. Потанина: по материалам его архива в Научной библиотеке Томского университета (Статья вторая)

Ирина Анатольевна Поплавская¹

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск,
Россия, poplavskaj@rambler.ru*

Аннотация. Во второй статье рассматриваются материалы из архива и библиотеки Г.Н. Потанина, относящиеся к его восьмидесятилетнему юбилею. Анализируются поздравительные адреса, приветствия, газетные статьи, сборники, брошюры. Основное внимание уделено возникновению и развитию идеологии сибирского областничества и восприятию Сибири в региональном, общероссийском и евразийском культурном сознании начала XX в. Многие из представленных в статье материалов впервые вводятся в научный оборот.

Ключевые слова: Г.Н. Потанин, юбилей, Сибирь, областничество, общественные организации, сибирская периодика

Благодарности: результаты исследования были получены в рамках выполнения задания гранта РНФ № 23-28-00447.

Для цитирования: Поплавская И.А. Восьмидесятилетний юбилей Г.Н. Потанина: по материалам его архива в Научной библиотеке Томского университета (Статья вторая) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 92. С. 204–225. doi: 10.17223/19986645/92/11

Original article
doi: 10.17223/19986645/92/11

Grigory Potanin's eightieth anniversary: Based on materials from his archive in the Research Library of Tomsk State University (Article II)

Irina A. Poplavskaya¹

¹ *National Research Tomsk State University,
Tomsk, Russian Federation, poplavskaj@rambler.ru*

Abstract. Within the framework of anniversary studies as a special field of humanitarian research, the article considers the celebration of the eightieth anniversary of Grigory Potanin (1835–1920), an encyclopedist scientist, traveler, public figure, publicist, ideologist of the oblastnichestvo movement. The article aims to construct Potanin's personality in the public consciousness of Siberia at the turn of the 20th century. The objectives of the study are: to consider Potanin's biography, creative, social and scientific

activities as a special life-building project; to analyse the mechanisms of his personality's institutionalization; to comprehend the features of the *oblastnichestvo* movement at this stage; to reveal the ideas of Siberians about the social, economic and cultural situation of Siberia during this period. Welcoming addresses in honour of Potanin's 80th birthday, which are stored in his archive at the Research Library of Tomsk State University, were the material for the study. Many of them are introduced into scholarly discourse for the first time. The material is analysed in connection with the traditions of epideictic eloquence. The study uses biographical, historical-cultural, semiotic, sociological research methods. In the addresses, Potanin's biography is interpreted as a synthesis of a non-canonical biography, including arrest, hard labor and exile, and a canonical biography, reflecting his activities as an explorer, traveler, member of the Imperial Russian Geographical Society, as a citizen of Siberia. This type of biography reflects the demands of Russian society at the turn of the 20th century for awareness of its regional, all-Russian and Eurasian identity, which was refracted in Potanin's biographical narrative. The role of Potanin in the founding of the first university in Siberia is emphasised, his merits as a travelling researcher in Mongolia, China, Tibet and as a public figure are presented. The article presents a symbolic comprehension of the personality of Potanin as a hero of space and a hero of time in the 1860s–1910s, compares him with the Buddhist image of the *chakra Chakravartin* "rotator: and with the priest of the sacred fire. The article concludes that the perception of Potanin's personality in the aspect of life building turned out to be closely connected with his ideas about himself, about the role that he was to play in Siberian society and the opinion of this society about him, his attitudes and expectations in relation to the "best son of Siberia". The anniversary celebrations largely contributed to the institutionalization of his image in the cultural consciousness of Siberians. This was reflected in his election as an honorary citizen of a number of Siberian cities; the naming of streets, libraries, departments of museums in Tomsk and Novo-Nikolaevsk; in the establishment of Potanin scholarships for research on Siberia and for students of the Siberian region. The recognition of his merits as an encyclopedist scientist and as an educator of Siberia is evidenced by his election as an honorary member of certain scientific, educational and cultural organizations and societies.

Keywords: Grigory Potanin, anniversary, epideictic eloquence, Siberia, public organisations, institutionalization of personality

Acknowledgements: The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 23-28-00447.

For citation: Poplavskaya, I.A. (2024) Grigory Potanin's eightieth anniversary: Based on materials from his archive in the Research Library of Tomsk State University (Article II). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 92. pp. 204–225. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/92/11

В первой статье рассматривались поздравительные адреса и приветствия из личного архива Г.Н. Потанина, хранящиеся в Научной библиотеке Томского университета и относящиеся к его восьмидесятилетнему юбилею, который широко отмечался в Томске 21 сентября 1915 г. Данные материалы исследовались в рамках юбилееведения как специальной области гуманитарного знания, а также в тесной связи с традициями эпидейктического красноречия. В центре внимания были вопросы, связанные с формирова-

нием биографического нарратива Потанина как жизнестроительного проекта и механизмов институционализации его личности в общественном и культурном сознании Сибири рубежа XIX–XX вв. Утверждалось, что потанинский юбилей воспринимался как важнейший текстопорождающий фактор, имеющий отношение к формированию резервной «памяти культуры» в российском обществе начала XX столетия [1. С. 216, 215]. Цель второй статьи видится в конструировании личности и поведенческих моделей Потанина в общественном сознании Сибири и России конца XIX – начала XX в. В ней предметом изучения становятся вопросы, касающиеся возникновения и этапов развития сибирского областничества и осмысления роли Сибири в региональном, общероссийском и евразийском культурном сознании начала XX в., как они представлены в поздравлениях, адресованных юбиляру, многие из которых публикуются впервые, а также в газетных и журнальных статьях и книгах из библиотеки Потанина. В работе используются биографический, историко-культурный, социокультурный, семиотический методы исследования.

В работе областничество понимается как важнейшая составная часть жизнестроительного проекта Потанина, повлиявшего на формирование его биографии, поведенческих моделей и на становление механизмов институционализации его личности в социальной и культурной жизни Сибири второй половины XIX – начала XX в. Возникновение идеологии областничества традиционно относится ко второй половине XIX в. Об этом, в частности, Потанин пишет в своей программной работе «Областническая тенденция в Сибири» (1907). В ней появление сибирского «местного патриотизма» автор связывает с деятельностью «Молодой Сибири», кружка студентов-сибиряков, обучавшихся в Петербурге в конце 1850-х – начале 1860-х гг., в числе которых был и он сам. Тогда же были сформулированы основные направления деятельности «сибирских патриотов». Они включали вопросы об отмене ссылки в Сибирь, об экономическом равноправии между центром и регионом, о необходимости создания сибирской интеллигенции и открытия университета в Сибири, об отношении к коренным народам. Эти положения легли в основу раннего сибирского областничества. Позднее к ним был причислен и вопрос о переселенцах в Сибири. По мнению Потанина, «основа сибирской идеи чисто территориальная», она направлена на создание таких законодательных норм, которые «доставят областям возможность развивать энергию свойственной им <...> центробежной силы, не теряя солидарности с другими областями империи, не нуждаясь в отпадении от общегосударственного тела» [2. С. 58, 56]. В этом смысле, говоря о будущем областнической идеи в XX столетии, предполагающей прежде всего экономическое соревнование разных частей государства, автор отмечает, что она «имеет право на столь же долгий срок существования, как само государство» [2. С. 57].

Восьмидесятилетие Потанина стало символическим событием для всей Сибири, оно позволило вновь привлечь внимание к областничеству как общественному и культурному движению «местных патриотов», а само празднование юбилея приобрело общесибирский характер [3. С. 193]. Накануне

юбилея в газете «Сибирская жизнь» было напечатано объявление от организаторов этого праздника – Томского общества изучения Сибири. В нем сообщалось: «21 сентября, в 7 ½ ч<асов> веч<ера>, в зале общественного собрания, состоится торжественное заседание в честь Григория Николаевича Потанина по случаю 80-ой годовщины дня его рождения» [4. С. 1]. В программу заседания были включены три доклада, освещавшие деятельность Потанина как путешественника и географа, как исследователя народного эпоса и как публициста и общественного деятеля Сибири. О Потанине как публицисте и идеологе областничества выступил с докладом П.В. Вологодский (1863–1925) [5], впоследствии председатель Временного Сибирского правительства и председатель Совета министров Российского правительства А.В. Колчака. В этих сообщениях были отражены разные поведенческие модели юбиляра: путешественника-исследователя, ученого-гуманиста и культуртрегера.

В ответном слове Потанин акцентировал внимание на том, что «в каждой области должен возникнуть свой контингент местного патриотизма», что это чувство есть «великая культурная сила», главная цель которой – «пробудить в провинции творческую деятельность и в науке, и в искусстве, и в законодательстве» [6. С. 257]. Рассуждая о взаимоотношении центра и периферии в начале XX в., юбиляр в своей речи отметил: «...как бы центробежные ручьи русской жизни ни сделались многочисленны, как бы русские области в своем стремлении к самоопределению не разошлись далеко одна от другой в своих культурных особенностях, – всегда смелый, честный, искренний голос русской публицистики заставит нас всех почувствовать, что мы один народ» [6. С. 258]. Сила, которая будет удерживать все области России в связи и единении – это «русская литература и тот духовный багаж, который создан творческим духом русской народности» [6. С. 257].

После его выступления томским хоровым обществом был исполнен гимн «Слава Г.Н. Потанину», а затем состоялось поднесение депутатами приветствий и чтение поздравительных телеграмм, в том числе телеграмм от Академии наук, от сибирской группы депутатов IV Государственной думы, от А.М. Горького и др. Как отмечается в отчете об этом событии, опубликованном в газете «Сибирская жизнь» и подписанном инициалами «В. М-ичъ», «юбиляру было специальными депутациями поднесено свыше 50 адресов от различных ученых и общественных организаций ряда городов Сибири» [7. С. 2]. Общее настроение всех поздравлений было связано с чествованием Потанина прежде всего как «высокого гражданина Сибири» [7. С. 2].

Юбилейные приветствия представляют собой важный материал для дальнейшего осмысления движения областничества на новом культурно-историческом этапе. В них получила отражение деятельность областников в ее исторической ретроспективе и перспективе, а личность юбиляра рассматривалась в качестве идеолога, историка и проводника в жизнь областнических идей. Например, в адресе от Красноярского отдела Общества изучения Сибири и улучшения ее быта присутствует исторический экскурс. В нем говорится: «Полвека назад “Молодая Сибирь” <...> возложила на себя трудный

подвиг <...> прорвать густую сеть «паутины» отношений, которые опутывали Сибирь как колонию» [8. Л. 5 об.]. Итогом же деятельности «сибирских патриотов» стало учреждение Томского университета, сокращение уголовной ссылки, появление сибирской прессы, привлечение сибирской молодежи на службу родине. Сама же личность Потанина гармонично соединила в себе патриотические идеи с общечеловеческими идеалами [8. Л. 5 об.].

История областнического движения связывается в поздравлениях с именами Потанина, Н.М. Ядринцева (1842–1894) и С.С. Шашкова (1841–1882), которые первыми «развернули широкую программу общественной деятельности», приведшую впоследствии сибирское общество к идеям областничества [9. Л. 11]. Их имена образовали великолепный «пантеон», «на фронте которого ярко начертаны имена» этих «первых сибирских общественных деятелей» [10. Л. 1]. Также в поздравлениях раскрывается преемственность между «Молодой Сибирью» 1860-х гг. и молодой Сибирью 1910-х гг. В частности, в адресе от Сибирских землячеств, действовавших в Томске в начале XIX в., говорится: «В настоящий момент <...> молодая Сибирь помнит и чтит заветы дорогих ей людей. Твердо веря в светлое будущее Сибири, она надеется, что недалеко то время, когда заветы эти войдут в жизнь» [11. Л. 11].

Раскрывая деятельность Потанина как «гуманиста-областника» в его диалоге между центром и периферией на новом, позднем этапе развития областничества, составители адреса от Общества содействия устройству сельских бесплатных библиотек-читален в Томской губернии подчеркивали, что «областные особенности не могут вредить жизни государства как целого, но, напротив, содействуют его расцвету и мировому значению» [12. Л. 27]. В этой связи не случайно на рубеже XIX – XX вв. областничество обосновывает «концепцию территориальной самостоятельности Сибири во главе с региональным представительным органом – областной думой, наделенной комплексом полномочий, аналогичных компетенции штата в федеральной системе США» [13. С. 302].

Подчеркивая исключительную роль Ядринцева в создании областнической концепции и значение его труда «Сибирь как колония» (1882), Потанин в работе «Нужды Сибири» (1908) отмечал, что разработкой основных общественных вопросов сибирской жизни Ядринцев как сибирский патриот заложил основы общественного самосознания в Сибири [14. С. 280]. Оценивая в целом областничество на новом его этапе, он подчеркивал, что многообразные вопросы, стоящие сегодня перед Сибирью, «обобщаются одной идеей – уравнение колонии с метрополией во всех областях жизни» [14. С. 275].

Говоря об истории возникновения областничества, в статье «Города Сибири» (1908) Потанин писал о том, что центрами формирования областнических идей в Сибири были города Иркутск, Томск, Омск, Красноярск. Эти же города становились центрами общественного и культурного развития региона. Так, например, в Иркутске в 1860-х гг. впервые «появилось и стало развиваться общественное мнение», а иркутская газета «Сибирь» «сделала

первую попытку объединить всю Сибирь, привлекая внимание к областническим вопросам» [15. С. 240–241]. Здесь речь идет о частной газете, выходившей в Иркутске в 1873–1887 гг. Издателями и редакторами ее в разное время были известный публицист и историк В.И. Вагин (1823–1900), казачий офицер и общественный деятель А.П. Нестеров (1838–1901), писатель М.В. Загоскин (1839–1904). При этом если иркутская группа «старалась поднять сибирское общественное мнение от местных вопросов к общим проблемам социально-политической мысли», то группа сибиряков, проживавших в то время в Петербурге, «стремилась конкретизировать выводы этой мысли на сибирской действительности» [16. С. 44].

Рассматривая областничество в контексте жизнестроительного проекта Потанина, важно отметить, что почти во всех поздравлениях он воспринимается в качестве героя пространства, «выкованного Сибирью, жившего для Сибири и отдавшего все свои помыслы и силы Сибири» [17. Л. 2]. Об этом свидетельствует характеристика его как «первого гражданина Сибири», открывшего миру «духовную и экономическую мощь страны изгнания» [18. Л. 1], как ученого-энциклопедиста, заложившего основы современного сибиреведения [19. Л. 2], как «учителя и просвещенного деятеля Сибири» [20. Л. 3 об.], как «благородного сына» и «живой совести Сибири» [21. Л. 2]. В этом смысле справедливо утверждение о том, что в Сибири начала Х столетия было два знаковых имени: Ермак и Потанин [22. С. 8].

По мнению современных исследователей личности и трудов Потанина, областничество не было «придуманно» им и его единомышленниками. Они всего лишь «перенесли на сибирскую почву прогрессивные идеи о взаимоотношениях центра и провинции, уверенность в неизбежном распаде колониального строя» [23. С. 159–160]. Идеи «сибирефильства», провозглашенные в начале 1860-х гг., к началу XX столетия воспринимались уже как отчасти воплотившиеся в жизнь, метафорически осознавались как благодатные всходы «плодотворного посева». Итогом этого процесса стало то, что в настоящее время, как говорится в поздравлении от Общества сибирских инженеров, в регионе «работают родные дети ее – свои врачи, свои юристы, свои педагоги, свои инженеры, вышедшие из своих рассадников просвещения» [24. Л. 19], над созданием которых так много потрудился Потанин.

Освещая вопрос о положении инородцев в Сибири, составители поздравительных адресов связывали его с культурной автономией региона. Они отмечали, обращаясь к юбиляру: «В течение долгой жизни Вы неустанно указываете, что каждая нация, каждый народ имеет право на уважение к себе и на самостоятельное свободное существование, а каждая область с ее бытовыми особенностями вправе требовать со стороны государства признания этих особенностей как явления нормального, вызываемого жизненными условиями» [12. Л. 27]. Об этом же говорится и в поздравлении от Общества вспомоществования учащимся бурятам: «Инородцы Сибири, поставленные в тяжелые условия существования, всегда находили поддержку и участие к их судьбе лишь среди немногих лиц из сибирской областной интеллигенции» [25. Л. 5]. В их числе был и Потанин, который никогда не забывал «об

инородческих народностях России» и являлся «неизменным и горячим защитником их прав» [25. Л. 5]. В адресе от группы мусульман-прогрессистов города Томска подчеркивается роль Потанина как провозвестника «справедливости, любви, гуманности в отношении всех народностей, населяющих Сибирь», постоянно защищающего их «неотъемлемые права на культурное самоопределение» [26. Л. 37].

В отдельных приветствиях дальнейшее развитие областнических идей касается учреждения земства в Сибири. Так, в поздравлении от Общества практических врачей Томской губернии представлена краткая история этого вопроса. Отмечается, что еще в 1905 г. совет Общества «принимал в числе других Томских общественных организаций участие в совещаниях по вопросу о выработке проекта земского Положения в Сибири» [27. Л. 33]. Согласно этому проекту было предусмотрено создание Областного Сибирского земства. В условиях Первой мировой войны этот вопрос приобретал особую актуальность: «Текущие события только рельефнее подчеркивают необходимость введения в Сибири земства. Вопросы об организации помощи раненым, помощи воинам-инвалидам, помощи беженцам, об организации помощи сельскому населению в полевых работах и другие вопросы, вызываемые войной, могут быть лучше всего разрешены только при деятельном участии земства, как это показывает пример России» [27. Л. 33].

Требование об учреждении в Сибири земства, которое было введено в отдельных губерниях европейской части России с момента обнародования Земского положения в 1864 г., выдвигалось областниками еще в конце XIX в. Так, Ядринцев в 1882 г. писал о необходимости «распространения на Сибирь гражданских прав, которыми пользуются уже подданные европейской России», о «даровании самоуправления» ей, о том, что «сибирское общество ждет введения земства» [28. С. 445]. В статье «Земство как фактор развития грамотности и учреждений общественного призрения», опубликованной в газете «Сибирская жизнь» за 1899 г. без подписи автора, сравнивается состояние образования и численность социальных учреждений в земских и неземских губерниях России. Поддерживая введение земства в Сибири, автор статьи пишет: «Земство в Сибири сослужит неоценимую службу, и не желать его здесь было бы равносильно нежеланию видеть эту страну счастливою и богатою» [29. С. 1]. В статье «Города Сибири» Потанин писал по этому вопросу: «Земство в европейской России обогатило деревенскую среду учителями, докторами и техниками. В Сибири, вследствие отсутствия земских учреждений, деревня живет без интеллигенции. Поэтому вся умственная и культурная жизнь в Сибири ограничивается городами» [15. С. 234].

Непосредственная история введения земства в Сибири начинается, как известно, с Проекта основных начал положения о земских учреждениях в Сибири, разработанного при участии Потанина членами юридического общества при Томском университете и опубликованного в издававшемся в Санкт-Петербурге сборнике «Сибирские вопросы» в 1905 г. В нем было вы-

двинуто положение о создании Областной сибирской думы как высшем земском органе Западной и Восточной Сибири. Областное земство наделялось очень широкими полномочиями – от распоряжения всеми землями региона до управления путями сообщений, общественной безопасностью, изданием обязательных для местных жителей постановлений [30. С. 138]. Можно сказать, что под видом проекта земских учреждений подразумевался проект реформы всего общегосударственного строя России [16. С. 51].

17 июня 1917 г. Временное правительство приняло положение «О введении земства в Сибири». Об отношении к этому положению сибиряков может свидетельствовать сохранившаяся в библиотеке Потанина книга тобольского экономиста Николая Степановича Юрцовского (1890–1940) «Земство в Сибири». В ней автор пишет: «Через 40 лет после первых заявлений сибирских патриотов мы дождались земства. Новые учреждения открываются впервые в Сибири» [31. С. 45]. Военные события возлагают на земство решение продовольственных вопросов, заведывание сельской милицией, улаживание разных конфликтов и т.п. [31. С. 4]. Специальный раздел в этом труде посвящен истории земского вопроса в Сибири. Важно отметить, что в книге имеется дарственная надпись: «Г.Н. Потанину от автора. 18.VII.918».

Заслуживает внимания и тот факт, что одним из самых поздних печатных изданий, сохранившихся в библиотеке Потанина, является Отчет о деятельности по проведению земской реформы в Тобольской губернии (2-го июля 1917 – 1 февраля 1918) [32. С. 52]. Данный отчет охватывает семь месяцев из истории земства в Тобольской губернии и хронологически предшествует созданию Временного Сибирского правительства под председательством П.Я. Дербера (1883–1938), провозгласившего федеративное устройство будущей Российской республики и даровавшего широкую автономию Сибири.

В публикациях, появившихся к юбилею Потанина в столичной прессе, также отмечаются его заслуги как одного из идеологов областничества. Так, например, известная детская писательница и исследовательница жизни Ядринцева Таисия Михайловна Фарафонтова (ок. 1870–1944) опубликовала в журнале «Русская мысль» за 1915 г. заметку под названием «Черты из жизни сибирского патриота. К 80-летию юбилею Г.Н. Потанина». В ней юбилей Потанина осмысливается как «праздник общесибирский», и объясняется это тем, что рост самосознания в Сибири в целом шел «параллельно росту и духовному развитию целой группы сибирских патриотов, во главе которых заслуженно стоит Г.Н. Потанин» [33. С. 144]. В этом материале автор раскрывает и внутренний мир юбиляра, отмечая, что «он любит цитировать своего любимого поэта Гейне, любит Шиллера и Гёте; эпоха романтизма гармонирует с его душой» [33. С. 149]. Фарафонтова была близко знакома с Потаниным и состояла в переписке с ним. В одном из писем к ней от ноября 1915 г. из Томска Потанин, в ответ на полученное поздравление с юбилеем, сообщает: «Приветственное письмо Ваше получил. Благодарю Вас за теплые чувства ко мне» [34. С. 138]. Оттиск статьи Фарафонтовой с дарственной надписью: «Милому Григорию Николаевичу от любящего автора. 17.X.15 г.» хранится в библиотеке Потанина.

В книжном собрании Потанина имеется брошюра под названием «Григорий Николаевич Потанин (По поводу 80-тилетия со дня рождения)». Автором ее является студент Казанского университета, впоследствии известный археолог, исследователь Поволжья, Сибири, Крыма Виктор Федорович Смолин (1890–1932). Данная публикация представляет собой доклад, прочитанный автором 5 октября 1915 г. в Обществе археологии, истории и этнографии при Казанском университете. В поздравлении, называя юбиляра праведником, автор подчеркивает его роль как создателя сибирского областничества и одновременно труженика, «который никогда не искал материальных благ». Смолин пишет: «В целом ряде публицистических статей <...> Потанин беспрестанно зовет сибирскую интеллигенцию к работе на пользу родной, но полутемной Сибири и вырабатывает пути сибирского областничества» [35. С. 26]. На титульном листе этой брошюры имеется дарственная надпись: «Великому сибиряку Григорию Николаевичу Потанину в знак глубочайшего уважения от автора. 15.VI.1916. Казань».

Еще одна публикация, посвященная одновременно восьмидесятилетнему юбилею Потанина и пятидесятилетию общественной деятельности П.И. Макушина, которое отмечалось в Томске 25 марта 1916 г., хранится в библиотеке Потанина. Автором ее является Николай Павлович Автономов (1895–1985), филолог, преподаватель мужского коммерческого училища в Харбине. Его статья под названием «Г.Н. Потанин и П.И. Макушин в культурно-просветительной жизни Сибири» была напечатана в журнале «Просветительское дело в Азиатской России» за 1916 г. Этот журнал издавался в Харбине в 1913–1916 гг. Маньчжурским педагогическим обществом. Отмечая исключительную роль обоих юбиляров в деле просвещения Сибири, автор характеризует их как разных «типов деятелей». Если Потанин для него прежде всего «теоретик, ученый исследователь», то Макушин в большей степени «практик, коммерсант». За этим различием просматриваются и две модели культурного строительства в регионе: научно-исследовательская и благотворительная, которые в конечном счете ведут «различными путями к одной и той же цели – широкому просвещению народа» [36. С. 7]. Говоря об особенностях социально-культурных условий, в которых приходилось действовать Потанину и Макушину, Автономов отмечает отсутствие в Сибири своей интеллигенции, отсутствие земства, отдаленность региона от метрополии, огромность ее территории и слабую степень образованности [36. С. 6–7]. На титульном листе этой статьи-оттиска тоже имеется дарственная надпись: «Глубокоуважаемому Григорию Николаевичу Потанину от автора. Харбин, 10 ноября 1916 г.».

Как отмечают современные исследователи, на позднем этапе развития областничества основные акценты сместились на вопросы экономического развития Сибири, ее федеративного устройства и обоснования необходимости сибирского регионализма [37. С. 131]. В частности, идея сибирского регионализма как выражение идентичности и всестороннего самоуправления этой обширной территорией в составе России была высказана Потаниным в

статье «Областническая тенденция в Сибири». В ней акцентировалось внимание на том, что в настоящий момент региону необходимо «широкое самоуправление, которое могло бы явиться действительной могущественной поддержкой общественному мнению» [2. С. 43]. Показательно, что в это время областничество переживает эволюцию через движение от колониальной концепции с характерным для нее бинарным противопоставлением метрополии и колонии, центра и периферии к регионализму, связанному с пониманием экономической и культурной автономии Сибири как региона в составе России. В этом смысле регионализм с его опорой на местный патриотизм выступает в сознании сибирских патриотов частью «двойной идентичности»: и общероссийской и региональной [38. С. 103]. В целом материалы, относящиеся к юбилею Потанина, во многом дополняют и конкретизируют хронику областнического движения в Сибири, представленную в современных исследованиях по этой проблеме [39].

Обратимся к вопросу о рецепции Сибири в поздравлениях. Оценивая состояние региона в начале XX в., составители адресов отмечают: «В настоящее время Сибирь уже не страна мрака и ссылки <...> а часть родины, ставшая с метрополией на один уровень и во многом догнавшая последнюю в этот короткий срок» [10. Л. 1]. Представители студенческого технического кружка при Томском технологическом институте, метафорически воспринимающие себя как «всходы потанинского посева», в своем поздравлении пишут: «Мы пришли сюда <...> самим своим присутствием показать, что из тяжкого прошлого Сибирь готовится перейти на путь промышленного прогресса, открывающего широкие ворота развитию культуры во всех уголках богатого края» [40. Л. 7]. В адресе от общественных организаций города Ачинска сравнивается прошлое и настоящее сибирского региона: «Великая страна! Многого тебе не хватает, но и многое ты получила уже; многое, мешающее твоему развитию, нужно устранить, но и многое уже устранено» [41. Л. 1]. В поздравлении от Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества в Иркутске выражается надежда на то, что «наша родина после тяжких испытаний, выпавших на ее долю, выйдет <...> обновленною, и мечты о культурном самоопределении окраин станут действительностью» [42. Л. 1].

В поздравлении от одного из старейших обществ Сибири – Общества врачей Енисейской губернии, основанного в 1863 г., говорится о том, что в настоящее время «Сибирь имеет университеты – мужской и женский, технологический институт <...> Сибирь накануне введения земских учреждений. <...> Города Сибири растут по-американски. Железные дороги начинают опоясывать Сибирь во всех направлениях. Сибирь начинает играть заметную роль в экономической жизни всей России» [9. Л. 11 об.]. И все это воспринимается как результат «того плодотворного посева», который был брошен областниками «на первобытную общественную ниву Сибири» [9. Л. 11 об.]. Говоря об истории высшего женского образования в Сибири, необходимо отметить, что в 1909 г. общественные деятели Сибири, в числе которых был и Пота-

нин, совместно с преподавателями Томского университета и Томского технологического института предложили открыть на базе университета Сибирские высшие женские курсы. С этой целью летом 1909 г. было учреждено Общество для доставления средств Сибирским высшим женским курсам, а уже 26 октября 1910 г., в годовщину празднования присоединения Сибири к России, состоялось их открытие. Высшие женские курсы были частным высшим учебным заведением при отделении естественных наук физико-математического факультета Томского университета. Обучение на них велось по двум направлениям: естественному и математическому. Плата за обучение составляла 125 рублей в год, срок обучения – четыре года. Позднее в статье, опубликованной в газете «Сибирская жизнь» от 29 октября 1914 г. и приуроченной к первому выпуску слушательниц этих курсов, тогдашний директор их, профессор Томского университета Б.П. Вейнберг (1871-1942) писал о курсах как о «первом и пока единственном женском высшем учебном заведении на необъятном пространстве Азиатской России», а об их первом выпуске говорил как об «общем празднике всего сибирского общества» [43. С. 2]. Приводя сведения о количестве слушательниц первого выпуска, Вейнберг отмечал, что из 87 женщин, поступивших на первый курс в 1910 г., к концу прошлого года осталось 50, что, по его мнению, является довольно высоким показателем в системе высшего женского образования России того времени [44. С. 2]. Сами же слушательницы курсов в день юбилея поднесли Потанину искусственную композицию из цветов «как эмблему расцвета <...> идеи женского образования в Сибири» [45. Л. 1]. Можно сказать, что факт предоставления женщинам права на получение высшего образования в Сибири в начале XX столетия свидетельствовал о «формировании гражданского общества и утверждении демократических ценностей: о становлении женщины как равного субъекта общества» [46. С. 138]. Вместе с тем женский вопрос стал для областников и частью их поведенческой стратегии, направленной на конструирование собственной биографии [47. С. 209].

В библиотеке Потанина имеется известная брошюра Н.Ф. Кащенко (1855–1935) «Сибирские высшие женские курсы», изданная в Томске в 1912 г. В нее вложен официальный бланк Общества для доставления средств Сибирским высшим женским курсам в г. Томске от 10.IV.1912 за № 265, адресованный Потанину. В нем сообщается: «Милостивый государь Григорий Николаевич! Комитет Общества для доставления средств Сибирским высшим женским курсам, препровождая Вам при этом статью старейшего преподавателя курсов, заслуженного профессора Томского университета Н.Ф. Кащенко <...> позволяет себе усерднейше просить Вас оказать поддержку единственному во всей Сибири учреждению, дающему сибирячке возможность получить специальное высшее образование» [48].

Общественная жизнь Сибири во второй половине XIX – начале XX в. во многом была связана с благотворительными учреждениями, научными обществами и организациями [49. С. 122]. Ведущим из научно-исследовательских обществ было Русское географическое общество, открывшее в 1851 г.

сибирский отдел в Иркутске. Позднее, в 1877 г., был создан Западно-Сибирский отдел этого общества в Омске. Одним из первых научных обществ, основанных в сибирском регионе, стало Общество исследователей Сибири, первоначально открытое в Омске в 1868 г., а затем и в других городах. Рассматривая эти организации в аспекте институционального строительства, Потанин в уже упоминавшейся статье «Города Сибири» выделяет и созданное в 1882 г. томское Общество попечения о начальном образовании, руководителем которого долгое время был Макушин. «Для объединения томской интеллигенции и для воспитания гражданской солидарности, – пишет Потанин, – это общество сыграло такую же роль, как для Иркутска Отдел Географического общества с его музеем, для Минусинска Мартыановский музей, для Красноярска – книжный склад» [15. С. 247]. По примеру Томска подобные общества стали возникать и в других городах Сибири.

Примечателен тот факт, что при Обществе попечения о начальном образовании в Томске существовала бесплатная библиотека, которая в связи с юбилеем получила в 1915 г. название Потанинской. В книжном собрании Потанина сохранился отчет о работе этой библиотеки за 1915 г. В нем, в частности, приводятся такие данные: в 1915 г. библиотеку посетило 12 977 человек, выдана 22 541 книга. По состоянию на 1 января 1916 г. в библиотеке имелось 3979 наименований и 4056 книг. Из русских писателей по количеству выдач указаны такие цифры: Л.Н. Толстой – 763, Ф.М. Достоевский – 464, Н.В. Гоголь – 289. Из зарубежных авторов: Г. Сенкевич – 311, Жюль Верн – 277, Ч. Диккенс – 239 [50. С. 2, 3].

Об общественных организациях, действовавших в Сибири в это время, свидетельствуют как сами поздравления, присланные от них юбиляру, так и их роль в формировании регионального самосознания, получившая отражение в приветственных адресах. В них, например, отмечалось, что в настоящее время «Сибирь покрыта многочисленными научными, благотворительными и просветительскими обществами» [10. Л. 1]. Во многом благодаря их деятельности и деятельности местной прессы в Сибири создано свое общественное мнение. И если раньше «в Сибири были только жители и начальство», то «теперь Сибирь обзавелась и своими гражданами» [10. Л. 1]. Также в адресах говорилось, что юбилейное потанинское собрание – это «многозначительный акт проявления общественного самосознания и силы», который послужит «связующим звеном между всеми слоями сибирского населения <...> на благо родной Сибири» [51. Л. 41, 41 об.]. Утверждая, что Сибирь в настоящее время обладает «духовной самостоятельностью», иркутский отдел Общества изучения Сибири и улучшения ее быта акцентирует внимание на том, что в этой самостоятельности «не было ничего вредного, ничего такого, что умалило бы, что покушалось бы на интересы Великой России» [52. Л. 3 об.]. В целом же в дни юбилея Потанина Сибирь «впервые выступает как одно целое, впервые заявляет *urbi et orbi*, что лозунг областного самосознания воспринят ею отчетливо», что личный праздник юбиляра «превращается в общественный акт признания Сибирью своего совершеннолетия» [4. С. 2].

Важное место в поздравлениях отводилось восприятию Сибири в евразийском цивилизационном и культурном контексте. Как пишут современные исследователи, «евразийцы предрекали Сибири роль воплоителя запасного, неевропейского, варианта истории» [53. С. 11]. Сибирские областники рассматривали Сибирь и прилегающие к ней территории Центральной Азии как регион, сформировавший особую цивилизацию, как родину евроазиатских народов и эпицентр развития их культуры [54. С. 110]. В памятных адресах отмечаются, в частности, заслуги Потанина «по изучению природы, народов и истории Сибири, Монголии и Китая» [55. Л. 1], создание им «высокоценных научных трудов о Монголии, Тибете и Китае» [56. Л. 1], говорится о том, что его путешествия в Центральную Азию «пролили свет на эту загадочную страну, сделав душу ее народов нам понятною и родною» [8. Л. 5 об.], а его труд «Восточные мотивы в западно-европейском эпосе» перекинул «мост между идейным содержанием Азии – Востока и Европы – Запада» [8. Л. 6.] Здесь имеются в виду прежде всего пять путешествий Потанина по Монголии, Тибету, Северному Китаю, Алтаю, совершенные им в период с 1876 по 1899 г., а также его изучение фольклора, представленного в сочинениях «Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе» (1899), «Сага о Соломоне: Восточные материалы к вопросу о происхождении саги» (1912), «Ерке: Культ Сына Неба в Северной Азии. Материалы к тюрко-монгольской мифологии» (1916) и др. В этих работах отмечается изменение ценностной установки автора в начале XX столетия: «изначальная оппозиция областничества “Сибирь – Россия”, “регион – центр” теперь наполняется смыслами “Азия – Европа”, “Восток – Запад” – с принципиальными преимуществами первого перед вторым» [57. С. 30]. Также в поздравлениях подчеркивается, что глубокое знание Азии позволило Потанину «дать новое освещение некоторым основным проблемам науки востоковедения» [58. Л. 2], изучение же им народного творчества и духовной культуры азиатских народов убедительно доказало, что «между народами Европы и Азии, несмотря на различие культур и разобщенность в течение тысячелетий, существует духовное родство» [59. Л. 1]. В этом смысле правомерно говорить о том, что «предъевразийские интуиции органично содержались уже в недрах областничества» и что «евразийский контекст – это то цивилизационное поле, где Великая Россия, Великая Сибирь и Великая Степь органически сочетаются» [60. Л. 113].

В отдельных материалах о юбилее, опубликованных в газете «Сибирская жизнь», деятельность Потанина также рассматривалась в аспекте взаимодействия культур Востока и Запада. Так, например, в очерке под названием «Григорий Николаевич Потанин. 1835–1915» известного востоковеда, академика С.Ф. Ольденбурга (1863–1934) сообщалось о том, что Потанин «мечтал о широком влиянии русской культуры на Востоке», говорил о «необходимости вывести Запад на истинный путь действительно мировой культуры через полное и всестороннее общение с Востоком» [61. С. 2]. В приветственной телеграмме юбиляру от Императорской Академии наук отмечалось, что

путешествия Потанина содействовали «пониманию мирового значения Востока и сближению Востока с Западом» [61. С. 3].

Итак, итогом изучения архива и библиотеки Потанина в аспекте юбилееведения стало осмысление его биографии как особого жизнестроительного проекта, направленного на параллельное конструирование собственной личности, формирование областнической идеологии как системы представлений о прошлом, настоящем и будущем Сибири в ее взаимоотношениях с Центральной Россией и соседними азиатскими странами и поиск соответствующих поведенческих практик. Энциклопедизм личности Потанина реализовался в трех поведенческих моделях: культуртрегерской, модели путешественника-исследователя и модели ученого-гуманиста. В основе всех этих моделей лежит воплощенная в жизнь «сибирская идея». Важнейшая ее особенность виделась в том, что это была культурная, экономическая и территориальная идея, а не национальная, и заложенный в ней научный потенциал положил начало современному краеведению, сибиреведению, регионоведению, номадистике [62].

Областничество как ключевая идея сибирского региона формировалось главным образом в газетно-журнальной периодике России и Сибири [63. С. 21], поэтому для написания статьи привлекались, кроме архивных источников, материалы из газеты «Сибирская жизнь», из тематических сборников, посвященных проблемам Сибири, из журналов «Русское слово», «Русская мысль», «Просветительское дело в Азиатской России».

В рецепции Сибири начала XX в. составители адресов не только оценивали ее прошлое, ожидали перемен в настоящем, связанных с проведением земской реформы, с созданием Сибирской областной думы, с деятельностью сибирских депутатов в Государственной думе Российской империи, с введением суда присяжных, но и провидели ее будущее. Еще в 1860 г. в одной из своих ранних статей «Заметки о Западной Сибири» Потанин писал о том, что русский народ заложил в Сибири «новое основание для продолжения своей жизни; если представить в будущем Сибирь так же населенную, как нынешняя Европейская Россия, то нельзя не подумать, что центр тяготения русского государства должен перейти на нее» [64. С. 197]. В этом смысле правомерно говорить не только о региональной, общероссийской, евразийской идентичности Сибири, но и о ее цивилизационном самоопределении в новых исторических условиях, об осознании ее как латентного российского геополитического и культурного центра, во многом обусловленного тем, что она граничит с крупнейшими государствами Азии (Казахстаном, Китаем и Монголией) и занимает срединное положение между Европой и Азией [65. С. 79, 81]. Можно сказать, что универсализм личности Потанина символически соотносится с полиидентичностью современной Сибири, а его областнические идеи в настоящее время трансформируются и реализуются в многообразных культурных, научных и просветительских проектах, связанных с настоящим и будущим сибирского региона.

Список источников

1. *Поплавская И.А.* Восьмидесятилетний юбилей Г.Н. Потанина: по материалам его архива в Научной библиотеке Томского университета (Статья первая) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 84. С. 213–233.
2. *Потанин Г.Н.* Областничество в Сибири. Томск, 1907. 64 с.
3. *Шиловский М.В.* Сибирское областничество в общественно-политической жизни региона во второй половине XIX – первой четверти XX в. Новосибирск, 2008. 270 с.
4. *Сибирская жизнь.* 1915. № 204. 19 сент.
5. *Вологодский П.В.* Г.Н. Потанин как публицист Сибири и общественный деятель. Томск, 1915. 11 с.
6. *Потанин Г.Н.* Речь на юбилее // Литературное наследство Сибири. Т. 7. Новосибирск, 1986. С. 256–258.
7. *М-ичъ В.* Юбилей Г.Н. Потанина // Сибирская жизнь. 1915. № 203. 23 сент. С. 2.
8. *НБ ТГУ, ОРКП.* Архив Г.Н. Потанина. Ф. 1. Оп. 1. Поздравительный адрес от Красноярского отдела Общества изучения Сибири и улучшения ее быта. Л. 5, 5 об., 6, 6 об.
9. *НБ ТГУ, ОРКП.* Архив Г.Н. Потанина. Ф. 1. Оп. 1. Поздравление от Общества врачей Енисейской губернии. Л. 11, 11 об.
10. *НБ ТГУ, ОРКП.* Архив Г.Н. Потанина. Ф. 1. Оп. 1. Поздравление от Общества попечения о начальном образовании в г. Красноярске. Л. 1, 1 об., 2, 2 об.
11. *НБ ТГУ, ОРКП.* Архив Г.Н. Потанина. Ф. 1. Оп. 1. Поздравительный адрес от Сибирских землячеств при высших учебных заведениях г. Томска. Л. 10, 10 об., 11, 11 об.
12. *НБ ТГУ, ОРКП.* Архив Г.Н. Потанина. Ф. 1. Оп. 1. Поздравительный адрес от Общества содействия устройству сельских бесплатных библиотек-читален в Томской губернии. Л. 27, 27 об., 28, 28 об.
13. *Шиловский М.В.* Сибирское областничество // Общественно-политическая жизнь Сибири в конце XIX – начале XX века : энцикл. слов. Новосибирск, 2019. С. 302–304.
14. *Потанин Г.Н.* Нужды Сибири // Сибирь, ее современное состояние и нужды : сб. ст. СПб., 1908. С. 260–294.
15. *Потанин Г.Н.* Города Сибири // Сибирь, ее современное состояние и нужды : сб. ст. СПб., 1908. С. 234–259.
16. *Козьмин Н.Н.* Областничество // Сибирские записки. 1918. № 1. С. 40–54.
17. *НБ ТГУ, ОРКП.* Архив Г.Н. Потанина. Ф. 1. Оп. 1. Поздравление от совета Императорского Томского университета. Л. 1, 1 об., 2, 2 об.
18. *НБ ТГУ, ОРКП.* Архив Г.Н. Потанина. Ф. 1. Оп. 1. Поздравление от общественного управления г. Омска. Л. 1, 1 об.
19. *НБ ТГУ, ОРКП.* Архив Г.Н. Потанина. Ф. 1. Оп. 1. Поздравление от Минусинского городского Мартыановского музея. Л. 1, 1 об., 2, 2 об.
20. *НБ ТГУ, ОРКП.* Архив Г.Н. Потанина. Ф. 1. Оп. 1. Поздравление от Ново-Николаевского общества попечения о народном образовании. Л. 3, 3 об., 4, 4 об.
21. *НБ ТГУ, ОРКП.* Архив Г.Н. Потанина. Ф. 1. Оп. 1. Поздравление от Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Л. 1, 1 об., 2, 2 об.
22. *Егоров Б.Ф.* О провинциальной культуре и региональном самосознании // Сибирь в контексте мировой культуры: Опыт самоописания. Томск, 2003. С. 8–9.
23. *Сагалаев А.М., Крюков В.М.* Потанин, последний энциклопедист Сибири: опыт осмысления личности. Томск, 2004. 208 с.
24. *НБ ТГУ, ОРКП.* Архив Г.Н. Потанина. Ф. 1. Оп. 1. Поздравительный адрес от Общества сибирских инженеров. Л. 19, 19 об., 20, 20 об.
25. *НБ ТГУ, ОРКП.* Архив Г.Н. Потанина. Ф. 1. Оп. 1. Поздравительный адрес от Общества вспомоществования учащимся бурятам. Л. 5, 5 об.

26. *НБ ТГУ, ОРКП.* Архив Г.Н. Потанина. Ф. 1. Оп. 1. Поздравительный адрес от группы мусульман-прогрессистов г. Томска. Л. 37, 37 об., 38, 38 об.
27. *НБ ТГУ, ОРКП.* Фонд Г.Н. Потанина. Ф. 1. Оп. 1. Поздравительный адрес от Общества практических врачей Томской губернии. Л. 33, 33 об., 34, 34 об.
28. *Ядринцев Н.М.* Сибирь как колония. СПб., 1882. 472 с.
29. *Земство* как фактор развития грамотности и учреждений общественного призрения // *Сибирская жизнь.* 1899. № 48. 3 марта. С. 1.
30. *Шевцов В.В.* Вопрос о самоуправлении Сибири в период революции 1905–1907 гг. // *Вестник Томского государственного университета. История.* 2012. № 4 (20). С. 138–142.
31. *Юрцовский Н.С.* Земство в Сибири. Тобольск, 1917. 50 с
32. *Поплавская И.А., Генина Н.Е.* Библиотека Г.Н. Потанина в Томске: история формирования, состав, инскрипты // *Вестник Томского государственного университета.* 2023. № 495. С. 49–61.
33. *Фарафонтова Т.М.* Черты из жизни сибирского патриота. К 80-летию юбилею Г.Н. Потанина // *Русская мысль.* 1915. № 9. С. 144–155.
34. *Письма Г.Н. Потанина.* Т. 5. Иркутск, 1991. 272 с.
35. *Смолин В.Ф.* Григорий Николаевич Потанин: (По поводу 80-тилетия со дня рождения). Казань, 1916. 30 с.
36. *Автономов Н.П.* Г.Н. Потанин и П.И. Макушин в культурно-просветительной жизни Сибири. Харбин, 1916. 6 с.
37. *Бакшеев А.И.* Сибирское областничество: XIX – начало XX в. // *Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского аграрного университета.* 2019. № 3. С. 126–137.
38. *Туровский Р.Ф.* Региональная идентичность в современной России // *Российское общество: становление демократических ценностей.* М., 1999. С. 87–136.
39. *Шиловский М.В.* Хроника областного движения в Сибири // *Материалы к хронике общественного движения в Сибири в 1895–1917 гг.* Томск, 1994. С. 6–16.
40. *НБ ТГУ, ОРКП.* Фонд Г.Н. Потанина. Ф. 1. Оп. 1. Поздравительный адрес от студенческого технического кружка при Томском технологическом институте. Л. 7, 7 об.
41. *НБ ТГУ, ОРКП.* Фонд Г.Н. Потанина. Ф. 1. Оп. 1. Поздравительный адрес от общественных организаций г. Ачинска. Л. 1, 1 об.
42. *НБ ТГУ, ОРКП.* Фонд Г.Н. Потанина. Ф. 1. Оп. 1. Поздравительный адрес от Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества г. Иркутска. Л. 1, 1 об.
43. *Вейнберг Б.П.* На торжестве Сибирских высших женских курсов // *Сибирская жизнь.* 1914. № 235. 29 окт. С. 2–3.
44. *Вейнберг Б.П.* На торжестве Сибирских высших женских курсов: (окончание) // *Сибирская жизнь.* 1914. № 236. 30 окт. С. 2–3.
45. *НБ ТГУ, ОРКП.* Фонд Г.Н. Потанина. Ф. 1. Оп. 1. Поздравительный адрес от слушательниц Сибирских высших женских курсов г. Томска. Л. 1, 1 об.
46. *Кузьмина Е.Ф., Крылов С.А.* Высшее женское образование в Сибири в начале XX века // *Вопросы образования: ежеквартальный научно-образовательный журнал.* 2006. № 3. С. 122–140.
47. *Никонова Н.Е., Маслякина Е.В.* Культурная программа сибирского областничества и женский вопрос: по материалам наследия Г.Н. Потанина // *Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates.* 2018. Т. 4, № 4. С. 206–216.
48. *Каценко Н.Ф.* Сибирские высшие женские курсы. Томск, 1912. 16 с.
49. *Ноздрин Г.А.* Общественная жизнь Сибири во второй половине XIX – начале XX века // *Вестник Кузбасского государственного технического университета.* 2005. № 1. С. 120–125.

50. *Потанинская бесплатная библиотека* Общества попечения о начальном образовании. Томск, 1916. 7 с.
51. *НБ ТГУ, ОРКП*. Фонд Г.Н. Потанина. Ф. 1. Оп. 1. Поздравительный адрес от служащих Томского городского общественного управления. Л. 41, 41 об.
52. *НБ ТГУ, ОРКП*. Фонд Г.Н. Потанина. Ф. 1. Оп. 1. Поздравительный адрес от иркутского отдела Общества изучения Сибири и улучшения ее быта. Л. 3, 3 об.
53. *Казаркин А.П.* Идеи областничества и евразийства в литературе Сибири // Вестник Томского государственного университета. 1999. № 268. С. 11–12.
54. *Шиловский М.В.* Сибирские корни евразийства // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 1. Культурный космос Евразии. Новосибирск, 1999. С. 102–111.
55. *НБ ТГУ, ОРКП*. Фонд Г.Н. Потанина. Ф. 1. Оп. 1. Поздравительный адрес от Общества естествоиспытателей и врачей при Императорском Томском университете. Л. 1, 1 об.
56. *НБ ТГУ, ОРКП*. Фонд Г.Н. Потанина. Ф. 1. Оп. 1. Поздравительный адрес от иркутской женской гимназии А.М. Григорьевой. Л. 1, 1 об.
57. *Новикова Е.Г.* Г.Н. Потанин в Томске: филология, Сибирь, Восток и христианство // Вестник Томского государственного университета. 1998. № 266. С. 27–33.
58. *НБ ТГУ, ОРКП*. Фонд Г.Н. Потанина. Ф. 1. Оп. 1. Поздравительный адрес от Минусинского городского музея Мартьяновского музея. Л. 1, 1 об., 2, 2 об.
59. *НБ ТГУ, ОРКП*. Фонд Г.Н. Потанина. Ф. 1. Оп. 1. Поздравительный адрес от Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Л. 1, 1 об.
60. *Селиверстов С.В.* Г.Н. Потанин: сибирское областничество между западничеством и евразийством (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 300 (1). С. 107–115.
61. *Сибирская жизнь*. 1915. № 209. 25 сент.
62. *Малинов А.В., Пешиперова И.Ю.* Областничество в исторической ретроспективе // Новое литературное обозрение. 2015. № 3 (133). С. 101–111. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2015/3/oblastnichestvo-v-istoricheskoy-retrospektive.html>
63. *Жилякова Н.В.* Журналистика Томской губернии второй половины XIX – начала XX века: идея областничества : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2012. 48 с.
64. *Потанин Г.Н.* Заметки о Западной Сибири // Русское слово. 1860. № 9. С. 189–214.
65. *Диев В.С., Иванов А.В., Разумов В.И.* Философия Сибири (к постановке проблемы) // Вестник Омского университета. 2014. № 4. С. 76–83.

References

1. Poplavskaia, I.A. (2023) Grigory Potanin's eightieth anniversary: Based on materials from his archive in the Research Library of Tomsk State University (Article I). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 84. pp. 213–233 (In Russian). doi: 10.17223/19986645/84/11
2. Potanin, G.N. (1907) *Oblastnicheskaya tendentsiya v Sibiri* [Regional Tendency in Siberia]. Tomsk: Tipo-litografiya Sibirskogo tovarishestva pechatnogo dela.
3. Shilovskiy, M.V. (2008) *Sibirskoe oblastnichestvo v obshchestvenno-politicheskoy zhizni regiona vo vtoroy polovine XIX – pervoy chetverti XX v.* [Siberian Regionalism in the Socio-Political Life of the Region in the Second Half of the 19th – First Quarter of the 20th Century]. Novosibirsk: Sovo.
4. *Sibirskaya zhizn'* (1915) 19 September. 204.
5. Vologodskiy, P.V. (1915) *G.N. Potanin kak publitsist Sibiri i obshchestvennyy deyatel'* [Potanin as a Publicist of Siberia and a Public Figure]. Tomsk: Tipo-litografiya Sibirskogo tovarishestva pechatnogo dela.
6. Potanin, G.N. (1986) Rech' na yubilee [Speech at the anniversary]. In: Yanovskiy N.N. (ed.) *Literaturnoe nasledstvo Sibiri* [Literary Heritage of Siberia]. Vol. 7. Novosibirsk: Novosibirskoye knizhnoe izdatel'stvo. pp. 256–258.

7. M-ich", V. (1915) Yubiley G.N. Potanina [Potanin's Anniversary]. *Sibirskaya zhizn'*. 23 September. 203. P. 2.

8. Tomsk State University Research Library. Department of Rare Books and Manuscripts (ORKP NB TGU). Arkhiv G.N. Potanina [Grigory Potanin's Archive]. Fund 1. List 1. *Pozdravitel'nyy adres ot Krasnoyarskogo otdela Obshchestva izucheniya Sibiri i uluchsheniya ee byta* [Congratulatory address from the Krasnoyarsk Department of the Society for the Study of Siberia and Improvement of Its Life]. Pages 5, 5 reverse, 6, 6 reverse.

9. Tomsk State University Research Library. Department of Rare Books and Manuscripts (ORKP NB TGU). Arkhiv G.N. Potanina [Grigory Potanin's Archive]. Fund 1. List 1. *Pozdravlenie ot Obshchestva vrachey Eniseyskoy gubernii* [Congratulatory address from the Society of Doctors of the Yenisei Province]. Pages 11, 11 reverse.

10. Tomsk State University Research Library. Department of Rare Books and Manuscripts (ORKP NB TGU). Arkhiv G.N. Potanina [Grigory Potanin's Archive]. Fund 1. List 1. *Pozdravlenie ot Obshchestva popecheniya o nachal'nom obrazovanii v g. Krasnoyarske* [Congratulatory address from the Society for the Care of Primary Education in Krasnoyarsk]. Pages 1, 1 reverse, 2, 2 reverse.

11. Tomsk State University Research Library. Department of Rare Books and Manuscripts (ORKP NB TGU). Arkhiv G.N. Potanina [Grigory Potanin's Archive]. Fund 1. List 1. *Pozdravitel'nyy adres ot Sibirskikh zemlyachestv pri vysshikh uchebnykh zavedeniyakh g. Tomska* [Congratulatory address from Siberian communities at higher educational institutions of Tomsk]. Pages 10, 10 reverse, 11, 11 reverse.

12. Tomsk State University Research Library. Department of Rare Books and Manuscripts (ORKP NB TGU). Arkhiv G.N. Potanina [Grigory Potanin's Archive]. Fund 1. List 1. *Pozdravitel'nyy adres ot Obshchestva sodeystviya ustroystvu sel'skikh besplatnykh bibliotek-chitalen v Tomskoy gubernii* [Congratulatory address from the Society for Assistance to the Establishment of Rural Free Libraries and Reading Rooms in Tomsk Province]. Pages 27, 27 reverse, 28, 28 reverse.

13. Shilovskiy, M.V. (2019) Sibirskoe oblastничество [Siberian regionalism]. In: Shilovskiy, M.V. (ed.) *Obshchestvenno-politicheskaya zhizn' Sibiri v kontse XIX – nachale XX veka: entsiklopedicheskiy slovar'* [Social and Political Life of Siberia in the Late 19th – Early 20th Centuries: Encyclopedic Dictionary]. Novosibirsk: Parallel'. pp. 302–304.

14. Potanin, G.N. (1908) Nuzhdy Sibiri [Needs of Siberia]. In: Mel'nik, I.S. (ed.) *Sibir', ee sovremennoe sostoyanie i nuzhdy* [Siberia, Its Current State and Needs]. Saint Petersburg: Izdaniye A. F. Devriyena. pp. 260–294.

15. Potanin, G.N. (1908) Goroda Sibiri [Cities of Siberia]. In: Mel'nik, I.S. (ed.) *Sibir', ee sovremennoe sostoyanie i nuzhdy* [Siberia, Its Current State and Needs]. Saint Petersburg: Izdaniye A. F. Devriyena. pp. 234–259.

16. Koz'min, N.N. (1918) Oblastничество [Regionalism]. *Sibirskie zapiski*. 1. pp. 40–54.

17. Tomsk State University Research Library. Department of Rare Books and Manuscripts (ORKP NB TGU). Arkhiv G.N. Potanina [Grigory Potanin's Archive]. Fund 1. List 1. *Pozdravlenie ot soveta Imperatorskogo Tomskogo universiteta* [Congratulatory address from the Council of the Imperial Tomsk University]. Pages 1, 1 reverse, 2, 2 reverse.

18. Tomsk State University Research Library. Department of Rare Books and Manuscripts (ORKP NB TGU). Arkhiv G.N. Potanina [Grigory Potanin's Archive]. Fund 1. List 1. *Pozdravlenie ot obshchestvennogo upravleniya g. Omska* [Congratulatory address from the public administration of the city of Omsk]. Pages 1, 1 reverse.

19. Tomsk State University Research Library. Department of Rare Books and Manuscripts (ORKP NB TGU). Arkhiv G.N. Potanina [Grigory Potanin's Archive]. Fund 1. List 1. *Pozdravlenie ot Minusinskogo gorodskogo Mart'yanovskogo muzeya* [Congratulatory address from the Minusinsk city Martyanovsky museum]. Pages 1, 1 reverse, 2, 2 reverse.

20. Tomsk State University Research Library. Department of Rare Books and Manuscripts (ORKP NB TGU). Arkhiv G.N. Potanina [Grigory Potanin's Archive]. Fund 1. List 1.

Pozdravlenie ot Novo-Nikolaevskogo obshchestva popecheniya o narodnom obrazovanii [Congratulations from the Novo-Nikolaevsk society for the care of public education]. Pages 3, 3 reverse, 4, 4 reverse.

21. Tomsk State University Research Library. Department of Rare Books and Manuscripts (ORKP NB TGU). Arkhiv G.N. Potanina [Grigory Potanin's Archive]. Fund 1. List 1. *Pozdravlenie ot Semipalatinskogo podotdela Zapadno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva* [Congratulations from the Semipalatinsk subdivision of the West Siberian department of the Imperial Russian Geographical Society]. Pages 1, 1 reverse, 2, 2 reverse.

22. Egorov, B.F. (2003) O provintsial'noy kul'ture i regional'nom samosoznanii [On provincial culture and regional self-awareness]. In: Kazarkin, A.P. (ed.) *Sibir' v kontekste mirovoy kul'tury: Opyt samoopisaniya* [Siberia in the Context of World Culture: An attempt at self-description]. Tomsk: Sibirika. pp. 8–9.

23. Sagalaev, A.M. & Kryukov, V.M. (2004) *Potanin, posledniy entsiklopedist Sibiri: opyt osmysleniya lichnosti* [Potanin, the Last Encyclopedist of Siberia: An attempt at understanding the personality]. Tomsk: Izdatel'stvo nauchno-tekhnicheskoy literatury.

24. Tomsk State University Research Library. Department of Rare Books and Manuscripts (ORKP NB TGU). Arkhiv G.N. Potanina [Grigory Potanin's Archive]. Fund 1. List 1. *Pozdravitel'nyy adres ot Obshchestva sibirskikh inzhenerov* [Congratulatory address from the Society of Siberian Engineers]. Pages 19, 19 reverse, 20, 20 reverse.

25. Tomsk State University Research Library. Department of Rare Books and Manuscripts (ORKP NB TGU). Arkhiv G.N. Potanina [Grigory Potanin's Archive]. Fund 1. List 1. *Pozdravitel'nyy adres ot Obshchestva vspomoshchestvovaniya uchashchimsya buryatam* [Congratulatory address from the Society for Assistance to Buryat Students]. Pages 5, 5 reverse.

26. Tomsk State University Research Library. Department of Rare Books and Manuscripts (ORKP NB TGU). Arkhiv G.N. Potanina [Grigory Potanin's Archive]. Fund 1. List 1. *Pozdravitel'nyy adres ot gruppy musul'man-progressistov g. Tomsk* [Congratulatory address from a group of Muslim progressives from Tomsk]. Pages 37, 37 reverse, 38, 38 reverse.

27. Tomsk State University Research Library. Department of Rare Books and Manuscripts (ORKP NB TGU). Fond G.N. Potanina [Grigory Potanin's Archive]. Fund 1. List 1. *Pozdravitel'nyy adres ot Obshchestva prakticheskikh vrachey Tomskoy gubernii* [Congratulatory address from the Society of Practical Physicians of Tomsk Province]. Pages 33, 33 reverse, 34, 34 reverse.

28. Yadrintsev, N.M. (1882) *Sibir' kak koloniya* [Siberia as a Colony]. Saint Petersburg: I.M. Sibiryakov.

29. Sibirskaya zhizn' (1899) Zemstvo kak faktor razvitiya gramotnosti i uchrezhdeniy obshchestvennogo prizreniya [Zemstvo as a Factor in the Development of Literacy and Institutions of Public Welfare]. *Sibirskaya zhizn'*. 3 March. 48. P. 1.

30. Shevtsov, V.V. (2012) Problem of self-government in Siberia during the revolution period of 1905–1907. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 4 (20). pp. 138–142 (In Russian).

31. Yurtsovskiy, N.S. (1917) *Zemstvo v Sibiri* [Zemstvo in Siberia]. Tobolsk: Gubernskaya tipografiya.

32. Poplavskaya, I.A. & Genina, N.E. (2023) Grigory Potanin's library in Tomsk: History of formation, composition, inscripts. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 495. pp. 49–61 (In Russian). doi: 10.17223/15617793/495/5

33. Farafontova, T.M. (1915) Cherty iz zhizni sibirskogo patriota. K 80-letnemu yubileyu G.N. Potanina [Traits from the life of a Siberian patriot. On the occasion of the 80th anniversary of G.N. Potanin]. *Russkaya mys'*. 9. pp. 144–155.

34. Potanin, G.N. (1991) *Pis'ma* [Letters]. Vol. 5. Irkutsk: Irkutsk State University.

35. Smolin, V.F. (1916) *Grigoriy Nikolaevich Potanin (Po povodu 80-tiletiya so dnya rozhdeniya)* [Grigory Nikolaevich Potanin (On the occasion of his 80th birthday)]. Kazan: Tipo-litografiya Imperatorskogo universiteta.

36. Avtonomov, N.P. (1916) *G.N. Potanin i P.I. Makushin v kul'turno-prosvetitel'noy zhizni Sibiri* [Potanin and P.I. Makushin in the Cultural and Educational Life of Siberia]. Harbin: Tipografiya Kitayskoy vostochnoy zheleznoy dorogi.

37. Baksheev, A.I. (2019) Sibirskoe oblastничество: XIX – nachalo XX v. [Siberian regionalism: 19th – early 20th centuries]. *Sotsial'no-ekonomicheskii i gumanitarnyy zhurnal Krasnoyarskogo agrarnogo universiteta*. 3. pp. 126–137.

38. Turovskiy, R.F. (1999) Regional'naya identichnost' v sovremennoy Rossii [Regional identity in modern Russia]. In: Makfol, M. & Ryabov, A. (eds) *Rossiyskoe obshchestvo: stanovlenie demokraticheskikh tsennostey?* [Russian Society: The formation of democratic values?]. Moscow: Gendal'f. pp. 87–136.

39. Shilovskiy, M.V. (1994) Khronika oblastnicheskogo dvizheniya v Sibiri [Chronicle of the regional movement in Siberia]. In: Zinov'ev, V.P. (ed.) *Materialy k khronike obshchestvennogo dvizheniya v Sibiri v 1895–1917 gg.* [Materials for the Chronicle of the Social Movement in Siberia in 1895–1917]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 6–16.

40. Tomsk State University Research Library. Department of Rare Books and Manuscripts (ORKP NB TGU). Fond G.N. Potanina [Grigory Potanin's Archive]. Fund 1. List 1. *Pozdravitel'nyy adres ot studencheskogo tekhnicheskogo kruzhka pri Tomskom tekhnologicheskoy institute* [Congratulatory address from the student technical circle at the Tomsk Technological Institute]. Pages 7, 7 reverse.

41. Tomsk State University Research Library. Department of Rare Books and Manuscripts (ORKP NB TGU). Fond G.N. Potanina [Grigory Potanin's Archive]. Fund 1. List 1. *Pozdravitel'nyy adres ot obshchestvennykh organizatsiy g. Achinska* [Congratulatory address from public organizations of the city of Achinsk]. Pages 1, 1 reverse.

42. Tomsk State University Research Library. Department of Rare Books and Manuscripts (ORKP NB TGU). Fond G.N. Potanina [Grigory Potanin's Archive]. Fund 1. List 1. *Pozdravitel'nyy adres ot Vostochno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva g. Irkutsk* [Congratulatory address from the East Siberian department of the Imperial Russian Geographical Society, city of Irkutsk]. Pages 1, 1 reverse.

43. Veynberg, B.P. (1914) Na torzhestve Sibirskikh vysshikh zhenskikh kursov [At the celebration of the Siberian Higher Women's Courses]. *Sibirskaya zhizn'*. 29 October. 235. pp. 2–3.

44. Veynberg, B.P. (1914) Na torzhestve Sibirskikh vysshikh zhenskikh kursov (Okonchanie) [At the celebration of the Siberian Higher Women's Courses (End)]. *Sibirskaya zhizn'*. 30 October. 236. pp. 2–3.

45. Tomsk State University Research Library. Department of Rare Books and Manuscripts (ORKP NB TGU). Fond G.N. Potanina [Grigory Potanin's Archive]. Fund 1. List 1. *Pozdravitel'nyy adres ot slushatel'nits Sibirskikh vysshikh zhenskikh kursov g. Tomska* [Congratulatory address from female students of the Siberian Higher Women's Courses in Tomsk]. Pages 1, 1 reverse.

46. Kuz'minova, E.F. & Krylov, S.A. (2006) Vysshee zhenskoe obrazovanie v Sibiri v nachale XX veka [Higher female education in Siberia at the beginning of the 20th century]. *Voprosy obrazovaniya: ezhekvartal'nyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal*. 3. pp. 122–140.

47. Nikonova, N.E. & Masyaykina, E.V. (2015) Kul'turnaya programma sibirskogo oblastничества i zhenskiy vopros: po materialam naslediya G.N. Potanina [Cultural program of Siberian regionalism and the women's issue: based on the legacy of G.N. Potanin]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya. Humanitates*. 4 (4). pp. 206–216.

48. Kashchenko, N.F. (1912) *Sibirskie vysshie zhenskie kursy* [Siberian Higher Women's Courses]. Tomsk: Tipo-litografiya Sibirskogo tovarischestva pechatnogo dela.

49. Nozdrin, G.A. (2005) Obshchestvennaya zhizn' Sibiri vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka [Social life of Siberia in the second half of the 19th – early 20th century]. *Vestnik Kuzbasskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*. 1. pp. 120–125.

50. Anon (1916) *Potanskaya besplatnaya biblioteka Obshchestva popecheniya o nachal'nom obrazovanii* [Potanin's Free Library of the Society for the Care of Primary Education]. Tomsk: [s.n.].

51. Tomsk State University Research Library. Department of Rare Books and Manuscripts (ORKP NB TGU). Fond G.N. Potanina [Grigory Potanin's Archive]. Fund 1. List 1. *Pozdravitel'nyy adres ot sluzhashchikh Tomskogo gorodskogo obshchestvennogo upravleniya* [Congratulatory address from employees of the Tomsk city public administration]. Pages 41, 41 reverse.

52. Tomsk State University Research Library. Department of Rare Books and Manuscripts (ORKP NB TGU). Fond G.N. Potanina [Grigory Potanin's Archive]. Fund 1. List 1. *Pozdravitel'nyy adres ot irkutskogo otdela Obshchestva izucheniya Sibiri i uluchsheniya ee byta* [Congratulatory address from the Irkutsk department of the Society for the Study of Siberia and Improvement of Its Life]. Pages 3, 3 reverse.

53. Kazarkin, A.P. (1999) Regional and Euroasian Ideas in the Literature of Siberia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 268. pp. 11–12 (In Russian).

54. Shilovskiy, M.V. (1999) Sibirskie korni evraziystva [Siberian roots of Eurasianism]. In: Ozhogin, V.I. (ed.) *Evrasiya: kul'turnoe nasledie drevnikh tsivilizatsiy* [Eurasia: The cultural heritage of ancient civilizations]. Vol. 1. Novosibirsk: Novosibirsk State University. pp. 102–111.

55. Tomsk State University Research Library. Department of Rare Books and Manuscripts (ORKP NB TGU). Fond G.N. Potanina [Grigory Potanin's Archive]. Fund 1. List 1. *Pozdravitel'nyy adres ot Obshchestva estestvoispytateley i vrachey pri Imperatorskom Tomskom universitete* [Congratulatory address from the Society of Naturalists and Physicians at the Imperial Tomsk University]. Pages 1, 1 reverse.

56. Tomsk State University Research Library. Department of Rare Books and Manuscripts (ORKP NB TGU). Fond G.N. Potanina [Grigory Potanin's Archive]. Fund 1. List 1. *Pozdravitel'nyy adres ot irkutskoy zhenskoy gimnazii A.M. Grigor'evoy* [Congratulatory address from the Irkutsk girls' gymnasium of A.M. Grigorieva]. Pages 1, 1 reverse.

57. Novikova, E.G. (1998) G.N. Potanin in Tomsk: philology, Siberia, the East and Christianity. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 266. pp. 27–33 (In Russian).

58. Tomsk State University Research Library. Department of Rare Books and Manuscripts (ORKP NB TGU). Fond G.N. Potanina [Grigory Potanin's Archive]. Fund 1. List 1. *Pozdravitel'nyy adres ot Minusinskogo gorodskogo Mart'yanovskogo muzeya* [Congratulatory address from the Minusinsk City Mart'yanovsky Museum]. Pages 1, 1 reverse, 2, 2 reverse.

59. Tomsk State University Research Library. Department of Rare Books and Manuscripts (ORKP NB TGU). Fond G.N. Potanina [Grigory Potanin's Archive]. Fund 1. List 1. *Pozdravitel'nyy adres ot Zapadno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva* [Congratulatory address from the West Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society]. Pages 1, 1 reverse.

60. Seliverstov, S.V. (2007) G.N. Potanin: sibirskoe oblastничество mezhdru zapadnichestvom i evraziystvom (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [G.N. Potanin: Siberian regionalism between Westernism and Eurasianism (second half of the 19th – early 20th centuries)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 300 (1). pp. 107–115.

61. *Sibirskaya zhizn'* (1915) 25 September. 209 (In Russian).

62. Malinov, A.V. & Peshperova, I.Yu. (2015) Oblastничество v istoricheskoy retrospektive [Regionalism in Historical Retrospect]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 3 (133). pp. 101–111. [Online] Available from: <https://magazines.gorky.media/nlo/2015/3/oblastничество-v-istoricheskoy-retrospektive.html>.

63. Zhilyakova, N.V. (2012) *Zhurnalistika Tomskoy gubernii vtoroy poloviny XIX – nachala XX veka: ideya oblastnichestva* [Journalism of Tomsk province in the second half of the 19th – early 20th century: The idea of regionalism]. Abstract of Philology Dr. Diss. Saint Petersburg.

64. Potanin, G.N. (1860) *Zametki o Zapadnoy Sibiri* [Notes on Western Siberia]. *Russkoe slovo*. 9. pp. 189–214.

65. Diev, V.S., Ivanov, A.V. & Razumov, V.I. (2014) *Filosofiya Sibiri (k postanovke problemy)* [Philosophy of Siberia (towards the formulation of the problem)]. *Vestnik Omskogo universiteta*. 4. pp. 76–83.

Информация об авторе:

Поплавская И.А. – д-р филол. наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: poplavskaj@rambler.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

I.A. Poplavskaya, Dr. Sci. (Philology), associate professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: poplavskaj@rambler.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 15.05.2024;
одобрена после рецензирования 06.07.2024; принята к публикации 18.11.2024.*

*The article was submitted 15.05.2024;
approved after reviewing 06.07.2024; accepted for publication 18.11.2024.*

Научная статья
УДК 821:81'255.2
doi: 10.17223/19986645/92/12

Поэзия М.Ю. Лермонтова в зеркале киргизской литературы: анализ переводов Омора Султанова

Жыпар Оморовна Султанова¹

¹ *Кыргызско-Российский Славянский университет им. первого Президента
Российской Федерации Б.Н. Ельцина, Бишкек, Кыргызская Республика,
jeep502@inbox.ru*

Аннотация. Изучаются переводы поэзии М.Ю. Лермонтова на киргизский язык. Определяется роль творчества русского поэта в языковой картине мира киргизской культуры в общем, и литературы в частности. Проанализированы переводы стихотворений Лермонтова, осуществлённые Народным поэтом Кыргызской Республики Омором Султановым. В исследовании на основе сопоставления оригиналов и переводов поэтических произведений выявляются лингвистические и социокультурные особенности киргизских переводов поэзии Лермонтова.

Ключевые слова: художественный перевод, оригинал, поэзия, русский язык, киргизский язык, эквивалентность, вольность, адекватность, М.Ю. Лермонтов, Омор Султанов

Для цитирования: Султанова Ж.О. Поэзия М.Ю. Лермонтова в зеркале киргизской литературы: анализ переводов Омора Султанова // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 92. С. 226–247. doi: 10.17223/19986645/92/12

Original article
doi: 10.17223/19986645/92/12

Mikhail Lermontov's poetry in the mirror of Kyrgyz literature: Analysis of translations by Omor Sultanov

Zhypar O. Sultanova¹

¹ *Kyrgyz-Russian Slavic University named after B.N. Yeltsin, Bishkek, Kyrgyz Republic.
jeep502@inbox.ru*

Abstract. A study of literary translations of Mikhail Lermontov's poetry into the Kyrgyz language, authored by the People's Poet of the Kyrgyz Republic Omor Sultanov, was conducted. The materials for the research were poems by Lermontov and their translations into Kyrgyz made by Sultanov. A line-by-line comparative analysis of the original poems of the Russian poet and translations of his poetry into Kyrgyz was made. This approach allowed evaluating the quality of literary translation in more detail and analyzing all the nuances of this complex process. The aim of the study is to determine the originality of Lermontov's poetry and its translations in the sociocultural context of the interaction of two languages: Russian and Kyrgyz. The relevance and novelty

of the research is manifested in the identification of ideological criteria in the interpretation of Lermontov's poetry for Kyrgyz-speaking readers. The subject of the study is the sociocultural and linguistic characteristics of Kyrgyz translations of Lermontov's poetry. The study assesses the degree of equivalence, freedom and adequacy of the considered poetic translations in relation to the originals, and correlates the imagery of the originals and Kyrgyz translations of Lermontov's poetry. The main method of the research is comparative analysis. The study revealed the distinctive features of literary translations of Lermontov's poems into Kyrgyz, their dependence on the socio-cultural background and the traditional value system of the Kyrgyz people; identified semantic and stylistic features of the transition of Lermontov's poetry from the Russian language to Kyrgyz. The analysis showed the presence of both equivalent and free translations of Lermontov's lyrics made by Sultanov. It can be concluded that each of these translated poetic texts is timely and adequate, the line-by-line analysis of poems helps to focus on detailing all the translation nuances. Psychological and personal factors relating to the author and the translator play an important role – the translator conveys the poet's ideas through the prism of his own experience. Despite the fact that Russian and Kyrgyz are not related to each other, they have a common Soviet past, which means that the cultural layer of the Russian language is well known to the Kyrgyz audience. This circumstance poses an important task for the translator – taking into account the fact that bilingual Kyrgyz readers are often fluent in both Kyrgyz and Russian, and can refer to Lermontov's poetry in the original, being well acquainted with his works, it is necessary to convey Lermontov's lyrics in translation to the Kyrgyz reader accurately and correctly. It can be concluded that Sultanov's literary translations have passed all the listed selection criteria and can claim a high assessment of the quality of translations of Lermontov's poetry into the Kyrgyz language.

Keywords: literary translation, original, poetry, Russian and Kyrgyz literature, features of the translating language, equivalence, freedom, adequacy, Mikhail Lermontov, Omor Sultanov

For citation: Sultanova, Zh.O. (2024) Mikhail Lermontov's poetry in the mirror of Kyrgyz literature: Analysis of translations by Omor Sultanov. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 92. pp. 226–247. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/92/12

Посвящается 210-летию со дня рождения М.Ю. Лермонтова

Творчество М.Ю. Лермонтова вызывает большой интерес у переводчиков разных стран и народов. История знакомства киргизского читателя с произведениями поэта начинается с 20-х гг. XX в., когда основоположники киргизской литературы взялись за переводы поэзии Лермонтова. Изучая жизнь и творчество Лермонтова в межкультурном пространстве, можно утверждать, что первыми на тюркские языки переводились те его произведения, в которых центральное место отводится образу восточного человека и миру восточной культуры в целом [1. Т. 151. С. 145]. Подтверждением этому служит тот факт, что первым стихотворением Лермонтова, переведённым на киргизский язык отцом-основателем письменной литературы Касымалы Баялиновым, стало восточное сказание «Три пальмы», опубликованное в киргизской газете «Эркин-Тоо» в 1925 г. Таким образом, с каждым последующим годом творчество великого русского поэта набирало обороты

в переводческих работах киргизских авторов. Одним из самых активных переводчиков М.Ю. Лермонтова на киргизский язык стал Народный поэт Кыргызской Республики Омор Султанов¹. В 1986 г. у Султанова вышла отдельная книга переводов избранных стихотворений Лермонтова, творчество которого поэт особо выделял в рамках своей переводческой деятельности. В 1987 г. был издан перевод поэмы «Демон» («Азрейл»), сделанный О. Султановым, он был высоко оценен как критиками, так и читательской аудиторией и переиздавался четыре раза. В 2009 г. Народному поэту Кыргызстана Омору Султанову вручена международная литературная премия им. М.Ю. Лермонтова. Этой награды он удостоен в том числе и за перевод сборника ранних стихов русского поэта, а также за оригинальный перевод поэмы Лермонтова «Азрейл» («Демон») [3]. В связи с этим в данном исследовании мы обратились к изучению переводов стихотворений М.Ю. Лермонтова на киргизский язык именно в варианте О. Султанова.

Целью исследования стало выявление особенностей поэзии М.Ю. Лермонтова в рамках социокультурного диалога русского и киргизского языков. В данном исследовании представляется разноплановый «киргизско-язычный портрет» Лермонтова, даётся объяснение критериев интерпретации его стихотворений для киргизских читателей, исходящих из их миропонимания. В этом заключаются его актуальность и новизна. Объектом исследования служат переводы стихотворений Лермонтова на киргизский язык, осуществлённые О. Султановым. В качестве предмета исследования можно назвать социокультурные и лингвистические особенности переводов стихотворных произведений русского поэта на киргизский язык. В задачи исследования входит: 1) строчный сравнительный анализ стихотворений Лермонтова и их переводов на киргизский язык, такой подход призван показать не общую, а более конкретную картину переводческих особенностей; 2) определение степени эквивалентности, вольности и адекватности переводов по отношению к оригиналам; 3) соотнесение образности оригиналов и киргизских переводов поэтических произведений Лермонтова. Главный метод исследования – сопоставительный анализ.

У каждого из языков имеется своя культура и мелодика. Наряду с рассмотрением социокультурных особенностей художественного перевода стоит учитывать ряд важнейших, системообразующих технических характеристик «перехода» поэтического текста из одного языка в другой.

Качество перевода следует оценивать, рассматривая его эквивалентность оригиналу произведения. Необходимо учитывать также вольность, которую

¹ Омор Султанов (1935–2022) – Народный поэт Кыргызской Республики, автор многих популярных произведений, поэтических книг, романов, киносценариев и переводов. Произведения Султанова переведены на русский, английский, немецкий, испанский, польский, венгерский, монгольский, татарский и многие другие языки мира. В честь 80-летнего юбилея поэта 2015 г. был объявлен в тюркоязычных странах Годом Омора Султанова [2].

переводчик допускает при переводе. Художественные, а особенно поэтические произведения очень чувствительны в этом отношении, так как в задачу переводчика в этом случае входит, прежде всего, создание и передача образов, заложенных в оригинале. И он решает, какими средствами выражения этого достичь, исходя из особенностей переводящего языка и личностных фильтров. Несмотря на это, есть общие правила, которых необходимо придерживаться. Для того чтобы их очертить, следует определиться с терминологией. Таким образом, в данной работе мы опираемся на оценку эквивалентности, адекватности, вольности поэтического перевода. Стоит обратить внимание на мнение исследователя А.И. Гусаковой, которая пишет: «“Адекватность” и “эквивалентность” зачастую отождествляют, однако, все же между ними есть принципиальное отличие. “Адекватный перевод” – это хороший перевод, который содержит в себе как фактическую, так и эмоциональную составляющую текста в равной степени. Целью адекватного перевода является передача целостности текста, его коммуникативной интенции. В то же время под эквивалентностью подразумевается смысловая общность приравниваемых друг к другу единиц языка или речи, перевод, осуществляемый на уровне, необходимом для передачи содержания исходного текста с соблюдением норм текста перевода. Эквивалентность – это максимальная близость текста перевода к тексту оригинала» [4. С. 54]. Говоря о вольном переводе, можно сказать, что в исследовании мы придерживаемся второго пункта определения этого понятия из «Толкового переводоведческого словаря», который гласит, что вольным можно считать «перевод, осуществляемый на более высоком уровне, чем тот, который достаточен для передачи неизменного плана содержания при соблюдении норм переводящего языка (ПЯ)» [5]. В этой связи констатируем, что итогом поэтического перевода должно стать некое гармоничное художественное целое, которое не равно сумме частей и никогда не будет сводиться к одностороннему воспроизведению каких-либо частных структурных элементов оригинала, будь то семантические, когнитивные или формальные единицы [6. С. 103]. С учётом всех этих терминологических и понятийных нюансов и стоит приступить к анализу переводов стихотворений М.Ю. Лермонтова на киргизский язык.

В первую очередь обратимся к анализу перевода одного из самых знаменитых лермонтовских стихотворений – «Бородино» (на киргизском языке, соответственно, оно носит аналогичное название), написанного в 1837 г. Показательными в нём являются фрагменты воспоминаний солдата о славных героях Бородинской битвы.

У Лермонтова:

*– Да, были люди в наше время,
Не то, что нынешнее племя:
Богатыри – не вы!
Плохая им досталась доля:
Немногие вернулись с поля...
Не будь на то господня воля,
Не отдали б Москвы!* [7. Т. 1. С. 225].

Киргизский вариант с обратным подстрочным переводом на русский язык:

– *Оо, адамдар эр эле анда,*
– *Оо, люди были мужественны тогда,*
Андагыдай азыр кайда:
Где найти таких сейчас:
Баатыр дейби силерди да!
Разве можно назвать вас богатырями!
Көтөрүштү баарын чыдап кайрандар,
Всё выдержали, выстояли, бедные,
Көбү кайтпай калбадыбы майдандан...
Многие не вернулись с поля битвы...
Болбогондо жазуу-буйрук кудайдан
Если б не предначертано это было Богом,
Москваны берет элек биз кайдан! [8. Т. 6. С. 36].
Как бы мы отдали Москву!

В анализируемом отрывке, как в оригинале стихотворения, так и в его переводе на киргизский язык, присутствует громкий пафос, это объясняется тематикой стихотворения, восхвалением героев славной битвы. Первая строчка «Да, были люди в наше время» переведена как «Оо, адамдар эр эле анда» («Оо, люди были мужественны тогда»). Здесь появляется уточняющее слово «мужественны», оно призвано пояснить для киргизского читателя все тяготы и боль, через которые пришлось пройти участникам Бородинского сражения. Переводчик добавляет слово «эр», которое относится только к настоящим воинам, прошедшим огонь, воду и медные трубы, таким образом, киргизскому читателю становится более понятным, что в данном фрагменте речь идет о настоящих героях. Вторую строчку «Не то, что нынешнее племя» переводчик превращает в риторический вопрос: «Андагыдай азыр кайда» («Где найти таких сейчас...»), применяя данный приём и к третьей строке «Богатыри – не вы!», которая на киргизском звучит как «Баатыр дейби силерди да!» («Разве можно назвать вас богатырями?!»). Риторические вопросы, уничижающие нынешнее поколение, в данном случае нужны также для усиления значимости предыдущего «поколения Бородина». Далее «Плохая им досталась доля» переведено следующим образом: «Көтөрүштү баарын чыдап кайрандар» («Всё выдержали, выстояли, бедные»), а следующая строка «Немногие вернулись с поля...» переведена как «Көбү кайтпай калбадыбы майдандан...» («Многие не вернулись с поля битвы»). В переводе этих строк мы тоже имеем дело с детализацией, углублением в контекст оригинала стихотворения. Переводчик поясняет киргизским читателям, что Бородинская битва была одной из самых сложных и кровопролитных. Строка «Не будь на то господня воля» переведена «Болбогондо жазуу-буйрук кудайдан» («Если б не предначертано это было Богом»). В данном случае мы можем отметить, что для киргизского читателя важную роль играет не только понимание «Божьей воли», но и большое значение имеет концепт «судьба». В киргизской картине мира многие события, происходящие

в нашей жизни, предсказаны, предначертаны нам заранее судьбой. И следующая строчка «Не отдали б Москвы!» звучит как «Москваны берет элек биз кайдан!» («Как бы мы отдали Москву!»). Переводчик усиливает эмоции лирического героя за счёт риторического восклицания, являющегося кульминацией данного фрагмента.

В проанализированных строках можно констатировать некоторую вольность перевода О. Султанова. Переводчик не стремится к дословности, наоборот, он намеренно избегает односложности и, соответственно, создаёт образы, которые будут наиболее близки киргизскому народу с точки зрения его мировоззрения и менталитета. Примерами могут служить использование слова «мужественны», применённого по отношению к воину, или замена слова «немногие» на «многие» с целью демонстрации масштабности и сложности проходивших боев. Важно отметить, что «в случае «вольного перевода» мы не находим несоответствий норм языка перевода, но происходит произвольное толкование смысла оригинального текста...» [9. С. 157]. При этом данный перевод является адекватным оригиналу, так как смысл и правильность формы русского языка сохранены. Исходим из того, что «адекватный перевод – это перевод, в котором переводчик, исходя из цели перевода и характера адресата, передает лишь денотативную эквивалентность, а остальными типами эквивалентности он может пренебречь» [10. С. 179].

Также интерес вызывает стихотворение Лермонтова «Три пальмы», именуемое восточным сказанием. Датировано оно 1839 г. На киргизский язык название переведено дословно «Үч курма» («Три пальмы»). Исследуем один из ключевых моментов стихотворения:

Оригинал:

*И стали три пальмы на бога роптать:
«На то ль мы родились, чтоб здесь увядать?
Без пользы в пустыне росли и цвели мы,
Колеблемы вихрем и зноем палимы,
Ничей благосклонный не радуя взор?..
Не прав твой, о небо, святой приговор!»* [7. Т. 1. С. 257].

Киргизский перевод с обратным подстрочным переводом на русский язык:

*Үч курма кудайга айда дат айтышты:
Три пальмы Богу предъявили свою жалобу:
«Калуу үчүн мында куурап жаралдыкпы!
Разве чтоб остаться здесь увядать, мы рождены!
Пайдасыз чолдо бүрдөп турдук өсүп,
Без пользы в пустыне мы росли, цвели,
Теңселип шамал урса, аптап өтүп,
Колеблемы ветром, зноем палимы,
Эч кимдин кубандырбай көргөн көзүн?..
Ничей не радуя взор?
Туура эмес, Теңир, ыйык бул өкүмүң!»* [8. Т. 6. С. 42–43].
Не прав твой, Небо, святой этот приговор!

В переводе данного отрывка восточного сказания переводчик использовал наиболее подходящие, эквивалентные оригиналу слова и речевые обороты. О. Султанов осуществлял свой перевод, опираясь на смысловые центры лермонтовских строк, и в ходе перевода смог не только максимально отразить содержание стихотворения, но и сохранить словарно-структурную, а также стилистическую стройность стихотворения. К примеру, строки «На то ль мы родились, чтоб здесь увядать? Без пользы в пустыне росли и цвели мы» звучат как «Калуу үчүн мында куурап жаралдыкпы! Пайдасыз чөлдө бүрдөп турдук өсүп» («Разве чтоб остаться здесь увядать, мы рождены! Без пользы в пустыне мы росли, цвели»). Для того чтобы киргизскоязычные читатели восприняли стихотворение в правильном ключе, перед переводчиком стояла задача донести до них философскую составляющую произведения, а именно с филигранной точностью передать жалобы «трёх пальм» (разума, чувства и воли) на своё никчёмное прозябание в пустыне. Можно говорить о том, что каждая переведённая строка выверена как с точки зрения смысловой нагрузки, так и со стороны словарной идентичности с текстом оригинала. В этом контексте речь идёт о «естественной» эквивалентности, которая «не означает только однозначные соответствия, а допускает вариативность перевода в зависимости от его цели» [11. С. 76].

Обратимся к ещё более подробному изучению философской лирики М.Ю. Лермонтова. Результатом размышлений о жизни, о смысле бытия, о судьбе и её тяготах, сопровождающихся юношеским максимализмом, становится непростое, многогранное стихотворение поэта под названием «1831-го июня 11 дня». Серию стихотворений поэт пишет в качестве лирического дневника, изучаемое творение относится к одному из них. В 1831 г., к которому относится данное стихотворение, Лермонтову было семнадцать лет. Мироззрение лирического героя в данном стихотворении не соответствует юношескому восприятию мира, тем увлекательнее становится изучение ярких контрастов лермонтовского миропонимания. На киргизском языке название звучит «1831-жыл, июндун 11-күнү» («1831 год, 11-й день июня»).

Проанализируем тридцатую строфу данного стихотворения, которую можно назвать знаменательной с точки зрения кульминации философского посыла дневниковых записей Лермонтова, а именно его тяжелых дум о том, что ему предначертана жестокая смерть в чужих краях.

Оригинал:

*Кровавая меня могила ждет,
Могила без молитв и без креста,
На диком берегу ревущих вод
И под туманным небом; пуста
Кругом. Лишь чужестранец молодой,
Невольным сожаленьем, и молвой,
И любопытством приведен сюда,
Сидеть на камне станет иногда* [7. Т. 1. С.126].

Вариант О. Султанова с обратным подстрочным переводом на русский язык:

Алдыда күтөт мени кандуу мүрзө
Впереди ждёт меня кровавая могила,
Эч кандай каада-салтты кармабаган,
Не придерживающаяся никаких традиций,
Бууракандап аккан суунун жээги үстүндө
На берегу бурлящих вод
Асманы тумандаган. Тек айланам
Туманное небо. Спокойная кругом
Эндик. Чоочун жигит жол бараткан,
Пустота. Незнакомец молодой, проходивший мимо,
Эксизден өкүнүчтүү күбүр каккан,
С невольным сожалением шептал,
Таң калткан кызыгышка жетеленип
Ведомый странным любопытством,
Олтуруп таи үстүнө кээде келип.
Иногда приходя, будет сидеть на камне [8. Т. 6. С. 34].

Перевод первой строки изучаемой строфы «Алдыда күтөт мени кандуу мүрзө» («Впереди ждёт меня кровавая могила») можно назвать наиболее приближённым по структуре к оригиналу «Кровавая меня могила ждёт». Он может считаться эквивалентным. А вот при переводе второй строки «Эч кандай каада-салтты кармабаган» («Не придерживающаяся никаких традиций»), которая в оригинале звучит как «Могила без молитв и без креста» О. Султанов позволил себе вольность. При этом отметим, что вольность перевода в данном случае обоснована и вполне оправдана разностью двух культур и вероисповедания представителей исходного и переводящего языков. С целью их сближения на ментально-духовном уровне переводчик прибегнул к обобщению понятий, ведь свои традиции и обычаи есть у каждого народа. Строка «На диком берегу ревуших вод» переведена как «Бууракандап аккан суунун жээги үстүндө» («На берегу бурлящих вод»), что можно отнести к эквивалентности. Следующие строки «И под туманным небом; пустота» и «Кругом. Лишь чужестранец молодой» звучат как «Асманы тумандаган. Тек айланам» («Туманное небо, Спокойная кругом») и «Эндик. Чоочун жигит жол бараткан» («Пустота. Незнакомец молодой, проходивший мимо») соответственно. Как видим, в киргизском переводе слово «пустота» перешло на следующую строку, а на предыдущей строке появилось уточнение «спокойная кругом», т.е. слова поменялись местами, но смысл остался прежним. У «пустоты» в переводе появилась характеристика «спокойная». Также если в оригинале у Лермонтова фигурирует «чужестранец», то у Султанова он превращается в «незнакомца парнишку». В данном случае кажется, что переводчик не до конца сумел донести мысль поэта о том, что лирический герой предвидит свою смерть именно на чужбине, поэтому в стихотворении фигурирует именно чужестранец, а не просто незнакомец. Безусловно, переводчик понимал этот нюанс, но ему не удалось до

конца сформулировать это в своём поэтическом тексте. Переводы следующих строк «Невольным сожаленьем, и молвой» – «Эркисизден өкүнүчтүү күбүр каккан» («С невольным сожалением шептал»), «И любопытством приведен сюда» – «Таң калткан кызыгышка жетеленип» («Ведомый странным любопытством»), «Сидеть на камне станет иногда» – «Олтуруп таш үстүнө кээде келип» («Иногда приходя, будет сидеть на камне») можно назвать контекстными и адекватными. Мы видим, что меняются некоторые слова, конструкции в предложениях, но их функциональный смысл и посыл при переводе сохраняются. Таким образом, можно прийти к выводу, что перевод стихотворения «1831-го июня 11 дня» адекватен, передаёт как смысловую, так и фактологическую основу оригинала.

Философская рефлексия М.Ю. Лермонтова проявляется также в стихотворении «Моё грядущее в тумане», написанном в 1836 г. Разберём перевод отрывка стихотворения, в котором поэт формулирует свои вопросы и мысли для объяснения своей дальнейшей трансформации. На киргизский язык стихотворение переводится как «Келечегим туманданат көрүнбөй» («Моё будущее затуманено, не видно»).

Лермонтов написал так:

*К чему творец меня готовил,
Зачем так грозно прекословил
Надеждам юности моей?..
Добра и зла он дал мне чашу,
Сказав: я жизнь твою украшу,
Ты будешь славен меж людей!..* [7. Т. 1. С. 336].

Султанов перевёл это следующим образом (обратный подстрочный перевод на русский язык прилагается):

*Жаратканым мени эмнеге даярдап,
К чему Творец меня готовя,
Жана эмнеге ошончолук каардап,
И на меня зачем так сильно свой изливая гнев,
Жаштыгымдын жакшы үмүтүн майтарды!..
Светлую надежду юности сломил!..
Колго берип жаман менен жакшыдан
Дав мне в руки добро и зло (хорошее и плохое),
Ал мага айтты: өмүрүңдү маарытам,
Он мне сказал: жизнь твою наполню всем,
Сен болосуң адамдардан байсалдуу!..
Ты будешь безмятежным среди людей!..*

Первые три строки данного отрывка переведены вполне эквивалентно оригиналу, однако в них заметны синтаксические изменения, не искажающие смысл стихотворения, но подходящие под поэтическую ритмику переводящего киргизского языка: «К чему творец меня готовил» – «Жаратканым мени эмнеге даярдап» («К чему Творец меня готовя»), «Зачем так грозно прекословил» – «Жана эмнеге ошончолук каардап» («И на меня зачем так

сильно свой изливая гнев»), «Надеждам юности моей?» – «Жаштыгымдын жакшы үмүтүн майтарды!» («Светлую надежду юности сломил»). В последующих строках мы можем наблюдать похожую картину, однако здесь в игру вступают некоторые контекстуальные моменты. К примеру, «Добра и зла он дал мне чашу» переведено как «Колго берип жаман менен жакшыдан» («Дав мне в руки добро и зло (хорошее и плохое)»). Слово «чаша» в контексте разговора о добре и зле не так распространено в киргизской культуре. В ней принято считать, что человек должен ковать своё счастье своими руками, тогда оно будет выстраданным, а значит, настоящим, Творец даёт ему выбор из добра и зла и складывает его не в чашу, а даёт прямо в руки. В следующей строчке «Сказав: я жизнь твою украшу», переведённой как «Ал мага айтты: өмүрүңдү маарытам» («Он мне сказал: жизнь твою наполню всем»), О. Султанов углубляется в её смысловую нагрузку, персонифицируя диалог с Творцом, а также гиперболизируя значение дара, который он готов отдать лирическому герою. У Лермонтова Творец лишь «украшает» жизнь, а у Султанова – «наполняет всем». И заключительная строка данного отрывка «Ты будешь славен меж людей!» звучит как «Сен болосуң адамдардан байсалдуу» («Ты будешь безмятежным среди людей»). Мы видим, что если Лермонтов фокусирует внимание на том, что человек, как он думал, должен быть «славен» среди остальных, и это можно считать наивысшим благом, то Султанов вкладывает сюда смыслы последующих строк стихотворения и пишет о «безмятежности», ибо гармонию человек, по его мнению, может достичь только в спокойствии. Эту точку зрения можно отнести к личной позиции переводчика, оказавшей влияние на использование смысловой интерпретации при переводе. В целом перевод стихотворения «Моё грядущее в тумане» является адекватным и передаёт всю эмоциональную и функциональную палитру исходного текста.

Мысли о призрачном будущем не оставляли поэта на протяжении всего его творчества. Тем более что его нелёгкая судьба подсказывала ему всё новые сюжеты. Одним из таких является стихотворение «Соседка». На киргизский язык название переводится как «Кошуна кыз» («Соседка»). В 1840 г. военный трибунал расследовал дело о дуэли М. Лермонтова с сыном французского посла Эрнестом де Барантом. В течение нескольких месяцев поэт находился в тюрьме. Именно в тот период и было написано анализируемое стихотворение. Тяжёлые будни заточения лирическому герою скрашивала таинственная незнакомка, которую он видел через небольшое тюремное оконце, узник сдружился с ней, она была дочкой тюремщика. Стихотворение лишено пафоса, построено как беседа с близким другом о перипетиях своей непростой судьбы и надежде на спасение. Проанализируем строки, сближающие главных героев стихотворения в попытке вырваться из плена, причем каждый из своего:

Оригинал:

*Но бледна ее грудь молодая,
И сидит она, долго вздыхая,*

**Видно, буйную думу тая,
Все тоскует по воле, как я.
Не грусти, дорогая соседка...
Захоти лишь – откроится клетка,
И, как божии птички, вдвоем
Мы в широкое поле порхнем** [7. Т. 1. С. 278–279].

Киргизский перевод с обратным подстрочным переводом на русский язык:

**Жаш сулуунун жаркын жүзү кер сары,
И бледен светлый лик красавицы молодой,
Көпкө олтурду улутунуп санаалуу,
Долго сидела, вздыхая в печали,
Сыягы, ал да капаска оюн камайт го
Видно, она тоже держит думу в клетке,
Мен өңдөнүп эркиндикти самайт го.
И, как я, сильно желает свободы.
Муңга чөккө кошуна кыз, кымбатым...
Не печалься, соседка, дорогая,
Каалап койчу – капас дароо ачылсын,
Захоти лишь – быстро пусть откроется клетка,
Биз, кудайдын эркеси – эгиз чымчыктай
Мы как божьи баловни – птички-близнецы –
Кең талаага учат элек эч турбай** [8. Т. 6. С. 45].
Улетели бы в широкое поле без промедления.

Строка «Но бледна ее грудь молодая» переведена достаточно вольно «Жаш сулуунун жаркын жүзү кер сары» («И бледен светлый лик красавицы молодой»). Связано это с тем, что в киргизской традиционной культуре обычно не приняты разговоры о таких частях тела женщины, как грудь, и т.д. в публичном пространстве, это прерогатива исключительно ее мужа. Вскользь можно восхититься, к примеру, её лицом, что и демонстрирует нам переводчик, заменив слово «грудь» на «лик». Известный киргизский исследователь-литературовед Чоюн Өмүралиев, имея в виду то, как О. Султанов переводит произведения Лермонтова, пишет: «И в этом случае перо переводчика как бы расходится с авторским, он меняет описываемую сцену-феномен и делает образ ярче и мелодичнее для киргизского миропонимания. Обогащает! (Мында да котормочунун каламы кай бирде автордун өзү менен эрегише кеткендей, ал баяндаган көрүнүш-кубулушту башкачалай, артылтып, кыргызча элестүү ырдап салат. Байытып!))» [12]. Следующая строка «И сидит она, долго вздыхая» превратилась в «Көпкө олтурду улутунуп санаалуу» («И долго сидела, вздыхая в печали»). Здесь появляется уточнение «в печали», с одной стороны, с целью расширения передачи эмоционального состояния героини, с другой – сохранения ритмического рисунка киргизского перевода. Следующая строка «Видно, буйную думу тая» стала «Сыягы, ал да капаска оюн камайт го» («Видно, она тоже держит думы в клетке»). Как мы видим, «буйная дума» трансформировалась в переводе в

«думу в клетке». Красной нитью идёт мысль о заточении, когда любая субстанция, если она буйная либо запертая в клетке, всё равно рвётся наружу в мечтах о свободе. Это подтверждается следующей строчкой «Все тоскует по воле, как я» – «Мен өндөнүп эркиндикти самайт го» («И, как я, сильно желает свободы»). Переводчик, опережая ход повествования, переходит от слов, когда нужно «тосковать по воле», к предтече действия, когда нужно «сильно желать свободы», чтобы её достичь. Дальше строки «Не грусти, дорогая соседка» и «Захоти лишь – откроется клетка», соответственно, переведены как «Муңга чөкпө кошуна кыз, кымбатым» («Не печалься, соседка, дорогая») и «Каалап койчу – капас дароо ачылсын» («Захоти лишь – быстро пусть откроется клетка»). В переводе проявляются некоторые синтаксические особенности киргизского языка, меняется порядок слов, усиливается их значение. «Сильное желание свободы», которое было проявлено в переводе предыдущих строк, подкреплено словами «быстро откроется клетка», в тексте на киргизском языке появляются слова «быстро» и «пусть» для подчёркивания того факта, что «соседка» может открыть заветную дверь, стоит ей только захотеть. Продолжение следует в строках «И, как божии птички, вдвоем» – «Биз, кудайдын эркеси – эгиз чымчыктай» («Мы как божьи баловни – птички-близнецы») и «Мы в широкое поле порхнем» – «Кең талаага учат элек эч турбай» («Улетели бы в широкое поле без промедления»). Лирический герой жаждет свободы, и незнакомка, которую он называет «соседкой», по его мнению, тоже хочет вырваться из клетки того восприятия мира и жизни, которые ей навязали. Он считает, что они вдвоём, как и другие божьи создания, заслуживают счастья, заключающегося в свободе, и хочет сбежать со своей «соседкой по несчастью» куда глаза глядят, прочь от заточенья, как физического, так и духовного. Они ассоциируются с птичками, божьими созданиями, волею судеб оказавшимися в клетке, которые желают вырваться из ненавистного плена. В переводе же Султанов подчёркивает, что герои не только заслуживают лучшего, но и являются «божьими баловнями», уже неотделимыми друг от друга в рамках предлагаемых обстоятельств заточения, поэтому добавляет в перевод слова «птички-близнецы». В переводе следующей строчки появляется слово «без промедления», что ещё раз доказывает стремление переводчика усилить выражение во-первых, жажды свободы лирического героя; во-вторых, его нетерпения открыть двери своей тюремной клетки; в-третьих, образа незнакомой соседки, ставшей символом надежды на освобождение и спасение. Итак, анализ показал, что киргизский перевод стихотворения «Соседка» можно назвать в целом вольным, местами эквивалентным. Констатируем, что по всем критериям он отвечает параметрам адекватности.

Стихотворение «Договор» является примером любовной лирики Лермонтова, датируется 1841 г. На киргизский язык заглавие переведено дословно «Келишим» («Договор»). По одной из версий оно связано с графиней Евдокией Ростопчиной, поэтессой и подругой детства М.Ю. Лермонтова, по другой же – героиней стихотворения стала таинственная незнакомка, не входившая в высшее общество. В стихотворении поэт поднимает тему

любви, порицаемой людьми, высшим светом, и того, как влюблённая пара готова отстаивать свои чувства. Обратимся к анализу перевода начальных строк, объясняющих суть конфликта стихотворения.

Оригинал Лермонтова:

*Пускай толпа клеймит презреньем
Наш неразгаданный союз,
Пускай людским предубежденьем
Ты лишена семейных уз.
Но перед идолами света
Не гну колени я мои;
Как ты, не знаю в нем предмета
Ни сильной злобы, ни любви [7. Т. 1. С. 313].*

Перевод Султанова с обратным подстрочным переводом на русский язык:

*Эмне десе, эл ошо десин жек көрүп
Пусть люди говорят, что хотят, с презреньем,
Жандырмаксыз арзуубузду билишсин.
Пусть узнают о нашей неразгаданной любви.
Үй-бүлөсүз өмүрүңдү өткөрүп
Живя без семейных уз,
Сен алардан кемтигирээк имишсиң.
Ты как будто хуже их.
Сөөлөттүүнүн найгамбары келсе да
Даже если важный бог придёт,
Күрчүм мокоп, тизе бүгүп жүгүнбөйм;
Не притупится мой меч, согнув колени, не поклонюсь;
Барбы, жокпу – алар жааты бирдей маа
Есть иль нет – меня все они вовсе не волнуют.
Мен да сендей кайгырбайм да, сүйүнбөй [8. Т. 6. С. 45–46].
Я, как и ты, не печалюсь и не радуюсь.*

Строка «Пускай толпа клеймит презреньем» переведена достаточно точно: «Эмне десе, эл ошо десин жек көрүп» («Пусть люди говорят, что хотят, с презреньем»). А вот строка «Наш неразгаданный союз» переведена вольно «Жандырмаксыз арзуубузду билишсин» («Пусть узнают о нашей неразгаданной любви»). Подобным переводом О. Султанов готов бросить ещё больший вызов недоброжелателям, в контексте говоря о том, что не стоит ни от кого прятаться – лирические герои не должны бояться пересудов других людей. Строки «Пускай людским предубежденьем» и «Ты лишена семейных уз» переводчик меняет местами ради соблюдения перекрестной рифмы в киргизском варианте. Получается, «Ты лишена семейных уз» – Үй-бүлөсүз өмүрүңдү өткөрүп («Живя без семейных уз»), «Пускай людским предубежденьем» – Сен алардан кемтигирээк имишсиң («Ты как будто хуже их»). Эти строки – яркий пример вольного перевода, призванного отразить в киргизском варианте те образы и значения, которые порой видит в ориги-

нале между строк сам переводчик. Лермонтов, используя высокий слог, обходит острые углы, а перевод Султанова в этом случае кажется более повествовательным, взятым из повседневности. Это объясняется, безусловно, влиянием разных эпох и культур на поэта и переводчика. Посмотрим соотношение «оригинал – перевод» у следующих строк: «Но перед идолами света» – «Сөөлөттүүнүн пайгамбары келсе да» («Даже если важный бог придёт») и «Не гну колени я мои» – «Курчум мокоп, тизе бүгүп жүгүнбөйм» («Не притупится мой меч, согнув колени, не поклонюсь»). Так же, как у Лермонтова в оригинале, в переводе у Султанова данные строки полны сарказма. Слова в лермонтовском и султановском вариантах подобраны разные, но смысловой посыл сохраняется. К примеру, если поэт называет высшее общество «идолами света», то у переводчика оно становится «важным богом». Строки «Как ты, не знаю в нем предмета» – «Барбы, жокпу – алар жааты бирдей маа» («Есть иль нет – меня все они вовсе не волнуют») и «Ни сильной злобы, ни любви» – «Мен да сендей кайгырбайм да, сүйүнбөйм» («Я, как и ты, не печалюсь и не радуюсь») также полны иронического отношения к окружающим. В данном случае перевод можно назвать абсолютно вольным. Если у поэта в стихотворении мы можем говорить о многозначности идеи, то переводчик подошёл к данному творению более прямолинейно. При переводе замечен разный подход поэта и переводчика к описательной части стихотворения: Лермонтов в данном случае более аккуратен в выражениях, вкрадчив, отсюда следует, что в оригинале больше образности, в переводе же у Султанова поэтический текст получился фактологичным, основанным на изложении череды конкретных мыслей и их возможных последствий.

Также тема любви затрагивается М.Ю. Лермонтовым в позднем стихотворении 1841 г. «Нет, не тебя так пылко я люблю...». Оно, по некоторым предположениям, посвящено дальней родственнице поэта Екатерине Быховец, которая была очень похожа на Варвару Лопухину, в которую Лермонтов был влюблён в юности. На киргизском языке оно звучит как «Жок, сен эмес, жаным калбай сүйгөнүм» («Нет, не тебя так пылко я люблю...»). Проанализируем ключевой отрывок.

Оригинал:

1

*Нет, не тебя так пылко я люблю,
Не для меня красы твоей блистанье;
Люблю в тебе я прошлое страданье
И молодость погибшую мою.*

2

*Когда порой я на тебя смотрю,
В твои глаза вникая долгим взором:
Таинственным я занят разговором,
Но не с тобой я сердцем говорю [7. Т. 1. С. 327].*

Киргизский перевод с обратным подстрочным переводом на русский язык:

1

Жок, сен эмес, жаным калбай сүйгөнүм,
Нет, не тебя так пылко я люблю,
Маган эмес ушул көркүң жаркындуу.
Не для меня эта красота твоя блестящая,
Мен сендеги сүйөм өткөн кайгымды
Я люблю в тебе прошедшее страданье,
Жана да өлгөн жаштыгымды сүйөмүн.
Также молодость погибшую люблю.

2

Кээде сени тиктеп карап калганда
Порой когда на тебя пристально смотрю,
Көздөрүңө көзүм түшүп кадалып:
В твои глаза глазами упираясь взором:
Мен бир сырдуу сүйлөшөмүн сөз салып
Я таинственный разговор веду,
Сени менен эмес, бирок мен анда.
Но не с тобой тогда я, в тот момент [8. Т. 6. С. 46].

Перевод данных строф можно считать эквивалентным, все слова и образы подобраны один к одному при сохранении смысловой и технической функциональности в условиях перехода от русского языка к киргизскому: «Нет, не тебя так пылко я люблю» – «Жок, сен эмес, жаным калбай сүйгөнүм» («Нет, не тебя так пылко я люблю»), «Не для меня красы твоей блистанье» – «Маган эмес ушул көркүң жаркындуу» («Не для меня эта красота твоя блестящая»), «Люблю в тебе я прошлое страданье» – «Мен сендеги сүйөм өткөн кайгымды» («Люблю в тебе прошедшее страданье»), «И молодость погибшую мою» – «Жана да өлгөн жаштыгымды сүйөмүн» («Также молодость погибшую люблю»), «Когда порой я на тебя смотрю» – «Кээде сени тиктеп карап калганда» («Порой когда на тебя пристально смотрю»), «В твои глаза вникая долгим взором» – «Көздөрүңө көзүм түшүп кадалып» («В твои глаза глазами упираясь взором»), «Таинственным я занят разговором» – «Мен бир сырдуу сүйлөшөмүн сөз салып» («Я таинственный разговор веду»), «Но не с тобой я сердцем говорю» – «Сени менен эмес, бирок мен анда» («Но не с тобой тогда я, в тот момент»). Как мы видим, переводчик использует при переводе практически те же слова, изобразительно-выразительные средства, которые были представлены в оригинале, даже порядок слов в предложениях зачастую не меняется. В данном случае можно говорить о точном стопроцентном попадании и в образы, и в синтаксические особенности оригинального поэтического текста. При этом перевод полностью соответствует стилистике киргизского языка, вписывается в неё весьма органично. Отметим, что даже романтическая лирика Лермонтова философична, в его стихотворениях мы становимся свидетелями психолого-философских дилемм романтического героя. Этот момент был хорошо подмечен переводчиком и точно передан в художественных переводах подобных стихотворений.

По результатам анализа переводов лирики М.Ю. Лермонтова на киргизский язык, осуществлённых Омором Султановым, можно сделать следующие выводы:

1. Сравнительный анализ оригиналов и переводов стихотворений был целенаправленно осуществлён построчно, поскольку именно такого рода детализация даёт возможность углубиться в более подробные переводческие нюансы социокультурного и технического характера. Какое слово или выражение было использовано, передано дословно, или же, наоборот, заменено в той или иной строке, по каким причинам это сделано, страдают ли при этом идея, передача образа – ответы на все эти вопросы и даёт построчное сопоставление оригинала и перевода поэтического текста. Если же стихотворению и его переводу давать лишь общую характеристику, то при отсутствии подробного разбора есть вероятность упустить их важные характеристики, что может привести к ложным выводам. Соответственно, построчный анализ стихотворения оправдывает свои цели.

2. Несмотря на то, что русский и киргизский языки не являются родственными друг другу, у них имеется общий социокультурный фон, приобретённый за десятилетия жизни в совместной советской действительности. Именно в советские годы и были осуществлены изучаемые переводы стихотворений русского поэта на киргизский язык. Это, в свою очередь, значительно облегчило процесс перевода, поскольку переводчик мог избежать долгих объяснений многих моментов, связанных с восприятием мира русским человеком. Киргизская аудитория была знакома с творчеством Лермонтова, понимала особенности русской культуры. В связи с этим переводчику нужно было очень точно и чётко подбирать каждое слово и выражение, используемое при переводе. Исходя из того, что большая часть населения Кыргызстана является двуязычной, т.е. владеет как киргизским, так и русским языком, можно подчеркнуть огромную ответственность переводчика перед своей аудиторией, когда читатель в любой момент может обратиться к оригиналу произведения, понять его, затем провести параллели с киргизским переводом, оценивая мастерство переводчика. Считаю, что Омор Султанов справился с поставленной перед ним задачей, не впал в буквализм, а передавал, прежде всего, образы, созданные Лермонтовым.

3. Также стоит обратиться к нюансам проявления психолингвистических особенностей процесса перевода. Многие исследователи уверены, что «...нельзя забывать про такой немаловажный психологический фактор, который может влиять на восприятие оригинала и впоследствии отражаться на качестве перевода, как индивидуальность личности. Каждый из нас обладает определенным набором психологических характеристик, которые так или иначе влияют на нашу жизнь, наши взгляды и убеждения. <...>. Один и тот же текст может иметь несколько содержаний, а следовательно, его толкование не может быть однозначным. За каждым текстом стоит разная по типу психология личности, и интерпретация переводчиком данного текста приводит к психологически искаженному восприятию текста оригинала.

Психолингвистическое значение слова в данном контексте играет ключевую роль, поскольку именно такое значение подвергается психолингвистическому анализу в тексте. <...> Именно лексика представляет самый важный и самый сложный параметр при анализе, поэтому важно рассмотреть его через призму психолингвистического значения слова» [13. С. 35]. Если обратиться к психолого-личностному критерию оценки изучаемых нами переводов, то стоит отметить, что М.Ю. Лермонтов писал свои стихотворения в довольно молодом возрасте, в то время как О. Султанов переводил его поэзию в возрасте пятидесяти лет. Безусловно, мы отмечаем всю глубину, разносторонность и неординарность гения Лермонтова, который, к примеру, в семнадцать лет мог написать такое многоликое, философское, непростое во всех отношениях стихотворение, как «1831-го июня 11 дня». Мы изучаем киргизскоязычные переводы поэта, поэтому личностные характеристики переводчика тоже берём во внимание. Необходимо учитывать особенности стилистики оригиналов и переводов поэтических текстов с точки зрения того, что они принадлежат не только разным эпохам, но и перу представителей разных, несхожих друг с другом культур, которые к тому же имеют различное мировоззрение в силу, к примеру, принадлежности к разным возрастным категориям. Восприятие, осознание этого мира со всем хорошим и плохим, что в нём происходит, семнадцатилетним или даже двадцатисемилетним поэтом и пятидесятилетним автором будет очевидно разным, соответственно, и некоторые слова, выражения, способы подачи информации в переводах отличаются от оригиналов. Например, киргизский перевод стихотворения «Договор» («Келишим») является приземлённым и прозаичным, лишённым поэтического пафоса, который присутствует у Лермонтова. Своеобразие подобного переводческого решения продиктовано, прежде всего, индивидуальными фильтрами личности переводчика, прагматичностью, приобретённой с возрастом. И при соотнесении индивидуальных и языковых характеристик мы говорим уже не просто о личности, а о языковой личности. В данном контексте необходимо подчеркнуть, что «языковая личность (ЯЛ) обычно определяется как закреплённый преимущественно в лексической системе базовый национально-культурный прототип носителя определенного языка. Мультикультурная языковая личность способна осуществить наиболее продуктивное общение с представителями разных культур, так как она обладает определенным потенциалом, способностями и навыками, которые позволяют ей эффективно общаться в поликультурном мире. Современные исследователи отмечают, что именно на уровне сравнения национальных менталитетов, характеров носителей языка, а не лексических систем особенно ясно прослеживаются отличительные нюансы языковых картин мира разных этносов. <...> между языком и менталитетом существует несомненная связь. С ценностной позиции язык – это средство передачи мироощущения и мировоззрения народа-носителя этого языка, в нем зафиксирована биография нации, кроме того, он заложен в основу национальной модели мира» [14. С. 74].

Получается, что О. Султанов при осуществлении переводов постарался сделать больше пояснений для киргизскоязычной аудитории, расширить границы идей Лермонтова так, как он это понимал в рамках лермонтовского мироощущения, однако в фокусе киргизской социокультурной действительности и в рамках своих личностных ориентиров. В этом вопросе мы придерживаемся мнения учёного Ю.Н. Караулова, который пишет, что «языковая личность – вот та сквозная идея, которая пронизывает все аспекты изучения языка и одновременно разрушает границы между дисциплинами, изучающими человека, поскольку нельзя изучать человека вне его языка. Естественно, такой размах чреват опасностью дилетантской оценки и использования результатов других наук... лучше получить упрёк в дилетантизме, чем отгородиться от смежных с лингвистикой областей знания, делая вид, что их вообще не существует» [15. С. 3]. Таким образом, мы считаем правильным рассмотрение лингвистических особенностей художественного перевода в том числе и через призму личности переводчика, так как он перерабатывает текст оригинала, пропуская его через себя, свои ценностные ориентиры и установки, которые, в свою очередь, и формируют его языковую картину мира. В этом случае перевод осуществляется авторским стилем, под которым «можно понимать совокупность “способностей и характеристик человека”, находящихся в плотном взаимодействии с его психическими особенностями и жизненным опытом в результате его контактов с внешним миром, что говорит о возможности выявления доминирующих структур художественного текста, лежащих в основе индивидуально-стилевой организации» (цит. по: [16. С. 89]).

4. Говоря об эквивалентности, вольности и адекватности переводов Султанова, можно подчеркнуть, что в ходе анализа было выявлено наличие как эквивалентных, так и вольных переводов лермонтовской лирики. Каждый из вариантов органично вписывается в общую канву переводческой стратегии. Адекватность переводов проявляется в ответах на следующие вопросы: «Насколько релевантен транслятор в своих «догадках» о сути произведения, ведь он такой же читатель, как и все те, кто будет держать в руках его интерпретацию. А если при этом в задачи проекта не входит представление иноязычного автора, а есть цель – сделать из предоставленного материала поэзию? Тогда шансы на то, что читательская преднастройка будет соответствовать истине, стремятся к нулю. Ведь транслирующий поэт выносит в название то, что является квинтэссенцией его, переводчика, произведения» [17. С. 35]. И в случае с переводами О. Султанова можно утверждать, что они адекватны, так как ответы на все перечисленные вопросы в данном случае таковы, что переводчик не пытался и не имел цели создать своё произведение наподобие лермонтовского, а исходил из идей и мотивов, заложенных именно в поэзии самого Лермонтова, т.е. работа велась по правильному и полноценному раскрытию собственно лермонтовской поэтической концепции, а не по созданию своей собственной за счёт переводимой.

Оценка адекватности, эквивалентности, точности перевода, стратегий переводчика подразумевает определение качества художественного перевода. В данном случае «основополагающими критериями оценки качества художественного перевода выступают адекватность и эквивалентность. <...> Эквивалентность включает в себя смысловую близость оригинала и перевода, максимально возможную в конкретных условиях, соответствие лексического состава и синтаксической организации исходного и выходного текстов. Адекватность в свою очередь включает в себя соответствие стилистических особенностей, точность перевода и подбора аналогов для идиоматических и фразеологических выражений, семантическую верность и сохранение прагматического аспекта <...> Процедура оценки, основанная на критериях адекватности и эквивалентности, позволяет провести комплексный анализ перевода текста и сделать выводы об общем уровне качества выходного текста и может использоваться для отсеивания некачественных переводов на этапе проверки и редактирования» [18. С. 293, 294, 296].

Таким образом, результаты данного исследования показывают, что переводы лирики М.Ю. Лермонтова на киргизский язык, автором которых выступил О. Султанов, соответствуют всем критериям качества, на которое «влияют как языковые, так и неязыковые аспекты. Качество перевода подразумевает не только высокое владение языком и культурой иной страны и способность создать наиболее точный и близкий по значению, а также лексически соизмеримый смысл оригинала. Оно подразумевает многие другие факторы, в числе которых выбор переводческих стратегий и личность самого переводчика. <...> Так, можно утверждать, что с изменением эпохи меняется подход к переводу, появляются новые варианты, которые требуют внимания со стороны филологов и лингвистов. Рассмотрев критерии оценки качества перевода, необходимо сделать следующий вывод: самым главным показателем качественно выполненного художественного перевода является интерес к нему исследователей и желание читателей неоднократно перечитывать его. Если перевод удовлетворяет современным требованиям (как читателей, так и учёных), значит, он выполнен качественно» [19. С. 14–15]. Можно констатировать, что данные требования соблюдены в поэтических переводах Омора Султанова, изученных в этом исследовании.

Список источников

1. Хабибуллина А.З. Из истории переводов произведений М.Ю. Лермонтова в тюркоязычных литературах // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. Т. 151, № 3. С. 144–153. EDN KUV0IB.
2. Султанов Омор Султанович // Википедия. Свободная энциклопедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D1%83%D0%BB%D1%82%D0%B0%BD%D0%BE%D0%B2,%D0%9E%D0%BC%D0%BE%D1%80_%D0%A1%D1%83%D0%BB%D1%82%D0%B0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87 (дата обращения: 05.09.2023).
3. Омору Султанову вручена премия М. Лермонтова // Радио Азаттык. 17 июля 2009. URL: <https://rus.azattyk.org/a/2966153.html> (дата обращения: 10.09.2023).

4. Гусакова А.И. Эквивалентность и адекватность перевода художественной литературы // Тенденции развития науки и образования. 2018. № 45-1. С. 53–55. doi: 10.18411/lj-12-2018-14. EDN YZEKUX.
5. Толковый переводоведческий словарь. 3-е изд., перераб. М. : Флинта : Наука, 2003. // GUFO.ME. URL: https://gufo.me/dict/translatology/%D0%B2%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B9_%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%BE%D0%B4 (дата обращения: 08.09.2023).
6. Леонтьева К.И. Вольность и буквализм при поэтическом переводе: дихотомия или антиномия? // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2012. № 1 (12). С. 101–104. EDN ONUPSJ.
7. Лермонтов М.Ю. Избранные произведения : в 2 т. Т. 1: Стихотворения и поэмы. М. : Худож. лит., 1973. 624 с.
8. Султанов О. Чыгармалардын көп томдук жыйнагы. Котормолор (Многотомный сборник произведений. Переводы). Т. 6. Бишкек : Турар, 2016. 492 с.
9. Калянова Л.М. О проблеме понятий адекватности и эквивалентности перевода // Перспективы науки. 2019. № 2 (113). С. 156–159. EDN ZABRNB.
10. Шамова Н.В. Разграничение понятий «эквивалентность» и «адекватность» в переводе // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2005. № 2. С. 171–180. EDN JIWLQJ.
11. Колкер Я.М., Устинова Е.С. О границах «естественной» эквивалентности и допустимости их нарушения в художественном переводе // Иностранные языки в высшей школе. 2022. № 4 (63). С. 74–83. doi: 10.37724/RSU.2022.63.4.010. EDN HIPWAY.
12. Омүралиев Ч. Омор Султанов ким? (Кто такой Омор Султанов?) // Просветительский портал «РухЭш». URL: <http://ruhesh.kg/ky/dasmiya/1582-omurali-choyun/choyun-omurali-omor-sultanov-kim> (дата обращения: 15.09.2023).
13. Козлова В.Е. О влиянии личностных характеристик переводчика на результаты перевода текста // Сибирский филологический форум. 2022. № 4 (21). С. 34–45. doi: 10.25146/2587-7844-2022-21-4-136. EDN NGJJKS.
14. Зайнуллин М.В. Языковая личность и национальный менталитет // Проблемы востоковедения. 2015. № 3 (69). С. 73–78. EDN UMSBCL.
15. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. 7-е изд. М. : ЛКИ, 2010. 264 с.
16. Семенова Т.В. Влияние психотипических особенностей индивида на его языковую репрезентацию // Международный научно-исследовательский журнал. 2022. № 6-3 (120). С. 89–92. doi: 10.23670/IRJ.2022.120.6.082. EDN UFAAAZ.
17. Тихомирова Ю.А. Современный англоязычный Пушкин: стратегии репрезентации лирики // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 373. С. 29–37. EDN QISTWL.
18. Мошкович В.В. Оценка качества перевода и использование адекватности и эквивалентности как критериев оценки качества перевода // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2013. № 10. С. 291–297. EDN RTEHYD.
19. Бородулина Е.С., Гусаров Д.А., Савченко Е.П. Оценка качества перевода художественного текста: основные критерии и их теоретическое обоснование (на материале переводов британских женских романов викторианской эпохи) // Вопросы современной лингвистики (Прежнее название: «Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика»). 2023. № 3. С. 6–17.

References

1. Khabibullina, A.Z. (2009) Iz istorii perevodov proizvedeniy M.Yu. Lermontova v tyurkoyazychnykh literaturakh [From the history of translations of M.Yu. Lermontov's works in Turkic-language literatures]. *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 3 (151). pp. 144–153.

2. Wikipedia. (n.d.) *Sultanov Omor Sultanovich*. [Online] Available from: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D1%83%D0%BB%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2_%D0%9E%D0%BC%D0%BE%D1%80_%D0%A1%D1%83%D0%BB%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87 (Accessed: 05.09.2023) (In Russian).
3. Radio Azattyk (2009) *Omoru Sultanovu vruchena premiya M. Lermontova* [Omor Sultanov awarded the M. Lermontov Prize]. 17 July. [Online] Available from: <https://rus.azattyk.org/a/2966153.html> (Accessed: 10.09.2023).
4. Gusakova, A.I. (2018) Ekvivalentnost' i adekvatnost' perevoda khudozhestvennoy literatury [Equivalence and adequacy of translation of fiction]. *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya*. 45–1. pp. 53–55. doi: 10.18411/lj-12-2018-14.
5. Nelyubin, N.N. (ed.) (2003) *Tolkovyy perevodovedcheskiy slovar'* [Explanatory Dictionary of Translation Studies]. 3rd ed. Moscow: Flinta; Nauka. [Online] Available from: https://gufo.me/dict/translatology/%D0%B2%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B9_%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%BE%D0%B4 (Accessed: 08.09.2023).
6. Leont'eva, K.I. (2012) Vol'nost' i bukvalizm pri poeticheskom perevode: dikhotomiya ili antinomiya? [Liberty and literalism in poetic translation: dichotomy or antinomy?]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 1 (12). pp. 101–104.
7. Lermontov, M.Yu (1973) *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Vol. 1. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
8. Sultanov, O. (2016) *A Multi-Volume Collection of Works. Translations*. Vol. 6. Bishkek: Turar (In Kyrgyz).
9. Kalyanova, L.M. (2019) O probleme ponyatiy adekvatnosti i ekvivalentnosti perevoda [On the problem of the concepts of adequacy and equivalence of translation]. *Perspektivy nauki*. 2 (113). pp. 156–159.
10. Shamova, N.V. (2005) Razgranichenie ponyatiy "ekvivalentnost'" i "adekvatnost'" v perevode [Distinction between the concepts "equivalence" and "adequacy" in translation]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. 2. pp. 171–180.
11. Kolker, Ya.M. & Ustinova, E.S. (2022) O granitsakh "estestvennoy" ekvivalentnosti i dopustimosti ikh narusheniya v khudozhestvennom perevode [On the boundaries of "natural" equivalence and the admissibility of violating them in literary translation]. *Inostrannye yazyki v vysshey shkole*. 4 (63). pp. 74–83. doi: 10.37724/RSU.2022.63.4.010
12. Omyraliev, Ch (n.d.) Omor Sultanov kim? [Who is Omor Sultanov?]. *RukhEsh*. [Online] Available from: <http://ruhesh.kg/ky/dasmiya/1582-omurali-choyun/choyun-omurali-omor-sultanov-kim> (Accessed: 15.09.2023).
13. Kozlova, V.E. (2022) O vliyaniy lichnostnykh kharakteristik perevodchika na rezul'taty perevoda teksta [On the Influence of personal characteristics of a translator on the results of text translation]. *Sibirskiy filologicheskiiy forum*. 4 (21). pp. 34–45. doi: 10.25146/2587-7844-2022-21-4-136
14. Zaynullin, M.V. (2015) Yazykovaya lichnost' i natsional'nyy mentalitet [Linguistic Personality and National Mentality]. *Problemy vostokovedeniya*. 3 (69). pp. 73–78.
15. Karaulov, Yu.N. (2010) *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian Language and Linguistic Personality]. 7th ed. Moscow: LKI.
16. Semenova, T.V. (2022) Vliyanie psikhotypicheskikh osobennostey individa na ego yazykovuyu reprezentatsiyu [Influence of psychotypical features of an individual on his linguistic representation]. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal*. 6–3 (120). pp. 89–92. doi: 10.23670/IRJ.2022.120.6.082
17. Tikhomirova, Yu.A. (2013) A.S. Pushkin in modern English translations: strategies of poetry representation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 373. pp. 29–37 (In Russian).

18. Moshkovich, V.V. (2013) Otsenka kachestva perevoda i ispol'zovanie adekvatnosti i ekvivalentnosti kak kriteriev otsenki kachestva perevoda [Assessment of translation quality and the use of adequacy and equivalence as criteria for assessing translation quality]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 10. pp. 291–297.

19. Borodulina, E.S., Gusarov, D.A. & Savchenko, E.P. (2023) Otsenka kachestva perevoda khudozhestvennogo teksta: osnovnye kriterii i ikh teoreticheskoe obosnovanie (na materiale perevodov britanskikh zhenskikh romanov viktorskoj epokhi) [Evaluation of the quality of translation of a literary text: the main criteria and their theoretical justification (based on translations of British women's novels of the Victorian era)]. *Voprosy sovremennoy lingvistiki (Prezhnee nazvanie: "Vestnik MGOU. Seriya: Lingvistika")*. 3. pp. 6–17.

Информация об авторе:

Султанова Ж.О. – д-р филол. наук, профессор кафедры международной журналистики факультета международных отношений Кыргызско-Российского Славянского университета им. первого Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина (Бишкек, Кыргызская Республика). E-mail: jeep502@inbox.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Zh.O. Sultanova, Dr. Sci. (Philology), professor, Kyrgyz-Russian Slavic University named after B.N. Yeltsin (Bishkek, the Kyrgyz Republic). E-mail: jeep502@inbox.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 24.09.2023;
одобрена после рецензирования 30.01.2024; принята к публикации 18.11.2024.*

*The article was submitted 24.09.2023;
approved after reviewing 30.01.2024; accepted for publication 18.11.2024.*

ЖУРНАЛИСТИКА

Научная статья

УДК 070

doi: 10.17223/19986645/92/13

Медиа диаспоральных групп Казахстана: проблемы культурной идентичности

Газинур Габдуллавич Гиздатов¹

¹ *Казахский университет международных отношений и мировых языков
им. Абылай хана, Алматы, Казахстан, gizdat@mail.ru*

Аннотация. Диаспоральные группы Казахстана проанализированы в форме медийной организации и в используемых ими способах формирования идентичности. Выявлены способы медиапрезентации национальных меньшинств. Тематические перечни и нарративы от казахстанских и этнических СМИ созвучны: упрощенный вариант исторических данных о группе, презентация ее этнографических особенностей и нарратив о братстве народов. Особое внимание уделено использованию традиционных и новых форм медиа для выражения интересов групп.

Ключевые слова: диаспоральное сообщество, критический дискурс-анализ, медиа, медиалогический подход, этногруппа, этножурналистика, этнообъединение

Благодарности: исследование финансируется Комитетом науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (грант No AP26194287 «Диаспоральные нарративы в медиапространстве Казахстана: трансфер культур»).

Для цитирования: Гиздатов Г.Г. Медиа диаспоральных групп Казахстана: проблемы культурной идентичности // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 92. С. 248–264. doi: 10.17223/19986645/92/13

Original article

doi: 10.17223/19986645/92/13

Media of diaspora groups in Kazakhstan: Problems of cultural identity

Gazinur G. Gizdatov¹

¹ *Kazakh Ablai Khan University of International Relations and World Languages,
Almaty, Kazakhstan, gizdat@mail.ru*

Abstract. The article first presents an analysis of the post-Soviet stage of diaspora groups existence in Kazakhstan. The diasporas of Kazakhstan are analyzed in two relevant aspects: the organizational form of diaspora activities and the methods they use

to form identity. Nowadays various forms of media serve as the main means of diaspora identity formation. The article describes the methods of media representation of national minorities in the socio-cultural space of Kazakhstan. The coverage of diaspora issues in the Kazakhstani media is separately examined. In this case, the thematic lists and narratives of Kazakhstani mass media and national media coincide: a simplified and censored version of historical data about the diaspora, the presentation of its national ethnographic characteristics, and the traditional narrative of interethnic fraternity. The main research results are defined by both the author's approach and the theory and practice of the medialogical approach. Special attention is paid to the disproportional use of traditional and new forms of media to express the interests of national diasporas and their narratives. As presented in the article, a combination of republican ethnic publications and independent new media has become a form of social control and a means of diaspora identity formation in Kazakhstan. Communication channels for diasporas in Kazakhstan are limited, standardized, and mainly consist of publications under the guidance of the republican ethnic association, with very few independent new media outlets. For this reason, ethnic publications offer their limited thematic scope, avoiding complex and conflicting aspects of diaspora life and activities in their media products. Many ethnic media outlets in the country have an archaic information-propagandistic nature derived from the program documents of the social associations themselves, which classifies ethnic media as presentation sources rather than real mass media. Simultaneously, the article presents diasporas that have managed to create not only professional media products but also preserve the history and contemporary realities of the diaspora, including in digital format. The conclusion offers possible ways to overcome the information crisis faced by diaspora associations in Kazakhstan.

Keywords: diaspora community, critical discourse analysis, ethnic association, ethnojournalism, media, medialogical approach

Acknowledgements: This research is funded by the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (Grant no. AP26194287 "Diaspora Narratives in the Media Space of Kazakhstan: Transfer of Cultures").

For citation: Gizdatov, G.G. (2024) Media of diaspora groups in Kazakhstan: Problems of cultural identity. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 92. pp. 248–264. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/92/13

Введение

По данным Бюро национальной статистики Республики Казахстан в стране на 19 766 801 человек населения, среди которых титульная нация – казахи 13 965 957 человек, в 2023 г. проживало 124 этнических группы [1]. Данные этнические группы в научной литературе [2] зачастую без всякого объяснения обозначаются во всей своей совокупности как диаспоры, что представляется спорным с этнологической точки зрения. В работах Р. Бру-бейкера, Г. Шеффера, Н. Космарской разработаны точные критерии по отношению к этническим группам, позволяющие относить или не относить их к диаспорам. Замечание ведущего российского этнолога должно быть отнесено и к казахстанской социокультурной практике: «С помощью слов “диас-

пора”, “общины” и других создается желаемый образ действительности, выдаваемый за саму действительность. Русскоязычным различных стран ближнего зарубежья приписывается несколько ключевых характеристик “настоящих” диаспор, таких, какими они видятся творцам описываемой “диаспоризации”: 1) этническая однородность; 2) обостренное переживание своей этничности; 3) высокая степень сплоченности; 4) ориентация на этническую (историческую) родину в качестве базового элемента идентичности» [3. С. 245]. Продуктивным в рамках нашего медиалогического исследования представляется обозначение казахстанских этнических групп как диаспоральных сообществ (групп). Подобный подход согласуется с пониманием диаспоральной группы как моделируемого социального, культурного и политического проекта: «Этничность, раса и национальность являются по существу способами восприятия, интерпретации и представления социального мира. Они – не вещи-в-мире, а точки зрения на мир. Они включают этнически окрашенные способы видения (и игнорирования), объяснения (и неверного объяснения), вывода (и ошибочного вывода), воспоминания (и забвения). Они включают этнически ориентированные фреймы, схемы и нарративы, а также приводящие их в действие ситуативные сигналы, и не в последнюю очередь – те, что доставляются средствами массовой информации» [4. С. 42]. Действительно, сегодня можно говорить о наличии в Казахстане реальных диаспор в этнологическом понимании и только приближенных к ним диаспоральных сообществ (групп). Однако с учетом преобладающего медиалогического подхода в статье считаем возможным в отдельных случаях использование термина «диаспора» с указанным выше ограничением.

Процесс формирования и существование объединений национальных меньшинств в Казахстане определены историко-идеологическими реалиями начала XX в., советского времени (1917–1991 гг.) и постсоветского периода (с 1991 г.). В казахстанской практике были ситуации, которые хорошо описаны в социологических исследованиях: «Большие массы мигрантов, оседают в первой или второй стране из тех, куда они въехали, а затем и создают диаспоры» [5. С. 162]. Наблюдаемо также в казахстанской социокультурной ситуации смешение диаспор и транснациональных сообществ. Многообразие диаспоральных групп в стране было вынужденным: в эти временные рамки входят миграционные процессы, связанные с колонизацией казахских земель, со сталинскими депортациями, а также миграционные движения нашего времени. Несмотря на наличие историко-архивных разысканий по диаспорам [6, 7], в том числе по отношению к истории депортированных народов [8], степень научной изученности многих аспектов существования диаспоральных групп в Казахстане незначительна. По сути, была только одна одновременно аналитическая и обобщающая работа коллектива авторов, в которой энциклопедически были представлены в историческом аспекте диаспоральные сообщества с объяснением причин их появления на территории Казахстана [9]. В собственно научной литературе тема депорти-

рованных народов, в свое время глобально изменивших этнодемографическую ситуацию в Казахстане и образовавших многие этногруппы, была востребованной только в начале 90-х гг. прошлого века [10]. В свою очередь, ментальная картина мира диаспоры была представлена только в одном научном исследовании [11] и одном журналистском материале [12]. В последнем случае материал журналиста стал оригинальным социологическим срезом по одной из казахстанских диаспор: как казахстанские корейцы среднего поколения идентифицируют себя, каково место корё мар (диалект корейцев Казахстана и Узбекистана) в современном речевом поведении казахстанского корейца.

Но во многих иных случаях уже утеряна или с трудом верифицируема конкретная информация о депортированных народах в Казахстане: сколько и куда ссылали, как жили представители диаспор первые годы после депортации, а также исторические и аналитические данные о социальной и языковой картине мира казахстанских диаспоральных групп, в том числе по происходящим в них процессам идентификации. Самые общие характеристики диаспоральных групп в Казахстане выявлены только по отношению к корейской диаспоре: «У коре сарам за прошедшие полтора столетия сформировался определенный синтетический культурный генофонд, вобравший в себя элементы корейской, русской, среднеазиатской и европейской культур. Для корейцев в Казахстане характерны: сильная степень трансформации этнокультурного генетического фонда; протекание этого процесса в полиэтническом окружении; адаптация к культурам, существенно отличным от традиционной корейской культуры; выход за рамки мононационального сознания; высокий уровень аккультурации, граничащий с ассимиляцией; динамизм и интенсивность этих процессов» [13. С. 28–29].

Медиадиалогический анализ существования диаспоральной группы

Рациональный научный способ рассмотрения реалий диаспор в данном случае является выявление того, каким образом та или иная диаспора предстает в казахстанской социокультурной сфере («внешняя» оценка) и анализ медиа диаспор, с отраженными в них личными историями («внутренняя» оценка). Речь идет о том, что идентичность как самоосознание и самоопределение вменяемого субъекта формируется, развивается, предьявляется и транслируется только в процессах коммуникации, в дискурсивных и нарративных практиках [14. С. 5].

В первом случае предполагается освещение проблем диаспор в собственно казахстанских медиа и частично в официальном дискурсе. Кстати, как показал реальный анализ, тематические перечни от казахстанских и собственно национальных СМИ регламентированно созвучны: упрощенный вариант представления исторических данных, рассказ о национальной кухне и пафосный нарратив о братстве народов. Следует заметить, в советском Казахстане тоже были СМИ и телепередачи на языках разных нацио-

нальностей. При этом уже в современных медиа сохранились не только достоинства прошлого опыта, но и формальные стереотипы в подаче информационных материалов на национальную тему. Казахстанская этножурналистика принципиально абстрагирована и больше предназначена для вышестоящих инстанций, чем для широкого круга читателей. Попытка дать понимание исторической специфики появления диаспор, ее современных проблем через телевизионный цикл не состоялась, но была недавно заявлена в цикле из 12 передач на одном из казахстанских каналов [15]. Профессионально подготовленные сюжеты хронометражем в 20 минут абстрактно представляли жизнь любой диаспоры в республике в её официальном и культурном проявлении. В собственно казахстанских журналистских материалах, в том числе и вышеуказанном, по отношению к диаспорам зафиксирован только один подход, выполненный в духе социалистического реализма со всеми правильно указанными приоритетами, при этом замалчивающий или обходящий многие исторические и современные сложные аспекты существования тех или иных диаспор. Наблюдалась только одна тенденция, присутствующая и в самих этнических СМИ: диаспору представляли в телецикле только именитые люди (функционеры от диаспоры, певцы, литераторы). Почему только они – ответ на поверхности: именно они умеют говорить гладко и, самое главное, нужные и правильные слова. Но при всей технической безупречности медиапродукта результат получился непрофессиональным. Мы не видим ни диаспору, ни её представителей «в действии», а нам снова предъявляют героев с отрепетированными монологами. В очередной раз становится очевидным, что исследовательская составляющая цикла этножурналистики весьма посредственна. Исчезают настоящие жизнь и история, остаётся лишь красивая витрина. Выстроенный шаблон навязывает неизменный стереотип освещения темы: историческая справка, рассказ о людях, в диалоги с которыми «вбита» мысль о добрых отношениях всех между всеми в Казахстане. Создателям телепроекта постоянно приходится лавировать между профессиональным желанием показать человека в реальных красках и прямолинейно предлагаемой подачей добрососедских отношений. Отсюда – неестественно смотрящаяся в каждой программе попытка вытащить из героев слова-признания об их радужном и бесконфликтном существовании в нашей республике.

Предварительно все же необходимо обозначить институциональные рамки существования диаспор в стране. В 1995 г. была создана Ассоциация народов Казахстана как консультативно-совещательный орган при Президенте Республики Казахстан (с 2021 г. – Ассамблея народа Казахстана, далее – Ассамблея), определившая многие стороны жизни этнических групп. В данный момент она сложилась как типично «зонтичная» организация с централизованным управлением: над всеми – Ассамблея, ниже – республиканские объединения от каждой диаспоры (сегодня их 14), которые курируют этнообъединения (более 1000). Следует заметить, что такая форма организации диаспор навязывает им регламент деятельности, отраженный в программных документах самих общественных объединений. Однако попытка собрать и оцифровать историко-культурную информацию при сайте Ассамблеи народа

Казахстана [16] пока не удалась, представленные материалы отличаются небрежностью, неполнотой подачи материала и исключительной публицистичностью. Ушли в небытие и издания, которые выходили в одной стране, но были рассчитаны на диаспоры двух стран (дунгане, греки Казахстана и Киргизии), с уже давно прекратившимся хостингом сайтов.

Другой коммуникационной практикой является медиадискурс этнонациональных СМИ, который должен быть рассмотрен в конкретике. Наряду с историческими, организационными аспектами деятельности диаспор, на наш взгляд, особый интерес представляет неизученное ранее медиалогическое существование диаспор, выраженное в разных формах медиа, включающее в себя, по классификации Маршала Маклюэна, все формы выражения медиумом сообщения: пресса, театр, кино, литература, новые медиа, социальные сети, личные истории [17. С. 15]. Некоторые из этих медиальных форм еще сохраняются в казахстанской культурной практике (немецкий, корейский и уйгурский театры), другие исчезли (многие традиционные медиа, радио, литература). Медиалогическое проявление диаспоры не сводится только к культурной или медийной зафиксированности интересов этноса: оно создает образ диаспоры и формирует ее идентичность. Кроме того, следует принять во внимание и то, что «одним из важных условий осуществления социального контроля посредством дискурса является контроль самого дискурса и его производства» [18. С. 50]. Такой формой одновременно социального контроля и средством формирования идентичности диаспор в Казахстане стало сочетание республиканских этноизданий и независимых новых медиа, с представленными в них нарративами. Медиалогическое существование диаспор в Казахстане проявляется в том, как сама диаспора себя презентует, в каких формах медиа она проявляется, с каким контентом и к кому она выходит. Целесообразно привести следующую таблицу, в которой собрана общая информация: статистические данные по количеству представителей, наличие республиканского объединения, сайт которого сам по себе является важным информационным ресурсом о диаспоре и для диаспоры, указание наличия традиционных и новых медиа. Последовательность расположения диаспор подчинена количественным данным, включены только те диаспоры, которые имеют организационный статус и определенное медийное выражение (таблица).

Анализ ситуации

Как можно видеть по таблице, каналы коммуникации диаспор усечены, стандартны и включают в себя в основном издания, находящиеся под руководством республиканского этнообъединения и очень редко независимые новые медиа. Данные таблицы отражают сложившуюся ситуацию с этноизданиями: многие, из которых с 2018 г. в традиционном формате перестали издаваться, помимо этого, формы выражения диаспоральных групп в социальных сетях и медиа также приобрели усеченный характер. Социальные практики диаспоральных групп находятся под контролем государства, а независимые коммуникативные практики (новые медиа) весьма ограничены.

Медиа диаспорологических сообществ Казахстана

Диаспора	Количество представителей	Республиканские объединения	Традиционные медиа	Новые медиа
Русская	3 000 611	ОЮЛ «Ассоциация русских, славянских и казачьих организаций Казахстана»	Республиканская газета «Казачий курьер»	–
Узбекская	643 363	ОЮЛ «Ассоциация этнокультурных объединений узбеков Республики Казахстан “Дустлик”»	Узбекская газета «Жанубий Қозоғистон» (https://janubiy.kz/)	–
Украинская	380 226	ОЮЛ «Рада украинцев Казахстана»	«Українські новини» (https://ukrgazeta.kz/), с 2018 г. не выходит	–
Уйгурская	297 138	ОО «Республиканский культурный центр уйгуров Казахстана»	https://uyguravazi.kazgazeta.kz/ , с 2021 г. не выходит	YouTube-канал QADAM TV (https://www.youtube.com/channel/UC_9OVLga0sRWsucYTQUzV3w/featured)
Немецкая	225 345	Немецкое общество http://wiedergeburt-kasachstan.de/	Республиканская газета Deutsche Allgemeine Zeitung («Немецкая газета для всех»)	YouTube-канал Немцы Казахстана (http://wiedergeburt-kasachstan.de/youtube-kanal/) Instagram-медиа https://www.instagram.com/cnmk_vdjk/
Татарская	219 153	Республиканское объединение «Конгресс татар и башкир Казахстана»	Газета «Фикер», с 2014 г. не выходит	–
Азербайджанская	150 440	–	–	–
Корейская	119 822	Ассоциация корейцев Казахстана	Республиканская газета «Корё Ильбо» (https://koreans.kz/koreilbo/)	–

Гиздатов Г.Г. Медиа диаспоральных групп Казахстана

Диаспора	Количество представителей	Республиканские объединения	Традиционные медиа	Новые медиа
Турецкая	88 505	ОО «Турецкий этнокультурный центр “Ахыска”»	ANISKA (https://www.aniska-gazeta.com/ru/)	–
Дунганская	81 38	Республиканский этнокультурный центр дунган	–	–
Белорусская	75 637	–	–	Белорусский портал в Казахстане (http://belarus.kz/)
Таджикская	53 480	Республиканского центра таджиков Казахстан	–	–
Курдская	49 355	Ассоциация «Барбанг» курдов Казахстана	«Жийана курд», с 2019 г. не выходит	–
Кыргызская	36 989	«Кыргызское этнокультурное объединение “Мурас”	–	YouTube-канал «Окаста» (https://www.youtube.com/channel/UCN7M14fmmRjEk-MePKvQSIg)
Польская	34 914	«Союз поляков Казахстана»	Журнал «Алматинский курьер Полоний», журнал Almatog	–
Чеченская	34 330	Общественное объединение «Вайнах»	–	–
Каракалпакская	23 688	–	–	YouTube-канал PIKIR (https://www.youtube.com/@PIKIR/featured)
Молдавнская	17 055	«Ассоциация румыно-молдаван Казахстана»	–	–
Армянская	15 829	Ассоциация армянских культурных центров Республики Казахстан «Наири»	Газета «Наири», с 2018 г. не выходит	Instagram-аккаунт Ассоциации армян Казахстана (https://www.instagram.com/masis.kz/)
Греческая	11 919	–	–	–
Грузинская	5 561	–	–	–
Литовская	5 561	Этнообъединение LITUANICA	–	–

Диаспора	Количество представителей	Республиканские объединения	Традиционные медиа	Новые медиа
Еврейская	4 064	Еврейский конгресс Казахстана	Информационный вестник еврейской общины «Давар», с 2016 г. не выходит	–
Балкарская	2 400	–	–	–
Туркменская	2 834	–	–	–
Ассирийская	321	«Ассирийский культурный центр»	–	–

Символическая интерпретация событий навязана извне, и говорить о текстовых традициях диаспоральных групп не приходится. По всей видимости, по этой причине этноиздания предлагают свой ограниченный тематически, обходящий все острые углы медиапродукт – вероятно, несколько упрощая своего настоящего и потенциального зрителя. Сайт республиканского объединения, указанный в таблице, во многих случаях является единственным источником по деятельности диаспоры. Исходная информация показательна и отражает как усилия самой диаспоры, так и ту поддержку, которую ей оказывают историческая родина, международные организации и фонды. Вынуждены заметить, что при 26 диаспоральных группах в последние пять лет только при 12 этнообъединениях выходили традиционные СМИ (газеты, журналы), которые с 2018–2020 гг. за исключением четырех изданий (уйгурская, немецкая, польская и корейская диаспоры) полностью прекратили свое существование. Заметим, что некоторые из изданий диаспор имеют давнюю историю: «Садаи таранчи» («Голос таранчей»), «Кабаргалар авазы» («Голос бедняков») – эти уйгурские газеты выходили с 1921–1922 гг., корейская газета «Корё Ильбо» выходит с 1923 г. Наконец, только пять казахстанских диаспор представлены новыми медиа, в том числе оформленными и постоянно обновляющимися в информационном плане группами в социальных сетях.

Многие этнические СМИ в стране имеют больше архаично выраженную информационно-пропагандистскую общность, вытекающую из программных документов самих общественных объединений. Это сразу выводит этномедиа из разряда реальных средств массовой информации исключительно в статус презентационных источников, иначе к ритуализированной журналистике, подчиняющейся только государственному информационному заказу. Последний и формирует новостную ленту о публичных мероприятиях лояльным бюрократическим языком. Именно в этнических СМИ зафиксирован возврат казахстанской журналистики к так называемому «советскому» языку: набор клишированных формул, который пустотен по своей сути, но создает иллюзию лояльности. Так, казахстанская газета корейской диаспоры «Корё Ильбо» выходит раз в неделю с типичным для бумажных версий ещё сохранившихся газет тиражом 1 650 экземпляров, в ней в примерно равных пропорциях представлены материалы на русском и корейском языках. Газета воскрешает стиль и суть прессы начала 1980-х гг. Формально всё есть: кратко подаваемые новости от государственных структур и самой ассоциации, невыразительные интервью с представителями корейской диаспоры разного возраста и ранга, русско-корейский разговорник. Внешне всё правильно, всё важно, но слишком пафосно и уныло даже для возрастной аудитории: «Прошла сессия...», «Экспорт продолжает расти...» и далее в том же духе.

В каких-то случаях в этнических СМИ контент создаётся профессиональными журналистами, в других – силами самих активистов общественных объединений. По этой причине качество журналистских текстов может принципиально разниться даже в одном выпуске. При этом наблюдается следующая тенденция: если одни из этнических СМИ пытаются выходить

на двух-трех языках (национальный плюс казахский и/или русский), то другие издаются только на языке диаспоры. Так, турецкая газета АНІСКА выходит на турецком, казахском и русском языках на 16 страницах, двухтысячным тиражом. В отличие от многих других этноизданий, она действительно распространяется в Турции, Азербайджане, России, на Украине, в Узбекистане, Кыргызстане, Грузии – реальных местах проживания диаспоры. Это СМИ, как и многие другие, строго подчинено официально ранжированной тематике и соответствующим жанрам. Темы новостей строго иерархизированы, и ничто никогда не может изменить эту последовательность: первые страницы посвящены выступлениям и действиям президента Казахстана, далее следуют новости от президента Турции, затем – новости городских властей и Ассамблеи народа Казахстана, часто предлагаются «парадные» новости регионов. Вполне предсказуемо к этому официальному набору добавляются материалы из гороскопа и уроков казахского языка. Изредка случаются более живые материалы в рубрике «Люди диаспоры». Материалы газеты, по сути, являются скучным пересказом официальных пресс-релизов и информационных сообщений от власти, а потому малоинтересны как для внутреннего читателя из диаспоры, так и для внешнего читателя газеты. По этой же причине многие материалы в газете печатаются без обозначения авторства.

Однако для формирования идентичности всегда важны СМИ на национальном языке, они работают на сохранение языка в конкретных условиях существования диаспоры. В этом же ряду находится манифестация инаковости – осознание диаспорой своей идентичности, в том числе и неизбежного гибридного ее проявления. Приведем актуальное свидетельство представителя каракалпакской диаспоры: «Наша задача – сохранить культуру и язык. Здесь парадоксальная ситуация: когда приезжают каракалпаки, то они быстро, процентов на 90, переходят на казахский язык, так как он очень близкий язык. Между собой начинают говорить на казахском языке. Я говорю ребятам, говорите по-каракалпакски – вас не убьют. Наша диаспора в Алматы, мы не против казахского языка. Просто хотим, чтобы мы общались между собой на нашем языке» [19]. Именно так сложилось в языковом отношении, например, с изданием «Уйгур авазы» [20]. Это полноценная общественно-политическая республиканская газета исключительно на уйгурском языке с тиражом более 14 тысяч экземпляров. Газета на уйгурском языке тематически на первой странице обращена к республиканскому событийному контексту, но далее в значительной степени (на две трети) – к тому, что происходит в самой диаспоре. Наряду с обзором состояния преподавания уйгурского языка или культурных новинок в ней можно найти стихи народных поэтов и даже переиначенные на новый лад образчики народной мудрости – своего рода фольклорный новодел. Подобные материалы в равной мере интересны как находящимся внутри диаспоры, так и вне её. Однако этот пример скорее исключение, чем правило в медийной практике диаспор Казахстана. Более типична, как это отражено в таблице, следующая

ситуация: так, многие медиа на узбекском языке – это большей частью традиционные газеты, выходящие на юге Казахстана – регионе проживания самой диаспоры. Большинство газет, полностью или частично выходящих на узбекском языке, перечисленных в современных энциклопедических изданиях и отчётах, не имеют своих сайтов, pdf-версий бумажных изданий или хотя бы какого-то зримого выхода в любые социальные сети, что заставляет усомниться в реальности существования печатных изданий.

Идеальный вариант разработан немецкой диаспорой. У неё есть информационный портал *Wiedergeburt*, есть YouTube-канал «Немцы Казахстана», есть республиканская газета *Deutsche Allgemeine Zeitung* («Немецкая газета для всех»), есть аккаунт Союза немецкой молодёжи Казахстана в Instagram¹. Подход более чем оправданный: эти СМИ позволяют охватить все целевые группы диаспоры – от более возрастной аудитории, привыкшей к традиционной газете, до молодёжи, воспринимающей как главный источник информации социальные сети. Сохранять историю диаспоры через медиа – музеи, книги и оцифровку архивных источников – это то, что совершенно необходимо для любой диаспоры в Казахстане. Системно за это в Казахстане взялась пока лишь немецкая диаспора. Рубрика «Медиатека» YouTube-канала [21] предлагает каждый месяц по три-четыре новых видеоматериала. Основной жанр – это интервью с разными людьми. Выстроенные таким образом беседы с героями воспринимаются как личные истории, которые представляют не столько самих героев, сколько своё время и своё место в нём. Самые известные «немецкие стереотипы» – честность, тщательность и самодостаточность – становятся очевидными в личной видеоистории. Заметим, что именно цикл-интервью этого канала, ограниченный десятью минутами, с минимальным закадровым текстом и без долгих вопросов журналиста, воспринимается профессиональным. В них разбивка видео на блоки («Автобиография», «О немецких традициях», «О немецких качествах» и далее) придаёт и зрелищность и динамику. На канале есть и собственно культурно-этнографические материалы в рубрике «Семейные ценности в традиционных немецких семьях: вчера и сегодня». Во всех этих случаях понятие «мемориальная культура», с которым работают европейские медиатеоретики и практики, получает яркое и конкретное воплощение.

В свою очередь, сайты польских общественных объединений в Казахстане также возвращают этому медийному продукту его первоначальное предназначение. Это не оцифрованная форма бумажного справочника об этносе или хаотичная коллекция всего, что как-то относится к народу (всё это можно наблюдать во многих медиа других диаспор). На сайтах польской диаспоры – конкретная информация с постоянно обновляющимся содержанием. Самый объёмный информационный портал – «Союз поляков Казахстана», охватывающий деятельность 11 польских этноорганизаций Казах-

¹ Деятельность Instagram в России признана экстремистской и запрещена.

стана. Рубрики вмещают в себя формальную информацию («Поляки Казахстана», «Польские организации», «Новости») [22] и дают реальный «срез» польской культуры в Казахстане. При этом значимые и, соответственно, затратные мероприятия, будь то фестивали песен, работа кабинета польского языка и т.д., на сайте обозначены весьма скупо, т.е. поддержка исторической родины ощутима, но она «в тени». Польская диаспора уже около 20 лет выпускает журнал «Алматинский курьер Полоний», который существовал в бумажной и оцифрованной версиях до середины 2021 г. на польском и русском языках, выходил под редакцией писателя Юрия Серебрянского. Конечно, бросается в глаза некоторая профессиональная простота, от дизайна до манеры давать заголовки, объяснимая во всех этноизданиях тем, что в них редко работают профессиональные журналисты и дизайнеры. При этом в польском журнале – редкий случай для медиа диаспор – то, что требуется от подобных СМИ: история, культура, хроника и очень много документалистики, а потому не случайна отдельная рубрика «Семейные истории». Разумное сочетание репортажей-отчётов с историческими очерками, подкрепляемыми архивными фотографиями; двуязычность журнала делают это издание интересным не только для самой диаспоры.

Развитие онлайн-медиа в официально зарегистрированном перечне этнонациональных СМИ в Казахстане во многих случаях стало очередным симулякром. Например, диаспора молдаван насчитывает около 20 тысяч. Численность не самая маленькая, но, в отличие от иных, насчитывающих намного меньше представителей, молдавская диаспора, за исключением формальных отчётных презентаций Ассамблеи народов Казахстана, практически нигде не видна. Для сравнения укажем, что в других случаях и других странах молдавское землячество весьма активно в СМИ и социальных сетях. Причём молдавские объединения и культурные центры в нашей стране вроде бы есть, но их медийное, в том числе и в социальных сетях, проявление вообще никак не обнаруживается и заставляет задуматься об их реальном существовании. Группу в «Одноклассниках» численностью 13 человек «Молдаване Казахстана» с последними фотографиями за 2020 г. трудно признать действенным средством коммуникации. Ещё сложнее в последние годы ситуация для диаспор в социальных сетях. Например, группа на Facebook Таджики Казахстана в последний раз обновлялась официальной информацией ещё в 2020 г. В свою очередь, стереотипное обозначение туркменской диаспоры как этноса, наиболее близкого к казахам, оказывается ничем не подкреплённой фразой. Зарегистрированы туркменские этнообъединения, в том числе республиканский Туркменский культурный центр Казахстана, объединение «Ватан», но это только юридические обозначения. Сейчас больше можно узнать о жизни туркменской диаспоры в дореволюционном Казахстане или в нынешнем Узбекистане, России и иных странах, чем о том, что делается в Казахстане. Редкий случай для нашего времени – туркменской диаспоры нет даже в социальных сетях. Группа Туркмены Казахстана с 16 подписчиками и несколькими публикациями за 2020–2022 гг. эту

брешь не закрывает. Такая же группа VKontakte в России насчитывает более трёх тысяч участников с новостями этого года.

Зафиксировано только одно исключение. Каракалпакская диаспора стала той единственной этногруппой, которая активно использует гражданские каналы коммуникации и информации для себя и для выхода в мир. Telegram-канал KARAKALPAK.KZ [23], создаваемый только одним представителем диаспоры, наряду с перепостами актуальной культурной и информационной политики, связанной с каракалпаками, включает собственные видеоролики о событиях из жизни этнообъединений. Более информационным и зрелищным был канал Pikir с его 19,6 тыс. подписчиков, предлагающий материалы на каракалпакском, чуть реже на казахском и русском языках.

Заключение

Понятно и предсказуемо, что ещё через несколько лет следов от многих диаспор в казахстанском информационном и культурном пространстве мы, скорее всего, уже не обнаружим. Собранные нами свидетельства потомков тех, чьи прабабушки и прадедушки были некогда депортированы в КазССР, отразили неизбежное: «Мои родители пока живут здесь. Мы планируем сначала мой переезд, а через пару лет переедут и они. У нашей семьи осталось мало родственников в Казахстане – это тоже одна из причин». Или же другой пример от представителя еврейской диаспоры из казахстанского города: «Сегодня нас здесь осталось 10 человек, в советское время, до эмиграции, нас в Шымкенте было более 500 человек. Затем большинство из них уехали в Австралию, США, Израиль и другие страны».

Символическая интерпретация событий в медийной сфере навязана диаспорам извне, и говорить о текстовых традициях диаспоральных групп пока не приходится. По всей видимости, по этой причине этноиздания предлагают свой ограниченный тематически медиапродукт, в котором вычленимы три базовых нарратива: 1) исторический нарратив; 2) культурно-этнографический нарратив и 3) персонифицированный нарратив (рассказ о представителях диаспоры) своему настоящему и потенциальному читателю.

Наиболее удачные формы существования медиа диаспор демонстрируют нам, что не так уж и много надо, в том числе и финансовых вложений, чтобы СМИ работали на формирование идентичности. К таковым относятся: курс на информирование о деятельности этнообъединений, сохранение в цифровой форме исторических и современных свидетельств жизни диаспоры и создание посредством медиа условий для развития культуры этноса в другой стране. Сами диаспоры и казахстанские СМИ разучились точно представлять этническую проблематику или хотя бы вовремя информировать обо всём происходящем в её жизни в Казахстане. К требуемым изменениям в медиасуществовании диаспор следует отнести возможность преодолеть узкие национальные рамки и быть информационно полезными не только отдельной диаспоре, не только узкому экспертному сообществу, но и широкой публике.

Список источников

1. Бюро национальной статистики Агентства по социальному планированию и реформам : [сайт]. URL: <https://new.stat.gov.kz/ru/industries/social-statistics/demography/publications/6373/> (дата обращения: 22.12.2023).
2. *Диаспоры Казахстана: единство в многообразии* : сб. ст. / под ред. Г.Н. Кима. Алматы : Қазақ университеті, 2018. 249 с.
3. *Космарская Н.* Об этничности как факторе социального размежевания в постсоветских обществах // Неприкосновенный запас. 2009. № 4. С. 245–256.
4. *Брубейкер Р.* Этничность без групп / пер. с англ. И. Борисовой. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 408 с.
5. *Шеффер Г.* Диаспоры в мировой политике // Диаспоры. 2003. № 1. С. 162–185.
6. *Исова Л., Килыбаева П.* Особенности и идеологические проблемы формирования европейской диаспоры Казахстана (в период Второй мировой войны и после) // Вестник КазНУ. Сер. Международные отношения и международное право. 2019. № 2. С. 64–72.
7. *Калыбекова М.Ч.* Казахстан как объект переселения депортированных народов (1937–1956 гг.: Исторический аспект) : дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 2005. 156 с.
8. *Ермекаев Ж.А.* Чеченцы и ингуши в Казахстане: История и судьбы. Алматы : Дайк-Пресс, 2009. 506 с.
9. *Алексеев Н.В., Алексеев А.Н., Ерофеева И.В., Масанов Н.Э.* История Казахстана: народы и культура. Алматы : Дайк-Пресс, 2000. 680 с.
10. *Алдажуманов К. С., Анес Г. И., Валиханов Э. Ж.* Депортированные в Казахстан народы: история и судьбы. Алматы : Арыс, 1998. 436 с.
11. *Свинчукова Е.Г.* Языковая картина мира русской диаспоры в Казахстане : авторефер. дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. 18 с.
12. *Троценко П.* Корейцы в Казахстане: раствориться среди народа той страны, куда выслали. URL: <https://rus.azattyq.org/a/kazakhstan-almaty-korean-language-article/31114870.html> (дата обращения: 22.12.2023).
13. *Ким Г.Н.* Эволюция национальной идентичности и этнического самосознания постсоветской корейской диаспоры // Международные исследования: Общество. Политика. Экономика. Алматы, 2010. С. 22–29.
14. *Идентичности: семиотика репрезентации и прагматика позиционирования* / под ред. А.А. Тесли, С.Т. Золяна, Г.Л. Тульчинского. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2022. 347 с.
15. *Шанырак* : [сайт]. URL: <https://abaitv.kz/ru/projects/shanyrak> (дата обращения: 22.06.2023).
16. *Ассамблея народа Казахстана* : [сайт]. URL: <https://assembly.kz/ru/> (дата обращения: 22.12.2023).
17. *Маклюэн Г.М.* Понимание медиа: Внешние расширения человека / пер. с англ. В. Николаева. М. : Кучково поле, 2017. 464 с.
18. *Ван Дейк Т.А.* Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / пер. с англ. Е.А. Кожемякина, Е.В. Переверзева, А.М. Аматова. М. : УРСС : Книжный дом «Либроком», 2015. 352 с.
19. *Кайсар А.* Их цель – закрыть все каракалпакские объединения. URL: <https://vlast.kz/politika/52154-ih-cel-zakryt-vse-karakalpakskie-obedinenia.html> (дата обращения: 22.12.2023).
20. *Уйгур авазы* : [сайт]. URL: <https://uyguravazi.kazgazeta.kz/> (дата обращения: 22.12.2023).
21. *Немцы Казахстана* : [сайт]. URL: <https://www.youtube.com/channel/UCVuJW9SdS5BYFbbN4JOfUMw> (дата обращения: 22.06.2023).
22. *Союз поляков Казахстана* : [сайт]. URL: <http://www.zpkz.kz/> (дата обращения: 22.12.2023).

23. *Karakalpak.kz* : [сайт]. URL: https://t.me/karakalpak_kz (дата обращения: 22.12.2023).

References

1. *Byuro natsional'noi statistiki Agentstva po sotsial'nomu planirovaniyu i reformam* [Bureau of National Statistics of the Agency for Social Planning and Reform]. [Online] Available from: <https://new.stat.gov.kz/ru/industries/social-statistics/demography/publications/6373/> (Accessed: 22.12.2023).
2. Kim, G.N. (ed.) (2018) *Diaspory Kazakhstana: edinstvo v mnogoobrazii* [Diasporas of Kazakhstan: unity in diversity]. Almaty: Қазақ университети.
3. Kosmarskaya, N. (2009) *Ob etnichnosti kak faktore sotsial'nogo razmezhevaniya v postsovetskikh obshchestvakh* [On ethnicity as a factor of social division in post-Soviet societies]. *Neprikosnovennyi zapas*. 4. pp. 245–256.
4. Brubeyker, R. (2012) *Etnichnost' bez grupp* [Ethnicity without groups]. Moscow: HSE.
5. Sheffer, G. (2003) *Diaspory v mirovoy politike* [Diasporas in world politics]. *Diasporas*. 1. pp. 62–185.
6. Isova, L. & Kilybaeva, P. (2019) *Osobennosti i ideologicheskie problemy formirovaniya evropeiskoi diaspory Kazakhstana (v period Vtoroi mirovoi voyny i posle)* [Features and ideological Problems of the Formation of the European Diaspora in Kazakhstan (during the Second World War and after)]. *Vestnik KazNU. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya i mezhdunarodnoe pravo*. 2. pp. 64–72.
7. Kalybekova, M.Ch (2005) *Kazakhstan kak ob"ekt pereseleniya deportirovannykh arodov (1937–1956 gg. Istoricheskii aspekt)* [Kazakhstan as an object of resettlement of deported peoples (1937–1956. Historical aspect)]. History Cand. Diss. Almaty.
8. Ermekebaev, Zh.A. (2009) *Chechentsy i ingushi v Kazakhstane. Istoriya i sud'by* [Chechens and Ingush in Kazakhstan. History and destiny]. Almaty: Daik-Press.
9. Alekseenko, N.V., Alekseenko, A.N., Erofeeva, I.V. & Masanov, N. E. (2000) *Istoriya Kazakhstana: narody i kul'tura* [History of Kazakhstan: Peoples and Culture]. Almaty: Daik-Press.
10. Aldazhumanov, K.S., Anes, G.I. & Valikhanov, E.Zh (1998) *Deportirovannye v Kazakhstan narody: istoriya i sud'by* [Peoples deported to Kazakhstan: History and Fate]. Almaty: Arys.
11. Svinchukova, E.G. (2011) *Yazykovaya kartina mira russkoi diaspory v Kazakhstane* [Linguistic picture of the World of the Russian diaspora in Kazakhstan]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
12. Trotsenko, P. (2023) *Koreitsy v Kazakhstane: rastvorit'sya sredi naroda toi strany, kuda vyslali* [Koreans in Kazakhstan: to dissolve among the People of the Country where they were sent]. [Online] Available from: <https://rus.azattyq.org/a/kazakhstan-almaty-korean-language-article/31114870.html> (Accessed: 22.12.2023).
13. Kim, G.N. (2010) *Evolutsiya natsional'noy identichnosti i etnicheskogo samosoznaniya postsovetskoy koreyskoy diaspory* [The evolution of national identity and ethnic self-awareness of the post-Soviet Korean diaspora]. *Mezhdunarodnye issledovaniya. Obshchestvo. Politika. Ekonomika*. pp. 22–29.
14. *Identichnosti: semiotika reprezentatsii i pragmatika pozitsionirovaniya*. (2022) [Identities: semiotics of representation and pragmatics of positioning]. Kaliningrad: Izdatel'stvo BFU im. I. Kanta.
15. *Shanyrak* [Shanyrak]. In [website]. [Online] Available from: <https://abaitv.kz/ru/projects/shanyrak> (Accessed: 22.12.2023).
16. *Assambleya naroda Kazakhstana* [Assembly of the People of Kazakhstan]. In [website]. [Online] Available from: <https://assembly.kz/ru/> (Accessed: 22.12.2023).
17. McLuhan, G. M. (2017). *Ponimanie media: Vneshnie rasshireniya cheloveka* [Understanding Media: The Extensions of Man]. Translated from English by V. Nikolaeva. Moscow: Kuchkovo pole.

18. Van Dijk, T.A. (2015) *Diskurs i vlast': Reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii* [Discourse and Power]. Translated from English by. E.A. Kozhemyakin, E.V. Pereverzev, A.M. Amatov. Moscow: URSS: Knizhnyi dom Librokom.

19. Kaisar, A. (2023) *Ikh tsel' – zakryt' vse karakalpakskie ob"edineniya* [Their Goal is to close all Karakalpak Associations]. [Online] Available from: <https://vlast.kz/politika/52154-ihcel-zakryt-vse-karakalpakskie-obedinenia.html> (Accessed: 22.12.2023).

20. *Uizur avazi* [Uighur voice]. [Online] Available from: <https://uyguravazi.kazgazeta.kz/> (Accessed: 22.06.2023).

21. *Nemtsy Kazakhstana* [Germans of Kazakhstan]. [Online] Available from: <https://www.youtube.com/channel/UCVuJW9SdS5BYFbbN4JOfUMw> (Accessed: 22.12.2023).

22. *Soyuz polyakov Kakhstanaza* [Union of Poles of Kazakhstan]. [Online] Available from: <http://www.zpkz.kz/> (Accessed: 22.12.2023).

23. *Karakalpak.kz*. [Online] Available from: https://t.me/karakalpak_kz (Accessed: 22.12.2023).

Информация об авторе:

Гиздатов Г.Г. – д-р филол. наук, профессор кафедры международных коммуникаций Казахского университета международных отношений и мировых языков им. Абылай хана (Алматы, Казахстан). E-mail: gizdat@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

G.G.Gizdatov, Dr. Sci. (Philology), professor, Kazakh Ablai Khan University of International Relations and World Languages (Almaty, Kazakhstan). E-mail: gizdat@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 28.12.2023;
одобрена после рецензирования 14.03.2024; принята к публикации 18.11.2024.*

*The article was submitted 28.12.2023;
approved after reviewing 14.03.2024; accepted for publication 18.11.2024.*

Научная статья

УДК 140.8

doi: 10.17223/19986645/92/14

«Империя добра»: медиапроработка истории СССР в телеверсиях Дмитрия Киселева

**Андрей Геннадиевич Иванов^{1, 2},
Алексей Андреевич Целыковский^{3, 4}**

^{1, 3} *Саратовский национальный исследовательский государственный университет
им. Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия*

^{2, 4} *Липецкий государственный технический университет, Липецк, Россия*

^{1, 2} *agivanov2@yandex.ru*

^{3, 4} *alts1085@mail.ru*

Аннотация. Анализируется специфика медиаобраза Советского Союза в документальных телефильмах Дмитрия Киселева «СССР. Крушение» (2011 г.) и «Красный проект» (2022 г.). На примере данных телефильмов рассматривается трансформация образов советской истории в российском медиaprостранстве. Исследование показало, что содержание телефильма 2011 г. выдержано в тональности рефлексирующей ностальгии и является результатом культурной травмы, вызванной распадом СССР. В фильме 2022 г. наблюдается ревизия взглядов на советское прошлое, фактически происходит реокупация советского мифа.

Ключевые слова: историческая память, культурная травма, ностальгия, презентизм, мифотворчество, медиа, СССР

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда проект № 22-18-00153 «Образ СССР в исторической памяти: исследование медиастратегий воспроизводства представлений о прошлом в России и зарубежных странах».

Для цитирования: Иванов А.Г., Целыковский А.А. «Империя добра»: медиапроработка истории СССР в телеверсиях Дмитрия Киселева // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 92. С. 265–279. doi: 10.17223/19986645/92/14

Original article

doi: 10.17223/19986645/92/14

"Empire of Goodness": Media processing of the history of the USSR in Dmitry Kiselyov's TV versions

Andrey G. Ivanov^{1,2}, Alexey A. Tselykovsky^{3,4}

^{1,3} Saratov State University, Saratov, Russian Federation

^{2,4} Lipetsk State Technical University, Lipetsk Russian Federation

^{1,2} agivanov2@yandex.ru

^{3,4} alts1085@mail.ru

Abstract. The article analyzes the specifics of the media image of the Soviet Union in Dmitry Kiselyov's TV documentaries *USSR. Collapse* (2011) and *The Red Project* (2022). The transformation of the images of Soviet history in the Russian media space is examined on the example of these TV films. The study showed that the content of the 2011 TV movie is in the tone of reflective nostalgia. Its content can be described using the concept of cultural trauma. The authors analyze possible reasons for the stagnation and subsequent collapse of the Soviet Union. However, most of the screen time is taken up by comments and opinions of eyewitnesses and direct participants of the events of the late Soviet period. Therefore, the 2011 TV movie does not pretend to make final assessments. Moreover, the film debunks a number of myths of the Perestroika period. In general, the image of the TV movie *USSR. Collapse* creates an image of the Soviet Union as a great state with a complex and ambiguous history, and its collapse is treated as a catastrophic event. The movie *The Red Project* revises the views on the Soviet Union and Soviet political leaders. The Soviet past is largely mythologized. The USSR is portrayed as a grandiose super project that had no analogues in world history. The image of Stalin is idealized, while the image of Gorbachev, on the contrary, is endowed with a lot of negative characteristics. Thus, in the 2022 TV movie the Soviet myth is re-occupied.

Keywords: historical memory, cultural trauma, nostalgia, presentism, myth-making, media, USSR

Acknowledgements: The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No, 22-18-00153.

For citation: Ivanov, A.G. & Tselykovsky, A.A. (2024) "Empire of Goodness": Media processing of the history of the USSR in Dmitry Kiselyov's TV versions. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 92. pp. 265–279. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/92/14

Введение

В настоящее время уровень интереса к советскому прошлому довольно высок. Советское наследие все активнее используется в процессе выстраивания нового ценностного основания Российского государства. В политической и медийной практиках образы советского прошлого приобретают все

большее значение. При этом речь идет не только о навязанных сверху идеологических установках, но и о ностальгических настроениях по советскому прошлому со стороны значительной части общества.

То есть, с одной стороны, актуализация образов советского прошлого связана с государственной политикой возвращения советского наследия в официальный политический дискурс. К примеру, Т.В. Евгеньева, А.В. Селезнева выделяют три этапа в отношении к советскому прошлому со стороны государственной власти [1]. Первый этап – 1990-е гг. В этот период происходит активное дистанцирование от советского периода (переименование городов и улиц, снос памятников, критика советской политической системы). Второй этап – начало 2000-х гг. Он характеризуется, по выражению авторов, «фрагментарным интересом» к советскому наследию. В 2000 г. был принят новый государственный гимн. Была сохранена мелодия советского гимна, а текст вновь был написан С.В. Михалковым – одним из авторов слов гимна Советского Союза. Также с началом 2000-х гг., по мере укрепления централизованной власти, новое руководство начинает использовать мифотворческий потенциал, связанный с Советским Союзом и его достижениями и, прежде всего, с победой в Великой Отечественной войне, которая стала одним из самых значимых символов. Третий этап наступает в 2010-х гг. и связан с «системно-функциональной актуализацией» образов и символов советского прошлого. Властная элита стала активно использовать идею величия Советского Союза для обоснования политических амбиций современной России. При этом самым значимым символом, репрезентирующим особую историческую роль России, стала Великая Отечественная война. Как в этой связи отмечает Н. Копосов, «...миф о войне стал настоящим мифом происхождения постсоветской России» [2].

С другой стороны, не секрет, что советский период существования страны и соответствующая – постсоветская – ностальгия в последнее время представляют особый интерес для современного российского общества. О том, что граждане Российской Федерации с особыми чувствами относятся к советскому прошлому, свидетельствуют результаты многочисленных социологических опросов [3]. В данном случае уже нельзя говорить о том, что ностальгия по СССР является только лишь официальной политической установкой.

Таким образом, основная задача исследования – анализ и осмысление образов Советского Союза, формируемых и транслируемых медиасредой, а также форм влияния данных образов на российское общественное сознание. Сделано это будет на примере двух телепроектов Дмитрия Киселева: «СССР. Крушение» (приуроченного к двадцатилетию распада Советского Союза) и «Красный проект» (выпущенного к столетию создания Советского Союза).

Методологические принципы исследования

Частичный ответ на вопрос, почему советское прошлое стало актуальным сегодня, может дать обращение к идеям презентизма. Ф. Артог назвал

презентизмом такой темпоральный режим, который заставляет ценить только текущий момент, подчиняет прошлое настоящему и не ждет перемен от будущего [4]. По мнению А. Олейникова, презентизм пользуется историей исключительно инструментально – главным образом для оправдания и поддержания существующего порядка вещей [5]. Кроме того, при взгляде на проблему презентизма он обнаруживает также и сверхдоступность прошлого в современную цифровую эпоху [6]. Еще в 2014 г. Х.-У. Гумбрехт замечал, что сегодня мы живем в условиях так называемого «широкого настоящего» (*broad presence*), когда прошлое и будущее не противопоставляются настоящему в качестве его «иног», но фактически поглощаются им, становясь его имманентными измерениями [7].

Одним из важнейших элементов понимания актуальности советского прошлого является социальный феномен ностальгии. С. Бойм, автор, придававший исследованиям ностальгии концептуализированный вид, выделяет два измерения ностальгии (рефлексирующее и реставрационное), тем самым предлагая оценивать феномен ностальгии как состоящий, как минимум из двух частей [8]. Современные исследователи [9, 10], оценивая концепцию С. Бойм, склонны полагать, что автор считает рефлексирующую ностальгию хорошей, не имеющей социально-политических претензий, а реставрационную – плохой, которую следует избегать.

Конечно, ностальгия – это универсальное явление, получившее разную акцентуацию в национальных культурах. Так, тема рефлексирующей ностальгии связана с саудаде [11], с румынским феноменом дор и т.п. Показательны характеристики рефлексирующей ностальгии – ироничность, фрагментарность, персональность. То есть такой тип ностальгии принципиально не обладает целостностью, связан исключительно с собственными субъективными ощущениями, а также содержит эстетический потенциал, проявляющийся в сатирической форме посредством приема иронии как осмеяния, одной из форм отрицания. В рассматриваемом сериале такие свойства рефлексирующей ностальгии просматриваются в должной мере посредством метафорических высказываний, описаний жизненных ситуаций о пароксизмах советской реальности и т.д.

При анализе феномена ностальгии необходимо упомянуть фундаментальный совместный труд ряда авторитетных отечественных исследователей «Ностальгия по советскому». Ностальгия, будучи главным теоретическим концептом исследования, авторами интерпретируется «как эмоционально-психологический и социально обусловленный феномен, одна из форм исторической памяти, проявляющаяся в эмоциональной, психологической, культурной актуализации прошлого личного и социального опыта в его соотношении с наличествующим настоящим, как частный случай идеализации прошлого, необходимый для его экзистенциального освоения» [12. С. 18]. Для понимания актуальности образов советского прошлого в современном российском общественном сознании особенно важно обратить внимание на один из выводов упомянутого исследования. По замечанию З.И. Резановой и И.В. Тубаловой, «если в начале авторы проекта определяли

ностальгию как вид исторической памяти, актуализируя вектор анализа из актуального настоящего в прошлое, то в ходе выполнения проекта в значительно большей степени актуализировались проспективный характер ностальгических переживаний, их направленность на моделирование будущего, что основывается на переструктурировании актуального настоящего. Таким образом, ностальгия определяется как тип социальной памяти, имеющий разнонаправленные исторические векторы» [12. С. 16]. То есть ностальгия является не только способом рефлексии над прошлым, но и в определенной степени дает возможность конструировать образ будущего.

В известной мере ностальгию, как социальный феномен, можно трактовать как разновидность мифотворчества. Тенденция к пробуждению ностальгии проявляется в кризисные периоды, когда процессы мифотворчества особенно усиливаются. Поэтому общественное сознание, создавая разного рода ностальгические мифы, пытается обрести опору в настоящем через переосмысление прошлого.

Распад СССР и последующий отказ от системы ценностей, на которой основывалось государство, повлекли за собой неизбежные травматические последствия. Поэтому проблема культурной травмы также представляется актуальной для анализа российского общественного сознания. Проблема культурной травмы разрабатывалась в исследованиях Дж. Александра, Р. Айермана, П. Штомпки и др. Дж. Александер рассматривал культурную травму как результат социокультурных процессов идентификации какого-либо исторического опыта в качестве травмирующего. То есть в его понимании исторические события сами по себе не несут травмирующего опыта. Статусом травмы их наделяют идеологические интерпретации. По мнению Дж. Александра: «Чтобы травма возникла на уровне сообщества, социальные кризисы должны стать культурными кризисами. События – это одно дело, а репрезентация этих событий – совсем другое. Травма не является результатом того, что некая группа людей испытывает боль. Она есть результат острого дискомфорта, проникающего в самую сердцевину ощущения сообществом собственной идентичности. Коллективные акторы “решают” представить социальную боль как основную угрозу их пониманию того, кто они, откуда они и куда хотят идти» [13. С. 18].

Медиапроработка истории СССР

Актуальность концепта презентизма обнаруживается при обращении к документальным работам журналиста Д. Киселева («СССР. Крушение» и «Красный проект»). Восьмисерийный фильм «СССР. Крушение» 2011 г. снят в логике комментариев очевидцев и непосредственных участников событий периода нахождения у власти М.С. Горбачева (в результате возникает своеобразный коллаж из оценок участников событий из среды руководителей, чиновников разного уровня, известных артистов). Фильм «Красный проект» 2022 г. подчинен идее ведущего показать эволюцию и последующую деградацию системного подхода к развитию государства. В фильме

2022 г. многое упирается в наличие некоего плана, разработанного отцами-основателями Советского государства, который до прихода Н.С. Хрущева последовательно выполнялся, после чего начались неудачные эксперименты, чередующиеся с попытками оставить все как есть. В итоге «экспериментальный мегапроект для человечества» стал частью истории. В случае сериала «СССР. Крушение» работа памяти, как правило, была инспирирована личным травматическим опытом участников фильма, свидетельством распада их родины.

Сравнивая далее две ленты Д. Киселева, отметим, что сериал «СССР, Крушение» актуализирует концепты памяти (главным образом, коммуникативной [14]) и вместе с этим культурной травмы, рефлексирующей ностальгии. В «Красном проекте» отношение к советскому прошлому инструментальное, а СССР представлен как спроектированный механизм, функционировавший согласно заложенной схеме, отсюда – соответствующее конструирование истории с элементами мифотворчества, а ностальгия, если и присутствует, то реставрирующая.

Следует отметить, что у исследователей культурных травм выделяются модели понимания травмы, предполагающие, соответственно, рациональный ответ и неосознанные действия (например, версия «философии Просвещения» и «психоаналитическая» версия популярной теории травмы у Дж. Александера. Так вот, в сериале, например, нет внятного рационального анализа причин, приведших Советский Союз к исчезновению, а есть беглое упоминание хрестоматийных событий (встречи Горбачева с американскими президентами, межнациональные конфликты, катастрофы и т.п.) и множество личностных оценок происходившего тогда от лица непосредственных участников, а также их современников из числа «сочувствующих» представителей Запада. Отсюда – доминирование апелляции к непосредственному опыту существования в советской действительности, частные рассказы о повседневном советском быте, комментарии знаковых событий позднесоветского времени с использованием метафор, которые в отсутствие развернутых объяснений как будто заполняют собой причинно-следственную связь событий. А ведь к моменту съемок со времени распада СССР прошло уже двадцать лет.

Коммуникативная память участников сериала «СССР, Крушение» окрашена в ностальгические тона. Причем сам автор не смог дать исчерпывающий ответ на вопрос журналиста о ностальгии по советскому, отделившись абстрактной ссылкой на общую историю:

– (вопрос журналиста): В последние годы чувствуется мощнейшая ностальгия по всему советскому – люди в Интернете рыдают чуть ли не над конфетными фантиками той поры. Как думаете, почему?

– (ответ Д. Киселева): Все очень просто: это наша история. Родина может иметь разные режимы, но она – одна. Нужно осознать, что Россия – это ценность. Государство – резервуар для общества, не надо его раскалывать. Многие будут счастливы, если Россия раздробится. Нашим предкам, которые

тысячи лет строили этот «проект», было гораздо труднее, чем нам, но они не считали это возможным» [15].

Представляется, что сериал внес свой вклад в формирование постсоветской ностальгии рефлексивного (в терминологии С. Бойм) свойства.

Однако Д. Киселев десятилетие спустя осуществил ревизию советского прошлого с новых позиций. В документальном фильме 2022 г. «Красный проект» центральное место занимает нарратив о спроектированном Советском государстве, далее функционирующем согласно плану, системному подходу к управлению. Фильм, как отмечалось, был приурочен к столетнему юбилею создания СССР, но термин «проект» нуждается в пояснении. Дело в том, что приписыванием Советскому Союзу некой созданности, даже механистичности, в результате чего возникает образ страны как искусственного образования, занимался не только Д. Киселев. Похожие ассоциации с Советским Союзом можно было встретить также в высказываниях ученых, публицистов, экспертов. Так, журналист В.Т. Третьяков предположил, что СССР был грандиозным политическим экспериментом, оставившим свой след в истории человечества [16]. А историк А.В. Шубин заметил, что модель СССР оказалась оптимальной для задач индустриальной модернизации [17]. Однако у Д. Киселева слово «проект» оказывается не просто расхожей метафорой: вся история СССР предстает как своеобразная работа над мифом. Недаром одним из эпитетов у него оказывается «государство-сверхидея», как будто взятый из перечня мифологем.

Такая разновидность телепродукции, как документальные сериалы, является одним из доходчивых способов демонстрации «работы над мифом». Понятие «работа над мифом» получило распространение с выходом одноименной работы Х. Блюменберга [18], в которой было отмечено, что специфика работы над мифом и самого мифа во многом определяется отношением между рассказчиками и слушателями мифа; тем, какое значение имеет миф для отдельного человека в определенных обстоятельствах. То есть работа над мифом – это процесс постоянного рассказывания-знакомства (получения) и пересказывания мифа. В результате мы имеем дело с совокупностью таких рассказов-пересказов нарративов, разворачивающихся вокруг какой-либо фигуры, ситуации, процесса, обладающих значимостью для конкретного человека, группы здесь и сейчас. Концепт «работа над мифом» предполагает, что каждый вариант мифа, так же как и каждая отдельная мифологема, работает на основе ранее существовавших мифологических повествований. Просто существовавший ранее материал далее используется в соответствии с новыми потребностями и трансформируется с целью придать значимость новым обстоятельствам (этот процесс Х. Блюменберг называет реокупацией).

И если в ленте «Красный проект» усилиями ведущего иллюстрируется подъем и дальнейший упадок советского мифа по мере реализации замысла основателей СССР, то сериал «СССР: крушение», как отмечалось выше, не претендует на окончательный диагноз. Сериал развенчивает многие пере-

строечные мифы, и, прежде всего, – на примере ситуации с освещением чернобыльской аварии – декларируемую гласность. Так, во второй серии особо акцентируется факт замалчивания трагедии на Чернобыльской АЭС, что происходит на фоне провозглашения генсеком СССР политики гласности, борьбы с «полуправдой». Кроме того, демонстрируются и обратные стороны мифа о дружбе народов (4-я серия), о демократии и загнивающем Западе (3-я серия). В роли «рассказчиков мифа» здесь выступают очевидцы событий, в роли «слушателей мифа» – современные зрители, в том числе и сегодняшняя молодежь, не заставшая, конечно, советское время.

На примере нашей страны, особенно в конце XX в., можно привести достаточное количество самых разнообразных мифов, циркулирующих в обществе. Так, в работе Г.В. Осипова [19] дается характеристика и типологизация функционирующих в России на стыке XX и XXI вв. мифов. Автор выделяет деструктивные мифы (например, миф о том, что все решит рынок); мифы слепого копирования; умышленные мифы (например, миф о приватизации); мифы-страшилки (например, миф об угрозе коммунизма); националистические мифы; мифы, созданные по принципу «свой – чужой» и т.п. Эти мифы, по мнению исследователя, пришли в нашей стране на смену мифам о развитом социализме, о дружбе народов и т.п. С крушением советской идеологии разрушилась и соответствующая мифология, и ключевую роль здесь сыграло объявленное М. Горбачевым «новое мышление».

Фильм 2022 г. отчетливо демонстрирует презентизм по отношению авторов к теме Великой победы. Великая Отечественная война становится центральным нарративом фильма. Во время рассказа об истории образования Советского государства акцент делается на том, что оно создавалось как оборонительный союз против враждебных капиталистических стран Запада. И если Российская империя не выдержала выпавших ей испытаний Первой мировой войны, то проект Советского Союза оказался гораздо более эффективной формой отражения военных угроз. Как говорится в фильме: «Уже во Второй мировой войне исторически именно Советский Союз стал победоносной формой выживания народов России в небывалой бойне со взбесившейся Европой: Германией и ее союзниками». Индустриализация, масштабные стройки – все это преподносится как заблаговременная подготовка к войне: «Народу предстояло принять “красный проект”, укрепить скелет государства, нарастить мускулы, совершив экономический скачок». При этом политический авторитаризм и жесткая цензура получают следующую трактовку: «Способность системы защитить себя от любой внешней и внутренней угрозы. Отсюда железная дисциплина. Дисциплина труда и дисциплина мысли». Таким образом, по мнению авторов фильма, Советский Союз представлял собой уникальный проект, без которого не было бы Великой победы: «СССР – броня, что позволила нам выжить и победить в Мировой войне. Первая политическая система непосредственного участия народа».

Показательно, что характеристика советских вождей в фильмах за одиннадцать лет, отделяющих их появление на экране, не меняется в отношении Брежнева, Андропова и Черненко, но претерпевает разительные перемены,

когда речь идет о Сталине, Хрущеве и Горбачеве. Так, фигура Сталина в фильме 2011 г. определяется следующим образом: «Иосиф Сталин – советский диктатор, преемник Ленина, необычайно жесток; насилие и террор для него – основные средства строительства социализма; практик политической селекции, считавший несогласных недостойными жизни; создатель системы принудительного лагерного труда; преследовал церковь, рушил храмы <...> преобразуя Россию, расстреливал и ссылал» (1-я серия). Спустя десятилетие характеристика Сталина начинается с положительных коннотаций: «Иосиф Виссарионович Джугашвили (Сталин) – исполнитель ленинского замысла нового государства, великий геополитик XX в., создатель двупольярной мировой политической системы <...> зодчий “красного проекта” – восстановление единого имперского пространства на основе подъема народа к высокой культуре, светской веры в коммунизм, системного государственного управления хозяйством». При этом политические репрессии в фильме 2022 г. затрагиваются лишь в связи со сталинскими мегапроектами: «Крупные советские проекты особенно на Севере – это всегда еще труд заключенных. Сотни тысяч подневольных людей, узников ГУЛАГа работали на благо будущих поколений в тяжелейших условиях. Конечно, возникает вопрос цены свершений, но результат не отменить». Подобная трактовка сталинских репрессий не оправдывает их, но довольно сильно смягчает их оценку. Некоторые характеристики Сталина меняются на диаметрально противоположные. Так, в сериале 2011 г. о Сталине сказано, что он «преследовал церковь, рушил храмы», а в фильме 2022 г. о нем сообщается следующее: «восстановил патриаршество Русской православной церкви». В целом в фильме 2022 г. позитивные характеристики деятельности Сталина значительно перевешивают негативные. К примеру, после критики за насильственную коллективизацию и за то, что индустриализация фактически проводилась за счет нового закрепощения крестьян, перечисляются заслуги Сталина перед государством: «победитель германского нацизма», «вернул славу защитникам народа от иностранных нашествий», «обеспечил создание атомной и космической промышленности» и т.д.

Любопытна характеристика Ленина в фильме 2022 г. Ленин получает такие эпитеты, как «русский гений», «величайший деятель европейской цивилизации», «бессребреник». Как государственный деятель он охарактеризован следующим образом: «построил невиданное доселе государство – народное», «провозгласил отмену эксплуатации человека человеком», «продолжил дело Петра I, взяв за основу западную идею социальной модернизации», «смело действовал в небывалых масштабах», «предопределил мировое лидерство СССР и победу во Второй мировой над странами Запада». Его восприятие народным осознанием описывается как «веками желанный народный царь». Однако в сериале 2011 г. Ленин практически не упоминается.

Образ Хрущева также претерпевает трансформацию. В сериале 2011 г. он характеризуется как «советский либерал, романтик, эксцентрик», «воинствующий атеист». К его основным политическим шагам и достижениям на

посту главы государства авторы фильма относят развенчание культа личности Сталина, реабилитацию сотен тысяч политзаключенных, запуск в Космос первого человека. Отмечается также начало строительства бесплатного жилья, массовое появление личных автомобилей. Говорится и о негативных последствиях хрущевской политики. Например, рост цен или эскалация международной напряженности. В фильме 2022 г. перечисленные характеристики Хрущева и его политики сохраняются, но получают другую оценку. Так, отмечается передача Крыма Украинской ССР в качестве первого решения Хрущева на посту главы государства. «Юридическая неряшливость», с которой была осуществлена передача Крыма, в фильме характеризуется как начало эпохи хрущевского волонтаризма («самодурства»). Стремление Хрущева наладить быт советского человека трактуется как отход от изначальных идеалов «красного проекта»: «Шаг за шагом Хрущев двигает СССР не к советской, а к американской мечте. Возвращает общество потребления». В качестве примера авторы фильма приводят выставку «Промышленная продукция США», устроенную в 1959 г. в Москве. Выставку, приуроченную к визиту в Советский Союз вице-президента США Никсона, посетил и сам Хрущев, чем, по мысли авторов проекта, подтвердил, что бытовой комфорт имеет значение. В фильме выставка трактуется как реклама американского образа жизни, которая произвела на советских граждан ошеломляющий эффект. Вследствие внутренней политики Хрущева личное благополучие для советских людей становится более значимым, чем благополучие общественное, а это уже «явный отход от “красного проекта”». Показательно, что в сериале 2011 г. период правления Хрущева в соответствии с устоявшейся традицией именуется оттепелью, а в фильме 2022 г. – эпохой волонтаризма. В итоге авторы фильма 2022 г. дают Хрущеву следующую характеристику: «По сути, Хрущев – ликвидатор “красного проекта”».

Характеристики Брежнева одинаковы в обоих фильмах: «противник реформ», «сибарит», «сентиментален», «коллекционер западных автомобилей, любитель бриллиантов». Время правления Брежнева в фильмах традиционно именуется эпохой застоя. Однако в сериале 2011 г. звучат и положительные оценки брежневского периода. Например, Е.К. Лигачев говорит об ошибочности исключительно негативных оценок, отмечая, что за восемнадцать брежневских лет промышленное производство увеличилось в три раза, сельскохозяйственное – в полтора раза, кроме того, было построено несколько крупных предприятий. В фильме 2022 г. брежневское время однозначно трактуется как эпоха стагнации и упадка. По мысли авторов фильма, застой «перевел страну в режим жизни по инерции».

Представление о Горбачеве сменилось на резко отрицательное. Если в сериале 2011 г. деятельность Горбачева на посту генсека и – далее – президента оценивается с самых разных сторон, в том числе и самим политиком, то в фильме 2022 г. автором ленты выносится жесткий вердикт – «Горбачев – конечный продукт обратной селекции». Охарактеризованный как «мо-

гильщик КПСС и СССР» и «популист», который не провел «ни одной удачной реформы», Горбачев изображается слабым лидером, неспособным контролировать ситуацию.

К причинам распада СССР авторы фильма 2022 г. относят не только отступление советских лидеров от идеалов «красного проекта», но и враждебную деятельность США. В фильме упоминается план Рейгана по разрушению СССР – «директива № 66», предполагавшая удар по советской экономике через обрушение мировых цен на нефть и поддержку сепаратизма в национальных республиках. Горбачев с его политической недалекостью и желанием договориться с Западом, по мысли авторов фильма, только сыграл на руку США.

Фильм 2022 г. завершается перечислением основных достижений СССР, доставшихся современной России, используемых страной сегодня: «Советского Союза давно нет, но мы до сих пор живем его достижениями. Россия – энергетическая сверхдержава: это Советский Союз. Наши ракеты и космос: мощнейший задел – советский. Мирный и военный атом – тоже. Наша тяжелая промышленность, наши трубопроводы запущены тогда. Темпы реализации “красного проекта” ошеломляли мир и вдохновляли страну на новые подвиги. Советский Союз победил в самой ужасной из войн и сыграл решающую роль в ликвидации колониальной системы. В итоге мы увеличили количество свободы в мире. Выйдя из СССР, союзные республики оказались полноценными государствами со сложившейся системой власти, образования и медицины, хозяйственными связями и русским языком, понятным на всем некогда общем пространстве. Мы ставили масштабные цели, превращая их в планы, и добивались успеха. Мы создали империю добра, когда теплые человеческие отношения друзей, на работе и с соседями компенсировали жесткость советского уклада. Все это и сегодня наш актив». Такая воодушевляющая концовка фильма, в которой демонстрируется тесная связь советских достижений с современной Россией, убедительно утверждает, дает дальнейшую жизнь «государству-сверхидее», создает предпосылки для «реоккупации» советского мифа – формирование уникальной, самобытной общности людей на основе единого государственного образования.

И это уже не реставрирующая ностальгия, а то, что И. Сандомирская называет реставрацией, полагая, что она есть третий, дополнительный и критический дискурс прошлого по отношению к истории и памяти: «Тогда как история строит целостную и непротиворечивую картину прошлого, а память неустанно генерирует его, прошлого, миф, реставрация отчасти вбирает в себя и то и другое, но при этом и отталкивается как от умозрительности истории, так и от сновидческих ландшафтов памяти» [20. С. 10].

Важно, чтобы на этот раз реставрация не превратилась в пародию на саму себя, как это уже бывало в позднесоветской истории, когда после смерти Сталина, по словам А. Юрчака, произошла масштабная реорганизация всего дискурсивного режима социализма, в результате чего «постепенно становилось важнее воспроизводить точную структурную форму идеологических

высказываний и ритуалов, чем слишком подробно вдаваться в их буквальный смысл» [21. С. 52]. К началу 1980-х гг. данный процесс достиг своего апогея, что обыгрывается и в фильме «СССР: крушение», где в пятой серии, говоря об андроповских временах, участники документального сериала вспоминают о практически идентичных текстах выступлений, кочующих от одного комсомольского собрания к другому.

Заключение

В целом идеи, транслируемые сериалом 2011 г., можно обобщить следующим образом. СССР – это великое государство, его распад стал катастрофическим событием. При этом Советский Союз – это лишь одна из форм тысячелетней российской государственности. Поэтому в процессе дезинтеграции СССР удар в конечном счете был нанесен по Российскому государству и российскому народу, а не по социалистической политической системе. Причиной распада стал комплекс социальных и экономических проблем позднесоветского периода, а также непродуманность реформ Горбачева. Ускорила распад конфронтация Горбачева и Ельцина, которые свои личные амбиции поставили над интересами государства. К тому же вина за распад СССР лежит и на США с их западными союзниками. Конечно, советский период истории сложен и неоднозначен для рефлексии, как неоднозначны и образы советских лидеров. Сталин, к примеру, изображается как создатель советской сверхдержавы, но в то же время характеризуется как кровавый диктатор, осуществлявший беспрецедентные репрессии. Горбачев представлен в сериале как лидер, захотевший изменить СССР к лучшему, но не справившийся с грузом проблем, доставшихся ему в наследство. Сериал выдержан в тональности рефлексирующей ностальгии, кроме того, его содержание можно описать при помощи концепта культурной травмы. Таким образом, сериал 2011 г. соответствует политике возвращения советского наследия в официальный дискурс.

В фильме 2022 г. происходит ревизия взглядов на Советский Союз и советских политических лидеров. СССР изображается как грандиозный проект, не имевший аналогов в мировой истории. Экономические, политические и военные победы СССР – результат осуществления «красного проекта». Ленин – «русский гений», разработчик «красного проекта». Сталин – «организатор», «великий геополитик», создатель советской сверхдержавы; его образ наделяется множеством позитивных черт. Эпоха Хрущева и Брежнева – время постепенной стагнации, наступившей из-за отступления от идеалов «красного проекта». Горбачев изображен в однозначно негативном свете: как руководитель государства он не обладал необходимыми лидерскими качествами и не имел четкого плана реформ, и в результате именно он своими грубыми ошибками спровоцировал начало развала государства. Распад СССР – крупнейшая трагедия русской истории.

В отличие от сериала 2011 г., наполненного ностальгическим настроением (в рефлексирующем варианте), фильму 2022 г. не свойствен рефлексирующий настрой. Анализируя содержание фильма, можно говорить о наличии реставрирующей ностальгии, и даже о своеобразной реставрации. Причем такая реставрация осуществляется преимущественно посредством мифологизации прошлого или, если быть более точным, через «реокупацию» советского мифа. Такой мифологизации способствует также стиль повествования, насыщенный метафорами, яркими образами, символами («государство-сверхидея», «государство-порыв», «империя добра» и т.д.). В этом отношении фильм 2022 г. соответствует политике систематического возвращения советского наследия.

Список источников

1. *Евгеньева Т.В., Селезнева А.В.* Советское прошлое в ценностном и образно-символическом пространстве российской идентичности // *Полис: Политические исследования*. 2016. № 3. С. 25–39.
2. *Копосов Н.* Память строгого режима: История и политика в России. М. : Новое литературное обозрение, 2011. 320 с.
3. *100 лет СССР: забыть нельзя вернуться?* // *ВЦИОМ Новости*. 2022. 30 декабря. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/100-let-sssr-zabyt-nelzja-vernutsja>
4. *Hartog F.* Regimes of Historicity. Presentism and the Experiences of Time. New York : Columbia University Press, 2015. 288 p.
5. *Олейников А.* Будущее в настоящем // *Неприкосновенный запас: Дебаты о политике и культуре*. 2022. № 2 (142). С. 57–68.
6. *Олейников А.* Время истории // *Логос*. 2021. № 4, т. 31. С. 5–30.
7. *Gumbrecht H.U.* Our Broad Present: Time and Contemporary Culture. New York : Columbia University Press, 2014. 112 p.
8. *Бойм С.* Будущее ностальгии. М. : Новое литературное обозрение, 2021. 680 с.
9. *Будрайтскис И.* Брежнев как современник?: Ностальгия, ретромания и колонизация советского // *Неприкосновенный запас: Дебаты о политике и культуре*. 2019. № 2. С. 230–237.
10. *Николаи Ф.* Ностальгия, советские вещи и антропология «стихийного материализма» // *Новое литературное обозрение*. 2022. № 2 (174). С. 338–346.
11. *Тейшейра А.Б.* Философия Саудаде. М. : Издательский Дом «Русская Философия», 2021. 176 с.
12. *Ностальгия по советскому*. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2011. 514 с.
13. *Александр Дж.* Культурная травма и коллективная идентичность // *Социологический журнал*. 2012. № 3. С. 5–40.
14. *Assmann J.* Communicative and Cultural Memory // *Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook* / ed. by A. Erll, A. Nunning. Berlin ; New York : De Gruyter. 2010. P. 109–119.
15. *Дмитрий Киселев.* Нам надо научиться серьезно относиться к собственной стране // *Комсомольская правда*. 2011. 13 дек. URL: <https://www.kp.ru/daily/25803/2783710/>
16. *Виталий Третьяков.* Есть вещи, о которых я жалею // *Литературная газета*. 2023. 18–24 янв. № 1–2 (6867).
17. «СССР – конструкция, эффективная для своего времени»: Беседа с А.В. Шубиным // *Историческая экспертиза*. 2022. № 4. С. 125–129.
18. *Blumenberg H.* Work on Myth. Cambridge, MA : MIT Press, 1985. 685 p.

19. Осипов Г.В. Социология и социальное мифотворчество. М. : Норма-Инфра-М, 2002. 616 с.

20. Сандомирская И. Past discontinuous: фрагменты реставрации. М. : Новое литературное обозрение, 2022. 520 с.

21. Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось: Последнее советское поколение. М. : Новое литературное обозрение, 2020. 664 с.

References

1. Evgen'eva, T.V. & Selezneva, A.V. (2016) Sovetskoe proshloe v tsennostnom i obrazno-simvolicheskom prostranstve rossiyskoy identichnosti [Soviet past in the value and figurative-symbolic space of Russian identity]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 3. pp. 25–39.

2. Koposov, N. (2011) *Pamyat' strogogo rezhima: Istoriya i politika v Rossii* [Memory of the Strict Regime: History and politics in Russia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

3. WCIOM Novosti (2022) 100 let SSSR: zabyt' nel'zya vernut'sya? [100 years of the USSR: can we forget or return?]. *WCIOM Novosti*. 30 December. [Online] Available from: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/100-let-sssr-zabyt-nelzja-vernutsja>.

4. Hartog, F. (2015) *Regimes of Historicity. Presentism and the Experiences of Time*. New York: Columbia University Press.

5. Oleynikov, A. (2022) Budushchee v nastoyashchem [The future in the present]. *Neprikosnovennyi zapas. Debaty o politike i kul'ture*. 2 (142). pp. 57–68.

6. Oleynikov, A. (2021) Vremya istorii [The time of history]. *Logos*. 4 (31). pp. 5–30.

7. Gumbrecht, H.U. (2014) *Our Broad Present: Time and Contemporary Culture*. New York: Columbia University Press.

8. Boym, S. (2021) *Budushchee nostal'gii* [The Future of Nostalgia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

9. Budraytskis, I. (2019) Brezhnev kak sovremennik? Nostal'giya, retromaniya i kolonizatsiya sovetского [Brezhnev as a Contemporary? Nostalgia, Retromania, and the Colonization of the Soviet]. *Neprikosnovennyi zapas. Debaty o politike i kul'ture*. 2. pp. 230–237.

10. Nikolai, F. (2022) Nostal'giya, sovetские veshchi i antropologiya "stikhiynogo materializma" [Nostalgia, Soviet things, and the anthropology of "spontaneous materialism"]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2 (174). pp. 338–346.

11. Teysheya, A.B. (2021) *Filosofiya Saudade* [Philosophy of Saudade]. Moscow: Izdatel'skiy Dom "Russkaya Filosofiya".

12. Rezanova, Z.I. (ed.) (2011) *Nostal'giya po sovetскому* [Nostalgia for the Soviet]. Tomsk: Tomsk State University.

13. Alexander, J. (2012) Kul'turnaya travma i kollektivnaya identichnost' [Cultural trauma and collective identity]. *Sotsiologicheskii zhurnal*. 3. pp. 5–40.

14. Assmann, J. (2010) Communicative and cultural memory. In: Erll, A. & Nunning, A. (eds) *Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook*. Berlin; New York: De Gruyter. pp. 109–119.

15. Komsomol'skaya pravda. (2011) Dmitry Kiselev. Nam nado nauchit'sya ser'ezno otnosit'sya k sobstvennoy strane [Dmitry Kiselev. We must learn to take our own country seriously]. *Komsomol'skaya pravda*. 13 December. [Online] Available from: <https://www.kp.ru/daily/25803/2783710/>.

16. Literaturnaya gazeta. (2023) Vitaliy Tret'yakov. Est' veshchi, o kotorykh ya zhaleyu [Vitaly Tret'yakov. There are things I regret]. *Literaturnaya gazeta*. 18–24 January. 1–2 (6867).

17. Istoricheskaya ekspertiza. (2022) "SSSR – konstruktsiya, effektivnaya dlya svoego vremeni". Beseda s A.V. Shubinyim ["The USSR is an effective structure for its time." Interview with A.V. Shubin]. *Istoricheskaya ekspertiza*. 4. pp. 125–129.

18. Blumenberg, H. (1985) *Work on Myth*. Cambridge, MA: MIT Press.

19. Osipov, G.V. (2002) *Sotsiologiya i sotsial'noe mifotvorchestvo* [Sociology and Social Myth-Making]. Moscow: Norma-Infra-M.

20. Sandomirskaya, I. (2022) *Past discontinuous: fragmenty restavratsii* [Past Discontinuous: Fragments of Restoration]. Moscow: *Novoe literaturnoe obozrenie*.

21. Yurchak, A. (2020) *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos'. Poslednee sovetskoe pokolenie* [It Was Forever, Until It Ended. The Last Soviet Generation]. Moscow: *Novoe literaturnoe obozrenie*.

Информация об авторах:

Иванов А.Г. – д-р филос. наук, ведущий научный сотрудник учебно-научной лаборатории «ЦИФРА» Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского (Саратов, Россия); зав. кафедрой философии Липецкого государственного технического университета (Липецк, Россия). E-mail: agivanov2@yandex.ru

Целыковский А.А. – канд. филос. наук, старший научный сотрудник учебно-научной лаборатории «ЦИФРА» Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского (Саратов, Россия); доцент кафедры философии Липецкого государственного технического университета (Липецк, Россия). E-mail: alts1085@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

A.G. Ivanov, Dr. Sci. (Philology), leading research fellow, Saratov State University (Saratov, Russian Federation); head pf the Philosophy Department, Lipetsk State Technical University (Lipetsk, Russian Federation). E-mail: agivanov2@yandex.ru

A.A. Tselykovsky, Cand. Sci. (Philology), senior research fellow, Saratov State University (Saratov, Russian Federation); Lipetsk State Technical University (Lipetsk, Russian Federation). E-mail: alts1085@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 25.09.2023;
одобрена после рецензирования 16.02.2024; принята к публикации 18.11.2024.*

*The article was submitted 25.09.2023;
approved after reviewing 16.02.2024; accepted for publication 18.11.2024.*

РЕЦЕНЗИИ

Рецензия
УДК 82-3
doi: 10.17223/19986645/92/15

Венгерский взгляд на русскую классику

Рецензия на книгу: Dukkon Ágnes. *A veszélyes szépség útjain. Eszmék, témák, kapcsolatok a klasszikus orosz irodalom világában.*
L'Harmattan Kiadó – Uránia Ismeretterjesztő Társulat.
Budapest, 2021

Ильдико Мария Рац¹

¹ Университет имени Лоранда Этвеша, Будапешт, Венгрия, ildiko@raczt.hu

Аннотация. Исследование посвящено сборнику статей Агнеш Дуккон «По дорогам ужасной красоты. Идеи, темы, соприкосновения в мире классической русской литературы». Автор данной работы разбирает философские, эстетические и тематические аспекты русской литературы Золотого века, кроме того знакомит читателя с трудами о данной эпохе венгерских русистов и славистов. Особое внимание уделяется мультикультурным аспектам рассматриваемых художественных произведений, равно как историческому и культурному контексту русско-венгерских литературных связей.

Ключевые слова: классическая русская литература, Агнеш Дуккон, венгерская рецепция русских писателей, мотив «ужасной красоты», русско-венгерские связи, труды венгерских русистов и славистов

Для цитирования: Рац И.М. Венгерский взгляд на русскую классику // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 92. С. 280–287. doi: 10.17223/19986645/92/15

Review
doi: 10.17223/19986645/92/15

A Hungarian look at the Russian classics

Ildikó Mária Rácz¹

¹ Eötvös Loránd University, Budapest, Hungary, ildiko@raczt.hu

Abstract. The study focuses on a collection of articles by Agnes Dukkon, which offers a comprehensive and insightful look at nineteenth-century Russian literature through a dialogue of diverse works. Professor Dukkon is the renowned author of several monographs introducing the Golden Age of Russian literature to Hungarian readers, and the editor of a large-scale four-volume work on the Hungarian perception of Russian writers. In her new book, Agnes Dukkon invites readers to take a journey into

the history of spiritual culture, introducing them to the analysis of specific texts, as well as to the cultural, social and artistic layers of the era under study. The concept of "terrible beauty" included by the author in the title of the book from Lermontov's poetic story "Ishmael Bey" reflects the aesthetic and ethical dilemmas, such as the conflict between Beauty and Good in the Russian literary canon. The first two, more voluminous parts of the book are devoted to aesthetic, genre, philological and comparative studies, while the third part provides historical-scientific and receptive analyses. With an excellent command of the technique of refined analysis and consistent application of the theoretical principles stated in the "Introduction", the author faithfully conveys the philosophical, thematic and motive diversity of the literature of the Russian Golden Age. An important basis of the analysis is the mapping of multicultural touchpoints and intermediate interfaces, which allowed the deep semantic layers and internal motivations of the presented literary works to be revealed. In her study, Agnes Dukkon highlights key aspects of nineteenth-century Russian literature. She examines in detail Russian Romanticism and its characteristics, the influence of German transcendental idealism on Russian literature, with emphasis on the interaction of Schelling's ideas, chthonic motifs in Gogol's early works, the motif of the double (Doppelgänger) in the works of Gogol, Dostoevsky and other authors, as well as psychoanalytical aspects of Dostoevsky's work. Of particular note is the author's awareness of Russian and Hungarian literature, art, and their perceptions, which creates a lively dialogue between the literary traditions of the two nations. In the last part of the book, the author introduces four prominent Hungarian scholars and translators who mediated between Russian cultural values and Hungarian society. Agnes Dukkon's book offers the reader incredibly rich material on nineteenth-century Russian literature, as well as introduces the works of Hungarian scholars of Russian and Slavic literature on this era. It can be used perfectly well as university teaching material, but the author's intention is to appeal to a wider audience interested in classical literature.

Keywords: Golden Age, Romanticism, chthonic motifs, double, psychoanalysis, transcendental idealism, otherworld, hagiography, intercultural mediation

For citation: Rác, I.M. (2024) A Hungarian look at the Russian classics. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 92. pp. 280–287. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/92/15

Труды профессора Агнеш Дуккон, которые, в частности, посвящены исследованиям произведений русских писателей и их восприятию венгерской публикой, занимают в венгерском литературном дискурсе особое место. Венгерской аудитории профессор Дуккон известна как автор нескольких монографий, знакомящих читателей с Золотым веком русской литературы, а также редактором масштабного четырехтомника о восприятии венграми русских писателей [1]. Новая книга Агнеш Дуккон – это диалог различных статей, создающий всеобъемлющую и вместе с тем проникновенную картину русской литературы XIX в. Дело в том, что значительная часть приведенных в книге сведений ранее уже была опубликована в виде отдельных статей, однако единая концепция и указание свежих библиографических источников позволяют автору изложить ряд обсуждаемых тематических аспектов под новым углом. Агнеш Дуккон приглашает читателей совершить увлекательное путешествие в историю духовной культуры, знакомя их с анализом конкретных текстов, а также с культурными, общественными и

художественными пластами исследуемой эпохи. Прекрасно владея техникой уточненного анализа и последовательно применяя заявленные во Введении теоретические принципы, автор достоверно передает философское, тематическое и мотивное многообразие русской литературы XIX в. Отображение точек мультикультурного соприкосновения, а также промежуточных интерфейсов позволило вскрыть глубинные семантические слои и внутренние мотивировки представленных литературных произведений. К достоинствам книги следует отнести прекрасную осведомленность автора в вопросах истории русской и венгерской литературы, а также искусства и его рецепции, что сформировало оживленный диалог между литературными произведениями двух народов. Включенное автором в название книги понятие «ужасной красоты» из стихотворной повести Лермонтова «Измаил-бей» отражает эстетическую и этическую дилеммы, конфликт Красоты и Добра в русском литературном каноне. Две первые более объемные главы книги посвящены эстетическим, жанровым, филологическим и сопоставительным исследованиям, в то время как в третьей главе дается историко-научный и рецептивный анализ.

В первой части книги о русском романтизме (I. Погружение и дистанцирование) автор пристально рассматривает произведения А.С. Пушкина, Ф.И. Тютчева, Н.В. Гоголя, М.Ю. Лермонтова, В.Г. Белинского и И.С. Тургенева. В своем анализе Агнеш Дуккон опирается прежде всего на российские источники, среди которых есть как мемуары современников, так и результаты современных литературоведческих изысканий. В книге имеются отсылки к дневникам И.П. Липранди и А.П. Керн, а также к наиболее известным работам М.М. Покорского [2. С. 39–40], Д.П. Якубовича [3. С. 139–140], Н.В. Вулиха [4. С. 66–77], А.А. Формозова [5] и Ю.М. Лотмана [6], посвященным параллели Пушкин – Овидий. При сопоставительном анализе поэзии Пушкина и Овидия, которого называют певцом любви, литературоведы в первую очередь уделяют внимание общим элементам биографии, а также теме ссылки. Агнеш Дуккон выбирает новый подход: отмечает в произведениях Пушкина различные аллюзии к Овидию, совпадения и сходства тем и мотивов, а также подробно рассматривает аналогии между «Героидами» и пушкинскими женскими образами. В разделе «Тема хаоса, космоса и ночи в ранней лирике Федора Тютчева» в научно-историческом аспекте озвучен вопрос влияния романтической натурфилософии, в частности Фридриха Шеллинга, на систему образов европейской лирики рубежа XVIII–XIX вв. Влияние философии Шеллинга на русскую литературу указанного периода бесспорно: в 1820–1830-е гг. немало русских писателей навестило немецкого натурфилософа в Мюнхене и Берлине. Заметное влияние Шеллинг оказал на поэзию Тютчева, который, как и П. Чаадаев, был знаком с выдающимся представителем немецкого трансцендентального идеализма лично. Идеи немецкого философа воплощены в ранней лирике Тютчева яркими образами-видениями, поэту, который в повседневной жизни использовал французский и немецкий, русский язык помогал описывать образы и видения, рвущиеся на поверхность из глубины подсознательного. В своей

работе Агнеш Дуккон убедительно демонстрирует диалектический аспект бинарной оппозиции «свет – тьма», «день – ночь», «космос – хаос», «бодрствование – сон», «высь – глубина» в творчестве Тютчева, а также и в его теории отражения и концепции цикличности истории.

В разделе «Подземная география и хтонические мотивы в ранних произведениях Гоголя» рассматривается «пропитанная философией и поэзией» наука о природе – здесь дается междисциплинарный анализ тем, по большей части обойденных вниманием венгерских и зарубежных специалистов. Агнеш Дуккон исследует пограничные территории естественных наук – геологии, географии и топографии – и литературы в поисках ответа на вопрос, как определенные научные элементы трансформируются в литературные мотивы. Идея «иног» мира, существующего за гранью рационального познания и материального восприятия, присуща русским народным сказкам. Неслучайно, у русской сказки существует особый культ, кроме того, такой мир неотъемлемая часть романтической прозы (А. Погорельского, В. Жуковского, В. Одоевского). Сравнивая славянские легенды и поверья с мифами других родственных народов, исследователь А. Афанасьев указывал на то, что в мире архаических народных верований душа, уходящая в потусторонний мир, движется *вниз* либо *вверх*: уходит к сердцевине земли, где сперва видит тьму, а затем – свет, после чего начинает иную форму существования в подземном или подводном царстве, или же на острове блаженных. В некоторых версиях (в том числе у литовцев) существовал перенос покинувшего сей мир на неприступную горную вершину, где обитало судившее их божество [7]. В своей книге автор подчеркивает мифологический аспект подземного мира в творчестве Гоголя: топографические объекты (мост, река, подножие горы, овраг) являются площадкой столкновения высших и низших сил, служа виртуальными воротами в другое измерение. Юношеский интерес Гоголя к преподаванию географии – известный факт истории литературы [8. С. 18–34]. Источники географических познаний и представлений писателя рассматривает, опираясь на современные документы, в своей монографии недавно скончавшийся прославленный литературовед Юрий Манн [9. С. 207–210], на которого ссылается и Агнеш Дуккон. Темы, рассмотренные в главе «Встречи в империи духа» (размышления Тургенева и Белинского о романтике и реализме, рецепция Шекспира в творчестве русских романтиков, парадоксы в отношениях мужчины и женщины у Лермонтова и Кьеркегора, аллюзии к Лермонтову в произведениях Достоевского) раскрывают некоторые аспекты русской литературной и философской мысли, при этом подчеркивают важность художественного и интеллектуального диалога в формировании культурного наследия и литературных традиций.

Во второй части книги (II. Эстетические, философские и религиозные искания в русской литературе второй половины XIX века) автор, исследуя тематику двойника (*Doppelgänger*), интегрирует принятый в культурологии XX в. психологический взгляд в литературоведческий, идейно-историче-

ский и поэтический анализ, что обеспечивает комплексный, междисциплинарный подход к теме. В историю русской литературы мотив двойника с его поликоннотацией вошел благодаря Антонию Погорельскому («Двойник, или Мои вечера в Малороссии»), который был вдохновлен произведениями Э.Т.А. Гофмана. Данная традиция была продолжена Гоголем («Вечера на хуторе близ Диканьки», «Шинель», «Портрет», «Нос») и Достоевским («Двойник»). В творчестве Достоевского эстетический взгляд сменился на психологический, некий симбиоз наследия Гофмана и Гоголя с особым акцентом на союз фантастического начала и повседневной реальности. В литературных произведениях мотив двойничества расширил свой ореол и начал встречаться в разнообразных формах, которые в первую очередь способствовали передаче разнообразных форм раздвоения сознания. Описав точки соприкосновения при изображении двойников в немецкой и русской литературе, Агнеш Дуккон подробно останавливается на романе Достоевского «Двойник»: «Для признания того, что двойственность и тесно связанная с ней проблематика двойников в творчестве Достоевского имеют несколько уровней, а сам писатель рассматривает данную тему под несколькими углами, не требуются особые доказательства» (с. 158). Вызывает интерес морально-философская позиция автора: состояние внутренней раздвоенности в произведениях Достоевского – наказание или возможность исцеления, сочетающиеся с неспособностью или нежеланием сделать выбор.

Благодаря расцвету на заре XX столетия психоаналитического движения и углубленным исследованиям, направленным на раскрытие психологических противоречий, в сочетании с психопатологическими проблемами, запечатленными в характерах героев Достоевского, его творчество стало излюбленным полем для исследований психологии художественного произведения («Достоевский и психология»). Русское психоаналитическое общество, созданное одним из лидеров этого направления И. Ермаковым, исследовало психологию художественного творчества методами психоанализа. В 1920-е гг. взгляды поколения будущих советских психологов в значительной мере формировались под воздействием идей психоанализа: оно прослеживается в теоретических изысканиях А. Лурия, П. Блонского, Л. Выготского. Ермаков и многие его коллеги-ученые искали ключ к пониманию крайне сложных персонажей Достоевского в его биографии. Решающую роль в появлении у Достоевского интереса к психологии сыграло его знакомство с книгой Карла Густава Каруса «Психея» [10]. Научные исследования Каруса, которого в 1833 г. избрали членом-корреспондентом Петербургской академии наук, со второй половины XIX в. стали в кругах русской интеллигенции общепризнанной ценностью. В этой главе Агнеш Дуккон рассматривает вопрос о том, случайно ли совпадают мысли Достоевского и Каруса о подсознательном или речь идет о сознательном заимствовании: «По натуре Карус является полной противоположностью Достоевского, однако их объединяют взгляд на подсознательное и понимание сложных движений души, сформулированное немецким ученым в теории демонстрируется русским писателем в романских образах» (с. 173).

В конце XIX в. большой интерес в среде философов и литературоведов (Д. Мережковский, В. Розанов, С. Франк, Н. Бердяев) вызвала главная философская параболa «Братьев Карамазовых»: тема «антихриста» и «великого инквизитора». Соединение двух этих понятий произошло после публикации рассказа Владимира Соловьева «История антихриста», который был стилизован под апокриф и являлся одной из глав последнего произведения великого русского религиозного философа и мистика «Три разговора». В разделе «Владимир Соловьев – философ *святой гармонии*» автор в контексте истории культуры рассматривает учение мистика, философа, теолога и поэта Соловьева, решающим образом повлиявшего на религиозную философию и эстетику символизма русского Серебряного века, о всеединстве и принципе Софии, обретающей мистический характер на почве философии Платона и немецкой идеальной теологии. Философские вопросы рассматриваются и в разделе «Поиски пути позднего Толстого и древнерусская литературная традиция». Здесь автор исследует период духовного кризиса в жизни Льва Толстого, когда обуреваемый личными сомнениями литературный мэтр все чаще обращался за ответами к Библии, церковной литературе, теологии и фольклору. В своей работе Агнеш Дуккон убедительно обосновывает предположение о том, что на позднем этапе творчества Толстого агиографические мотивы проявляются как в небольших рассказах для народа, так и в более крупной прозе. Литературный мэтр был вдохновлен духовной атмосферой своего времени, когда благодаря возникшему на почве романтизма историзму, а также и в результате фольклорных исследований собирались и публиковались древнерусские литературные памятники, в том числе сборник византийско-греческих текстов «Пролог», переведенный на древнерусский язык еще в XII в. и содержащий множество легенд о житии святых.

В последней части книги (III. Способы межкультурного посредничества) автор представляет четырех выдающихся ученых и переводчиков, оставивших после себя богатое наследие: Дюлы Лазициуса, Шандора Бонкало, Режэ Хонти и Миклоша Сабо, которые не только выступили посредниками между русскими культурными ценностями и венгерским обществом, но и продемонстрировали «благородный пример нравственного поведения и этической позиции» в истории культуры.

Книга Агнеш Дуккон предлагает читателю невероятно богатый материал по русской литературе XIX в., а также знакомит с трудами о данной эпохе венгерских русистов и славистов. Особого внимания заслуживает последовательный компаративистский подход, а также метод, благодаря чему анализ русских произведений дополняется мотивными, топологическими и семантическими параллелями с венгерской и мировой литературой. Данная книга может прекрасно использоваться в качестве университетского учебного материала, но намерение автора состоит в том, чтобы привлечь более широкую аудиторию, интересующуюся классической литературой.

Список источников

1. *Dukkon Á., D. Zöldhelyi Zs. Orosz írók magyar szemmel I–IV.* Budapest : Tankönyvkiadó, 1986–1993.
2. *Покорский М.М.* Пушкин и античность // *Временник Пушкинской комиссии.* Вып. 4–5. М. ; Л., 1939. С. 39–40.
3. *Якубович Д.П.* Античность в творчестве Пушкина // *Временник Пушкинской комиссии.* Вып. 6. М. ; Л., 1941. С. 139–140.
4. *Вулих Н.В.* Образ Овидия в творчестве Пушкина // *Временник Пушкинской комиссии* 1972. Вып. 10. Л., 1974. С. 66–77.
5. *Формозов А.А.* Пушкин и древности: Наблюдения археолога. М. : Наука, 1979.
6. *Лотман Ю.М.* Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин»: комментарий. Л. : Просвещение, 1983.
7. *Афанасьев А.Н.* Поэтические воззрения славян на природу: Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов : в 3 т. М., 1995.
8. *Киселев С.Н.* Статья Н.В. Гоголя «Мысли о географии» (история создания и источники) // *Вопросы русской литературы.* 1996. Вып. 2 (59). С. 18–34.
9. *Манн Ю.* Гоголь: Труды и дни: 1809–1845. М. : Аспект Пресс, 2004. С. 207–210.
10. *Врангель А.Е.* Воспоминания о Ф.М. Достоевском в Сибири. СПб., 1912.

References

1. *Dukkon, Á. & D. Zöldhelyi, Zs. (1986–1993) Orosz írók magyar szemmel I–IV.* Budapest: Tankönyvkiadó.
2. *Pokorskiy, M.M. (1939) Pushkin i antichnost' [Pushkin and antiquity]. In: Vremennik Pushkinskoy komissii [Interim of the Pushkin Commission]. Vols 4, 5. Moscow; Leningrad: USSR AS. pp. 39–40.*
3. *Yakubovich, D.P. (1941) Antichnost' v tvorchestve Pushkina [Antiquity in the works of Pushkin]. In: Vremennik Pushkinskoy komissii [Interim of the Pushkin Commission]. Vol. 6. Moscow; Leningrad: USSR AS. pp. 139–140.*
4. *Vulikh, N.V. (1974) Obraz Ovidiya v tvorchestve Pushkina [The image of Ovid in the works of Pushkin]. In: Vremennik Pushkinskoy komissii 1972 [1972 Interim of the Pushkin Commission]. Vol. 10. Leningrad: USSR AS. pp. 66–77.*
5. *Formozov, A.A. (1979) Pushkin i drevnosti: Nablyudeniya arkheologa [Pushkin and antiquities: Observations of an archaeologist]. Moscow: Nauka.*
6. *Lotman, Yu.M. (1983) Roman A.S. Pushkina "Yevgeniy Onegin". Kommentariy [A.S. Pushkin's novel "Eugene Onegin". Commentary]. Leningrad: Prosveshcheniye.*
7. *Afanas'yev, A.N. (1995) Poeticheskiye vozzreniya slavyan na prirodu: Opyt sravnitel'nogo izucheniya slavyanskikh predaniy i verovaniy v svyazi s mificheskimi skazaniyami drugih rodstvennykh narodov [Poetic views of the Slavs on nature: Experience in a comparative study of Slavic legends and beliefs in connection with the mythical tales of other related peoples]. In 3 volumes. Moscow: Tip. Gracheva i Komp.*
8. *Kiselev, S.N. (1996) Stat'ya N.V. Gogolya "Mysli o geografii" (istoriya sozdaniya i istochniki) [N.V. Gogol's article "Thoughts on Geography" (history of creation and sources)]. Voprosy russkoy literatury. 2 (59). pp. 18–34.*
9. *Mann, Yu. (2004) Gogol'. Trudy i dni: 1809–1845 [Gogol. Works and days: 1809–1845]. Moscow: Aspekt Press. pp. 207–210.*
10. *Vrangel', A.E. (1912) Vospominaniya o F.M. Dostoyevskom v Sibiri [Memories of F.M. Dostoevsky in Siberia]. St. Petersburg: Tip. A. S. Suvorina.*

Информация об авторе:

Рац Ильди́ко Ма́рия – доктор филологии (PhD), Университет им. Лоранда Этвеша (Будапешт, Венгрия). E-mail: ildiko@raczt.hu

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Ildikó Mária Rácz, PhD, Eötvös Loránd University (Budapest, Hungary). E-mail: ildiko@raczt.hu

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 07.01.2024;
одобрена после рецензирования 30.01.2024; принята к публикации 18.11.2024.*

*The article was submitted 07.01.2024;
approved after reviewing 30.01.2024; accepted for publication 18.11.2024.*

ОТ РЕДАКЦИИ

Научный журнал «Вестник Томского государственного университета. Филология» был выделен в самостоятельное периодическое издание из общенаучного журнала «Вестник Томского государственного университета» в 2007 г.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия (свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-29496 от 27 сентября 2007 г.), ему присвоен международный стандартный номер сериального издания (ISSN 1998-6645).

«Вестник ТГУ. Филология» выходит 6 раз в год и распространяется по подписке, его подписной индекс – 44041 в объединенном каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: <http://journals.tsu.ru/philology>

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию; рукописи не возвращаются. Публикации в журнале осуществляются на некоммерческой основе.

Ознакомиться с требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала: <http://journals.tsu.ru/philology>

Редакция не вступает с авторами в переписку по методике написания и оформлению научных статей и не занимается доведением статей до необходимого для публикации уровня.

Редакция может не разделять точку зрения авторов статей. Ответственность за содержание публикуемых материалов несет автор. При любом использовании материалов ссылка на журнал обязательна.

Адрес редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет, филологический факультет.

Ответственный секретарь редакции журнала – М.М. Угрюмова.

Научный журнал

**ВЕСТНИК
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА.
ФИЛОЛОГИЯ**

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOLOGY

2024. № 92

Редактор Т.В. Зелева
Редактор-переводчик В.В. Кашпур
Оригинал-макет А.И. Лелоюр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцова

Подписано в печать 18.11.2024 г. Формат 70×100 ¹/₁₆.
Печ. л. 18,6; усл. печ. л. 24,2. Цена свободная.
Тираж 50 экз. Заказ № 6107.

Дата выхода в свет 10.02.2025 г.

Адрес издателя и редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Томский государственный университет

Журнал отпечатан на оборудовании Издательства ТГУ
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 52-98-49
<http://publish.tsu.ru>; e-mail; rio.tsu@mail.ru